

Джон Дуглас, Марк Олшейкер Охотник за разумом. Особый отдел ФБР по расследованию серийных убийств

John Douglas

Mark Olshaker

Mindhunter Inside the FBI's Elite Serial Crime Unit

© 1995 by Mindhunters, Inc.

* * *

Посвящается бывшим и нынешним сотрудникам и сотрудницам отделов поведенческого анализа и следственного сопровождения ФБР в Куантико, Вирджиния, – нашим друзьям и соратникам

Зло скрой хоть в преисподней,
Но выползет оно на суд людской...

Уильям Шекспир. Гамлет^[1]

Предисловие к новому изданию. Двадцать лет спустя

Минуло уже более двух десятков лет с тех пор, как вышла в свет наша первая совместная книга «Охотник за разумом: Особый отдел ФБР по расследованию серийных убийств». За это время многое изменилось, хотя многое осталось прежним.

Не стало наших близких друзей и коллег, упомянутых на страницах этой книги: Роберта Ресслера – главного «подельника» Джона в изучении психологии серийных убийц и составлении профайлов^[2]; Роя Хейзелвуда – эксперта ФБР по преступлениям сексуального характера и одного из величайших умов Куантико; Кена Бейкера – ветерана Секретной службы, который работал с Джоном в отделе следственного сопровождения (ОСС) и внес неоценимый вклад в исследование психологии серийных убийц. Не стало и наших наставников. Теперь мы сами превратились в старшее поколение.

Кстати говоря, нам на смену уже подросла новая генерация профайлеров ФБР. Им больше не приходится спускаться (читай: закапываться) в офис на глубину в двадцать метров под землей (в десять раз глубже покойников, как мы шутим между собой). Штаб теперь расположен в правительственном здании на Первой федеральной автомагистрали, прямо напротив базы морской пехоты в Куантико, а профайлеров величают специалистами отдела поведенческого анализа (ОПА).

Как и медицинская практика, профайлинг лежит между наукой и искусством. И точно так же, как и в медицинских кругах, некоторые специалисты оказываются опытнее и проницательнее других. После первой публикации «Охотника за разумом» на телевидении и в

интернете расплодилось множество проходимцев, которые называют себя профессиональными профайлерами, хотя у большинства из них нет ни теоретических навыков, ни соответствующего практического опыта. Чаще всего они приносят больше вреда, чем пользы. Мы столкнулись с несколькими реальными случаями, когда профайлеры, заикляющиеся на сугубо академическом подходе, неправильно интерпретировали полученные улики и в итоге вели расследование по ложному следу или выстраивали неудачную тактику обвинения на суде. Необходимо помнить, что талантливый и опытный профайлер во взаимодействии с местными правоохранительными органами показывает более высокий результат, тратит меньше времени на поиск настоящего преступника и куда грамотнее выстраивает стратегию допросов.

Некоторые из преступников, о которых говорится в книге, в итоге были пойманы, и чуть позже мы раскроем все подробности задержания Унабомбера, а также «убийцы с Грин-Ривер» и «душителя СПУ». Ларри Джин Белл был казнен за жестокое убийство семнадцатилетней Шэри Фэй Смит и девятилетней Дебры Мэй Хельмик. Сексуальные маньяки Джером Брудос, Джозеф Кристофер и Артур Шоукросс скончались за решеткой, как и убийца Мартина Лютера Кинга Джеймс Эрл Рэй и некогда вселявший ужас в население всей страны Чарльз Мэнсон. Несостоявшиеся убийцы Джон Хинкли-младший и Артур Бремер были освобождены из-под стражи. Калифорнийский «убийца из чащи» Дэвид Карпентер разменял восьмой десяток и все еще сидит в тюрьме. А агент ФБР Джо Делькампо – напарник Джона по преступлениям (а вернее, их раскрытиям), с которым они работали рука об руку на улицах Милуоки, недавно снялся в одном из сезонов реалити-шоу «Последний герой». (Никогда не знаешь, какие еще таланты обнаружатся у отставного спецагента.)

Любому автору лестно, если его книга даже спустя двадцать лет после выхода в свет все еще пользуется популярностью (и спросом). И мы с Марком не исключение. Реакция читателей была поистине изумительной. Мы испытали настоящую гордость не только за самих себя, но и за наши семьи. Нам нравится думать, что столь продолжительным успехом «Охотник за разумом», его продолжения, а также фильмы и телешоу (в том числе свеженький сериал на канале «Нетфликс»), чьи продюсеры отдали должное нашей работе, обязаны запутанным делам и историям о жизни и смерти, которые мы открыли читателям на страницах нашей книги. И хотя наука, техника и методы расследования за последние два десятилетия шагнули далеко вперед, человеческое мышление и мотивы поведения остались прежними и вряд ли когда-нибудь изменятся.

Нас часто спрашивают, почему документальные произведения о расследовании преступлений так популярны среди читателей и телезрителей, ведь в центре внимания, как правило, оказываются

неприглядные, порой жуткие подробности, сами истории насквозь пропитаны трагизмом, а хеппи-эндов ждать и вовсе не приходится. Мы полагаем, тут дело в том, что сама природа документального жанра раскрывает фундаментальные основы так называемой человеческой природы. Под этим термином мы имеем в виду инстинкты и эмоции, которые испытывает каждый из нас: любовь, ненависть, ревность, жажду мести, амбиции, вожделение, радость и грусть, страх, разочарование и отчаяние, гордыня и тщеславие... Зачастую они сопровождаются подсознательной предрасположенностью к неадекватному поведению и отказом принимать себя таким, каков ты есть. Жанр обнажает все грани человеческой природы, показывает, на что толкает обычных людей крайняя степень проявления инстинктов и эмоций. Так что каждый случай, с которым мы имели дело, каждое преступление, о котором мы упоминали, каждое решение, которое мы принимали, – все это театр госпожи морали со своими героями, злодеями и жертвами.

Давая уже в отставке консультации, Джон, независимо от того, был он на стороне обвинения или защиты, платили ему за услуги или он трудился безвозмездно, всегда повторял: «Хоть это и вы меня наняли, но единственный, на кого я здесь работаю, это жертва». Наша первая обязанность – всегда сохранять к делу именно такой подход.

А сейчас давайте вкратце ознакомимся с некоторыми из дел, которые были раскрыты с момента первой публикации «Охотника за разумом».

Одно из них оставило в нашей памяти особый след, поскольку едва не стоило Джону жизни. Речь идет о деле «убийцы с Грин-Ривер», орудовавшем на территории штата Вашингтон. Гэри Леон Риджуэй сначала признался в убийстве сорока восьми женщин, а затем их число выросло, по самым скромным подсчетам, до семидесяти одной. Беглянок, проституток и просто незащищенных девушек он выслеживал на так называемой полосе Си-Так – участке автострады, протянувшейся вдоль Тихоокеанского побережья между Сиэтлом и Такомой.

Мы сразу составили предельно простой и понятный психологический портрет неизвестного субъекта (или просто субъекта): одинокий мужчина, вероятнее всего дальнобойщик, имеющий возможность без подозрений подбирать голосующих на дороге девушек. У него есть небольшая хижина, где он, видимо, и душит жертв, после чего вывозит тела в ущелье реки Грин-Ривер или бросает на Си-Так. Впрочем, Джон с коллегами тут же оговорился, что руководствоваться следует отнюдь не портретом, а поведением преступника после совершения убийства. Субъект наверняка старался принимать участие в расследовании и возвращался на те места, откуда похитил девушек или где спрятал трупы, чтобы еще раз оживить свои фантазии.

Поскольку психологический портрет оказался несколько размытым, Джон считал, что в какой-то момент полиция допросит или уже допросила

настоящего преступника, особенно если он хорошо вписывался в наш портрет. Отношения с проститутками и беглянками у него наверняка не складывались, чем он и оправдывал необходимость их «покарать». Поэтому Джон также предупредил коллег, что не стоит отсеивать подозреваемых, опираясь исключительно на показания полиграфа, ведь сам убийца не считает себя виноватым. К тому же детекторы лжи не отличаются особой точностью, из-за чего суд редко принимает их результаты в качестве доказательства. Полиграф хорошо выявляет ложь у обычных людей, но для социопата не составит большого труда обвести вокруг пальца железную коробку с торчащими из нее проводами.

Гэри Риджуэя арестовали 30 ноября 2001 года, когда он выходил из здания завода грузовых автомобилей «Кенворт» в Рентоне, штат Вашингтон, где работал автомалером. Его задержали по обвинению в принуждении к занятию проституцией, а позднее анализ ДНК позволил выявить его причастность к убийству четырех девушек, в очередной раз подчеркнув практическую ценность тогда еще новой научной отрасли. Бывшего водителя грузовика арестовывали еще в далеком 1982-м по подозрению в связи с проститутками, а в 1983-м он стал подозреваемым по делу Грин-Ривер. Но тогда Риджуэй без особых затруднений прошел тест на полиграфе, и в полиции мигом отсеяли его кандидатуру. Последующий анализ его показаний на детекторе лжи привел к заключению, что результаты были истолкованы неверно. (Кто бы мог подумать!)

В следующий раз власти обратили на Гэри внимание только в 1987-м – обычное дело для зависшего расследования, – но на этот раз у подозреваемого взяли образцы волос и слюны. Лишь двадцать четыре года спустя преступление наконец удалось раскрыть благодаря повторному анализу ДНК. В 2003-м Риджуэй признал свою вину по сорока девяти обвинениям в преднамеренном убийстве с отягчающими обстоятельствами. В обмен на смягчение наказания он признался в ряде других убийств, и суд отказался от смертной казни, приговорив обвиняемого к нескольким пожизненным срокам без права на условно-досрочное освобождение.

Оглядываясь назад, в психологическом портрете мы видим лишь одну ключевую ошибку, а именно – заключение о том, что субъект холост. На самом деле Риджуэй был три раза женат и имел бесчисленное множество подружек, как одна заявлявших о его неумемном сексуальном аппетите. Он служил на флоте во время войны во Вьетнаме и частенько не брезговал проститутками. Возможно, из-за гонореи, которую он подцепил на фоне беспорядочных половых связей, Гэри и начал наказывать «ночных бабочек»: инфекция явилась стресс-фактором, подтолкнувшим его за черту закона.

Спустя годы исследований и развития профайлинга психоаналитики по-прежнему не всегда оказываются правы в том, что серийный убийца (даже тот, кто проводит много времени в разъездах) обязательно холост

и не состоит ни в каких отношениях. В главе 13 («Самая опасная дичь») вы узнаете историю пекаря из Аляски Роберта Хансена, жена которого оставалась в полном неведении, что ее муж похищает проституток, вывозит их на частном самолете в глушь, а затем устраивает на них охоту, словно на диких зверей.

Самопровозглашенный «душитель СПУ» – Деннис Рейдер из Уичито, штат Канзас, – тоже в каком-то смысле был охотником, но отслеживал жертв в их домах. Он особенно гордился тем, что может «связать, пытать, убить» целую семью, а затем в деталях зарисовать сцену зверства. Джон и его коллеги по ФБР, Рой Хейзелвуд и Рон Уокер, догадались, что рисунки и манера Рейдера описывать свои преступления свидетельствуют о том, что убийца либо бывший коп, либо, вероятнее всего, «полицейский фанат», старающийся во всем копировать сотрудников правоохранительных органов. Серийные убийцы питаются чувством власти над жертвой и поэтому склонны завидовать полицейским, поскольку те, по их мнению, обладают широкими полномочиями.

В расследовании дела «СПУ» мы столкнулись с довольно нетипичной ситуацией. Поначалу душитель совершал убийства одно за другим, но вдруг они резко прекратились. Обычно в подобных случаях мы предполагаем, что субъект переехал, оказался в тюрьме за другое правонарушение или попросту умер.

Но спустя много лет затишья душитель вновь принялся за старое. В 1974-м он убил пять женщин, в 1977-м – еще двух. Затем о нем не было ничего слышно вплоть до 1985-го, когда он убил девушку, а год спустя – еще одну. Дальше он впал в спячку больше чем на пять лет и лишь в 1991-м расправился с последней жертвой. Немногие серийные убийцы (если таковые вообще найдутся) отдают себе отчет в том, что совершили нечто ужасное, и решают встать на праведный путь. Тут следовало искать другое объяснение. Может, Рейдер мог контролировать себя и долгое время жить воспоминаниями о своих преступлениях?

Общественность узнала о «душителе СПУ» в 2004-м. Он похвастался в местной прессе своими успехами и взял на себя вину за убийство, которое мы ему даже не приписывали. Рейдер не мог не напомнить о себе в СМИ. Почти все сексуальные маньяки расценивают совершенные ими убийства как самые важные и радостные события в своей жизни. И если общение с властями и СМИ приносит им эмоциональное удовлетворение, то вряд ли они от него откажутся.

В конце 2004-го, как бы намекая на собственную добропорядочность и в качестве примера своего «искусства», субъект отправил полицейским водительское удостоверение жертвы и куклу со связанными руками и ногами и с полиэтиленовым пакетом на голове. В одном из своих многочисленных писем властям душитель поинтересовался, смогут ли его вычислить, если он отправит дискету с записью на местное

телевидение. По заранее оговоренному с убийцей каналу связи – через тайные объявления в газете «Уичито игл» – полиция с готовностью признала, что не сумеет его найти.

16 февраля 2005 года в редакцию местного телеканала KCAC, принадлежащего студии «Фокс», пришла посылка предположительно от «душителя СПУ». В ней находились золотая цепочка, ксерокопия обложки книги об убийце, который связывал жертв и затыкал им рот кляпом, несколько разлинованных листков бумаги, на одном из которых была инструкция, как общаться с душителем через колонку объявлений в «Уичито игл», и... дискета. Правда, ее содержание полицию разочаровало: ни намека на убийства, только файл с сообщением «Это проверка» и отсылка к листкам с указаниями.

Хотя полиция Уичито и заверила душителя, что вычислить его по дискете не удастся, компьютерщики все же смогли проанализировать метаданные (на момент написания «Охотника за разумом» мы еще были бесконечно далеки от подобных терминов). Обнаружилось, что ранее носитель использовался на компьютере в местной лютеранской церкви, а последние изменения внесены пользователем под именем Деннис. На интернет-странице церкви было сказано, что Деннис Рейдер является председателем церковного совета. Автомобиль Рейдера, черный джип «чероки», подходил под описание транспортного средства, замеченного рядом с местом, где душитель оставил одну из своих посылок.

Чтобы определить причастность Рейдера к преступлениям по ДНК-тестированию, окружная прокуратура получила ордер на анализ мазка дочери Рейдера, который брали у нее во время обследования в поликлинике при университете штата Канзас, где училась девушка. Специалисты канзасского бюро расследований провели ряд тестов и пришли к выводу, что биоматериал имеет родственную ДНК с образцом, взятым с тела одной из жертв душителя. После ареста Деннис Рейдер, как и Гэри Риджуэй, признал свою вину, что позволило ему избежать смертной казни.

Составляя психологический портрет «душителя СПУ», специалисты отдела поведенческого анализа ФБР сделали вывод, что убийца, способный на столь садистские преступления, скорее всего холост, с одной лишь оговоркой: «Даже если у субъекта есть девушка или жена, то эта женщина должна быть покорна, податлива и / или находиться от него в сильной зависимости». И тут профайлеры попали в яблочко.

Деннис Рейдер не был полицейским, но служил офицером охраны порядка в Парк-сити, штат Канзас. Проще говоря, он следил за тем, подстрижен ли вовремя газон, на поводке ли гуляют собаки и расчищены ли дорожки после снегопада. Он настолько строго придерживался буквы закона, что раздавал предписания направо и налево, а одна семья даже подала жалобу, когда он без видимых на то причин усыпил их собаку. Ранее Рейдер служил в ВВС США, получил диплом бакалавра в

университете Уичито по специальности «обеспечение правопорядка» и работал в компании, проверяющей безопасности жилых помещений. Заметили склонность к контролю?

И это еще не все. Когда Рейдер уже сидел за решеткой, выяснилось, что он мучил мелких животных и забирал в качестве сувениров нижнее белье убитых им женщин.

По завершению судебного разбирательства и объявлению приговора Джону представилась возможность лично пообщаться с Рейдером в исправительной колонии города Эль-Дорадо, штат Канзас. Один вопрос не давал Джону покоя: почему Рейдер неоднократно бросал свои зверства, а затем снова принимался за них?

Со слов самого Рейдера, тому имелась весьма простая и вполне «человечная» причина. Однажды его жена Паула вернулась домой раньше обычного и застала супруга разгуливающим по дому в женском белье (принадлежавшем жертвам). Хотя она и не могла знать, откуда взялись бюстгалтер и трусики, но все равно испытала не просто шок, а отвращение. Рейдер попытался объяснить ей, что это всего лишь безобидный фетиш и что он постоянно борется с собой, стараясь от него избавиться. Но такой ответ Паулу не устроил. Она пригрозила, что уйдет от него, если такое повторится.

Сложно сказать, хватило ли ее слов, чтобы привести убийцу в чувство, но Рейдер четко осознал: если он даст Пауле хоть один повод позвонить в полицию или просто пожаловаться знакомым, то в нем и его «трофеях» запросто узнают почерк «душителя СПУ».

Некоторое время он довольствовался воспоминаниями, рисунками и вещами, украденными у жертв, но в какой-то момент мания возобладала, и Рейдер вновь начал вламываться в дома, связывать и пытать. И вновь жена застукала его в женском белье. К счастью для Рейдера, Паула не видела между убийствами и поведением мужа никакой связи. Хотя мы описали ее как покорную и зависимую женщину, ей все-таки хватило мужества подать на развод, как только правда всплыла на поверхность.

Судя по тому, сколь активно Деннис Рейдер настаивал на том, чтобы в прессе его называли именно «СПУ», Джон догадался, что он черпал вдохновение у других серийных убийц. Оказалось, Рейдер восхищался Харви Глатменом по прозвищу «убийца одиноких сердец», который орудовал в пятидесятые годы в Лос-Анджелесе. Он заманивал женщин к себе в квартиру (и не только) под заманчивым предлогом фотосессии для глянцевого журнала, а потом связывал, насиловал и душил, после чего выбрасывал тела где-нибудь на пустыре. Его арестовали в 1958-м, после того как одной жертве удалось сбежать и заявить в полицию. 18 сентября 1959 года суд приговорил Глатмена к смертной казни в газовой камере тюрьмы Сан-Квентин.

Деннис Рейдер охотно цитировал Харви Глатмена: «Все дело в веревке». Но что именно это значило? Вережка символизировала

абсолютную власть над жертвой. Заветной мечтой и Рейдера, и Глатмена было бесконечно долго пытаться жертву, не давая ей умереть и наслаждаясь собственной властью. Оба они стремились к этому, но оба понимали, что подобное невозможно.

Различная длительность криминальной карьеры обоих убийц определяется не более чем простым везением. Ни Рейдер, ни тот же Гэри Риджуэй не отличались особым интеллектом. Они были одержимы своими преступлениями, и лишь по счастливой (для них) случайности их не вычислили раньше. Как ни парадоксально, но задержание Рейдера очень напоминало операцию по захвату другого серийного убийцы, которого поймали уже после выпуска первого тиража «Охотника за разумом». По всей видимости, последний маньяк оказался куда умнее троих предыдущих, вместе взятых.

В главе 17 («Жертвой может стать каждый») мы рассказываем о тогда еще не вычисленном Унабомбере, который отправлял ученым и сотрудникам технологического сектора хитроумно заминированные посылки. В результате его действий трое погибли, а еще двадцать три человека получили увечья. Преступник даже умудрился подкинуть взрывное устройство в багаж одному из пассажиров рейса авиакомпании «Американ эйрлайнз» из Чикаго, но взрывчатка сперва задымилась, и пилот своевременно совершил аварийную посадку.

В отличие от Денниса Рейдера, Унабомбер не работал на публику. Его прозвище появилось благодаря делу под кодовым названием «УНАБОМ», то есть «Университетский и Авиационный БОМбист». Между специалистами из ФБР и постоянно растущей опергруппой возникли разногласия относительно личности субъекта. Мы никак не могли определиться, был ли он сотрудником авиакомпании (возможно, работал механиком и обладал техническими навыками, коль скоро так умело собирал взрывные устройства) или, как считал Джон, имел отношение к научным кругам, так как обладал специфическими знаниями об устройстве бомб и мастерски планировал закладку. Субъект также начинял бомбы посторонними добавками – древесиной и корой, – что дополнительно сбивало следствие с толку.

Когда Унабомбер начал отправлять письма в газету «Нью-Йорк таймс», сетуя на крупные корпорации, наносившие вред окружающей среде (к примеру, он ссылаясь на аварию танкера «Эксон Вальдез», приведшую к масштабному разливу нефти), Джон окончательно уверился, что манера выражаться выдает связь с научными кругами. Претензии, высказываемые в посланиях, и использование дерева в бомбах натолкнули следствие на мысль, что Унабомбер является своего рода неолуддитом – ярким противником технологий.

Так прошло несколько лет. Наконец, насытившись периодическими подрывами, Унабомбер опубликовал в «Нью-Йорк таймс» ультиматум. Он обещал прекратить свою преступную деятельность, если «Таймс» и

«Вашингтон пост» опубликуют его манифест об индустриализации. В противном случае он грозил новыми взрывами.

Заявление вызвало целый вал ожесточенных споров среди журналистов, в правоохранительных службах и на совместных пресс-конференциях. Руководство «Таймс» и «Вашингтон пост» беспокоилось, что Унабомбер создаст прецедент для других преступников и отныне издатели газет станут заложниками любого сумасшедшего, который вознамерится довести до широкой общественности свои бредовые идеи. Правоохранительные органы не хотели идти на поводу убийцы и тоже опасались, что согласие на публикацию породит целую толпу подражателей.

Позиция отдела следственного сопровождения Куантико была несколько более приземленной: общественность – наш самый большой друг и помощник. Когда все логичные и разумные наводки уже исчерпаны, следует просить помощи у простых граждан. Генеральный прокурор Джанет Рено согласилась с мнением ОСС.

В прошлом такой подход уже показал свою эффективность. Чуть позже вы ознакомитесь с подробностями расследования спецagenta и профайлера Яны Монро, занимавшейся тройным убийством в Тампа-Бэй. В какой-то момент у нее появилась идея разместить на рекламных щитах записку, предположительно написанную рукой преступника. Это помогло выйти на Обу Чандлера, который впоследствии был арестован, осужден и казнен за совершенные им деяния.

Сегодня о деле Унабомбера не слышал только ленивый. Газеты в итоге опубликовали в особой колонке эссе в тридцать пять тысяч слов под названием «Индустриальное общество и его будущее». Эссе попало на глаза Линде Патрик, и она дала его почитать своему мужу Дэвиду Казински, специалисту по работе с молодежью и социальному работнику. Ей показалось, что идеи, высказанные в манифесте, удивительно похожи на взгляды Теда, старшего брата мужа, которого Линда подозревала и ранее. Теодор «Тед» Казински получил в Гарварде и университете Мичигана докторскую степень по математике, однако уже несколько десятилетий жил отшельником в лесной глуши Монтаны в крошечной хижине без электричества и воды.

Дэвиду и Линде пришлось пройти через настоящие муки совести, решившись выдать брата полиции. Прежде чем Дэвид рассказал, где именно находится Тед, он договорился, что брата не казнят, несмотря на его преступления. И хотя Бюро поощряет смертную казнь в качестве наказания за особенно жестокие серийные убийства, мы не могли осуждать Дэвида и Линду за такую просьбу, ведь супруги совершили поистине героический поступок. Те-да приговорили к нескольким пожизненным срокам, и в данный момент он отбывает наказание в федеральной тюрьме строгого режима в городе Флоренс, штат Колорадо.

Можно ли было быстрее остановить «душителя СПУ» с помощью стратегии, использованной в случае с Обой Чендлером или Унабомбером? Вполне вероятно, но этого мы уже никогда не узнаем. Их преступления были совершенно разными, но что объединяет неуправляемого гения Теда Казински и ущербного садиста Денниса Рейдера, так это их безмерное самодовольство. Ни тот, ни другой не могли допустить, чтобы их таланты так и остались непризнанными. Именно это их и подвело.

Конечно, любое дело кажется простым и очевидным, когда оно уже раскрыто. По понятным причинам в ходе следствия детективы неохотно делятся информацией о преступнике. Но если бы полиция Уичито все же обнародовала рисунки «душителя СПУ», описала места преступлений или раскрыла другие подробности дела, то, возможно, кто-нибудь из коллег Денниса Рейдера, прихожан церкви, знакомых или членов его семьи узнал бы его работы и позвонил в полицию. Ну или хотя бы заподозрил неладное.

С момента написания «Охотника за разумом» в мире криминальной «моды» произошли заметные изменения. В целом насильственных преступлений сегодня совершается меньше, однако число убийств на сексуальной почве практически не изменилось. По нашему мнению, причина в том, что данный тип криминальной патологии не столь сильно подвержен влиянию социальных факторов или растущего полицейского надзора, как прочие. Последние шестнадцать лет наше внимание все больше занимает локальный и международный терроризм – феномен, активизировавшийся только с 1995 года, когда произошел теракт в здании госучреждения в Оклахома-сити. Печально, что массовые убийства стали для нас обычным явлением. Вспомните, например, какой фурор вызвали события 1966-го, когда Чарльз Уитмен отстреливал прохожих с башни Техасского университета. (Вскрытие обнаружило у него небольшую опухоль головного мозга. Впрочем, со слов опытного невропатолога, она не затрагивала области, отвечающие за нормальное поведение.)

Как мы отмечали ранее, хотя типы преступлений изменились, мотивация, лежащая в их основе, осталась прежней.

О ком бы ни шла речь – о террористе Тед Казински, «техасском снайпере» Чарльзе Уитмене, бесчисленном множестве стрелков в школах или о толпах религиозных фанатиков, отравляющих жизнь современного мира, – в основе действий этих людей лежит одна и та же психология. Они убеждены в том, что могут прикрывать свое малодушие, скудоумие, бремя неудач или отсутствие жизненных целей массовым насилием, совершаемым якобы во имя политических взглядов, а на деле – исключительно ради самоутверждения. Опять-таки, вечно разрываясь между отчаянием, чувством собственного превосходства и себялюбием, все без исключения массовые убийцы будут оставаться глубоко

ущербными людьми, страстно желающими стать хоть кем-то в жизни, наделить ее хоть каким-то смыслом. Отдельным из них, пусть и далеко не всем, даже хватает запала умереть во имя своего дела. Они так заблудились в лабиринте собственных предрассудков, что насилие для них – единственный способ самоутвердиться.

За годы, прошедшие с тех пор, как Джон ушел из ФБР и стал работать независимым экспертом, его взгляды, как и взгляды Марка, значительно расширились, что нашло отражение в наших последующих книгах. Агенты отдела следственного сопровождения работают исключительно с теми случаями, к расследованию которых их приглашают шерифы и полицейские, но никак не подсудимые. Когда же Джон вышел на пенсию, у нас появилась возможность взглянуть и на другую сторону медали. Стоит признать, что далеко не все официальные расследования могут похвастаться исчерпывающей точностью.

В качестве таковых можно привести убийство в 1993 году трех восьмилетних мальчиков в Арканзасе, приписанное так называемой «троице из Уэст-Мемфиса»; все еще нераскрытое дело 1996-го, когда на Рождество была задушена шестилетняя Джонбенет Рэмси в Боулдере, штат Колорадо; смерть двадцатиоднолетней студентки, гражданки Великобритании Мередит Керчер, приехавшей по обмену в 2007-м в итальянский город Перуджа, за которое по ошибке осудили студентку из США Аманду Нокс и ее итальянского бойфренда Рафаэля Соллечито. Все эти случаи служат наглядными доказательствами того, насколько полиция способна сбиться со следа, если с самого начала руководствуется лишь предвзятыми суждениями, а не объективными уликами, и к каким ужасающим последствиям могут привести подобные действия. Небрежный осмотр места преступления и некачественное хранение вещественных улик; ошибочные техники ведения допросов, приводящие к ложным показаниям; неверные домыслы и излишнее доверие тюремным стукачам (у них ведь свои корыстные цели, редко совпадающие с задачами следствия) в конечном итоге оборачиваются несправедливыми обвинениями и поломанными судьбами.

Не так давно нам самим пришлось пересмотреть собственные взгляды, в очередной раз размышляя над делами, в расследовании которых Джон принимал непосредственное участие, и теми эпизодами, которые описаны на страницах «Охотника за разумом». В главе 7 («Сердце тьмы») вы прочтете об интервью с серийным убийцей Уильямом Хайренсом, которое Джон и Боб Ресслер провели в тюрьме Стейтвилл в Крест-Хилле, штат Иллинойс. Это была первая из многих бесед в ходе исследования природы серийного убийства. После Второй мировой войны Хайренс поселился в Чикаго и стал известен под прозвищем «помадный убийца», а впоследствии сознался и был осужден по обвинению в жестоком убийстве и расчленении шестилетней Сьюзан Дегнан.

Во время беседы Джона настолько поразило, как настойчиво Хайренс утверждает о своей невиновности, что он, по его словам, «вернулся в Куантико и перерыл все записи по его делу. Помимо признательных показаний и неопровержимых улик, на месте убийства Дегнан были найдены едва заметные отпечатки его пальцев. Но Хайренс провел в камере так много времени, размышляя об убийстве и убеждая себя в собственной невиновности, что даже в тесте на полиграфе не проявил бы никаких признаков лжи».

Спустя много лет после выхода книги мы в очередной раз рассмотрели случай Хайренса во всех подробностях и наконец поняли, почему он так настаивал на своей невиновности. Дело в том, что с крайне высокой степенью вероятности Уильям Хайренс действительно был невиновен. Да, в колледже он частенько промышлял кражей со взломом, но, пусть и владея огнестрельным оружием, ни разу не проявил жестокость настоящего убийцы. Он совершенно точно не вписался бы в портрет, если бы Джон тогда его составлял. Но полиция, задержав Хайренса, тут же потеряла всякий интерес к поиску более подходящего кандидата на роль преступника. В конце концов, всем хочется, чтобы кровавого убийцу поймали как можно скорее.

Принимая во внимание более чем двадцатилетний опыт Джона, целиком посвятившего себя профайлингу и следственно-криминальному анализу; учитывая неважную репутацию полиции Чикаго, в 1930–1940-х годах славившейся привычкой «выбивать» признания из подозреваемых и подделывать улики (так было с Уильямом Хайренсом и одним афроамериканцем, который проходил главным подозреваемым, но в итоге оказался абсолютно невиновным); понимая, что качество психологического портрета всецело зависит от информации и улик, которые предоставит полиция, нетрудно поверить, что Хайренс и в самом деле мог оказаться невиновным.

Однако решение суда так и не пересмотрели. Уильям Хайренс, уже прикованный к инвалидному креслу, скончался в исправительной колонии города Диксон, штат Иллинойс, 5 марта 2012 года в возрасте восьмидесяти трех лет, побив национальный рекорд по сроку, проведенному за решеткой.

Вопреки желанию изменить или доработать некоторые детали нашего повествования в угоду новому изданию «Охотника за разумом», мы с гордостью представляем на суд читателя книгу в том виде, в котором она была написана еще в середине девяностых. На наш взгляд, лучше оставить все как есть, сделав лишь некоторые оговорки во введении. Подобно тому, как процесс мышления и мотивы поведения человека остаются неизменными, так и важнейшие основы криминальных исследований незыблемы посреди неумолимого течения времени. Несмотря на те преимущества, которые нам дарованы технологическим прогрессом, – компьютер, анализ ДНК, серология, изучение поджогов,

революционный прорыв в дактилоскопии и баллистической экспертизе, — классический следственный анализ и его традиционные методики никуда не ушли, а достойной замены им пока не придумали. Они включают изучение места преступления и всех вещественных (и не только) доказательств, исследование тела жертвы, опрос свидетелей. Ни одна даже мельчайшая зацепка не должна оставаться без внимания, хотя, говоря по правде, вряд ли мы когда-нибудь сможем исключить влияние человеческого фактора.

То, что работало более двадцати лет назад, работает и по сей день и будет работать в таком далеком будущем, какое мы только можем представить.

Поведение — это зеркало личности. Чтобы спрогнозировать насилие в будущем, нужно заглянуть в прошлое. Хочешь понять «художника» — присмотришься к его «картинам». Преступление надо оценивать во всех его проявлениях, но опыт тут незаменим. Поэтому, чтобы понять, как мыслит преступник, нужно обратиться к первоисточнику и научиться правильно трактовать его сигналы. И самое главное, нужно помнить: что + почему = кто.

Ну а теперь позвольте пригласить вас на охоту.

Джон Дуглас и Марк Олшейкер

Пролог. Я в аду

Похоже, я в аду.

Другого логического объяснения я не находил. Меня раздели и связали. Невыносимая боль. Руки и ноги сплошь изрезаны. На теле не осталось ни одного живого места. Мне что-то заталкивали в глотку, а я давился и корчился от боли. В уретру и анус воткнули острые предметы. Меня рвали на куски. Пот лился градом. А потом я наконец понял: все те убийцы, насильники и растлители, которых я в свое время упек за решетку, теперь обратили свою ненависть против меня. Жертвой стал я сам, и спасения не было.

Я знал, как они действуют; я видел их работу много раз. Они жаждут абсолютной власти. Стремятся подчинить своей воле и тело, и разум жертвы. Хотят единолично решать, жить ей или умереть, а если умереть — то как. Смерть не будет легкой: снова и снова приводя меня в чувство, они заставят меня балансировать на грани жизни и смерти, причиняя максимум боли и страданий. Самые опытные мучители способны продолжать пытки много дней подряд.

Они хотели показать мне, что я полностью и безоговорочно в их власти. Чем больше я кричал, чем больше молил о пощаде, тем сильнее

разжигал их мрачную фантазию. Взывай к милосердию, зови мамочку или папочку, – душегубы лишь пуще распалются.

Вот что я заслужил за шесть лет охоты на худших представителей человечества.

Сердце бешено стучало, я был словно в бреду. Они протолкнули острие еще глубже в уретру, и невыносимая боль обжигающей волной прокатилась по всему телу. Я забился в конвульсиях и агонии.

«Боже милостивый, если я все еще жив, позволь мне умереть быстро. А если я уже мертв, избавь меня от пыток и спаси из этого ада», – стучало в голове.

А затем темноту прорезал яркий свет, который, говорят, появляется в момент смерти. Я ждал Христа, ангелов или демонов – об этом я тоже был наслышан. Но, кроме света, ничего не видел.

Но зато я слышал голос: он утешал, наполнял надеждой. Самый умиротворяющий голос на свете: «Джон, все хорошо. Мы стараемся тебе помочь», – и это было последнее, что я запомнил.

– Джон, ты меня слышишь? Все хорошо. Тише. Ты в больнице. Ты тяжело болен, но мы стараемся тебе помочь. – Как оказалось, это говорила медсестра. Она не знала, слышу ли я ее, но повторяла и повторяла эти слова, и они бальзамом проливались на мое истерзанное сознание.

Хотя тогда я этого и не понимал, но от комы я очнулся в палате интенсивной терапии больницы Суидиш в Сиэтле, подключенный к аппарату искусственного дыхания. Ноги и руки пристегнули к койке. Тут и там из тела торчали трубки, шланги, капельницы и катетеры. Никто не верил, что я выкарабкаюсь. На дворе стояло начало декабря 1983 года. Мне было тридцать восемь.

А началось все тремя неделями ранее на другом конце страны. Я выступал в Нью-Йорке с лекцией на тему профайлинга в криминалистике перед аудиторией из трехсот пятидесяти человек, среди которых были сотрудники местного полицейского управления, транспортной полиции, представители правоохранительных органов Нассау, Суффолка и Лонг-Айленда. Эту лекцию я читал уже столько раз, что знал ее наизусть.

И вдруг мне стало худо. На лбу выступил холодный пот. Я отдавал себе отчет в том, что продолжаю говорить, но мысленно обращался к самому себе: «Как, черт возьми, раскрыть все эти дела?» Я едва расправился со случаем детоубийцы Уэйна Уильямса в Атланте и с серийным убийцей на почве расовой ненависти в Буффало, получившим прозвище «22-й калибр», как меня пригласили расследовать дело «убийцы из чащи» в Сан-Франциско. Одновременно я консультировал Скотленд-Ярд по делу «йоркширского потрошителя» в Англии и постоянно мотался на Аляску, стараясь накрыть Роберта Хансена – анкوريدжского пекаря, который

похищал проституток, вывозил подальше в лес и устраивал там сафари с их участием. Еще на мне висел серийный поджигатель синагог в Хартфорде, штат Коннектикут, а через две недели нужно было лететь в Сиэтл, чтобы проконсультировать оперативников в Грин-Ривер по делу, грозившему стать самой масштабной серией убийств в истории США: между Сиэтлом и Такомой завелся некий убийца, отслеживавший проституток и бродяжек.

Вот уже шесть лет я разрабатывал новый метод криминального анализа и при этом оставался единственным в поведенческом отделе, кто параллельно на полной ставке занимался нераскрытыми делами. Все остальные по большей части работали инструкторами. На тот момент я вел около ста пятидесяти расследований, и никто мне не помогал. Из своего рабочего кабинета в Академии ФБР, расположенной в Куантико, штат Вирджиния, я отправлялся в командировки 125 раз за год. Местные копы давили на меня со всех сторон, а на них, в свою очередь, давили общественность и семьи жертв, которым я всегда искренне сочувствовал. Преступников надо было найти. Я тщетно пытался грамотно расставить служебные приоритеты, но день за днем меня заваливали тоннами новых запросов. Коллеги по академии в шутку называли меня шлюхой, ведь я никогда не отказывал клиентам.

На той лекции в Нью-Йорке я по инерции продолжал говорить о различных типах личностей преступников, но мыслями снова и снова возвращался в Сиэтл. Я знал, что далеко не все оперативники рады меня видеть, и привык к такому отношению. И еще я знал, что должен завоевать их доверие, как бывало в любом другом крупном расследовании, куда меня приглашали, поскольку большинство рядовых копов и даже высоких чинов в ФБР все еще считали, что мое ремесло недалеко ушло от колдовства. Мне нужно быть убедительным, но не слишком самоуверенным, и тем более не выпендриваться. Мне предстояло, с одной стороны, дать детективам понять, что я не сомневаюсь в их профессионализме, а с другой – продемонстрировать, что ФБР действительно способно им помочь. Но, наверное, самое сложное, что в моей работе были задействованы не «только факты, мэм», как у большинства агентов ФБР, а *мнения*. Меня ни на минуту не покидала мысль, что любая моя ошибка способна направить расследование серийных убийств по ложному следу, и тогда не миновать новых жертв. Мало того: каждый промах забивает гвоздь в крышку гроба новой программы оценки и анализа психологического портрета преступника, над которой я корпел столько лет.

А впереди меня ждал долгий перелет. Мне уже приходилось несколько раз бывать на Аляске: я пересекал четыре часовых пояса, вцепившись в сиденье так, что белели костяшки пальцев, летел над самой водой и приземлялся уже затемно. А сразу по завершении встречи с местной полицией мне предстояло снова трястись в самолете на пути обратно в Сиэтл.

Паническая атака длилась, быть может, не более минуты. Я твердил себе: «А ну-ка, Дуглас, соберись. Возьми себя в руки». И мне это удалось. Вряд ли хоть один слушатель в том зале заподозрил неладное. Но чего я не сумел, так это избавиться от навязчивого ощущения, что со мной вот-вот произойдет нечто ужасное.

Не в силах справиться с дурным предчувствием, по возвращению в Куантико я прямиком отправился в отдел кадров и оформил дополнительное страхование жизни и доходов на случай собственной инвалидности. Не знаю точно, что послужило причиной, кроме неявного, но неотвязного страха. Я выгорел; я слишком много работал и, пожалуй, пил больше, чем нужно, чтобы справляться со стрессом. Я страдал от бессонницы, а едва удавалось провалиться в сон, меня вскоре будил чей-нибудь звонок: срочно требовалась моя помощь в очередном деле. Пытаясь снова заснуть, я заставлял себя думать о делах в надежде, что меня вдруг осенит. Теперь, оглядываясь назад, совсем нетрудно догадаться, к чему рано или поздно приведет такой образ жизни, но тогда у меня просто не было выбора.

Перед отъездом в аэропорт я вдруг решил заскочить в начальную школу, где моя жена Пэм обучала чтению детей с отставанием в развитии, и рассказать ей о новой страховке.

– Зачем это? – спросила она с тревогой в голосе.

Меня мучила страшная мигрень с правой стороны головы, а еще, как отметила жена, глаза у меня налились кровью, да и вообще выглядел я неважно.

– Просто хотел предупредить перед отъездом, чтобы ты была в курсе, – ответил я.

Тогда мы уже воспитывали двух дочерей: Эрике исполнилось восемь, а Лорен – три.

В Сиэтл я прихватил с собой двух новых спецагентов, Блейна Макилуэйна и Рона Уокера, намереваясь привлечь их к делу. Мы прибыли ночью и заселились в отель «Хилтон», расположенный в центре города. Разбирая чемодан, я обнаружил, что в нем только одна черная туфля. Либо я попросту забыл взять вторую, либо каким-то образом потерял ее по дороге. Утром мне предстояло выступить с презентацией в полиции округа Кинг, и без строгих черных туфель тут не обойтись. Я всегда уделял большое внимание собственному внешнему виду, а в силу накопившейся усталости и стресса доходил буквально до мании. Я не мог и помыслить, что к костюму у меня не будет пары черных туфель. Я выскочил на улицу в поисках открытого обувного магазина и, когда мне наконец удалось его отыскать, вернулся в отель совершенно вымотанный, но с подходящей парой обуви.

Утром в среду я выступил с презентацией перед полицией и целой командой специалистов, среди которых были представители порта

Сиэтла и пара местных психологов, приглашенных для участия в расследовании. Всех интересовал мой профайл убийцы: возможно ли участие нескольких преступников, каковы особенности их личности. Я пытался донести до аудитории, что в деле такого типа психологический портрет не имеет особого значения. У меня не было никаких сомнений в том, что за человека мы ищем, – как и в том, что под мое описание подойдет множество людей.

В случае нынешней серии убийств гораздо важнее, как я считал, действовать упреждающе, то есть использовать совместные усилия полиции и средств массовой информации, чтобы заманить душегуба в ловушку. Например, я предложил организовать среди местных жителей обсуждения этих преступлений. У меня были основания полагать, что убийца рано или поздно объявится на одном из таких диспутов. Кроме того, возможно, удастся выяснить, имеем мы дело с одним или несколькими преступниками. Я придумал еще один трюк: объявить в новостях, будто полиция нашла свидетелей похищений. Предчувствие подсказывало мне, что мы вынудим убийцу к собственным «упреждающим действиям»: он постарается убедить остальных, что оказался поблизости совершенно случайно. Но уверен я был только в одном: кто бы ни стоял за этими зверствами, он, в отличие от меня, не знал усталости.

Затем я дал несколько советов по поводу допроса подозреваемых – как тех, кого копы вычисляют самостоятельно, так и несчастных безумцев, которые неизбежно подойдут под описание крайне распространенного психотипа. Остаток дня мы с Макилуэйном и Уокером посвятили осмотру мест, где обнаружили трупы, и к моменту возвращения в отель я был выжат как лимон.

За бокалом горячительного в баре отеля, где мы с Блейном и Роном пытались развеяться, я признался коллегам, что чувствую себя неважно. Голова по-прежнему адски трещала, я опасался, что подхватил грипп, и попросил ребят подменить меня на завтрашней встрече с полицией. Надеюсь, что денек в постели поставит меня на ноги, я пообещал вернуться в строй в пятницу. Пожелав своим помощникам спокойной ночи, я отправился к себе в номер и повесил на дверь табличку «не беспокоить».

Все, что я помню, это как уселся на кровать и начал раздеваться. Мне было очень плохо. В четверг мои коллеги-агенты отправились в здание суда округа Кинг и продолжили развивать идеи, обрисованные мной накануне. Как я и просил, меня не трогали, позволив отоспаться и подавить болезнь в зародыше.

Тревогу забили в пятницу утром, когда я не спустился к завтраку. Ребята позвонили в номер, но никто не снял трубку. Тогда они поднялись ко мне и стали колотить в дверь. Все тщетно.

Не на шутку встревоженные, агенты обратились к управляющему и потребовали ключ от моего номера. Но когда они отперли замок, путь преградила дверная цепочка. И тут из глубины комнаты донесся приглушенный стон.

Выбив дверь, парни ворвались внутрь. По их словам, я валялся на полу «в позе лягушки», полураздетый, и, похоже, пытался дотянуться до телефона. Левая половина тела тряслась в конвульсиях, а еще, как позже уверял Блейн, я «весь пылал».

Из отеля немедленно позвонили в больницу Суидиш, откуда за мной выехала скорая. Блейн и Рон тем временем оставались на телефоне с диспетчерской, то и дело сообщая текущие данные: температура перевалила за 41 градус по Цельсию, пульс – 220. Левую сторону напрочь парализовало, припадки продолжались и в карете скорой. В медицинском заключении отметили «симптом кукольных глаз»: взгляд расфокусирован и привязан к одной точке.

Едва мы оказались в больнице, меня тут же обложили льдом и накачали слоновьей дозой фенobarбитала внутривенно в попытке унять конвульсии. Доктор потом признался Блейну и Рону, что такой дозой можно было бы усыпить чуть ли не весь Сиэтл.

Он также сообщил, что, несмотря на все усилия врачей, шансов у меня мало. Томография показала обширное кровоизлияние в правом полушарии головного мозга, спровоцированное сильным жаром.

– Проще говоря, – пояснил доктор, – мозг спекся до корочки.

Было 2 декабря 1982 года. Моя новая страховка вступила в силу днем ранее.

Начальник моего отдела Роджер Детью отправился в школу к Пэм, чтобы лично ей обо всем рассказать. Потом Пэм и мой отец Джек вылетели ко мне в Сиэтл. Девочек оставили на попечение Долорес, моей матери. В аэропорту родных встретили двое агентов из регионального отделения ФБР в Сиэтле, Рик Мейтерс и Джон Байнер, и сразу же повезли в больницу. Только там они узнали, насколько все плохо. Доктора старались морально подготовить Пэм к моей смерти: мол, даже если я выживу, то ослепну и стану овощем. Будучи католичкой, жена пригласила священника, чтобы меня соборовали, но тот отказался, узнав, что я пресвитерианец. Тогда Блейн и Рон выставили его за дверь и отыскиали другого священника, без предрассудков, умоляя его помолиться за меня.

Целую неделю я был в коме, болтаясь между жизнью и смертью. По правилам отделения интенсивной терапии навещать меня могли только родные, так что мои коллеги из Куантико, Рик Мейтерс и другие ребята из местного отделения ФБР срочно заделались моими близкими родичами. «Большая у вас семейка», – с иронией заметила в разговоре с Пэм одна из медсестер.

Вообще-то, в шутке про «большую семью» была и доля правды: в Куантико несколько моих коллег под предводительством Билла Хагмайера из отдела поведенческого анализа и Тома Коламбелла из Национальной академии организовали сбор средств, чтобы Пэм с отцом могли спокойно побыть со мной в Сиэтле. Не успели мы оглянуться, как полицейские со всех концов страны стали присылать пожертвования. Одновременно были сделаны необходимые приготовления, чтобы отправить мое тело обратно в Вирджинию, где мне предстояло быть похороненным на военном кладбище Куантико.

Ближе к концу недели Пэм, отец, агенты ФБР и священник собрались вокруг моей постели, взяли меня за руки и стали молиться. Той же ночью я вышел из комы.

Я помню, как удивился присутствию Пэм и отца, да и всей обстановке в целом. Поначалу разговаривать я не мог; левая половина лица обмякла, ведь мощный паралич затронул всю левую сторону тела. Постепенно дар речи стал возвращаться, но первое время звуки выходили совсем бессвязными. Еще через некоторое время я научился сначала понемногу, а потом все увереннее шевелить ногой. Глотка ужасно болела из-за трубки искусственного питания. От припадков теперь мне давали не фенотарбитал, а дилантин. После кучи анализов, компьютерных томографий и поясничных пункций мне наконец поставили окончательный диагноз: вирусный энцефалит, усугубленный стрессом и общим ослабленным состоянием. Мне еще повезло, что я выжил.

Восстановление было невыносимо мучительным. Мне пришлось заново учиться ходить. Начались проблемы с памятью. Чтобы я поскорее запомнил фамилию лечащего врача – Сигал, – жена принесла мне фигурку чайки^[3] из морских ракушек, сидящую на пробковой подставке. Когда доктор вновь пришел проверить, как восстанавливаются мои когнитивные способности, и спросил, помню ли я его имя, я пробормотал:

– Конечно, доктор Чайка.

Несмотря на терпение близких и всестороннюю поддержку, которую мне оказывали, реабилитация совсем меня доконала. Я слишком привык все время чем-то заниматься, куда-то бежать. Когда мне позвонил директор ФБР Уильям Уэбстер и попытался приободрить, я пожаловался, что вряд ли снова смогу стрелять.

– Насчет этого не беспокойся, Джон, – заверил он, – нам нужна твоя голова.

Я не стал его расстраивать, но и от нее мало что осталось.

Домой из больницы меня выписали за два дня до Рождества. Перед отъездом я от всей души поблагодарил врачей скорой и сотрудников

отделения интенсивной терапии за спасение моей жизни и подарил им памятные значки.

Роджер Деппю подобрал нас в аэропорту Даллеса и отвез домой, во Фредериксберг, где меня встречали флагом США и плакатом с надписью: «С возвращением, Джон!» Я похудел килограммов на пятнадцать. Увидев меня осунувшимся, в инвалидном кресле, мои дочери Эрика и Лорен так расстроились, что еще долгие годы спустя не хотели опускать меня в очередную командировку.

Рождество выдалось невеселым. Я почти не виделся с друзьями и общался только с Роном Уокером, Блейном Макилуэйном, Биллом Хагмайером и еще одним агентом из Куантико, Джимом Хорном. Я уже мог обойтись без коляски, но передвигался по-прежнему с трудом. Беседы отнимали у меня много сил. Глаза постоянно были на мокром месте, а память то и дело отказывала. Когда Пэм или отец катали меня по Фредериксбергу и мы натыкались на какое-нибудь здание, я не мог с точностью вспомнить, новое оно или старое. Я превратился в классическую жертву инсульта и мог только гадать, сумею ли вернуться к работе.

В том, через что мне пришлось пройти, я винил только Бюро. Еще в феврале прошлого года я разговаривал с заместителем директора Джимом Маккензи. Я предупредил, что не смогу и дальше функционировать в таком режиме, и попросил выделить помощников.

Маккензи от души мне сочувствовал, но был реалистом.

– Ты ведь знаешь, как тут все устроено, – пожал он плечами. – Надо уработаться насмерть, прежде чем тебе соберутся помочь.

Мне постоянно казалось, что мое рвение не только не поддерживают, но и не ценят. Однако меня ценили, да еще как. В прошлом году, когда я надрывался над делом детоубийцы из Атланты, Бюро объявило мне официальный выговор в связи с интервью, опубликованным в газете сразу после задержания Уэйна Уильямса. На вопрос журналиста о том, подходит ли этот подозреваемый на роль преступника, я ответил, что он «неплохо вписывается», а если постараться, то подойдет и по меньшей мере к нескольким другим делам.

И хотя ФБР само просило меня дать интервью, я же потом оказался крайним: мол, неподобающим образом комментирую еще не закрытые дела. Якобы меня предупреждали об этом еще пару месяцев назад, когда я давал интервью журналу «Пипл». Как типично для правительственных бюрократов! В штабе Бюро в Вашингтоне меня благополучно отчитали в отделе персональной ответственности, а спустя шесть месяцев бюрократической суеты официально вручили письмо о взыскании. Позже за то же дело я получил похвальную грамоту, но поначалу выволочка служила единственной благодарностью Бюро за помощь в раскрытии «преступления века», как его окрестила пресса.

Почти ни с кем, даже с женой, нельзя поделиться тем, что составляет работу сотрудника правоохранительных органов. Не очень-то хочется тащить в дом истории о том, как днями напролет рассматриваешь изуродованные трупы, среди которых попадаются и дети. За ужином не принято говорить: «Сегодня попалось интересненькое убийство на почве сексуального садизма. Сейчас расскажу». Вот почему копов нередко тянет к медсестрам и наоборот: в каком-то плане ремесло у них похожее, и они могут понять друг друга.

И даже прогуливаясь по парку или лесу, скажем, со своими девочками, я примечаю похожие детали и думаю: «Прямо точь-в-точь как там, где мы нашли ту восьмилетку». И сколько бы я ни дрожал за безопасность дочерей, навидавшись в жизни всяких ужасов, порой мне бывает трудно воспринимать всерьез незначительные, хоть и крайне важные шишки и ссадины, неизбежные в детстве. Иной раз я возвращаюсь домой, и Пэм рассказывает, что одна из девочек свалилась с велосипеда и теперь рану придется зашивать, а в памяти у меня вспыхивает образ другой девочки, сверстницы моей дочери, и все те швы, которые пришлось наложить патологоанатому, чтобы подготовить тело к похоронам.

У Пэм был свой круг друзей, местных активистов, но меня они мало интересовали. Кроме того, из-за моих постоянных командировок львиная доля домашних хлопот – воспитание детей, счета, уборка – лежала на плечах жены. И это лишь малая часть проблем, раздиравших тогда нашу семью. Не сомневаюсь, что по меньшей мере старшая дочь, Эрика, чувствовала повисшее в доме напряжение.

Меня никак не отпускала обида на Бюро и его порядки за то, что со мной случилось. Месяц спустя после возвращения домой я сидел на заднем дворе и сжигал опавшие листья. Повинуясь импульсу, я зашел в дом, собрал все копии психологических портретов и написанные мной статьи, вынес их наружу и швырнул в огонь. Избавившись от целой кипы макулатуры, я получил хорошую эмоциональную разрядку.

Еще несколько недель спустя, когда я снова смог водить машину, я решил отправиться на Национальное кладбище Куантико, чтобы посмотреть, где мне предстояло быть похороненным. Могилы там расположены по датам смерти, так что, умри я первого или второго декабря, мне досталось бы самое неприятное место: моей соседкой стала бы совсем юная девушка, которую зарезали по пути домой неподалеку нас. Я как раз занимался ее делом, и виновного до сих пор не нашли. Предаваясь размышлениям на ее могиле, я вспомнил, сколько раз сам советовал полиции установить наблюдение за кладбищами, не сомневаясь, что убийца захочет навестить свою жертву. Забавно, если по подозрению в том преступлении схватят и меня.

С момента инсульта, настигшего меня в Сиэтле, прошло уже четыре месяца, но я по-прежнему сидел на больничном. Состояние усугубилось тромбами, образовавшимися в ногах и легких из-за продолжительного

постельного режима, и каждый день жизни давался мне с огромным трудом. Я по-прежнему не знал, смогу ли вообще работать, а если смогу, сохраню ли уверенность в себе. А тем временем Рой Хейзелвуд из числа инструкторов отдела поведенческого анализа по совместительству взвалил на себя все мои незакрытые дела.

В Куантико я наведалься только в апреле 1984 года, выступив с лекцией перед пятьюдесятью действующими профайлерами региональных отделений ФБР. Ноги у меня все еще отекали из-за тромбов, и в аудитории я появился в домашних тапочках. Агенты из разных уголков страны встретили меня стоячей овацией. Спонтанность порыва подтверждала их искреннее восхищение: эти люди лучше всех понимали, чем я занимался и какие методы всеми силами старался внедрить в Бюро. Впервые за много месяцев меня оценили и одобрили. И я почувствовал себя как дома.

Через месяц я вернулся на службу.

Глава 1. Мысли как убийца

Поставь себя на место охотника.

Именно так я и работаю. Вспомните фильмы о дикой природе: вот лев на просторах Серенгети в Африке. Он следит за огромным стадом антилоп на водопое. Но каким-то образом – мы видим по глазам – он выбирает одну из тысячи. Он выработал в себе умение чують слабость, уязвимость, нечто такое, что делает единственную антилопу из всего стада его будущей добычей.

То же самое и с хищниками среди людей. Я становлюсь одним из них, каждый день я охочусь, отслеживаю жертву, выжидаю удобный момент. К примеру, вот я в торговом центре. Здесь бродят тысячи людей. Я направляюсь к игровым автоматам и, оглядывая полсотни ребят, должен превратиться в охотника, в тонкого психолога, угадать, кто из пятидесяти с лишним детей самый уязвимый, кому быть жертвой. Нужно смотреть, как ребенок одет. Уметь подмечать внешние невербальные признаки. И делать это в мгновение ока, как настоящий профессионал. Выбрав цель, я начинаю действовать. Я должен точно знать, каким образом можно тихо, без лишнего шума и не привлекая внимания, вывести ребенка из торгового центра, пока его родители отовариваются двумя этажами ниже. Я не имею права на ошибку.

Таких людей подстегивает возбуждение охотника. В момент выбора жертвы у них по коже словно пробегает легкий гальванический разряд. Думаю, лев в дикой природе испытывает примерно то же самое. При этом не имеет никакого значения, говорим мы о тех преступниках, кто выбирает только детей, юных девушек, стариков, проституток и так

далее, или о тех, у кого нет определенных предпочтений. В каком-то смысле все они одинаковы.

Но есть между ними и отличия, и подсказки, которые охотник оставляет на месте преступления, ведут нас к особенностям его характера. Именно благодаря им у нас в руках появилось новое оружие для интерпретации отдельных преступлений против личности, а также для поиска, ареста и наказания виновных. Большую часть своей профессиональной карьеры в качестве спец-агента ФБР я посвятил разработке этого оружия, о нем и рассказывает книга. Каждое без исключений жестокое преступление в истории человечества порождает главный вопрос, который не дает нам покоя: что за человек способен на такое? Ответ на него мы, сотрудники отдела следственного сопровождения ФБР, и пытаемся дать, применяя инструментарий психологических портретов и анализа места преступления.

Поведение – это зеркало личности.

Не всегда легко и уж точно всегда неприятно влезать в шкуру убийцы – или, если угодно, мыслить, как он. Но такая у нас работа. Мы должны попытаться прочувствовать каждого из них.

Любая деталь на месте преступления что-нибудь говорит о субъекте – так на полицейском жаргоне называют неизвестного подозреваемого, – совершившем правонарушение. Анализируя максимально возможное число преступлений и общаясь с экспертами – то есть с самими преступниками, – мы учимся интерпретировать оставленные ими следы точно так же, как врачи определяют болезнь и ставят диагноз по симптомам. И, подобно медику, который на основе прошлого опыта опознает заболевание по его проявлениям, мы делаем выводы на основании того или иного набора признаков.

Однажды в начале 1980-х, когда в рамках полевого исследования я активно опрашивал осужденных убийц, мне довелось оказаться в старинной каменной тюрьме в готическом стиле, где находится государственная исправительная колония штата Мэриленд в Балтиморе. Я сидел в кругу жестоких преступников, и каждый из них был по-своему уникален: убийца полицейского, детоубийца, наркодилеры, громилы, – но меня больше всего интересовали насильники-душегубы, а точнее, их *modus operandi*^[4], поэтому я решил спросить, нет ли здесь подходящего объекта для изучения.

– Ага, Чарли Дэвис, – ответил один из заключенных.

Правда, остальные сошлись на том, что он вряд ли станет разговаривать с федералом. Один из заключенных отправился поискать Чарли во дворе. Ко всеобщему удивлению, Дэвис, движимый скорее любопытством и скукой, нежели желанием помочь, вскоре присоединился к нам и сел в круг. В полевых исследованиях нам часто играло на руку, что заключенные располагают целой кучей свободного времени и не знают, чем заняться.

Обычно при проведении тюремных интервью – и так повелось с самого начала – мы стараемся заранее выяснить о субъекте как можно больше. Мы изучаем отчеты полиции, фотографии с места преступления, записи со вскрытия, стенограммы допросов – словом, все, что может пролить свет на личность преступника. Кроме того, так мы получаем гарантию, что он говорит начистоту, а не играет с нами в игры ради собственного развлечения. Но тогда, признаюсь, я пришел неподготовленный, и мне пришлось импровизировать.

Дэвис оказался дюжим громилой под два метра ростом, немного за тридцать, гладко выбритым и аккуратно подстриженным. Я начал с того, что признался:

– Ты застал меня врасплох, Чарли. Я даже не в курсе, за что ты сидишь.

– За убийство пятерых человек, – ответил он.

Я попросил его рассказать о месте преступления и о том, что он сделал со своими жертвами. Оказалось, что Дэвис на полставки работал водителем скорой. Он задушил женщину, спрятал труп у дороги на вверенной ему территории, сделал анонимный звонок, сам же на него ответил и забрал тело. Когда он клал жертву на каталку, никто из сотрудников скорой и не догадывался, что убийца совсем рядом, среди них. Больше всего Дэвиса завело именно чувство полного контроля над ситуацией, собственная хитрая «режиссура» наполнила его невероятным возбуждением. Подобные примеры, раскрывающие возможные техники исполнения преступлений, бесценны для нас.

Удушение же означало, что убийство было спонтанным. Поначалу-то Чарли интересовало изнасилование.

Я сказал ему:

– Из тебя вышел бы отличный суровый коп. Тебе понравилось бы работать в полиции, обладать властью. А вместо этого ты взялся за дурацкую работенку, не достойную твоих способностей.

Рассмеявшись, он признался, что его отец был лейтенантом полиции.

Я попросил Дэвиса описать привычный ему образ действия: скажем, он преследует молодую женщину до парковки у ресторана. Благодаря связям отца с легкостью выясняет ее личные данные по номеру машины. Потом звонит в ресторан и сообщает, что она оставила фары включенными. Вот женщина выходит, и тут он ее хватает, заталкивает в свою или ее машину, пристегивает наручниками и увозит.

О каждом из пяти убийств он рассказывал строго по порядку, будто смакуя воспоминания. Добравшись до последней жертвы, убийца отметил одну деталь, на которую только сейчас обратил внимание: он закрыл девушке лицо.

На этом моменте я его прервал:

– Чарли, вот что я тебе скажу. У тебя проблемы с женщинами. Когда ты совершил первое убийство, с деньгами у тебя было туговато. Неудивительно, что парень далеко за двадцать, выполняющий недостойную его работу, будет злиться на жизнь и чувствовать, что попусту ее прожигает.

Он нехотя кивнул. Что ж, пока неплохо. Хотя я не сказал ничего такого, о чем нельзя было бы догадаться.

– Ты слишком много пил, – продолжал я, – наделал долгов. Постоянно ссорился со своей женщиной. – Он не говорил мне, что жил с кем-то, но я почти не сомневался. – А по ночам, когда совсем прижимало, ты выходил на охоту. Конечно, охотиться на собственную подружку как-то не с руки, и ты выплескивал накопившееся на других.

По невербальным признакам я видел, как он открывается. Я располагал весьма скудной информацией, но решил продолжать:

– Но последнюю жертву ты прикончил намного нежнее. Она не такая. Ты позволил ей одеться, после того как изнасиловал ее. Ты закрыл ей лицо, чего не делал с предыдущими четырьмя. В отличие от тех случаев, последнее убийство не принесло тебе удовольствия.

Когда объект анализа начинает слушать тебя во все уши, становится ясно, что он на крючке. Этому трюку я научился на бесчисленных интервью в тюрьмах и раз за разом применял его на допросах. Я видел, что полностью завладел вниманием Чарли.

– Она сказала тебе нечто такое, из-за чего тебе расхотелось ее убивать, но ты все равно это сделал.

Внезапно Дэвис покраснел как рак и будто погрузился в транс. По его глазам я видел, что мыслями он вернулся к тому дню. Наконец он робко признался, что у мужа той женщины были проблемы со здоровьем и что она за него сильно переживала. Он тяжело болел, едва ли не лежал при смерти. Блефовала жертва или нет, я не знаю и вряд ли смогу выяснить. Но на Дэвиса ее слова явно произвели сильное впечатление.

– Я не прятал лицо, – пояснил он. – Она могла меня узнать, так что ее все равно пришлось убить.

Немного погодя я спросил:

– Ты ведь что-то у нее забрал, верно?

Чарли снова кивнул, подтвердив, что забрал из кошелька рождественскую фотографию ее семьи: жертва, муж и ребенок.

Хотя я никогда раньше не встречался с Дэвисом, у меня уже начало складываться о нем определенное впечатление. Я добавил:

– И на кладбище ты тоже был, да, Чарли?

Судя по краске, красноречиво залившей лицо, насильник отслеживал все новости по делу об убийстве и знал, где похоронили жертву.

– Ты отправился туда, потому что испытывал угрызения совести. Но на могилу ты пришел не с пустыми руками.

Прочие заключенные хранили молчание, жадно слушая. Они никогда не видели Дэвиса в таком состоянии. Я настойчиво повторил:

– Ты что-то принес на могилу. Что именно, Чарли? То фото?

Он только кивнул и бессильно уронил голову.

Ловкость рук и никакого мошенничества, хотя остальные сочли бы мой фокус сущим колдовством. Ясное дело, я лишь высказывал догадки, но они строились на квалификации, исследованиях и практическом опыте, который мы с коллегами успели накопить и продолжали кропотливо собирать. Например, мы выяснили, что старая быль об убийцах, приходящих на могилу своей жертвы, чаще всего оказывается явью, но по ряду причин это происходит не всегда.

Поведение – зеркало личности.

Причина, по которой наша работа просто необходима, состоит в изменчивой природе самой преступности. Мы все слышаны об убийствах на почве наркотиков, чумой накрывших чуть ли не каждый город. О перестрелках, ставших столь обыденным проявлением национального позора. И все же бóльшая часть преступлений, особенно совершенных с особой жестокостью, раньше случалась между людьми, так или иначе знакомыми друг с другом.

Теперь картина меняется. В каких-то 1960-х раскрываемость убийств в США переваливала за 90 %. Но и эта цифра более не актуальна. Сегодня, несмотря на впечатляющий прогресс в науке и технике, несмотря на приход компьютерной эры, несмотря на рост числа полицейских, качества и глубины их подготовки и оснащения, чисто убийств продолжает расти, а их раскрываемость – падать. Все больше преступлений совершается в отношении незнакомцев, и в большинстве случаев для них нет никакого очевидного или хотя бы логичного мотива.

Ранее правоохранительные органы относительно легко раскрывали большинство убийств и других насильственных преступлений. Они являлись следствием и выражением вполне обыденных эмоций, достигших апогея: злости, жадности, зависти, жажды наживы или возмездия. Как только эмоциональный мотив был удовлетворен, порыв к насилию угасал и дальше не распространялся. Да, жертва обязательно была, но полиция имела точное представление, кого или что надо искать.

Но в последние годы преступления против личности все чаще проявляются в новом обличье. Они становятся продолжающимися. Серийные преступники не остановятся, пока их не поймут; они учатся, становятся все опытнее и опаснее, непрерывно совершенствуя свои тактики и подходы от одного эпизода к другому. Слово «проявляются» я использовал не случайно; конечно, такие преступления известны еще со

времен грозы Лондона эпохи 1880-х Джека-потрошителя, который считается первым в современной истории серийным убийцей. Кстати, по причинам, которые я укажу позже, серийными убийцами почти всегда становятся мужчины.

Однако феномен серийных убийств может быть куда старше, чем мы себе представляем. Сохранившиеся по сей день истории и легенды о ведьмах, оборотнях и вампирах – это не более чем попытка объяснить жестокие, извращенные акты насилия, которые в маленьких сплоченных поселениях Европы или ранней Америки никто был не в силах объяснить, хотя сегодня они воспринимаются как нечто обыденное. А тогда считалось, что чудовищем может быть только сверхъестественное создание, но никак не обычный человек.

Из всех жестоких преступников самыми отталкивающими, хитрыми и приводящими в замешательство личностями обладают именно серийные убийцы и насильники. В свою очередь, это связано с тем, что в основе их мотивов лежат куда более сложные факторы, чем те примитивные устремления, которые мы отметили ранее. Уже поэтому их образ действий может изрядно сбивать с толку, да и вообще отсекает банальные переживания вроде сочувствия, вины или угрызений совести.

Порой единственный способ изловить маньяков – это научиться думать, как они.

Не пугайтесь, что я раскрою строго охраняемые секреты полицейского расследования и дам в руки будущим преступникам руководство к действию. В книге речь пойдет только о том, как мы разработали поведенческий подход к составлению психологического портрета преступника, об анализе преступлений и стратегии обвинения, но и здесь я при всем желании не смогу составить практическое руководство или учебное пособие для новичков. Во-первых, у нас уходит целых два года на то, чтобы обучить уже опытных, матерых агентов, отобранных для стажировки в нашем отделе. А во-вторых, вне зависимости от того, насколько преступник убежден в собственной осведомленности, чем больше он старается избежать поимки или сбить нас со следа, тем больше дает материала – поведенческих улик – для нашей работы.

Как говорил сэр Артур Конан Дойл устами Шерлока Холмса много десятилетий назад: «В необычности почти всегда ключ к разгадке тайны. Чем проще преступление, тем труднее докопаться до истины»^[5]. Иными словами, чем больше информации о поведении субъекта у нас есть, тем более полный психологический портрет и его анализ мы сможем предоставить полиции. А чем полнее психологический портрет, тем больше следователи смогут сузить круг подозреваемых и сконцентрироваться на поимке настоящего преступника.

Отсюда вытекает еще одна оговорка по поводу нашей работы. Сотрудники отдела следственного сопровождения, который находится в Куантико и входит в Национальный центр ФБР по анализу преступлений

против личности, не занимаются поимкой преступников. Повторюсь: *мы не ловим преступников*. Это работа местной полиции, и если вспомнить, под каким давлением она находится, ребята справляются на ура. Мы же *оказываем им поддержку* в выделении круга подозреваемых, а также предлагаем упреждающие меры, с помощью которых можно выкурить преступника из норы. Когда же он пойман – подчеркну: ими, а не нами, – мы стараемся наметить стратегию для обвинителя по выявлению истинной сущности ответчика во время судебных разбирательств.

Тут нам помогают исследования и весьма особый практический опыт. К примеру, если какое-нибудь местное отделение полиции на Среднем Западе впервые в своей практике столкнется с ужасами расследования серийного убийства, у нас на счету схожих дел уже сотни, если не тысячи. Я всегда говорю своим агентам: «Хочешь понять художника – присмотришься к его картинам». За долгие годы работы мы видели невероятное множество «картин» и неоднократно беседовали почти со всеми «искусными художниками».

В конце 1970-х – начале 1980-х мы начали методично развивать деятельность отдела поведенческого анализа ФБР, который позже превратился в отдел следственного сопровождения. Хотя большинство книг, драматизирующих и прославляющих наше призвание (например, известное произведение Тома Харриса «Молчание ягнят»), отличаются склонностью к причудливым выдумкам, наше прошлое действительно восходит скорее к научно-преступной фантастике, нежели к практике. Еще совсем зеленый детектив С. Огюст Дюпен, герой классического произведения 1841 года Эдгара Аллана По «Убийство на улице Морг», на самом деле был первым в истории профайлером – поведенческим экспертом. Сюжет также отражает первое применение профайлером упреждающих мер с целью выкурить субъекта и оправдать невинного человека, несправедливо арестованного за убийство.

Как и теперь, почти сто пятьдесят лет спустя, мои коллеги по отделу, По отдавал себе отчет в важности составления психологического портрета, ведь иногда для разрешения особенно жестокого и, как может показаться, не имеющего мотива убийства мало одних только улик с места преступления и результатов вскрытия. «За отсутствием других возможностей, – писал он, – аналитик старается проникнуть в мысли противника, ставит себя на его место и нередко с одного взгляда замечает ту единственную (и порой до очевидности простую) комбинацию, которая может вовлечь его в просчет или сбить с толку»^[6].

Стоит отметить и другое небольшое сходство. Мсье Дюпен предпочитал работать в одиночку, запершись у себя в комнате, плотно завесив шторами окна, тем самым защищаясь от солнечного света и вторжений извне. У нас с коллегами изначально не было такой необходимости. Наше рабочее пространство в Академии ФБР в Ку-антико уходит на несколько этажей под землю, и в нем нет ни одного окна. Изначально оно проектировалось как безопасная штаб-квартира для федеральных

правоохранительных властей на случай национальной катастрофы. Иногда мы в шутку называем себя Национальным подвалом по анализу преступлений против личности. Находясь почти на двадцать метров под землей, мы, пожалуй, закопаны в десять раз глубже, чем мертвецы.

Один из пионеров профайлинга, английский драматург Уилки Коллинз, раскрывал его основные принципы в своих романах «Женщина в белом» (основанном на реальных событиях) и «Лунный камень». Но именно бессмертное творение сэра Артура Конан Дойла о Шерлоке Холмсе явило миру новую форму криминального анализа в атмосфере мрачного, освещенного газовыми фонарями викторианского Лондона. Сравнение с легендарным сыщиком было бы высшей похвалой для любого из нас. Несколько лет назад, когда я работал в Миссури над очередным убийством, заголовок местной газеты «Сен-Луис глоуб-демократ» окрестил меня «современным Шерлоком из ФБР», что стало для меня большой честью.

Интересно отметить, что именно в тот момент, когда Шерлок Холмс распутывал клубки сложнейших дел на страницах книг, в реальном мире Джек-потрошитель без устали убивал проституток в лондонском Ист-Энде. Эти двое, находящиеся по разные стороны не только закона, но и реальности, так плотно завладели вниманием публики, что во многих «современных» историях о Шерлоке, написанных его почитателями, детектив снова возвращается к расследованию так и не раскрытых убийств в Уайтчепеле.

В 1988 году меня пригласили на телевидение с просьбой проанализировать психотип Джека-потрошителя. О своих заключениях по поводу самого знаменитого субъекта в истории я расскажу далее на страницах этой книги.

Поведенческий профайлинг сошел со страниц литературных произведений в реальную жизнь лишь спустя более века после «Улицы Морг» По и более полувека после «Приключений Шерлока Холмса». В середине 1950-х Нью-Йорк продолжал сотрясаться от взрывов, подготовленных «маньяком-подрывником»^[7]. За пятнадцать лет, что он оставался на свободе, «подрывник» заложил более тридцати бомб. Его целями становились такие места массового скопления, как железнодорожные станции Гранд-Централ и Пенсильвания, концертный зал «Радио-сити». Тогда я, еще совсем ребенок, жил в Бруклине и отлично помню то дело.

В конце концов в 1957 году полиция обратилась к психиатру из Гринвич-Виллидж – доктору Джеймсу А. Брус-селу, который изучал фотографии с мест взрывов и тщательно анализировал издевательские письма «подрывника», публикуемые в газетах. На основе общей модели поведения преступника он пришел к ряду существенно важных выводов и определил, что тот является параноиком, ненавидит отца, одержим любовью к матери и живет в одном из городов штата Коннектикут. В

заключение психологического портрета доктор Бруссел писал: «Ищите грузного мужчину средних лет иностранной наружности. Он римский католик. Одинокий. Живет с братом или сестрой. Когда вы его найдете, с определенной вероятностью на нем будет двубортный костюм, застегнутый на все пуговицы».

По отсылкам из некоторых писем следовало, что «подрывник», скорее всего, обозлившийся нынешний или бывший сотрудник энергетической компании «Консолидейтед Эдисон». Сопоставив психологический портрет с кругом лиц, связанных с данной компанией, полиция наткнулась на имя Джорджа Метески. Оказалось, что тот действительно работал в «КонЭд» в 1940-х, еще до начала взрывов. Однажды вечером полиция наведлась в его дом в городке Уотербери, штат Коннектикут, и действительно обнаружила на месте грузного, одинокого, римского католика-иностранца средних лет. Единственное отличие от психологического портрета состояло в том, что он жил не с братом или сестрой, а с двумя незамужними сестрами. Когда же полицейский попросил подозреваемого одеться и проехать с ними в участок, тот через несколько минут вышел из спальни в двубортном костюме, застегнутым на все пуговицы.

Объясняя, как ему удалось достичь такой сверхъестественной точности в своих выводах, доктор Бруссел отметил, что психиатр обычно обследует пациента и лишь потом пытается сделать логичные умозаключения относительно того, как тот поведет себя в той или иной ситуации. Разрабатывая психологический портрет Метески, доктор поступил с точностью наоборот, то есть попытался представить себе индивида, руководствуясь его действиями.

По прошествии более сорока лет дело «маньяка-подрывника» кажется нам совсем простым. Но тогда оно стало ключевой вехой в науке, получившей впоследствии название криминального психоанализа (поведенческого анализа) и ставшей важной частью современной криминалистики. Ну а светилом этой науки стал, конечно, доктор Бруссел, позже работавший с полицией Бостона по делу «бостонского душителя»^[8].

Прием, который используют выдуманные Дюпен и Холмс, а также настоящий Бруссел и его последователи, часто называют дедукцией, однако на самом деле он ближе к индукции, то есть наблюдению за частными элементами явления и составлению общих заключений на их основе. Когда я пришел в академию в 1977 году, инструкторы отдела поведенческого анализа, включая его пионера Говарда Тетена, только начинали применять идеи доктора Бруссела на занятиях с профессионалами сыска. На тот момент метод выглядел скорее анекдотом и не подкреплялся годами исследований. Когда я начал заниматься наукой профайлинга, она пребывала в зачаточном состоянии.

Я уже отмечал, насколько важно для нас уметь влезать в шкуру и разум неизвестного убийцы. В процессе исследований и накопления опыта мы обнаружили, что не менее важно, сколь бы страшно и болезненно это ни было, уметь посмотреть на дело и глазами жертвы. Только в том случае, если мы хорошо понимаем, каковой могла быть реакция жертвы на те ужасы, что с ней происходили, мы сможем составить наиболее полное представление о поведении самого преступника.

Хочешь понять преступника – присмотришься к его деяниям.

В начале 1980-х полиция из сельского городка в Джорджии обратилась ко мне с делом, поразившим меня до глубины души. Молодую девчонку, четырнадцатилетнюю мажоретку средней школы, похитили среди бела дня на автобусной остановке всего метрах в ста от дома. Несколько дней спустя ее полураздетое тело обнаружили в десяти милях оттуда, в облюбованном парочками укромном месте, скрытом деревьями. Она была изнасилована и скончалась от удара тупым предметом по голове. Рядом лежал увесистый, со следами запекшейся крови булыжник.

Прежде чем приступить к анализу, я постарался узнать о жертве как можно больше. Милая и симпатичная, в свои четырнадцать она и выглядела ровно на четырнадцать, а не на двадцать один, как иногда бывает. Все, кто знал девочку, как один, утверждали, что она не была склонна к неразборчивым связям и осторожно относилась к флирту, ни разу не притрагивалась ни к наркотикам, ни к алкоголю, да и вообще всегда была со всеми приветливой и дружелюбной. Вскрытие показало наличие девственности до изнасилования.

Для меня подобная информация была критически важна, поскольку, руководствуясь ею, я смог прикинуть, как она отреагировала на похищение, как вела себя в процессе и, следовательно, как преступник обращался с ней во время совершения акта насилия. Из этого я сделал вывод, что убийство не было запланированным. Насильник запаниковал, удивившись, что жертва не встретила его с распростертыми объятиями. В свою очередь, этот вывод приблизил меня к пониманию натуры преступника, и по моей наводке полиция выделила одного мужчину, который проходил подозреваемым в изнасиловании, совершенном годом ранее в соседнем городе. Понимание особенностей жертвы также помогло мне составить для полиции стратегию допроса этого весьма незаурядного субъекта, который, как я и предполагал, без труда обманул детектор лжи. Это весьма занимательное и трогательное дело мы обсудим в деталях чуть позже. А пока удовольствуемся тем, что субъект сознался и в убийстве, и в совершенном ранее изнасиловании. Впоследствии он был осужден, а на момент издания этой книги казнен в тюрьме штата Джорджия.

Когда мы в Национальной академии преподаем агентам ФБР и профессионалам правоохранительных служб основы криминального психоанализа и анализа места преступления, мы стараемся научить их

представлять себе всю историю преступления целиком. Мой коллега Рой Хейзелвуд, который уволился из Бюро в 1993 году, а до этого несколько лет вел начальный курс профайлинга, разделял анализ на три ключевых вопроса, или фазы: «что», «почему» и «кто».

Что произошло? Вопрос включает все то, что может быть значимо для понимания моделей поведения.

Почему это произошло именно так, а не иначе? Почему, например, над трупом надругались после смерти? Почему не украли ничего ценного? Почему в дом вошли, а не вломились? Каковы причины каждого фактора данного преступления, существенного с точки зрения поведения?

А из этого вытекает последний вопрос: *кто* мог бы совершить преступление по этим причинам?

Наша задача – ответить на эти вопросы.

Глава 2. Моя мать – Холмс

Девичья фамилия моей матери действительно Холмс, и с легкой подачи моих родителей я едва не унаследовал ее в качестве второго имени вместо более прозаичного «Эдвард».

Оглядываясь назад, скажу, что, кроме этого, мало что в моем детстве намекало на светлое будущее охотника за разумом, или криминального профайлера.

Я родился в Бруклине, Нью-Йорк, неподалеку от Квинса. Мой отец, Джек, работал наборщиком в «Бруклин игл». Когда мне исполнилось восемь, папа, обеспокоенный ростом преступности, решил перевезти нас в Хемпстед, Лонг-Айленд, где стал председателем Лонг-айлендского союза печатников. Еще у меня есть сестра, Арлин, на четыре года старше меня. Она всегда была гордостью нашей семьи – как в учебе, так и в спорте.

Сам я не блистал, перебиваясь с тройки на четверку, но, несмотря на весьма средненькие успехи в учебе, всегда был вежливым, легким в общении и пользовался вниманием учителей Ладлэмской начальной школы. Больше всего меня занимали животные, вот почему в разное время у меня обитали собаки, кошки, кролики, хомяки и змеи. Всех этих тварей мама терпела исключительно потому, что я хотел стать ветеринаром. Поскольку начинание обещало вполне законную карьеру, она всячески поддерживала меня.

В школьные годы я проявил недюжинное умение сочинять сказки, что сыграло свою роль в моем становлении в качестве сыщика. Сыщики и криминальные аналитики должны уметь слепить целостную картину из разрозненных и кажущихся несвязанными фактов, вот почему талант

рассказчика крайне важен, в особенности при расследовании убийств, когда сама жертва не может ни о чем поведать.

Как бы то ни было, я зачастую прибегал к своему мастерству, чтобы избежать работы. Помнится, однажды в девятом классе мне было так лень читать книжку для устного доклада, что, когда подошла моя очередь отвечать, я выдумал и название, и автора, поведав о выдуманных туристах-палаточниках, поющих песни ночью у костра.

Я сочинял сюжет на ходу, а сам думал: сколько я смогу так продержаться? Вот уже и выдуманный медведь подкрался к туристам, он готовится к прыжку – и тут я запнулся, захохотал, и мне оставалось только признаться, что вся история с самого начала была плодом моей фантазии. Должно быть, наличие совести все-таки доказывает, что у меня нет выраженного преступного психотипа. И вот стою я перед классом: ложь раскрылась, сейчас меня начнут отчитывать, придется краснеть перед приятелями, и я уже знаю, что скажет мама, когда узнает об этой истории.

Но, к моему изумлению и удивлению, и учитель, и ребята всерьез увлеклись моей историей! Когда же я признался в обмане, все дружно потребовали: «Рассказывай дальше. Что было потом?» Я и продолжил, а потом даже получил пятерку. Я долгое время скрывал тот «подвиг» от собственных детей: не хотел, чтобы они думали, будто преступление сходит с рук. А для себя усвоил: если сумеешь подать свои идеи, заинтересовать слушателей, с тобой будут соглашаться. Это правило не раз помогало мне, когда приходилось убеждать начальство или местную полицию в практической значимости наших услуг. Стоит признать, однако, что в каком-то виде этот же прием используют мошенники и проходимцы всех мастей.

Кстати, мои выдуманные туристы таки спасли свои шкуры, хотя изначально задумывалась иная концовка – я ведь больше любил животных, чем людей. Готовясь к карьере ветеринара, я поступил на программу «Корнелл-фарм» и провел три лета подряд на молочных фермах в северной части Нью-Йорка. Программа спонсировалась из средств ветеринарной школы при одноименном университете. Это отличная возможность вырваться из городской суеты и пожить на природе, но взамен мне приходилось работать по 70–80 часов в неделю за 15 долларов, в то время как мои одноклассники загораки на Джонс-Бич. Так что, если мне больше не доведется доить корову, я как-нибудь переживу.

Постоянный физический труд привел меня в хорошую форму, а занятия спортом были моей второй всепоглощающей страстью. В старшей школе в Хемпстеде я был бейсбольным питчером и полузащитником в команде по американскому футболу. Оглядываясь назад, я ловлю себя на мысли, что именно тогда впервые и начал проявляться мой интерес к личностному психоанализу.

На площадке я быстро понял, что меткий и сильный бросок – это лишь полдела. Я уверенно выполнял прямую подачу и неплохо освоил боковую, но такими же или схожими приемами владели почти все школьные питчеры. Вся соль была в том, чтобы запугать отбивающего, а для этого достаточно окружить себя ореолом уверенности и заставить парня на базе чувствовать себя уязвимым. Забавно, но именно этот принцип много лет спустя лег в основу разрабатываемых мною техник допроса.

В старшей школе я вымахал под метр девяносто, что пошло мне на руку. Какие бы умные и талантливые мы ни были, я знал, что в более-менее серьезной лиге у нас мало шансов, и поэтому задать победный тон может только питчер, который будет вытаскивать игру на поле. Для ученика старшей школы я очень неплохо овладел подачей, но решил не дать отбивающим противной команды об этом догадаться. Я старался выглядеть бесшабашным и непредсказуемым, чтобы отбивающие не слишком окапывались в обороне. Пусть они думают, что, стоит им окопаться, и психованный парень из команды противника тут же пошлет мяч с подкруткой или того хуже.

А вот футбольная команда Хемпстеда действительно была сильной, и в ней мне, юноше крупному, досталась роль полузащитника. И снова я поймал себя на мысли, что преимущество извлекается из грамотной психологической подачи. Я мог с легкостью бросаться на тяжелых ребят с рычанием и криками, ну и в целом ведя себя как псих. Вскоре и остальные полузащитники последовали моему примеру. Позже, когда мне начали регулярно попадаться убийства, в которых безумие использовалось как средство обороны, из собственного опыта я уже знал, что сам факт неадекватного поведения не обязательно означает, что человек не отдает себе отчета в своих действиях.

В 1962 году у нас состоялся матч против команды Вантагской старшей школы за кубок Торпа, престижную награду для лучшей футбольной команды Лонг-Айленда среди учеников старших школ. В среднем каждый из них был тяжелее нашего брата на двадцать кило, и нам светили отличные шансы оказаться раздавленными в лепешку еще до конца матча. Поэтому перед началом официальной встречи мы провели несколько разминочных игр с единственной целью – нервировать и запугать оппонента. Мы выстраивались в две шеренги, причем первый игрок должен был толкнуть – а вернее, сбить с ног – первого игрока противной шеренги. Все это мы сопровождали соответствующими воплями и рыком. По лицам вантаговцев мы поняли, что добились нужного эффекта. Наверное, они думали так: «Если эти клоуны настолько тупые, чтобы отрабатывать такое друг на друге, одному Богу известно, что они сделают с нами».

На самом деле все это представление было тщательно срежиссировано. Мы отрабатывали борцовские броски, чтобы со стороны они выглядели болезненно, но на самом деле вреда они не причиняли. Когда же

началась игра, мы старались поддерживать заданный уровень сумасшествия, чтобы нас сочли безумцами, которых выпустили из психушки на один вечер и заберут обратно сразу же по завершению матча. Игра была напряженной, но, когда пыль улеглась, мы выиграли со счетом 14: 13 и завладели кубком Торпа 1962 года.

Первую пробу пера в деле охраны правопорядка, то есть настоящего профайлинга, я совершил в восемнадцать, устроившись вышибалой в бар-клуб «Газлайт-Ист» в Хемпстеде. У меня так здорово получалось, что позже меня пригласили на ту же должность в «Серф клуб» на Лонг-Бич. В обоих местах мои основные обязанности состояли в том, чтобы не впускать тех, кому по закону еще рано употреблять спиртное, и пресекать неизбежные в любом питейном заведении драки.

Стоя на входе, я спрашивал удостоверение личности у всех, кто казался мне недостаточно взрослым, и тут же спрашивал дату рождения, чтобы сопоставить цифры. К этой весьма банальной процедуре все уже давно привыкли, а потому ни для кого она не была неожиданностью. Крайне редко попадались мне наивные ребята, приходившие с поддельным удостоверением, даже не потрудившись запомнить дату в нем. Прямой взгляд в глаза в момент вопроса оказывался весьма эффективным приемом против некоторых посетителей, особенно девушек, которые в этом возрасте отличаются большей социальной ответственностью. Но те, кто хочет попасть внутрь, все равно легко могут пройти любую проверку, если хоть на несколько мгновений сосредоточатся на игре.

На самом же деле, опрашивая каждую компашку молодых людей, я незаметно наблюдал за другими посетителями, через два-три человека от начала очереди, – следил, как они готовятся отвечать на вопросы, отмечал их невербальные жесты, искал признаки нервозности или робости.

Разнимать драки было куда сложнее, и тут мне приходилось пускать в дело свою физическую подготовку. Если в твоих глазах читается только непредсказуемость, если ты ведешь себя достаточно нагло и смело, то иногда даже верзилы дважды подумают, прежде чем связаться с тобой. Если они видят, что ты достаточно отбитый, чтобы не переживать за свою шкуру, ты тут же становишься куда более опасным противником. Например, почти двадцать лет спустя, когда мы брали тюремные интервью в целях крупного исследования на тему серийных убийств, мы выяснили, что по ряду ключевых признаков убийца-фанатик в разы опаснее обычного серийного убийцы. Все дело в том, что, в отличие от серийного убийцы, который выберет жертву себе по зубам и тщательно продумает пути отхода, маньяк одержим своей «миссией» и в общем случае готов даже умереть во имя нее.

Еще одно соображение по поводу того, как составить о себе нужное впечатление, например, что ты достаточно неадекватный или психованный для непредсказуемого поведения: надо поддерживать

заданный образ постоянно, а не только в том случае, когда за тобой наблюдают. Однажды я отправился в федеральную тюрьму в Мэрионе, штат Иллинойс, где провел интервью с Гари Трапнеллом, отъявленным вооруженным грабителем и угонщиком самолетов. Во время беседы он заявил, что способен убедить любого судебного психиатра в наличии у него любого умственного расстройства, какое я ни назову. По его словам, секрет в том, чтобы вести себя так все время, даже когда ты наедине с самим собой в тюремной камере. Тогда при встречах с врачами не придется «продумывать» свое поведение, на чем большинство и прокалывается. А я, похоже, инстинктивно выработал мышление преступника задолго до того, как получил «совет от эксперта».

Если в баре мне не удавалось запугать драчунов, в ход шли навыки начинающего профайлера. Я старался погасить конфликт до того, как он перерастет в серьезную заварушку. С моим скромным опытом я вскоре обнаружил, что при внимательном наблюдении за поведением и невербальными жестами их можно соотнести с неким действием, которое сигнализирует о начале драки. По этим признакам я старался предвидеть намерения зачинщиков. При малейших подозрениях я старался предупредить драку и, используя элемент неожиданности, вмешивался в спор и выводил потенциального драчуна подышать воздухом, пока не опомнится. Я уверен, что большинство сексуальных маньяков и серийных насильников поднаторели в подчинении, манипуляции и контроле, и я старался овладеть теми же самыми навыками, но в другом контексте. Во всяком случае, я приобрел ценный опыт.

На момент выпуска из школы я по-прежнему хотел стать ветеринаром, хотя оценки у меня не дотягивали до уровня Корнеллского университета. Поступить на схожую программу я мог только в Государственный университет Монтаны. Поэтому в сентябре 1963 паренек родом из Бруклина, живущий на Лонг-Айленде, отправился в сердце Страны большого неба.

По прибытии в Боузмен я испытал сильнейший культурный шок.

«Привет из Монтаны, – писал я в одном из первых писем домой, – края настоящих мужчин и пугливых овец». Монтана воплотила в себе все стереотипы и клише Дикого Запада, а для местных я сам был типичным парнем с Востока. Я вступил в местное отделение студенческого братства «Сигма Фи Эпсилон», состоявшее преимущественно из местных юношей, среди которых я выглядел белой вороной. Я носил черную шляпу, черную одежду, черные ботинки и длинные смешные бакенбарды – ни дать ни взять персонаж «Вестсайдской истории»^[9], какими в те времена и представляли ньюйоркцев вроде меня.

Поэтому я решил выжать максимум из своего положения. На всяких культурных мероприятиях местные обычно надевают традиционные западные наряды и танцуют тустеп, тогда как я провел последние

несколько лет учебы в ревностном просмотре по телику выступления Чабби Чекера^[10] и назубок знал самые разные вариации твиста.

Поскольку моя сестра Арлин была на четыре года старше, она уже давно записала меня в партнеры на занятиях по танцам, и вскоре я стал танцевальным инструктором для всего местного студенческого сообщества. Я чувствовал себя миссионером, отправившимся в отдаленный уголок планеты, где ни разу не слышали английскую речь.

В учебе я никогда особо не блистал, но теперь оценки упали вообще ниже некуда – все потому, что я занимался чем угодно, только не учебой. У меня уже был опыт работы вышибалой в нью-йоркском баре, но в Монтане употреблять алкоголь разрешалось с двадцати одного года. К несчастью, понижение планки меня не остановило.

Первые проблемы с законом у меня начались тогда, когда мы с товарищем по братству пошли на свидание с двумя отвязными девчонками, с которыми познакомились в доме для матерей-одиночек. Для своего возраста наши подружки выглядели очень взрослыми. Мы остановились у бара, и я зашел за упаковкой пива.

Бармен попросил показать удостоверение. Я достал качественно подделанный билет военнообязанного. Работая вышибалой, я научился нескольким секретам и уловкам, связанным с фальшивыми документами.

Глядя на карточку, бармен сказал: «Бруклин, значит? Вы, с Востока, все здоровые малые». Я изобразил самоуверенный смешок, но остальные посетители бара обернулись, так что теперь у нас появились свидетели.

Я вернулся на стоянку, сел в машину, и мы тронулись, попивая свежее пиво. Тут по непонятной причине одна из девушек резко сунула пиво в бардачок.

И вдруг, откуда ни возьмись, раздается звук полицейской сирены. Нас тормозят: «Выходите из машины».

Мы вышли, начался обыск, и, хотя я прекрасно понимал, что оснований проводить его нет (читай: незаконный), полицейскому я благоразумно решил не перечить. Когда он нагнулся, из-под куртки показались пистолет и резиновая дубинка, и голове у меня промелькнула идиотская мысль, что я в мгновение ока могу треснуть копа по голове, схватить ствол и умчаться. К счастью для моего будущего, я одумался. Но, предвидя дальнейший ход событий, достал поддельную карточку из бумажника и поглубже засунул в трусы.

Всех четверых забрали в участок и разделили, и вот тут я перепугался не на шутку, потому что знал, как действуют полицейские, и боялся, что один из них меня сдаст.

Затем один из офицеров обратился ко мне: «Так, сынок. Скажи честно, бармен проверял документы? Если нет, поедem туда. У нас и раньше были к нему вопросы».

Я ответил: «Там, откуда я пришел, крыс не любят. Это не про нас». Весь из себя крутой гангстер, а сам сижу и думаю: ну конечно, он проверил у меня документы, а я показал ему подделку! А тем временем карточка проскользнула еще ниже и уткнулась мне в гениталии. Я понятия не имел, будут нас раздевать для обыска или нет. Тут ведь такая глухомань, кто его знает, какие у них порядки. Я быстро сориентировался и стал симулировать недомогание, заявив, что мне плохо и срочно нужно в туалет.

Меня отпустили без сопровождения, но я пересмотрел фильмов, где за арестантом наблюдают по ту сторону зеркала, и поэтому отошел в самый угол, запустил руки в штаны и извлек документ, а затем вернулся к раковине и изобразил тошноту на тот случай, если за мной следят. Потом я зашел в кабинку, смыл в унитаз фальшивую карточку военнообязанного и уверенно вернулся к офицеру. Разбирательство закончилось испытательным сроком и штрафом 40 долларов.

Вторая встреча с боуэменской полицией у меня состоялась на втором курсе. На этот раз все было серьезнее.

Мы отправились на родео с двумя парнями с востока и одним монтановцем. Посмотрев шоу, мы сели в «студебеккер» 1962 года и двинулись обратно. В машине у нас было пиво. Опять. Все вокруг замело снегом. За рулем сидел парень из Бостона, я был спереди, а местный – на заднем сиденье. Водитель проехал под знак остановки, и – вот неожиданность! – сразу за ним стоял коп. Такое ощущение, что встречи с полицией стали лейтмотивом моей жизни в Монтане. Что бы там ни говорили, мол, копов не доищешься, когда они нужны, это совершенно несправедливо в отношении Боуэмена образца 1965 года.

Короче, этот болван, мой товарищ по братству, – просто не верится – проехал мимо! Решил посостязаться с копом.

На каждом повороте, когда мы ненадолго исчезали из виду, я выбрасывал из окна банки с пивом. Вскоре мы примчались в жилую зону, подпрыгивая на «лежачих полицейских»: бум, бум, бум. Впереди стоял целый кордон – должно быть, преследователь уже успел информировать участок. Мы объезжаем его прямо по газону. Все это время я ору как резаный: «Останови тачку, черт возьми! Выпусти меня!» Но этот тупица только пуще поддает газу. Машину несет, снег сыпет как из ведра, а сзади надрываются сирены.

Перекресток. Бостонец резко бьет по тормозам, машина уходит в круговой занос, дверь распахивается, и я вылетаю наружу. В последний момент я уцепился за дверь, и меня задницей потащило по заснеженному асфальту. Потом кто-то крикнул: «Бежим!»

Ну мы и побежали. Кто куда. Я добрался до переулочка, где стоял пустой грузовик, и спрятался в нем. Убегая, я уронил свою черную шляпу. Пиджак у меня был двусторонний – черный с золотым, – и я вывернул его золотом наружу, чтобы замаскироваться. Но я обливался потом и

тяжело дышал, и вскоре стекла грузовика запотели, и я подумал: черт, меня же так найдут. К тому же владелец машины мог вернуться в любую минуту, а здесь у каждого встречного при себе ствол. Я чуть-чуть протер стекло, чтобы видеть, что происходит снаружи. У брошенной нами машины царило настоящее столпотворение: полицейские, собаки, всякое такое. И вот они идут в переулок, лучи фонариков обшаривают грузовик, а я вот-вот обделаюсь от страха. До сих пор не могу поверить, что они прошли мимо, не заметив меня!

Я тихонько вернулся в универ, а там все только и говорили о нас. Оказалось, что двое с востока тоже сбежали, но парня из Монтаны схватили, и он нас сдал. Вскоре полиция явилась и за нами. На допросе я слезно убеждал их в том, что не управлял машиной, а, наоборот, страшно перепугался и просил водителя остановиться. Тем временем бостонского водилу упекли за решетку, где вместо кушетки была железная кровать без матраса, и посадили на хлеб с водой. Мое же нечеловеческое везение снова пришло мне на выручку, и меня отпустили с очередным штрафом 40 долларов и предупреждением за приобретение спиртного.

В этот раз о моих приключениях оповестили и университет, и родителей, которые тут же воспылали праведным гневом. С оценками лучше не становилось. Я стабильно получал три с минусом, а зачет по ораторскому мастерству я вообще завалил, потому что ни разу не был на занятиях. Это уже ни в какие ворота не лезло, ведь я всегда считал, что умение болтать как раз и является моим главным орудием. Но хуже всего, что я не имел ни малейшего понятия, как мне выбираться из этого болота. К концу второго курса стало ясно, что мои приключения на Диком Западе подходят к концу.

Вам наверняка показалось, что все воспоминания об этом периоде моей жизни – сплошь боль и страдания. Так тогда считал и я. Меня вернули домой под строгий надзор разочарованных родителей. Особенно огорчилась мама, поскольку знала: теперь мне ни за что не стать ветеринаром. Вновь полагаясь на свои физические данные, на лето 1965-го я устроился спасателем, как поступал во все нелегкие времена. Лето кончилось, мне больше не нужно было ходить на занятия, и я нашел работу управляющего фитнес-клуба в гостинице «Холидей инн» в Патчоге.

Вскоре после этого я познакомился с Сэнди, работавшей в отеле официанткой. Красивая молодая женщина, уже с ребенком, тут же свела меня с ума. Она очень эффектно смотрелась в своей аккуратной кокетливой униформе. Я же, благодаря постоянным тренировкам и упражнениям, был в отличной форме и, похоже, тоже нравился Сэнди. Она все время названивала мне домой, и отец злился: «Кто, черт побери, трезвонит тебе днем и ночью? Там еще ребенок на фоне постоянно кричит».

Я жил с родителями и не мог пригласить подругу к себе, но Сэнди рассказала, что работники отеля могут с большой скидкой снимать свободные номера. Так что мы так и поступили.

Рано утром нас разбудил телефонный звонок. Сэнди взяла трубку и тут же закричала:

– Нет! Нет, не пускайте его!

Спросонья я поинтересовался, кто звонил.

Она ответила:

– Это ресепшн. Они говорят, что пришел мой муж. Он уже поднимается. Сонливость как рукой сняло.

– Твой муж?! Ты о чем? Ты не говорила, что замужем!

Она заметила, что и незамужней себя не объявляла, а потом добавила, что они уже давно не живут вместе.

Тут я услышал, как этот маньяк несется по коридору в нашу сторону. Мне конец.

Потом он начал барабанить в дверь:

– Сэнди! Сэнди, я знаю, что ты там!

Из комнаты в коридор выходило небольшое застекленное слуховое окно. Муж начал дергать стекла в попытке вырвать их из рамы. Я отчаянно искал пути отхода. Хотя мы поселились на втором этаже, но в комнате не было других окон, так что выпрыгнуть и сбежать я не мог.

Я спросил:

– У него есть пушка или что-то вроде того?

– Иногда он носит с собой нож, – призналась Сэнди.

– Твою мать! Просто супер! Нужно убираться отсюда. Открой ему.

Я занял боксерскую стойку, и Сэнди распахнула дверь. Тут же внутрь вбежал ее муж, направляясь прямо ко мне. Но он двигался против света, и мой затененный силуэт, должно быть, показался ему куда больше и внушительнее, чем был на самом деле. Муж решил остановиться, но продолжил изрыгать проклятия:

– Ах ты сукин сын! Убирайся к чертовой матери!

Поскольку на сегодня я уже перевыполнил план мачо, а ведь день только начался, я скромно ответил:

– Да, сэр. Как раз собирался.

И снова мне повезло выйти сухим из воды и с целой шкурой. Но я не мог более игнорировать тот факт, что жизнь катится в тартарары. Тем же днем я случайно сломал переднюю ось отцовского «сааба», гоняясь с красным «эм-джи-эй» моего друга Билла Тернера.

Однажды ранним воскресным утром мама зашла ко мне в комнату и вручила приглашение от службы призыва. Вместе с тремя сотнями других бедолаг я отправился в Уайтхолл-Плейс на медосмотр. Там мне предложили сделать несколько глубоких приседаний, и я сопровождал их громким хрустом в коленях – на футболе я получил травму, и мне удалили хрящ, прямо как Джо Намату, но у него и адвокат был получше. Комиссия отложила решение на некоторое время, но в конце концов мне все равно сказали, что Дядя Сэм очень во мне нуждается. Служба в сухопутных войсках меня особо не привлекала. Рассчитывая на лучшее образование, я на четыре года впрягся в ВВС. Кто знает, может, именно это мне было и нужно. В конце концов, и в Нью-Йорке, и в Монтане я бездарно профукал свой шанс на образование.

Была еще одна причина, по которой я выбрал именно в ВВС. На дворе стоял 1966-й, и война во Вьетнаме только начинала набирать обороты. Не могу сказать, что имел определенные политические взгляды, но из-за отца, полномочного представителя Лонг-айлендского союза печатников, больше склонялся в сторону демократии Кеннеди. И все же перспектива словить пулю, поддерживая некое общее дело, о котором я имел лишь весьма скромное представление, меня особо не привлекала. Я помню, как один механик ВВС рассказывал, что это единственный вид вооруженных сил, где офицеры – пилоты – непосредственно участвуют в боевых действиях, а срочники остаются в частях тылового обеспечения. Я не горел желанием воевать, и такая альтернатива меня полностью устраивала.

На начальную подготовку меня отправили в Амарильо, штат Техас. Почти половину нашего звена (так называлась учебная группа в ВВС) из пятидесяти человек составляли ньюйоркцы вроде меня, а другую половину – южане из Луизианы. Строевой инструктор постоянно чморил северян, и, по большей части, было за что. Я прибилсь к южанам, которые показались мне куда приятнее и общительнее, чем соотечественники из Нью-Йорка.

Для большинства базовая подготовка стала тяжким испытанием. Мне же после жесткой тренерской муштры в командных видах спорта, а также с учетом пофигизма, который все заметнее проявлялся у меня в последние несколько лет, крики строевого инструктора казались просто надоедливым жужжанием. Все его психологические приемы и хитрости я читал как открытую книгу, а сам пребывал в отличной физической форме. Базовая подготовка мне давалась легче легкого. Глазомер и точность, разработанные еще в бытность питчером в старшей школе, пошли мне на пользу, и довольно скоро я получил значок стрелка-эксперта из М-16, хотя до службы в ВВС стрелять мне приходилось только из воздушки по уличным фонарям, когда я был еще подростком.

На курсе базовой подготовки я снова заработал репутацию плохиша, но уже немного в другом отношении. Меня, накачанного и бритого, прозвали «русским медведем». В соседнем звене был похожий парень, и кого-то

вдруг осенило, что нам имеет смысл побоксировать для поднятия боевого духа всего курса.

Бой стал для базы крупным событием. Равные по силе, мы не уступали ни пяди, увлеченно выколачивая друг из друга дерьмо. Тогда я сломал нос в третий раз (первые два – на футболе в школе).

Как бы то ни было, из пятидесяти человек в своем звене я стал третьим в списке лучших. По завершению начальной подготовки я прошел ряд тестов, по которым оказался годным для школы радиоразведки. Но мест там уже не было, а я не особо хотел ждать следующего набора, поэтому меня устроили наборщиком, хотя печатать я не умел. На базе ВВС Кэннон, что в ста милях от Кловиса, штат Нью-Мексико, как раз открылась вакансия в отделе личного состава.

Там я и застрял, целыми днями стуча двумя пальцами по клавиатуре и заполняя формы о демобилизации под неусыпным наблюдением идиота-сержанта, и все повторял сам себе: нужно выбираться отсюда.

И снова мое невероятное везение. Прямо напротив отдела личного состава расположилось специальное обеспечение. Услышав название, большинство из вас наверняка подумали о специальных войсках вроде зеленых беретов. Но все же это было именно специальное обеспечение, а конкретнее – специальное спортивное обеспечение. С моим прошлым я не мог упустить такую прекрасную возможность защитить родину, когда она во мне так нуждается.

Я стал невзначай околачиваться у них под дверью и однажды услышал, как один из собеседников вдруг произнес: «Эта программа летит ко всем чертям. У нас просто нет нужного человека».

И я подумал: вот оно! Набравшись смелости, я постучался и вошел в комнату: «Здравствуйте, я Джон Дуглас. Позвольте мне рассказать о себе».

Начав свой спич, я внимательно следил за реакцией потенциальных начальников и одновременно нащупывал «профиль» нужного им кадра. И, кажется, мне это удалось, потому что они все время переглядывались, как бы говоря: «Это чудо! Именно такой человек нам и нужен!» В итоге меня перевели из отдела личного состава в спецобеспечение, и с того дня я больше ни разу не надел военную форму. Мне дали надбавку за то, что, будучи срочником, я еще и руководил всеми спортивными программами, а также записали в программу «Операции „Шнуровка“»^[11], по которой правительство теперь оплачивало мне 75 % расходов на образование. Именно им я и занялся, посещая по вечерам и выходным занятия в университете Порталеса, что на востоке Нью-Мексико, в двадцати пяти милях от авиабазы. Чтобы опять не вылететь с учебы, мне нужно было изменить тройку с минусом на круглые пятерки. Впервые за долгое время я почувствовал, что у меня в жизни появилась цель.

Я так хорошо справлялся с работой представителя ВВС в таких напряженных видах спорта, как теннис, футбол и бадминтон, что в конце концов меня назначили старшим по начальному и продвинутому курсу игры в гольф, хотя я ни разу в жизни не забил шар в лунку. Впрочем, я отлично смотрелся в традиционном гольфистском свитере, руководя бесчисленными соревнованиями.

Однажды командир части подошел ко мне узнать, мячик какой жесткости лучше всего подойдет для такого-то соревнования. А я в этом ровным счетом ничего не смыслил, но, как и в девятом классе у доски, принялся сочинять на ходу. «Как, черт возьми, ты вообще попал в гольф?» – изумился командир. Меня тут же сняли с гольфа и перевели руководить женской группой огранки, что звучало многообещающе, пока я не сообразил, что речь идет о резьбе по камню. Также мне поручили женскую группу керамики и бассейн офицерского клуба. И я стал думать: в чем подвох? Эти офицеры кружат в небе над Вьетнамом, рискуя своими задницами, а я здесь подаю стулья и полотенца их игривым женам, учу плавать их детей, да еще и получаю за это неплохую надбавку и возможность получить высшее образование.

Еще одна моя обязанность отчасти перекликалась со знакомой должностью вышибалы. Рядом с бассейном располагался офицерский бар, зачастую битком набитый юными пилотами, которые тренировались под началом тактического авиационного командования. Не раз приходилось мне растаскивать одуревших пьяных летчиков или самому отбиваться от них.

На втором году пребывания в ВВС, активно исполняя свои студенческие обязанности, я наткнулся на местную ассоциацию, опекающую детей-инвалидов. Там требовалась помощь в организации развлекательной программы, так что я вызвался добровольцем. Раз в неделю вместе с двумя гражданскими сотрудниками я водил пятнадцать детишек покататься на роликах, поиграть в мини-гольф и боулинг или предлагал им другие спортивные мероприятия, развивающие личностные навыки и физические способности.

Большинство детишек имели крайнюю форму инвалидности: слепоту, синдром Дауна или острую моторную дисфункцию. Работа тяжелая, но она мне очень нравилась. Например, иногда приходилось кружить по роллердрому, сжимая в каждой руке по детской ладошке и следя за тем, чтобы ребята не столкнулись или не ушиблись. По правде говоря, мало что в моей жизни приносило мне столько же удовольствия.

Едва я подъезжал к школе, мои подопечные тут же высыпали наружу встречать меня и толпились у машины, я выходил, и мы все тепло обнимались. Когда же приходило время расставаться, мне жалко было уезжать, а дети не хотели отпускать меня. От этой работы я получал такую отдачу, сколько любви и тепла, сколько в тот период жизни мне и не снилось, и вскоре я повадился приезжать к ним по вечерам почитать.

Эти ребята разительно отличались от здоровых, так называемых нормальных детей на базе. Последние вечно были в центре внимания и получали от родителей все, чего ни попросят. Мои же «особые» дети всегда с большой благодарностью принимали любое доброе слово и, несмотря на инвалидность, отличались дружелюбием и готовностью к приключениям.

Я и не догадывался о том, что все это время за мной наблюдали психологи. Видимо, я и правда очень неплохо справлялся, раз привлек их внимание к своей персоне. Так или иначе, сотрудники кафедры психологии университета Восточного Нью-Мексико оценили мою работу и предложили мне четырехлетнюю программу по курсу коррекционно-развивающего обучения со стипендией.

Хотя я скорее задумывался о психологии промышленного производства, детишек я полюбил, да и перспектива вырисовывалась неплохая. В сущности, я все равно мог остаться в ВВС и выбрать карьеру офицера. Предложение университета я передал на рассмотрение гражданскому совету авиабазы по личному составу, но там решили, что ВВС не нуждается в специалисте по детям с отклонениями. Такой ответ меня несколько удивил, ведь на базе всегда было полно детей на иждивении. В общем, от образования по программе пришлось отказаться, но я продолжал навещать своих любимцев.

В 1969 году на Рождество я собирался навеститься домой, навестить родных. Мне предстояло проехать сто миль обратно до Амарильо, а там пересестись на самолет до Нью-Йорка, но мой выдавший виды «фольксваген-жук» едва ли подходил для такого путешествия. Мой лучший друг в ВВС, Роберт Лафонд, любезно согласился дать мне свой «карманнга». Я ужасно не хотел пропускать рождественскую вечеринку в отделе специального обеспечения, но только так я успевал на самолет в Амарильо.

Родители встретили меня в аэропорту «Ла Гуардия». Я никак не мог взять в толк, почему они такие мрачные и даже пришибленные. Ведь жизнь у меня наладилась, и у них больше не было повода испытывать разочарование во мне. Выяснилось, что они получили тревожные известия: некий водитель, по описанию похожий на меня, разбился насмерть в «фольксвагене» рядом с базой. Папа с мамой не знали, жив я или мертв, пока не увидели, как я схожу с трапа.

Оказалось, что Роберт Лафонд, как и многие другие ребята, напился на рождественской вечеринке и отключился. Мне рассказали, что кое-кто из офицеров и сержантов отнес его в мою машину и оставил в ней ключ зажигания. Придя в себя, Роберт попытался выехать с базы. Шел снег, стоял лютый мороз. Произошло лобовое столкновение с микроавтобусом, в котором ехала жена одного из служащих с детьми. Слава богу, они не пострадали, но вот Роберт вылетел через лобовое стекло моей хлипкой машинки и скончался на месте.

Я сходил с ума. Мы были очень близки, и мне не давала покоя мысль, что, не дай он мне свою машину, все обошлось бы. Вернувшись на базу, я собрал личные вещи Роберта, упаковал их и отправил его семье. Перед глазами у меня стояла разбитая в хлам машина, ужасная авария снилась мне по ночам. Мы вместе с Робертом покупали рождественские подарки для его родителей, живших в Пенсаколе, штат Флорида. Подарки доставили им в тот же день, когда офицеры ВВС постучали в дверь, чтобы сообщить о смерти сына.

Меня терзала не только скорбь, но и злость на невольных виновников аварии, посадивших моего пьяного друга в машину. Словно сыщик, которым впоследствии я стал, я опрашивал народ, пока круг подозреваемых не сузился до двоих человек. Затем я вломился к ним в кабинет, схватил за грудки, прижал к стенке и начал по очереди избивать что было мочи. Меня оттащили. Я так обезумел, что мне было совершенно наплевать, пойду я под трибунал или нет. Я убедил себя в том, что они убили моего лучшего друга.

Учитывая мое формальное обвинение в адрес тех двоих, военному трибуналу пришлось бы изрядно попотеть. А кроме того, к тому моменту американские ВС уже начинали сворачивать свою деятельность во Вьетнаме, и тем срочникам, кому оставалось несколько месяцев до демобилизации, разрешалось уходить досрочно. Поэтому лучшее, что отдел личного состава мог для меня сделать, это отправить домой на несколько месяцев раньше положенного.

В остаток времени на службе я завершил обучение, получил степень бакалавра и поступил на магистерскую программу по курсу психологии промышленного производства. Теперь я жил в Кловисе на стипендию по Акту о реорганизации военнослужащих^[12], снимая за семь долларов в неделю подвальную комнатку без окон и сражаясь с полчищами огромных тараканов, выстраивавшихся в боевой порядок каждый раз, когда я возвращался домой и включал свет. Не имея более доступа к инфраструктуре авиабазы, я вступил в дешевый запущенный фитнес-клуб, атмосфера и декор которого мало чем уступали моей комнате.

Осенью 1970-го в клубе я познакомился с парнем по имени Фрэнк Хейнс. Он оказался агентом ФБР и по совместительству единственным представителем регионального отделения в Кловисе. Мы крепко сдружились на тренировках. Обо мне он был наслышан от бывшего командира базы и потому всячески старался завербовать меня в Бюро. Откровенно говоря, я никогда всерьез не задумывался о службе в правоохранительных органах. По завершении обучения я планировал устроиться куда-нибудь по специальности. Работа в крупной компании, решение кадровых вопросов, оказание поддержки сотрудникам, в том числе в преодолении стрессовых ситуаций, обещали мне надежное и обеспеченное будущее. До сих пор первая и единственная встреча с представителями ФБР у меня состоялась в Монтане, когда кто-то украл посылку, отправленную мной домой. Местный агент провел со мной

беседу, подозревая, что я все подстроил с целью получения страхового возмещения. Он ошибался, а у меня сложилось не лучшее впечатление о ФБР: если в Бюро только и занимаются подобными вещами, мне там делать нечего.

Фрэнк не сомневался, что из меня получится хороший спецагент, и упорно продолжал увещевать меня. Несколько раз он приглашал меня к себе на ужин, познакомил с женой и сыном, показал пистолет и чек на зарплату, о какой я мог только мечтать. Стоит признать, что на фоне моего жалкого существования Фрэнк купался в роскоши. И я решил согласиться.

Фрэнк остался в Нью-Мексико. Много лет спустя наши пути снова пересеклись, когда я приехал давать показания по одному делу по его части. Женщину жестоко убили, а труп сожгли, чтобы замести следы. Но тогда, осенью 1970-го, я был далек от таких ужасов.

Фрэнк отправил мои документы в отделение в Альбукерке. Мне предложили пройти стандартный тест по праву для не юристов. Из-за мускулистого телосложения с весом под сто килограммов я превышал предельную норму ФБР для сотрудников ростом 189 сантиметров. В Бюро превышать стандарт веса разрешалось только одному человеку – легендарному директору, самому Джону Эдгару Гуверу. Две недели я питался исключительно желатином и вареными яйцами, чтобы похудеть. Кроме того, я сменил три прически, пока мой вид не признали годным для фото на удостоверение.

Наконец в ноябре меня взяли на испытательный срок, предложив для начала зарплату 10 869 долларов. Я получил возможность выбраться из мрачной подвальной каморки без единого окна. Интересно, что я сказал бы, знай я тогда, что бóльшую часть своей профессиональной карьеры в Бюро я проведу в другом подвале, тоже без окон, разгадывая куда более мрачные истории.

Глава 3. Хватит и пары капель

Приходят многие, остаются единицы.

Нам, новобранцам, постоянно вдалбливали в голову эту мысль. Почти каждый, кто интересовался карьерой в правоохранительных органах, страстно желал стать специальным агентом Федерального бюро расследований Соединенных Штатов Америки. Но такую возможность получали только лучшие. Гордое наследие этой организации тянется из далекого 1924-го, когда неприметный государственный адвокат по имени Джон Эдгар Гувер начал наводить порядок в коррумпированном, плохо устроенном и управляемом агентстве. Когда в Бюро пришел я, тот же самый мистер Гувер – с той же крутой челюстью и железным кулаком, только уже семидесятипятилетний, – все еще правил изменившейся до неузнаваемости организацией. Нам предстояло продолжить его дело.

Телеграмма от директора указывала мне явиться 14 декабря 1970 года в девять утра по адресу: Пенсильвания-авеню, Олд-пост-офис-билдинг, кабинет 625, где начнется моя подготовка длительностью в 14 недель, по завершению которой из обычного гражданина я превращусь в спецагента ФБР. До ее начала я съездил домой на Лонг-Айленд и сообщил новость родителям. Отец так возгордился, что вывесил перед домом американский флаг. Из-за военной службы у меня в гардеробе не нашлось никакой приличной гражданской одежды, так что отец купил мне три классических костюма – синий, черный и коричневый, – белые рубашки и две пары туфель, черные и коричневые. Затем он отвез меня в Вашингтон, чтобы я не опоздал в первый рабочий день.

Вскоре я приобщился к обычаям и ритуалам ФБР. Специальный агент, который вел церемонию вступления, приказал нам достать золотые значки и, глядя на них, прочитать присягу. Вперив взгляд в женщину с завязанными глазами и весами правосудия, мы в унисон торжественно поклялись хранить и защищать Конституцию Соединенных Штатов от всех посягательств как внутри страны, так и за рубежом. «Смотрите ближе! Ближе!» – приказывал спецагент, пока значки не оказались у нас перед самым носом и глаза не съехали в кучку.

Мой новый спецагентский учебный класс состоял исключительно из белых мужчин. В 1970-х чернокожих у нас было по пальцам пересчитать, а женщин и вовсе не водилось. Ситуация начала понемногу меняться по завершении длительной эпохи правления Гувера, но его могущественный призрак по-прежнему витал в коридорах Бюро. Возраст агентов по большей части колебался от двадцати пяти до тридцати пяти, так что в свои двадцать пять я считался одним из самых юных.

Нам строго-настрого наказали отслеживать возможных советских агентов, которые обязательно попытаются выйти на нас и завладеть нашими секретами. Они могут быть где угодно. Особую осторожность следовало проявлять в общении с женщинами. Мозги нам промыли настолько основательно, что я отказался от свидания с чрезвычайно эффектной девушкой, работавшей вместе с нами, когда та позвала меня пообедать вместе. Я боялся, что приглашение подстроено и нас таким образом проверяют.

Академию ФБР на военно-морской базе в Куантико, штат Вирджиния, тогда еще не достроили, и там мы занимались только физической подготовкой, а учебные занятия проходили в том же самом Олд-пост-офис-билдинге в Вашингтоне.

Одна из первых вещей, которым обучают каждого стажера, – агент ФБР стреляет только на поражение. В основу этого правила легли принципы столь же строгие, сколь и логичные. Если вытащил оружие, значит, принял решение стрелять. Если же счел ситуацию достаточно опасной для пальбы, значит, она достаточно опасна и для того, чтобы отнять чужую жизнь. Когда выхватываешь ствол, некогда неспешно

прикидывать траекторию или просчитывать варианты, а попытки лишь припугнуть цель в попытке ее нейтрализовать слишком опасны. Нельзя рисковать ни своей жизнью, ни жизнью потенциальной жертвы.

Не менее строгое обучение мы проходили по криминальному праву, анализу отпечатков, насильственным и должностным преступлениям, техникам задержания, оружию, рукопашному бою, а также по истории и роли Бюро в обеспечении правопорядка в стране. Однако лучше всего мне запомнилось одно занятие в самом начале нашего обучения. Мы называли его «матерной тренировкой».

– Дверь закрыли? – спросил инструктор. Затем он раздал нам по листку:
– Выучите эти слова.

Помнится, там фигурировали такие перлы изящной словесности, как «дерьмо», «гребаный», «куннилингус», «минет», «пизда» и «залупа». Эти слова нам приказали выучить как «Отче наш», чтобы, если вдруг на практике мы их услышим – например, во время допроса подозреваемого, – мы знали, что делать. А делать нужно было вот что: любой рапорт по делу, содержащий подобные слова, следовало передавать «стенографистке по непристойностям» – я не шучу! – а не обычному секретарю. Стенографисткой по непристойностям обычно служила заматеревшая и прожженная женщина постарше, способная справиться с потрясением от подобных выражений. Помните, в те времена у нас в основном работали мужчины, а в 1970-х нравственность отличалась от современной, во всяком случае, в ФБР под руководством Гувера. Нам даже дали тест на правописание этих слов, который затем собрали, проверили и, как я полагаю, сожгли в ведре.

Несмотря на подобные гадости, все мы оставались идеалистами в том, что касалось борьбы с преступностью. Мы считали, что сможем изменить мир к лучшему. Где-то в середине курса «молодого бойца» меня пригласил к себе в кабинет заместитель директора по подготовке кадров Джо Каспер, один из доверенных подручных Гувера. В Бюро его прозвали Дружелюбным Привидением по имени мультгероя – скорее иронично, нежели в обиду. Каспер сказал мне, что я показываю отличный результат почти по всем направлениям подготовки, кроме коммуникаций в Бюро (методология и номенклатура коммуникаций между множеством подразделений нашей организации), где я успеваю ниже среднего.

– Сэр, я хочу быть лучшим, – ответил я.

Таким ярым парням, как я, приписывают вырывающееся из задницы синее пламя. Оно, конечно, придает известное ускорение, но всеобщего внимания тут не миновать. Если синепламенный добивается успеха, он имеет полное право претендовать на звание короля мира. Но если он облагается, то падение и ожоги будут очень болезненными и к тому же станут всеобщим достоянием.

Каспер, может, и был строгим, но никак не глупым, и в свое время он повидал немало синепламенных.

– Хочешь быть лучшим? На. – Он швырнул мне толстенный талмуд по коммуникациям и приказал выучить его к концу рождественских каникул.

Чак Ландсфорд, один из двух академических наставников нашей группы, прослышал об этом и захотел со мной поговорить.

– Что ты ему там сказал? – спросил он.

Я объяснил. Чак от удивления выпучил глаза. Мы оба знали, что на этом моя блистательная карьера закончилась.

На Рождество я отправился домой к родителям. Домашние готовились к празднику, а я с головой ушел в учебник по коммуникациям. Не о таких каникулах я мечтал.

Вернувшись в Вашингтон в начале января, я должен был держать ответ за свое синепламенное поведение в виде письменного теста по изученному материалу. Не передать словами, какое облегчение я испытал, когда наш второй наставник, Чарли Прайс, сообщил, что я набрал 99 баллов.

– На самом деле у тебя сто, но мистер Гувер считает, что идеальных не бывает.

Примерно на середине курса у нас спросили, в каком региональном подразделении мы бы хотели пройти практику. У ФБР насчитывается пятьдесят девять отделений по всей стране. Я чувствовал, что выбор одного из них – это тоже своего рода игра в шахматы между новобранцами и руководством. Как и всегда, я постарался мыслить как противная сторона. Сам я родом из Нью-Йорка, и возвращаться туда мне особо не хотелось. А вот за Лос-Анджелес, Сан-Франциско, Майами, возможно, Сиэтл и Сан-Диего, думалось мне, разгорится нешуточная борьба. Поэтому, если я выберу какой-нибудь город второго порядка, то с большой вероятностью туда и попаду.

Я выбрал Атланту. А попал в Детройт.

По выпуску нам выдали постоянные удостоверения, шестизарядный револьвер «смит-вессон» 10-й модели, шесть патронов к нему и приказали убираться из города как можно быстрее. Наше руководство всегда боялось, что зеленые и неотесанные молодые агенты попадут в неприятности, не успев выехать из Вашингтона, прямо под носом мистера Гувера. А от этого плохо станет всем.

Еще мне дали книжицу под названием «Гид по выживанию в Детройте». Город носил славу одного из самых расово нетерпимых в стране, все еще содрогался отзвуками бунтов 1967 года и мог бы поспорить за титул столицы американской преступности: в год здесь совершалось более восьмисот убийств. В офисе у нас даже делали стремноватые ставки на то, с каким числом убийств завершится год. Как и большинство новичков,

я был полон энергии и оптимизма, но вскоре осознал весь масштаб бедствия. Я провел четыре года в ВВС, но ближе всего к боевым действиям был в те дни, когда лежал в госпитале рядом с ранеными ветеранами войны во Вьетнаме после травмы носа на футболе. Короче говоря, до Детройта мне ни разу не приходилось ни с кем воевать. ФБР там никто не любил. Мы внедрились в студгородки и организовали сеть городских информаторов. Наши мрачные черные авто были что красная тряпка для быка. Во многих кварталах в нас швыряли камнями. Немецкие гончие и доберманы тоже особо нас не жаловали. В отдельных районах нам строго запрещалось находиться без надежного прикрытия и огневой мощи.

Местную полицию мы тоже сильно бесили. Копы обвиняли Бюро в «махинациях» с раскрываемостью, публикации пресс-релизов до завершения расследований и присвоении результатов работы полиции. Ирония судьбы состояла в том, что в год моего боевого крещения, в 1971-м, было нанято около тысячи новых агентов, и львиную долю практики обеспечивало не Бюро, а как раз местные копы, которые взяли нас под свое крыло. Без сомнения, во многом успехи моего поколения стали возможными только благодаря профессионализму и щедрости офицеров полиции во всех уголках Соединенных Штатов.

Особенно часто приходилось иметь дело с ограблениями банков. По пятницам, когда они до отказа забиты наличными для выдачи зарплаты, у нас случалось в среднем по два-три вооруженных ограбления, а иногда цифра доходила и до пяти. До того как пуленепробиваемые стекла стали обычной практикой в детройтовских банках, мы наблюдали ужасающую смертность среди кассиров. Был даже такой случай, записанный на камеру видеонаблюдения: менеджера жестоко застрелили прямо за рабочим столом на глазах у молодой пары, пришедшей оформлять кредит, а те так и остались сидеть, беспомощно наблюдая за происходящим. Грабитель был недоволен тем, что менеджер не открыл хранилище с часовым механизмом. Доступ к десяткам тысяч долларов наличными имели не только сотрудники банков. В некоторых районах не меньшему риску подвергались даже работники таких сетей, как «Макдоналдс».

Меня определили в отдел быстрого реагирования, что означает выезд на преступления, которые уже совершены, например на ограбление или вымогательство. Там мне пришлось работать в составе группы ПБИП – противоправного бегства во избежание преследования. Для меня это был прекрасный опыт, поскольку группа ПБИП никогда не сидела на месте. Помимо общеофисных ежегодных ставок на число убийств, внутри группы мы также соревновались в том, кто за день задержит больше всего преступников. Прямо как у автодилеров, когда они стараются в отведенное время перещеголять друг друга в объемах продаж.

В то время одним из наиболее загруженных направлений работы было военное дезертирство, которое мы называли «класс 42». Война во Вьетнаме порвала страну пополам. Как только солдаты получали возможность покинуть место расположения, они ни за что не хотели туда возвращаться. Именно «класс 42» совершал нападения на офицеров правоохранительных служб чаще любого другого типа беженцев или дезертиров.

В первом своем деле в ПБИП я отследил одного военного дезертира до автомастерской, где тот работал. Я представился, рассчитывая, что человек сдастся без лишнего шума. И тут он вытаскивает заточенный складной нож с перемотанной черной изолентой ручкой и бросается на меня. Я отшатнулся, едва успев увернуться от удара, а затем одним рывком бросил нападавшего на стеклянную дверь гаража, прижал коленом к полу и приставил ствол к затылку. Тем временем управляющий поносил меня на чем свет стоит, что я забираю у него хорошего работника. Во что, черт возьми, я ввязался?! Разве о такой карьере я мечтал? Стоит ли постоянно рисковать собственной шкурой, выслеживая всякую мелкую шушеру? Привлекательность психологии производства резко возросла в моих глазах.

Охота на дезертиров не только иссушала эмоционально, но и создавала взаимную неприязнь между вооруженными силами и ФБР. Иной раз оформим ордер на арест, найдем нужного человека и схватим его прямо на улице. А он, взбешенный нашей наглостью, начинает колотить кулаком по искусственной ноге, за которую во Вьетнаме получил «Пурпурное сердце» и «Серебряную звезду». На деле дезертиров, вернувшихся в страну самовольно или найденных вооруженными силами, отправляли обратно во Вьетнам в качестве наказания. Многие из них не раз отличились в бою, но военные могли ничего нам об этом не рассказать. Так что, по нашим данным, они оставались беглецами. Из-за этого наша репутация упала ниже плинтуса.

Но хуже всего бывало, когда мы по наводке отправлялись домой к дезертиру, а его жена или родители, все в слезах, пылая праведным гневом, сообщали, что тот погиб смертью храбрых. Мы попусту тратили время, гоняясь за мертвецами, но военные не трудились давать нам актуальную информацию.

Вне зависимости от профессии на практике узнаешь такие вещи – будь то мелочи или что-то серьезное, – которым не учат в школе. Например, что делать с пистолетом в определенных ситуациях – скажем, если ты в общественном туалете? Снять вместе с поясом и положить на пол? Повесить на дверь кабинки? Сначала я пытался удерживать оружие на коленях, но все равно сильно переживал о его сохранности. С подобной проблемой сталкивается каждый из нас, но стесняется обсудить ее с более опытными коллегами. Я работал всего месяц, и потому она казалась мне серьезной.

Переехав в Детройт, я приобрел еще один «фольксваген-жук». По иронии судьбы именно эта модель больше всего полюбилась серийным убийцам. Такая была и у Те-да Банди, именно по ней его и выследили. Короче, я припарковался у местного торгового центра и отправился в магазин мужской одежды, чтобы купить новый костюм. Учитывая, что мне придется мерить одежду, я решил, что оружие лучше где-нибудь спрятать. Я запихнул его в бардачок и отправился за покупками.

К слову, у «жука» есть пара интересных особенностей. Поскольку двигатель располагается сзади, запасное колесо хранится в багажнике под капотом, что очень характерно для сборки автомобилей в те дни. Вскрыть ее тоже не составляет особого труда, и запаски крадут сплошь и рядом. Не менее важен и тот факт, что багажник открывается кнопкой в бардачке.

Думаю, вы уже все поняли. Вернувшись к машине, я обнаружил, что окно разбито. Анализируя это крайне запутанное преступление, я пришел к выводу, что «запасковый» вор разбил стекло, открыл бардачок, чтобы добраться до капота, но обнаружил кое-что более интересное. Это я понял еще и по тому, что запаска была на месте, в отличие от пистолета.

«Твою мать! – сказал я сам себе. – Не проработал и месяца, а уже стал поставлять оружие нашим врагам!» А еще я знал, что потеря оружия или удостоверения означает моментальный выговор. Тогда я решил поговорить со старшим группы, Бобом Фитцпатриком. Фитцпатрик у нас был знаменитостью и большим авторитетом. Всегда одетый с иголочки, в Бюро он слыл живой легендой. Он понял, что я сурово подставился и сильно переживаю. Об утере оружия заявляют в аппарат директора. Просто замечательно! Вот вам и первая запись в моем личном деле. Боб сказал, что нужно придумать что-нибудь очень креативное, построить рапорт вокруг того, что я очень ревностно охраняю общественную безопасность и не хотел ставить на уши продавцов видом оружия, чтобы никто не подумал на ограбление. Он утешил меня тем, что в ближайшие два года меня все равно не повысили бы, так что выговор никак не повредит, если в дальнейшем я буду избегать подобных неприятностей.

Именно так я и поступил, хотя потеря пистолета не давала мне покоя еще долгое время. «Смит-вессон» 10-й модели, который я вернул в арсенал Куанτικο, увольняясь из Бюро спустя почти двадцать пять лет службы, мне выдали на замену первого. Слава богу, первый ни разу не засветился в преступлении. Просто исчез без следа.

Я жил в опрятном таунхаусе вместе с двумя другими холостыми агентами, Бобом Макгонигелом и Джеком Кунстом. Наш дом расположился в районе Тейлор, что на южной окраине Детройта, штат Мичиган. Мы стали отличными друзьями, а Боба я и вовсе попросил быть моим шафером на свадьбе. Он чудаковатый. Даже на обыск он надевал костюмы из мятого бархата и рубашки лавандового оттенка.

Похоже, он единственный во всем ФБР не боялся Гувера. Позже Боб стал работать под прикрытием, где ему и вовсе не надо было больше носить костюм.

В Бюро Макгонигел начинал как простой секретарь, а потом «изнутри» дорос до спецарента. Некоторые лучшие люди в ФБР тоже прошли этот путь. Такие были и среди тех, кого я позже отобрал в отдел следственного сопровождения. В определенных кругах бывших секретарей не жаловали как бы за то, что те специально стремились к должности агента.

Боб лучше всех умел «звонить под предлогом». Это такой упреждающий прием, который мы разработали для поимки преступников, и особенно полезный в тех ситуациях, когда элемент неожиданности имеет первостепенное значение.

Боб также был маэстро самых разных акцентов. Если подозреваемый – член мафии, то Боб изображал итальянский акцент. В глазах «Черных пантер»^[13] он всегда сходил за простого чувака с улицы. В его арсенале имелись персана исламской национальности, ирландский увалень, еврей-иммигрант и сноб из элитного квартала. Боб не только хорошо изображал различные акценты, но и перестраивал свой лексикон так, чтобы максимально вписаться в заданный образ. Он настолько умело все это проделывал, что как-то раз даже позвонил Джо Делькампо – еще одному агенту, о котором вы вскоре прочитаете, – и представился чернокожим боевиком, желающим получить деньги за тайную информацию. Тогда обеспечить свои источники в городе было крайне сложно, и Джо обрадовался, что на крючок ему попала крупная рыба. Но на встречу никто не явился. Джо едва не прибил Боба на следующий день, когда тот поприветствовал его голосом «боевика»!

Одно дело – арестовывать плохих парней. Но вскоре мне стало интересно, как они мыслят. Арестовывая очередного преступника, я задавал ему разные вопросы – например, почему он выбрал именно этот банк, а не другой, почему остановился именно на этой жертве. Мы все прекрасно знали, что грабители предпочитают совершать налеты на банки по пятницам, когда там скапливается наибольший объем наличности. Но я хотел знать больше. Меня интересовало, какими соображениями руководствуются преступники при подготовке и осуществлении налета.

Должно быть, выглядел я не слишком грозным. Как и в школьные годы, мне удавалось быстро расположить людей, и они легко открывались. Чем больше я опрашивал этих ребят, тем яснее понимал, что успешные преступники являются по совместительству и хорошими профайлерами. Каждый из них анализирует тщательно составленный «портрет» банка. Одни грабители предпочитают хранилища, расположенные рядом с оживленными дорогами или междугородними автомагистралями, чтобы

обеспечить быстрый отход и скрыться, прежде чем будет организовано преследование. Другие предпочитают небольшие, изолированные точки, такие как временные отделения банков в трейлерах. Третьи заранее проведут разведку, чтобы иметь полную картину: сколько людей там работает, какое количество посетителей ожидается в то или иное время суток и т. д. Иногда злоумышленники продолжают обходить отделения, пока не найдут такое, где работают исключительно женщины. Удобнее всего грабить банки, не выходящие окнами на улицу, поскольку снаружи не будет свидетелей ограбления, а внутри самого здания никто не приметит машину для отхода. Самые матерые практики даже пришли к выводу, что гораздо эффективнее передать служащему записку об ограблении, вместо того чтобы выступать с публичным заявлением, размахивая стволом, но записку, конечно, на выходе нужно забрать, чтобы не оставлять улики. Для отхода как нельзя кстати подходит краденая машина, которую в идеале следует подогнать к банку заранее, чтобы не вызывать излишних подозрений. Внутрь – пешком, наружу – на колесах. Грабитель, совершивший на определенный банк особенно удачный налет, будет наблюдать за ним еще некоторое время и, если условия останутся прежними, в течение пары месяцев совершит повторное ограбление.

Из всех публичных мест банки, пожалуй, лучше остальных защищены от ограблений. Но каждый раз, когда я провожу расследование обстоятельств кражи, меня поражает, что работники могут забыть заправить свежую пленку в камеры видеонаблюдения, не перезарядить сигнал тревоги после случайного нажатия или нажимать «тревожную кнопку» так часто, что полиция, уповая на очередную случайность, не станет торопиться на очередной вызов. Для умелого грабителя это все равно что вывесить плакат с призывом: «Ограбь меня!»

Когда начинаешь заниматься психоанализом – а я тогда еще не знал, как это называется, – взгляду открывается тесная взаимосвязь многих факторов. Изучив ее, уже можно принимать упреждающие меры для поимки плохих парней. Например, если мы имеем дело с серией налетов, похожих друг на друга, а из бесед с преступниками складывается четкое понимание, что именно привлекло их в каждом отдельном случае, то нужно как следует залатать дыры в безопасности каждого из отделений этого банка, кроме одного. Оно будет находиться под постоянным присмотром сотрудников полиции и / или ФБР в штатском, находящихся внутри. Таким образом можно вынудить грабителя прийти именно в туда, где все готово к его поимке. Когда мы приняли на вооружение такую упреждающую тактику, раскрываемость банковских грабежей резко возросла.

Чем бы мы ни занимались в те дни, мы работали в незримом присутствии Дж. Эдгара Гувера, как и наши предшественники с 1924 года. В эпоху бессмысленных перестановок и самосуда было сложно передать тот уровень власти и контроля, который Гувер имел не только

над ФБР, но и над высшими лицами в правительстве, над СМИ и широкой общественностью. Чтобы выпустить произведение о ФБР, как, например, толстенный талмуд Дона Уайтхеда «История ФБР», бестселлер 1950-х, или известный фильм Джеймса Стюарта на его основе, или же телесериал типа «ФБР», снятый Ефремом Цимбалистом-младшим в 1960-х, нужно было сперва получить личное разрешение и согласие мистера Гувера. Точно так же, если вы занимаете высокую должность в правительстве, у вас всегда будет сосать под ложечкой из-за того, что у директора на вас «что-то есть». Особенно если вдруг раздастся звонок и Гувер дружелюбным тоном поведает, что ФБР раскопало неприятный слушок, который он изо всех сил постарается сохранить в тайне, чтобы тот, не дай бог, не стал болезненным достоянием общественности.

Но нигде так не чувствовалась таинственная личная сила мистера Гувера, как в местных отделениях и среди руководства Бюро. Все соглашались с тем фактом, что своим престижем и статусом ФБР обязано только ему. Дж. Эдгар чуть ли не единолично превратил агентство в то, каким оно стало сегодня, без усталости сражаясь за увеличение бюджета и зарплаты. Его уважали и боялись, а если кто и был о нем невысокого мнения, то держал это при себе. Сохранялась железная дисциплина. При проверках отделений летели головы и объявлялись выговоры. Если проверяющие не находили в достаточном объеме поводов для улучшения, Гувер мог заподозрить халатность. Поэтому вне зависимости от того, удовлетворительно работало отделение или нет, все равно каждая инспекция объявляла некоторое число выговоров. Это как квота на штрафы за нарушение ПДД. Все было настолько серьезно, что спецагенты-руководители (или просто САРы) вместо себя искали козлов отпущения, далеких от повышения. Выговор мог серьезно повредить карьере.

Однажды произошла история, которая перестала казаться такой уж забавной после ужасающего теракта в административном здании Оклахома-сити в 1995 году^[14]. По завершении очередной инспекции в офисе ФБР раздался анонимный звонок с сообщением о бомбе. Звонок отследили до телефонной будки, находившейся в центре города, рядом с административным зданием, в котором и располагался офис Бюро. Прибывшие из Центра уполномоченные снесли будку целиком, чтобы сопоставить отпечатки пальцев на монетках в телефоне с данными 350 сотрудников офисного здания. К счастью для всех нас, в конце концов разум возобладал и обошлось без допросов. Но это пример того, какое напряжение создавала политика мистера Гувера.

Каждое наше действие было четко регламентировано. Хотя мне ни разу не посчастливилось встречаться с главой Бюро один на один, в кабинете у меня стояла (да и сейчас стоит) фотография с его подлинным автографом. Даже для получения такого фото молодые агенты соблюдали особый порядок. САРы советовали попросить секретаря

написать подхалимное письмо о том, как ты гордишься званием спецагента ФБР и обожаешь мистера Гувера. Если письмо составлено правильно, то вскоре тебе выдавали фотку с наилучшими пожеланиями, которая для окружающих становилась символом твоей личной связи с главным.

Происхождение некоторых других процедур доподлинно неизвестно. Они могли как основываться на прямых указаниях Гувера, так и попросту рождаться в результате чрезмерно ретивой интерпретации его пожеланий. Нормой считалось брать сверхурочные, и при этом каждый должен был работать больше среднего. Уверен, вы уже подметили дилемму. Рабочий день удлинялся месяц за месяцем, словно безумная пирамида. Со временем даже самые честные и ответственные агенты начинали подделывать свой график. На работе запрещались перекуры или перерывы на кофе. И, словно отчаявшиеся коммивояжеры, со временем сотрудники переставали шататься по офису, даже чтобы поговорить по телефону. Каждый из нас находил собственный способ выживать в подобных условиях. Я, например, много времени проводил в кабинке общественной библиотеки, освежая в памяти прошлые дела.

Одним из наиболее ярких последователей евангелия от святого Эдгара был наш САР Нил Уэлч по прозвищу Виноград. Уэлч, крупный парень около 195 сантиметров роста, носил очки с толстыми стеклами и отличался твердым и мужественным нравом. Беспечность и теплота – это не про него. В Бюро он построил выдающуюся карьеру, среди прочего работая в отделениях Филадельфии и Нью-Йорка. Ходили слухи, что он займет место Гувера, когда (точнее, если) до этого дойдет. В Нью-Йорке Уэлч сформировал группу, которая в борьбе с организованной преступностью первой успешно применила положения акта РИКО^[15]. Но тогда, в Детройте, он во всем следовал уставу.

Естественно и неизбежно, Уэлч и Боб Макгонигел должны были схлестнуться. Это произошло однажды в субботу, когда все разъехались по домам. Виноград позвонил Бобу и приказал тому немедленно явиться к нему вместе с нашим старшим группы, Бобом Фитцпатриком. Когда Макгонигел приехал, Уэлч заявил, что кто-то все время названивает в Нью-Джерси с рабочего телефона. А использовать телефон по личным вопросам у нас строго запрещено. На самом деле, какими именно были эти звонки, никто не знал, но тут в ФБР предпочитают не рисковать.

Уэлч, жесткий, когда надо, обычно начинает с очень эффективных техник допроса, под которыми субъект раскалывается в один миг.

– Ну, Макгонигел, что это за звонки?

Боб принялся перечислять все телефонные звонки, какие только пришли на ум. Он опасался, что у Уэлча может быть на него что-нибудь посерьезнее, и надеялся притушить гнев САРа, признавшись в мелких нарушениях.

Тогда Уэлч поднялся во весь свой громадный рост, навис над столом и угрожающе ткнул в Боба пальцем:

– Макгонигел, вот что я тебе скажу. У тебя два существенных недостатка. Во-первых, ты бывший секретарь. А я ненавижу сраных секретарей! Во-вторых, если я еще раз увижу на тебе лавандовую рубашку, особенно во время инспекции, я дам тебе такого пинка под зад, что ты улетишь на самую Ист-Джефферсон-стрит. А если я еще раз замечу тебя хотя бы рядом со служебным телефоном, то спущу в шахту лифта. А теперь пошел вон из моего кабинета!

Совершенно разбитый, Боб вернулся домой, уверенный, что увольнения не миновать. Нам с Джеком Кунстом было его очень жаль. А на следующий день Фитцпатрик признался мне, что, едва Макгонигел ступил за порог, как они с Уэлчем буквально покатались со смеху.

Годы спустя, когда я возглавил отдел следственного сопровождения, меня как-то спросили, смог бы кто-нибудь из нас, опираясь на все наши знания о поведении и анализе места преступления, совершить идеальное убийство. На подобные вопросы я всегда отвечаю: нет. Вне зависимости от накопленных знаний наше поведение после совершенного все равно нас выдаст. Однако не могу не признать, что инцидент между Макгонигелом и Уэлчем отлично доказывает, что даже первоклассный агент ФБР не защищен от приемов опытного дознавателя.

Кстати, с того момента, как Боб вышел из кабинета САРа тем субботним вечером, он впредь надевал ослепительно-белые рубашки, строже которых не сыщешь... пока Нила Уэлча не перевели в Филадельфию.

Рычаг Гувера, с помощью которого тот добивался от Конгресса выделения дополнительных средств на нужды Бюро, обеспечивался в основном статистическими данными. Но чтобы директор мог использовать положительную статистику, исполнители должны были ее создать.

Так уж получилось, что в начале 1972-го Уэлч пообещал боссу сто пятьдесят арестов по игорному бизнесу. Очевидно, на тот момент указанная категория нуждалась в некотором росте. Короче, мы организовали сложную систему информаторов, понатыкали прослушки, всё по-военному распланировали с единственной целью: достичь апогея к моменту проведения финальной игры чемпионата НФЛ, крупнейшего в году рассадника нелегального игорного бизнеса. «Далласские ковбои», в напряженной борьбе уступившие «Балтиморским кольтам» в прошлом году, теперь играли с «Дельфинами Майами» в Новом Орлеане.

Арестовывать букмекеров нужно с быстротой и точностью молнии, потому что те обычно используют пиробумагу (сгорает мгновенно) или картофельную бумагу (быстро растворяется в воде). Вся операция стояла под угрозой из-за переменных дождей, ливших весь день.

Тем дождливым вечером в нашу паучью сеть попало более двух сотен игроков. В какой-то момент я заковал в наручники одного субъекта, посадил на заднее сиденье и повез в арсенал, где мы их всех и упаковывали. Приятный парень, приветливый. Еще и симпатичный, похож на Пола Ньюмана. Он предложил:

– Однажды, когда все это закончится, давай выберемся поиграть в рэкетбол.

Так как задержанный был довольно общительным, я решил порасспрашивать его, как расспрашивал грабителей банков:

– Зачем ты это делаешь?

– Мне нравится, – ответил он. – Пусть сегодня арестуют всех нас, Джон, но от этого ничего не изменится.

– Такой умный парень мог бы легко зарабатывать и честным трудом.

Он покачал головой: мол, ничего я не понимаю. Дождь забарабанил сильнее. Он кивнул в сторону, обращая мое внимание на стекло автомобиля.

– Видишь эти две капли? – указал он. – Держу пари, левая докатится до низу быстрее правой. Нам не нужен Суперкубок. Хватит и пары капель. Нас не изменишь, Джон. Мы такие, какие есть.

Та короткая беседа поразила меня, что гром среди ясного неба, в одно мгновение прояснив мне разум. Со стороны я могу показаться наивным, но вдруг все мои исследования о грабителях и прочих преступниках свелись к одной простой мысли.

Мы такие, какие есть.

Глубоко в разуме и психике преступника сокрыто некое наследие, которое вынуждает его поступать именно так, а не иначе. Позднее, когда я стал изучать сознание и мотивацию серийных убийц, и далее, исследуя места преступлений в поисках поведенческих зацепок, я всегда отмечал один или несколько элементов, характерных именно для этого преступления, именно для этого преступника. Я искал то, что отражало его сущность.

В конце концов для описания этого уникального элемента и личного импульса, всегда остающихся неизменными, я придумал термин «почерк». Я использую его иначе, чем привычный *modus operandi*, который зачастую может меняться. «Почерк» стал центральной категорией нашей работы в отделе следственного сопровождения.

В итоге сотни арестованных, которых мы схватили в день финального матча, были отпущены из здания суда еще на этапе технического разбирательства: в попытке поскорее завершить операцию ордера на обыск подписывались не генеральным прокурором, а его помощником. Однако САР Уэлч все же выполнил обещание и доставил Гуверу некоторое количество задержанных. Во всяком случае, таковыми они

оставались достаточно долго для того, чтобы произвести желаемый эффект на Капитолийский холм. Я же получил озарение, которое затем сыграло важнейшую роль в моей правоохранительной карьере. Оказывается, преступникам хватит и пары капель.

Глава 4. Меж двух миров

Мы занимались делом о межштатном угоне грузовика, набитого под завязку виски «Джим Бим» на сумму свыше 100 000 долларов. Стояла весна 1971-го, и я проработал в Детройте уже полгода. Бригадир склада дал нам наводку, где краденый алкоголь планировалось обменять на деньги.

По этому делу мы работали в связке с полицией Детройта, но обе организации разрабатывали собственный план перехвата. Непосредственно взаимодействовали только высокие начальники, но, о чем бы они ни договорились, до нас информация так и не доходила. Поэтому, когда дело шло к аресту, ни одна сторона не имела представления о планах другой.

Ночь. Окраина города. Железнодорожные пути. Я сижу за рулем машины ФБР, а рядом со мной – старший группы Боб Фитцпатрик. Он и обеспечивал информаторов, а исполнителем по делу числился Боб Макгонигел.

Вдруг рация разрывается криками:

– Хватай их! Хватай!

Визг тормозов, наши машины окружают полуприцеп. Тут открывается водительская дверь, оттуда вываливается человек и задает стрекача. Вместе с агентом из другой машины мы выпрыгиваем наружу, я достаю пистолет и пускаюсь в погоню.

Темно, мы в штатском – никаких костюмов и прочего, – но я никогда не забуду белки глаз копа в униформе, который направил дробовик прямо мне в лицо и скомандовал:

– Стоять! Это полиция! Сложите оружие!

Нас разделяло менее двух с половиной метров, и я понял, что он уже готов спустить курок. Я замер, пытаюсь совладать с мыслью, что любое движение чревато возможностью мигом превратиться в фарш.

Я уже собирался положить пистолет на землю и поднять руки, как услышал бешеный крик Боба Фитцпатрика:

– Это ФБР! Он агент!

Коп опустил ствол, и я инстинктивно снова сорвался с места в погоню за водителем, стараясь наверстать упущенное время. Кровь стучала в ушах. Вместе с другим агентом мы одновременно догнали преступника, сбили его с ног и заковали в наручники. Пожалуй, немного грубее, чем

следовало, но я был на взводе. Но те мучительно долгие пару секунд, когда я стоял под дулом ружья и меня едва не разнесло в клочья, были самыми жуткими в моей жизни. С тех пор я много раз влезал в шкуру и голову жертв насилия, убийств, заставляя себя живо представить их мысли и переживания в момент нападения. А взглянуть на дело глазами жертвы мне помогал собственный страх.

Мы, молодняк, изо всех сил старались арестовать как можно больше преступников. Однако многие прожженные ветераны, похоже, считали бессмысленным горбатиться, принимая во внимание тот факт, что их оклад не зависит от того, как часто они рискуют жизнью. Это только у торговых агентов «волка ноги кормят». А поскольку по долгу службы мы большую часть времени проводили вне офиса, определенная категория агентов взяла в привычку в рабочее время рассматривать витрины, сидеть на лавочке в парке и почитывать «Уолл-стрит джорнал».

Будучи синепламенным, я взял на себя обязанность написать служебную записку с предложением ввести систему бонусных выплат, чтобы поощрить наиболее продуктивных работников. Записку я передал нашему ПСАРу, или помощнику спецагента-руководителя, Тому Нейли.

Том вызвал меня к себе в кабинет, прикрыл дверь, взял со стола мою писанину и одарил меня благосклонной улыбкой:

– Джон, чего ты так разошелся? Получишь ты свою прибавку. – И с этими словами порвал записку пополам. – И за выслугу лет получишь, – пообещал он, снова разрывая бумагу пополам. – И за старание тоже. – Еще раз, и вот он уже вовсю хохочет. – Не раскачивай лодку, Дуглас, – произнес он напоследок, выбрасывая обрывки в мусорную корзину.

Пятнадцать лет спустя, когда Гувера уже давно не стало не только физически, но и частично духовно, в ФБР и в самом деле ввели бонусную систему оплаты труда. Конечно же, сделали это без моей помощи.

Одним майским вечером – на самом деле по причинам, о которых вы вскоре узнаете, я прекрасно помню, что это была пятница после 17 мая, – мы зависали с Бобом Макгонигелом и Джеком Кунстом в нашем любимом баре «Гараж Джима», что расположился прямо напротив офиса. Играл живой рок-н-ролл, мы уже изрядно махнули пива, и тут неожиданно в бар вошла эффектная девушка с подругой. Одета по всем канонам моды того времени, она напомнила мне юную Софи Лорен – в коротком синем платье и кожаных сапогах сильно выше колена.

Я крикнул:

– Эй, в синем! Садись к нам!

К моему удивлению, приглашение было принято. Ее звали Пэм Модика, и мы тут же принялись шутить и подкалывать ее. Оказалось, что они с подругой выбрали отметить двадцать первый день рождения Пэм, то есть законно полученное право употреблять спиртное. Похоже, мое

чувство юмора ее зацепило. Позже я узнал, что произвел на нее приятное впечатление, но показался немного «ботанистым» из-за типичной прически госслужащего. Мы оставили «Гараж Джима» и провели остаток ночи, курсируя от одного бара к другому.

В следующие несколько недель мы познакомились еще ближе. Пэм жила в черте Детройта и окончила старшую школу Першинга, славящуюся подавляющим числом чернокожих и звездой баскетбола Элвином Хейзом. Когда мы познакомились, она училась в университете Восточного Мичигана в Ипсиланти.

Между нами все как-то быстро закрутилось, хотя не без социальных потерь для Пэм. Шел 1971-й, война во Вьетнаме еще не закончилась, и недоверие университетских сообществ к ФБР достигло пика. Многие ее друзья не желали поддерживать с нами никаких контактов, убежденные в том, что я шпион, посланный властями для сбора информации об их деятельности. Смехотворной была даже сама мысль о том, что эти детишки считали себя достаточно важными для слежки со стороны ФБР. Не считая, правда, того, что именно этим в те годы Бюро и занималось.

Помню, как мы с Пэм однажды пошли на занятие по социологии. Я сел на галерке, слушая лектора – юную и радикально настроенную аспирантку. Такая «клевая» и «своя в доску». Я неотрывно смотрел на нее, а вскоре и она начала с беспокойством поглядывать на меня. Было очевидно, что ее тревожит мое присутствие. Любой сотрудник ФБР – это враг, даже если он парень одной из студенток. Вспоминая тот инцидент, я понял, насколько негативное впечатление порой можно произвести, просто будучи самим собой. Мы с коллегами по отделу потом не раз использовали это в своих интересах. Например, на судебном заседании по убийству на Аляске мой темнокожий коллега Джад Рэй сел рядом с девушкой ответчика-расиста и мило с ней беседовал, чем вывел того из себя прямо во время дачи показаний.

Когда Пэм только начинала учиться в Восточном Мичиганском, у нас объявился серийный убийца, хотя тогда такого термина мы еще не знали. Первое нападение он совершил в июле 1967-го, похитив из университетского городка девушку по имени Мэри Флэшар. Спустя месяц было найдено ее разлагающееся тело. Девушку насмерть закололи ножом, а потом отрубили руки и ноги. Через год мы нашли тело другой студентки, Джоан Шелл, обучавшейся неподалеку, в университете Мичигана в Энн-Арбор. На нем присутствовали следы изнасилования и почти пятьдесят колотых ран. Затем в Ипсиланти обнаружили еще один труп.

Убийства, названные «мичиганскими», стали учащаться. Студентки обоих университетов дрожали в страхе. Каждое найденное тело носило очередные свидетельства ужасающего насилия. К моменту задержания в 1969 году Джона Нормана Коллинза, студента университета Мичигана, – кстати, почти случайно это удалось его дяде, капралу

полиции штата Дэвиду Лейку, – страшной смертью погибли шесть студенток и одна тринадцатилетняя девочка.

Коллинза осудили и приговорили к пожизненному заключению примерно за три месяца до того, как я устроился в Бюро. Но я все время задавался вопросом: а если бы тогда в Бюро знали то, что знаем мы сейчас, можно ли было изловить чудовище, пока оно не принесло столько несчастья? Даже после поимки Коллинза его дух все еще витал в обоих студгородках, как несколько лет спустя незримое присутствие Теда Банди наводило ужас на студентов других колледжей. Память об отвратительных убийствах глубоко укоренилась не только в сознании Пэм, но и в моем. Когда я только начинал изучать и выслеживать серийных убийц, мысль о прекрасных и невинных жертвах Джона Нормана Коллинза сопровождала меня повсюду.

Я был всего на пять лет старше Пэм, но, поскольку она еще училась в колледже, а я погрузился в нелегкий мир работы правоохранительных органов, нас разделяла чуть ли не пропасть. На людях, в компании моих друзей Пэм становилась необщительной и даже скрытной. Быть может, это не слишком порядочно по отношению к ней, но в свое время мы дополнили наш аналитический инструментарий и ее примером.

Однажды мы с Пэм и Бобом Макгонигелом отправились на обед в ресторан при отеле, выходивший окнами на центр города. Мы с коллегой тогда пришли в черных костюмах и туфлях, а Пэм оделась со вкусом, но простенько, по-студенчески. Закончив обедать, мы вызвали лифт и поехали вниз, но он, как назло, останавливался чуть ли не на каждом этаже. Народу набилось битком.

Примерно на полпути вниз Боб повернулся к Пэм и произнес:

– Мы отлично провели время сегодня. Думаю, надо созвониться, когда мы снова окажемся тут проездом.

Пэм внимательно изучала пол, стараясь не реагировать, и тут встрял я:

– В следующий раз я принесу взбитые сливки, а ты захвати клубнику.

Остальные пассажиры стали переглядываться, обмениваясь неловкими улыбками, пока Пэм вдруг не взорвалась хохотом. Потом нашу троицу смерили такими взглядами, будто мы какие-то извращенцы.

На осенний семестр Пэм планировала отправиться на учебу по обмену в Англию, в университет Ковентри. Ближе к концу августа, когда она уже улетела, я почти не сомневался, что Пэм – именно та девушка, на которой я хочу жениться. Тогда мне и не пришло в голову спросить ее, испытывает ли она те же чувства. Я просто считал, что так и есть.

В разлуке мы постоянно друг другу писали. Много времени я проводил у нее дома, на Аламеда-стрит, 622, рядом с государственной ярмаркой Мичигана. Отец Пэм умер, когда та была еще совсем маленькой, но я пользовался гостеприимством ее матери Розали, ужиная у них несколько раз в неделю и попутно составляя психологический портрет семейства

Пэм, ее матери, братьев и сестер, чтобы побольше узнать о своей возлюбленной.

В то время я познакомился с еще одной девушкой, которую Пэм прозвала (хотя они ни разу не встречались) «той фифой с гольфа». И снова знакомство началось в баре. (Сейчас мне кажется, что тогда я посвящал чересчур много времени барам.) Девушке было немного за двадцать, довольно привлекательная, только окончила колледж. По сути, виделись мы только один раз, когда она настояла на обеде у нее дома.

А жила она, как выяснилось, в Дирборне, по соседству с центральной штаб-квартирой компании «Форд». Ее отец занимал там должность одного из руководителей высшего звена. Жили они в огромном каменном доме с бассейном, подлинниками известных картин и причудливой мебелью. Ее отец, далеко за сорок, представлял собой типичный образчик корпоративного успеха, мать была грациозна и элегантна. Мы сели за обеденный стол в компании младшего брата и сестры моей новой подружки, и я принялся изучать семейство, пытаюсь оценить чистую стоимость их активов. В это же самое время они пытались оценить меня.

Поначалу все шло слишком гладко. Похоже, их впечатлила моя должность агента ФБР – приятная перемена в сравнении с тем отношением, которое я привык терпеть в кругах Пэм. Но конечно, родители оказались ровно такого знатного происхождения, на какое выглядели. Мне стало совсем неудобно, потому что меня явно собирались женить.

Отец порасспрашивал меня о семье, прошлом, военной службе. Я рассказал о том, как руководил программой физподготовки в ВВС. Затем папаша сообщил, что на паях с партнером владеет гольф-клубом недалеко от Детройта, и начал распространяться о трассах и лужайках. Планка его активов тут же дернулась вверх.

– Джон, ты играешь в гольф? – спросил он.

– Нет, сэр, – без промедления ответил я. – Но мне очень хотелось бы научиться.

Вот и все. Мы разошлись, я заночевал у них на диване внизу. Посреди ночи ко мне каким-то образом спустилась моя подруга, которая оказалась лунатиком. Может, все дело в их странном доме, а может, в моем инстинктивном страхе подставиться (в конце концов, я работал в Бюро), но меня быстро спугнул агрессивный напор и девушки, и всей ее семейки. Я ушел утром, получив на закуску порцию гостеприимства в виде неловкого завтрака. Мечта о сладкой жизни растаяла, да и пусть.

Пэм вернулась из Англии за пару дней до Рождества 1971-го. Я решил взять быка за рога и заранее купил обручальное кольцо с бриллиантом. В те дни благодаря связям Бюро купить можно было чуть ли не все что угодно. Компания, где я добыл кольцо, в знак благодарности за поимку

налетчиков на один из ее магазинов давала агентам очень неплохую скидку.

Но даже по цене для особых клиентов самое большее, что я мог позволить себе, это бриллиант в 1,25 карата. Но я решил, что, если Пэм сперва увидит его на дне бокала с шампанским, она не только похвалит мое остроумие, но и сочтет, что в камне все три карата. Мы поехали в итальянский ресторан на Эйт-Майл-роуд, недалеко от ее дома. Я намеревался бросить кольцо в бокал Пэм, как только она удалится в дамскую комнату.

Она так туда и не пошла. Следующим вечером я снова пригласил ее в тот же самый ресторан, но ситуация повторилась. К тому моменту я уже не раз вел слежку за подозреваемыми, часами просиживая в машине. Надо сказать, что необходимость все время терпеть была существенным недостатком моей работы, так что я еще сильнее зауважал свою избранницу. А может, сама судьба давала мне знак, что время жениться еще не пришло.

На следующий вечер, то есть в канун Рождества, мы собрались у Пэм дома со всей семьей. Вот оно: сейчас или никогда. Мы пили ее любимое «Асти спуманте». Наконец она на минуту вышла на кухню. Вернувшись, она села мне на колени, мы выпили, и, если бы я ее вовремя не остановил, Пэм так и проглотила бы кольцо. Вот тебе и три карата. Она его не заметила, пока я сам на него не указал. Интересно, это тоже был знак судьбы?

Впрочем, куда важнее, что подготовленной «атмосферой для допроса» мне удалось добиться желаемого результата. Ситуацию я создал исключительно удачную: в окружении братьев и матери, которые меня обожали, у Пэм не оставалось иного выбора. Она сказала «да». Свадьбу назначили на следующий июнь.

На второй год большинство холостых агентов определили в Нью-Йорк или Чикаго из тех соображений, что работать там для них будет менее проблематично, чем для женатых. Лично я конкретных пожеланий тогда не озвучивал, и меня назначили в Милуоки, показавшийся мне неплохим городком, хотя я ни разу там не был и даже не представлял, где он находится. Я переезжал туда в январе, а после свадьбы собирался захватить с собой Пэм.

Я остановился в квартире в Жюно-Виллидж-Апартментс на Жюно-авеню, недалеко от нашего регионального подразделения в Милуоки, что располагается в административном здании на Норт-Джексон-стрит. Это был мой тактический просчет, потому как чуть что, и сразу: «Дуглас, езжай. Это всего в трех кварталах от тебя».

Еще до моего прибытия в Милуоки женская часть коллектива уже знала, кто я такой, а именно: один из всего двоих холостых агентов. В первые несколько недель секретарши сражались за мои распоряжения, хотя

таковых имелось совсем немного. Все так и кружили около меня. Но затем, когда прошел слух, что я помолвлен, я быстро превратился во вчерашнюю булку.

Атмосфера в отделении Милуоки во многом копировала детройтскую. Моим первым САРом стал человек по имени Эд Хейз, которого прозвали Шустрый Эдди. Вечно красный как рак (он скончался из-за повышенного давления вскоре после ухода на пенсию), он постоянно расхаживал по отделению, щелкая пальцами и прикрикивая:

– Вон из офиса! Вон из офиса!

Я спросил:

– А куда прикажете идти? Я только вселился. У меня нет машины, и дел тоже пока нет.

Он резко парировал:

– Мне все равно куда. Вон из офиса.

Ну я и пошел. В те дни не было ничего необычного в том, чтобы засесть в библиотеке или пройтись по Висконсин-авеню рядом с офисом, где можно обязательно встретить пару-другую агентов, точно так же от безделья разглядывающих витрины. Именно тогда я и купил у известного в Бюро автодилера свой второй автомобиль, «форд-торино».

Следующего САРа, Херба Хокси, перевели из отделения Литл-Рок, штат Арканзас. Самой большой проблемой для САРов была вербовка сотрудников, поэтому, едва Хокси появился, эта беда тут же обрушилась и на него. Каждое региональное отделение имеет свою ежемесячную квоту как на агентов, так и на обслуживающий персонал.

Хокси вызвал меня к себе в кабинет и назначил старшим по вербовке. Обычно в этих целях назначался только один человек, поскольку ему приходилось много колесить по штату.

– Почему я? – спросил я.

– Потому что нам пришлось заменить предыдущего, и еще повезло, что вообще не уволили.

Оказалось, мой предшественник ходил по старшим школам и проводил собеседования с девушками о найме на бумажную работу. Тогда Гувер был еще жив, и в спец-агенты женщин по-прежнему не брали. Агент задавал школьницам как бы заранее подготовленные вопросы, один из которых был: «Вы девственница?» Если девушка отвечала «нет», он приглашал ее на свидание. Когда родители начали жаловаться, САРу только и оставалось, что снять его с пробега.

Я стал вербовать людей по всему штату. Вскоре я вырабатывал квоту почти в четырехкратном объеме, став самым производительным рекрутером в стране. Проблема в том, что я был слишком хорош и меня ни за что не сняли бы с этой должности. Когда же я сказал Хербу, что не

хочу больше этим заниматься и пришел в ФБР не для работы с персоналом, он пригрозил перевести меня на гражданские права. А там я буду копать в полицейских участках и заниматься офицерами, обвиненными в жестоком обращении с подозреваемыми или в дискриминации социальных меньшинств. Такая работа тоже не пользовалась особой популярностью в Бюро. Вот так награда за ударный труд.

Я пошел на компромисс. Нехотя я согласился обеспечивать высокое число рекрутов, если Хокси назначит меня своим первым замом, выдаст служебный автомобиль и напишет рекомендательное письмо в Управление содействия правоприменению, чтобы мне оплатили высшее образование. Я знал: если не собираешься всю жизнь провести «в поле», требуется степень магистра.

В кругу коллег меня стали подозревать в политической ненадежности, ведь только ярые либералы стремились к образованию в таком объеме. В университете Висконсина в Милуоки, где я вечерами и по выходным сражался за степень магистра педагогической психологии, обо мне сложилось ровно противоположное мнение. Большинство профессоров с опаской относились к агенту ФБР на их занятиях, а мне, в свою очередь, было не слишком интересно заниматься всякой романтической дребеденью, которая всегда идет рука об руку с психологией (вроде заданий: «Джон, расскажи о себе своему соседу по парте. Какой Джон Дуглас на самом деле?»).

Однажды на занятии мы сели в круг, а в те дни круги получались очень большими. Постепенно я поймал себя на мысли, что никто не хочет со мной разговаривать. Я старался влиться в беседу, но на меня попросту не реагировали. Наконец я в сердцах спросил: «Ребята, в чем дело?» Оказывается, железная ручка расчески, торчавшая из кармана, показалась им антенной: мол, я записываю все, что происходит в классе, и передаю в «штаб». Меня никогда не переставало удивлять параноидальное чувство собственной важности в этих людях.

В начале мая 1972 года Дж. Эдгар Гувер тихо скончался во сне в своем доме в Вашингтоне. Рано утром сообщения по телетайпу из штаб-квартиры облетели каждое региональное отделение. В Милуоки САР вызвал нас всех к себе, чтобы поведать печальное известие. Хотя Гуверу уже было далеко за семьдесят и он занимал свой пост целую вечность, нам казалось, что он будет всегда. Теперь король умер, и все мы задавались вопросом, кто станет новым королем и займет его место. Временно исполняющими обязанности назначили Л. Патрика Грея, лояльного Никсону генерального прокурора. Поначалу он снискал популярность рядом нововведений – например, наконец разрешил нанимать женщин на должность спецагента. Но как только интересы его ведомства начали пересекаться с потребностями Бюро, он «поплыл».

Через пару недель после кончины Гувера я занимался вербовкой в Грин-Бэй, как вдруг раздался звонок Пэм. Она предупредила, что священник хочет увидеть нас за несколько дней до свадьбы. Я подозревал, что он хочет обратить меня в католичество и тем самым заработать пару очков для своей церковной команды. Но Пэм была ревностной католичкой, воспитанной в уважении к святым отцам. А еще я знал, что она покоя мне не даст и лучше сразу согласиться.

Мы явились в церковь Святой Риты вместе, но к священнику моя избранница вошла первой. Я сразу вспомнил тот случай в полицейском участке Монтаны, когда нашу компанию разделили для сверки показаний. Наверняка они обсуждали стратегию беседы со мной. Когда же меня наконец пригласили войти, я первым делом спросил:

– Что за козни вы строите против невинного протестанта?

Священник, молодой и приветливый, возможно, немного за тридцать, сперва позадавал мне общие вопросы вроде «что такое любовь?». Я старался его прощупать и понять, есть ли на этот вопрос правильный ответ. Вообще такие беседы сродни тестам на профпригодность: едва ли можно хорошо к ним подготовиться.

Затем мы перешли к контролю за рождаемостью, воспитанию детей и тому подобному. Я не удержался и спросил:

– Каково это – быть священником, давшим обет безбрачия? Каково это, не иметь семью?

Он показался мне приятным человеком, хотя Пэм предупредила, что церковь Святой Риты очень строгая и традиционная и ему не очень комфортно в моем обществе – возможно, потому что я не католик. Не знаю.

Думаю, он пытался растопить лед, когда спросил, как мы познакомились. В стрессовой ситуации я всегда начинаю шутить, стараясь разрядить обстановку. И вот прекрасная возможность, перед которой я не устоял. Я ближе придвинулся к собеседнику и сообщил:

– Ну, отец, вы же в курсе, что я агент ФБР. Не знаю, рассказывала ли вам Пэм о моем прошлом.

Продолжая говорить, я все ближе придвигался к нему, поддерживая зрительный контакт, – этому приему я научился на допросах. Я не хотел, чтобы он смотрел на Пэм, потому что не знал, как она отреагирует.

– Мы встретились в баре «Гараж Джима», где танцуют топлес. Пэм работала там танцовщицей, и в профессионализме ей не откажешь. Но вот что действительно меня зацепило, так это ее умение заставить кисточки на сосках вращаться в разных направлениях. Поверьте, на это стоит взглянуть.

Пэм хранила гробовое молчание, не зная, пора ли вмешаться. Священник внимательно меня слушал.

– Ну и вот, отец, она крутила эти кисточки в противоположные стороны все быстрее и быстрее, как вдруг одна из них оторвалась и полетела прямо к зрителям. Все повскакивали, старясь ее поймать, но я рванул быстрее всех, вернул владелице, и вот мы здесь.

Священник сидел разинув рот. Он действительно поверил мне, но тут я не выдержал и покатился со смеху, прямо как тогда в школе на докладе по книге.

– То есть все было не так? – уточнил он.

Тут уже захохотала и Пэм. Мы на пару покачали головой. Не знаю, утешило это священника или, наоборот, разочаровало.

Моим шафером был Боб Макгонигел. Утро в день свадьбы выдалось хмурым и дождливым, и я хотел поскорее начать. Я попросил Боба позвонить домой Пэм и спросить, не видела ли она меня. Она, конечно, не видела, и Боб добавил, что очень переживает, как бы я не дал задний ход, потому что вчера я не вернулся домой. Теперь мне даже не верится, что чувство юмора у меня тогда было настолько извращенным. В конце концов Боб не выдержал и заржал, выдав наш розыгрыш, но я был слегка разочарован, что не смог добиться от Пэм более выраженной реакции. Потом она призналась мне, что настолько углубилась в организацию торжества и в беспокойство по поводу прически, которая могла испортиться из-за влажности, что исчезновение какого-то жениха было наименьшей из ее проблем.

Когда мы произнесли клятву верности в церкви и священник объявил нас мужем и женой, я крайне удивился тому, что у него нашлась пара добрых слов обо мне.

– Впервые с Джоном Дугласом я встретился всего пару дней назад, но он заставил меня серьезно задуматься о своих религиозных чувствах.

Одному Богу известно, чего он так загрузился, но пути Господни неисповедимы. Во второй раз я рассказывал священнику историю про кисточки уже в Сиэтле, когда Пэм собиралась меня соборовать. И тот тоже купился.

После короткого медового месяца в Поконосе – с ванной в форме сердца, зеркальными потолками и прочими характерными атрибутами, – мы отправились на Лонг-Айленд, где мои папа с мамой закатили вечеринку в нашу честь, поскольку мало кто из моих родных смог присутствовать на самой свадьбе.

После свадьбы Пэм переехала в Милуоки. К тому моменту она уже окончила институт и стала преподавателем. Начинающим учителям зачастую приходится быть на подхвате в самых проблемных школах города. Особенно тяжело Пэм пришлось в одной средней школе. Учителей там запросто могли толкнуть или ударить, а нескольких молодых преподавательниц даже пытались изнасиловать. Я же наконец соскочил с обязанностей рекрутера и большую часть времени теперь работал в

оперативном отряде, занимаясь в основном ограблениями. Несмотря на безусловные опасности службы, я больше беспокоился за Пэм: у меня хотя бы было оружие. Как-то раз четверо ребят загнали ее в кабинет, лапая и домогаясь. Отбиваясь и крича, она сумела вырваться, но я был в ярости и собирался вместе с коллегами нагрянуть в школу и надрать подлецам задницы.

На тот момент ближе всего мы общались с агентом Джо Делькампо, который работал вместе со мной по банковским делам. Мы с ним частенько ошивались у пекарни на Окленд-авеню, неподалеку от студгородка университета Висконсина в Милуоки. Заведением владела чета Голдбергов, Дэвид и Сара, и уже задолго до того мы успели с ними крепко подружиться. В сущности, супруги относились к нам как к своим сыновьям.

Иногда мы заезжали к ним ни свет ни заря, уже при оружии, и помогали загружать в духовку бублики и булочки. Позавтракав, мы обыкновенно выезжали на работу, хватали преступника, проверяли пару других зацепок и возвращались к ланчу. Мы с Джо вместе работали в Еврейском общественном центре и между Рождеством и Ханукой оплачивали Голдбергам членский билет. В конце концов в местечко, которое мы запросто называли «У Голдбергов», стали заезжать и другие агенты, и даже САРы и ПСАРы. У нас там образовалась своя тусовка.

Джо Делькампо был смышленным парнем, владел несколькими языками и отлично управлялся с оружием. Его смекалка сыграла ключевую роль в, пожалуй, самой странной и сбивающей с толку ситуации, в которую я когда-либо попадал.

Однажды зимой мы с Джо допрашивали в офисе дезертира, которого схватили тем же утром, как вдруг раздался звонок и полиция Милуоки сообщила о захвате заложников. Хотя Джо дежурил всю ночь, мы все же оставили задержанного дожидаться нашего возвращения, а сами отправились по вызову.

Добравшись до старинного дома в стиле Тюдоров, мы узнали, что подозреваемый, Джейкоб Коэн, беглый преступник, обвинен в убийстве офицера полиции в Чикаго. Вдобавок он как раз подстрелил агента ФБР Ричарда Кар-ра, который зашел внутрь и попытался его задержать. Дом был окружен свежееобученным отрядом спецназа ФБР. Этот псих попытался прорваться через окружение, в процессе чего заработал пару выстрелов в зад. По пути он схватил какого-то паренька, убравшего снег, и забежал в другой дом. Теперь у него трое заложников: двое детей и взрослый. В конце концов он отпустил взрослого и одного ребенка, прижимая к себе совсем маленького мальчишку, которому, по нашим подсчетам, было лет десять.

К этому моменту все уже изрядно подзадолбались. Лютый мороз. Коэн сходит с ума еще пуще от того, что его зад нашпигован свинцом. ФБР и полиция Милуоки обвиняют друг друга в усугублении ситуации. Молодые

спецназовцы злятся, что на первом же серьезном деле позволили преступнику прорваться через кольцо. ФБР жаждет крови за смерть одного из своих коллег. А полиция Чикаго уже заявила, что сама хочет его схватить, и если кто-то собирается пристрелить преступника, то должен иметь веское к тому основание.

На место прибыл САР Херб Хокси и своими действиями закрепил уже допущенные остальными ошибки. Во-первых, он достал громкоговоритель, чтобы придать себе безапелляционный тон. Куда мягче был бы телефонный звонок, благодаря которому к тому же беседа приобретает частный характер. Затем, по моему мнению, он допустил вторую ошибку: предложил себя в качестве заложника в обмен на мальчика.

Хокси сел за руль машины ФБР, полиция окружила ее и сопровождала к дому. А пока они ехали, Делькампо попросил меня посадить его на крышу здания. Напомню, это дом в тюдорском стиле, с покатою крышей, сплошь покрытой льдом, а Джо был на ногах всю ночь. И вот он залез туда, вооруженный только магнумом калибра.357 с 2,5-дюймовым стволом.

Коэн высунулся из дома, обхватив рукой голову мальчика и крепко прижимая его к себе. Детектив Бисли из полиции Милуоки выступил вперед:

– Джек, вот кто тебе нужен. Отпусти ребенка!

Тем временем Делькампо аккуратно карабкался вверх по крыше. Полицейские заметили его и сразу же обо всем догадались.

Субъект с заложником подошли к машине. Повсюду снег и лед. Вдруг паренек поскользывается, и Коэн на секунду ослабляет свою хватку. К тому моменту Делькампо уже перебрался через гребень крыши, прикинул, что при коротком стволе пистолета пуля может уйти немного выше, прицелился бандиту в шею и спустил курок.

Прямое попадание. Невероятная точность: выстрел пришелся прямо в самую середину шеи. Коэн осел на землю, но никто не понял, утащил его за собой мальчик или же в него попали.

Ровно через три секунды на машину посыпался град из пуль. В перестрелке детектива Бисли ранило в ахиллесово сухожилие. Маленький заложник оказался перед машиной и старался на четвереньках отползти в сторону, но автомобиль покатился прямо на него, потому что в Хокси угодил осколок стекла и он потерял управление. К счастью, мальчик отделался парой легких ушибов.

Что очень по-фэбээровски, в вечернем выпуске новостей показали спецagenta-руководителя Герберта Хокси на каталке, который сказал пару слов для прессы, когда его, с капающей из уха кровью, вывозили из реанимации: «Неожиданно раздались выстрелы, начался настоящий

свинцовый дождь. Похоже, меня зацепило, но я буду в порядке...» ФБР, Господь Бог, вечные ценности и т. д. и т. п.

Но и это еще не все. Ребята из полиции уже собирались пустить в ход кулаки, потому что Делькампо отнял у них преступника. Спецназ тоже был не в восторге, потому что на его фоне они выглядели бездарно. Они нажаловались ПСАРу Эду Бесту, но тот заступился за Делькампо, заявив, что он разрешил ситуацию, которую создали все остальные.

На теле Козна было около тридцати – сорока сквозных ранений, но он был еще жив, когда его забрала скорая. К счастью для всех заинтересованных, его все ^{равно} разыскивали живым или мертвым.

Спецагент Карр чудом выжил. Пуля Козна пробила плащ, вошла в плечо, отприкошетила от трахеи и застряла в легком. С того дня Карр с гордостью носил плащ с дыркой от пули.

Мы с Делькампо отлично сработались и показывали высокие результаты, не считая того, что, стоило нам начать хихикать, и мы подолгу не могли успокоиться. Однажды мы зашли в гей-бар, чтобы обеспечить информатора по делу о гомосексуальном убийстве. Внутри было темно, и когда мы наконец привыкли к полумраку, то заметили множество глаз, изучающе смотревших на нас. Мы стали спорить, кто из нас им больше понравился, а когда увидели вывеску над барной стойкой с надписью: «Нелегкого мужчину найти хорошо»^[16], то буквально сложились пополам, хохоча как припадочные.

Нас хлебом не корми, только дай поржать. Однажды мы не удержались от смеха, беседуя со стариком в инвалидной коляске в доме престарелых, а еще – во время разговора со щеголеватым сорокалетним бизнесменом, когда парик сполз ему на лоб. Нам было все равно, над чем смеяться. Если в ситуации есть хотя бы крупца юмора, мы с Джо обязательно ее унюхаем. При всей нетактичности, это, пожалуй, весьма полезный талант. Когда уйму времени проводишь на местах убийств и в моргах, где среди трупов попадаются и детские, когда поговоришь с сотнями, тысячами жертв и членов их семей, когда видишь совершенно немыслимые вещи, на которые люди способны по отношению к себе подобным, – лучше бы научиться смеяться над всякими глупостями. Иначе свихнешься.

В отличие от большинства ребят, ушедших в правоохранительные органы, я никогда не обнаруживал особой страсти к оружию, но со времен службы в ВВС я довольно метко стрелял. Я решил, что не повредит немного поработать в составе спецназа. Таковой был в каждом региональном отделении. Частичная занятость; пятерых ребят вызывали по мере надобности. Я вступил в отряд, и меня назначили снайпером, то есть я всегда оставался на задней линии и стрелял с большой дистанции. У остальных был солидный послужной список – зеленые береты, рейнджеры, – и тут я, обучавший детишек и жен пилотов

плавать. Командир отряда, Дэвид Коль, в свое время стал заместителем помощника директора в Куантико, он же и предложил мне возглавить отдел следственного сопровождения.

На другом деле, более приземленном, чем небывальщина с Джейкобом Коэном, полиция устроила головокружительную погоню за грабителем банка, в результате которого прижала того в здании склада. Тут вызвали нас. Находясь на складе, вор сначала полностью разделся, затем снова оделся. По всем признакам мы имели дело с настоящим шизиком. Потом он потребовал доставить к месту действия его жену, что и было сделано.

Впоследствии, углубившись в исследование подобного типа личности, мы выяснили, что ни в коем случае нельзя этого делать: нельзя выполнять такие требования, потому что обычно человека, которого преступник просит доставить, он воспринимает как первоочередную причину своих проблем. Таким образом, этот человек подвергается крайней опасности, а мы рискуем заработать убийство с суицидом.

К счастью, в нашем примере жену не пустили внутрь, а дали им поговорить по телефону. Как и ожидалось, договорив, грабитель снес себе голову из дробовика.

Мы прождали наготове несколько часов кряду, и тут все резко закончилось. В таких случаях быстро сбросить напряжение удается не всегда, и тогда в ход идет весьма специфический юмор.

– Господи Иисусе, зачем же он так? – заметил один из парней. – У Дугласа ведь глаз алмаз, ему не обязательно было так напрягаться.

К тому моменту в Милуоки я проработал немногим более пяти лет. В конце концов мы с Пэм переехали из квартирки на Жюно-авеню в таунхаус на Браун-Дир-роуд у северной черты города, подальше от офиса. Основная часть моей работы приходилась на банковские ограбления, и у меня накопилось изрядное количество грамот и благодарностей за раскрытые дела. Я заметил, что лучше всего мне удавалось разобраться в ситуации, если я обнаруживал связь между несколькими преступлениями посредством их «почерка». Этот фактор позднее стал краеугольным камнем в нашем анализе серийных убийств.

Единственный заметный провал у меня случился, когда Херба Хокси на посту САРа сменил Джерри Хоган. Не то что бы у начальства было так много привилегий, но среди них – служебный автомобиль. Хоган очень гордился своим новым «фордом-лимитед» изумрудного цвета. Однажды для расследования мне потребовалась машина, а других свободных не было. Хоган ушел на встречу, и я спросил ПСАРа Артура Фултона, могу ли я воспользоваться авто начальника. Он нехотя согласился.

Следующее, что я помню, это как Джерри вызывает меня к себе и орет, что я взял его тачку, запачкал ее и – что хуже всего – проколол шину. Причем я даже ничего не заметил. Выяснилось, что это было всего лишь

недоразумение. Потом мы с Джерри отлично сработались, и теперь каждый раз, когда он орет, я смеюсь.

Немного позднее тем же днем мой старший отряда Рэй Бирн сказал:

– Знаешь, Джон, Джерри ты нравишься, но он должен преподать тебе урок. Он назначил тебе индейскую резервацию.

Тогда обстановка еще была накалена инцидентом у Вундед-Ни^[17] и подъемом движения за права коренных американцев. В резервациях нас ненавидели не меньше, чем в гетто Детройта. Правительство ужасно обращалось с индейцами. Когда я впервые приехал в резервацию Меномини в Грин-Бэй, я не поверил своим глазам: в такой нищете, убожестве и грязи были вынуждены жить эти люди. У них отняли большую часть их культуры, и они выглядели словно оцепеневшими. История безразличия и враждебности правительства, а также отвратительные условия жизни наложили свой отпечаток, и во многих резервациях индейцы нередко опускались до алкоголизма, домашнего насилия, побоев и убийств. Но по причине крайнего недоверия властям от свидетелей почти не удавалось добиться хоть какого-то содействия или помощи.

Не стоило ждать помощи и от представителей местного Бюро по делам коренного населения. Из-за страха, что их уличат в пособничестве врагу, в расследовании отказывались принимать участие даже родственники жертвы. Иногда мы узнавали об убийстве и приезжали на место только через несколько дней, когда тело уже кишело личинками насекомых.

В резервации я провел чуть больше месяца и за это время успел поработать над шестью убийствами. Мне было так жаль индейцев, что я постоянно пребывал в унынии. Возможность вернуться на ночь домой казалась мне роскошью. Я в жизни не видел людей, которым день за днем приходилось преодолевать столько лишений. Полная опасностей работа в резервации Меномини стала моей первой концентрированной дозой убийств, которые нужно было как-то расследовать. Я получил мрачный, но уникальный опыт.

Без сомнений, лучшим событием во время моего пребывания в Милуоки стало рождение нашего первенца, Эрики, в ноябре 1975-го. Мы собирались устроить обед в честь Дня благодарения в загородном клубе вместе с друзьями, Сэмом и Эстер Раскин, как вдруг у Пэм начались схватки. Эрика родилась на следующий день.

На работе я проводил долгие часы за расследованием ограблений, доучивался в магистратуре, а рождение ребенка оставляло еще меньше времени для сна. Не стоит и говорить, что Пэм приняла это бремя на себя. Став отцом, я еще сильнее ощутил свой долг перед семьей. Мне нравилось наблюдать, как растет Эрика. К счастью для всех нас, думается мне, тогда я еще не занимался похищениями и убийствами детей. А если бы занимался, если бы задумывался над такими ужасами, не знаю, как тогда я справлялся бы с отцовством. Но к моменту

рождения в 1980-м нашей второй дочери, Лорен, я уже давно свыкся с кошмарами.

Думаю, что отцовство мотивировало меня становиться лучше. Я знал, что занимаюсь не тем, чему хотел бы посвятить свою профессиональную жизнь. Джерри Хоган посоветовал мне проработать «в поле» лет десять, прежде чем перейти в другое место: тогда у меня будет достаточно опыта для должности ПСАРа, а затем и САРа. Рано или поздно я смог бы пробиться в высшее руководство. Но с ребенком, а затем, как я надеялся, и со вторым жизнь полевого агента с ее постоянными переездами выглядела не слишком привлекательной.

Со временем у меня стали вырисовываться и другие перспективы в работе. Снайперская практика и тренировки спецназа более меня не привлекали. С учетом моего прошлого и интереса к психологии – а к тому времени я уже получил диплом магистра, – куда больший интерес у меня вызывала та часть работы, которая касалась урегулирования сложных ситуаций до того, как дело дойдет до стрельбы. САР посоветовал мне пройти двухнедельный курс по переговорам с преступниками в Академии ФБР в Куантико, открывшейся всего пару лет назад.

Там, под крылом таких легендарных агентов, как Говард Тетен и Пэт Маллани, я впервые на практике познакомился с тем, что называлось наукой о поведении. Она навсегда изменила мою карьеру.

Глава 5. Наука о поведении или НП?

[18]

В последний раз в Куантико я был пять лет назад, на подготовительном курсе для начинающих агентов. С тех пор многое изменилось. В первую очередь, к весне 1975-го Академия ФБР превратилась в законченную и самостоятельную организацию, вырезанную из грубого камня бывшей базы ВМС, и расположилась она на живописной лесистой равнине Вирджинии в часе езды к югу от Вашингтона.

Но кое-что осталось прежним. Например, наибольшим престижем и статусом все еще обладали тактические подразделения, а звездой среди них был отдел огнестрельного оружия. Его возглавлял Джордж Цейсс, спецгент, направленный в Англию, чтобы поймать и представить американскому правосудию Джеймса Эрла Рэя за убийство в 1968 году доктора Мартина Лютера Кинга. Цейсс, крупный и мощный человек-медведь, любил показывать дешевый трюк: якобы он мог разорвать наручники голыми руками. Однажды ребята из офиса запяли цепь и попросили Цейсса показать им фокус еще раз. Он так сильно тянул и выворачивал руки, что в итоге сломал запястье и потом еще долго ходил с гипсом.

Курс переговоров с преступниками преподавали в отделе поведенческого анализа, состоявшем из семи – девяти спецагентов-инструкторов. Психология, как и другие «мягкие» науки, не пользовались особым уважением при Гувере и его сторонниках, поэтому до его смерти сие начинание было скорее кустарным.

В сущности, та часть работы ФБР, да и правоохранительной службы в целом, которая предполагала применение в криминологии науки о поведении и психологии, считалась бесполезным дерьмом. Хотя я абсолютно точно не был согласен с таким подходом, все-таки не мог не признать, что основная часть изученного мной материала не имела никакого практического отношения к поимке преступников – обстоятельство, которое несколько наших энтузиастов начнет исправлять только спустя пару лет. Заняв должность начальника операционной части отдела поведенческого анализа, я изменил его название на «отдел сопровождения расследований». Когда же меня спрашивали, в чем смысл, я честно отвечал, что хотел изъять «НП» из нашей работы.

На тот момент, когда я приступил к изучению курса переговоров с преступниками, начальником ОПА был Джек Пфафф, но наиболее выдающуюся роль в отделе играли две сильные и вдохновляющие личности – Говард Тетен и Патрик Маллани. В Тетене почти два метра роста, за очками в проволочной оправе прячутся глаза-буравчики. Несмотря на прошлое морского котика, он скорее мыслитель, этакий благородный, возвышенный интеллектual. В Бюро он вступил в 1962-м после службы в полиции Сан-Леандро, штат Калифорния, близ Сан-Франциско. В 1969-м он начал преподавать популярный курс прикладной криминологии, который в конечном итоге (как я подозреваю, после смерти Гувера) стал известен как прикладная криминальная психология. В 1972-м он ездил в Нью-Йорк, чтобы проконсультироваться с доктором Джеймсом Брусселом, тем психиатром, который раскрыл дело «маньяка-подрывника». Доктор согласился лично обучить Тетена своей технике психоанализа.

Вооруженный новыми знаниями, Тетен совершил научный прорыв. Его подход состоял в том, чтобы узнать как можно больше о поведении и мотивах преступника на основе улик, найденных на месте преступления. В каком-то смысле все, что мы впоследствии делали в рамках науки о поведении и криминального анализа, основывалось на этом подходе.

А Пэт Маллани всегда напоминал мне лепрекона. Ростом около 155 сантиметров, он представлял собой эдакого смекалистого заводилу, бурлящего жизнью. Пэт имел ученую степень по психологии. В Куантико он перешел из нью-йоркского отделения в 1972-м, а к концу службы в академии отличился успехами в урегулировании нашумевших терактов с захватом заложников: в Вашингтоне, округ Колумбия, когда мусульманская секта «Ханафитский мазхаб» захватила штаб еврейской организации «Бней-Брит», и в Уорренсвилль-Хайтсе, штат Огайо, когда

Кори Мур, темнокожий ветеран войны во Вьетнаме, взял в плен капитана полиции и его помощника прямо в участке. Вместе Тетен и Маллани, эта примечательная и незабываемая парочка, были представителями первой волны современной науки о поведении.

Курс по переговорам вели также и другие инструкторы ОПА, Дик Олт и Роберт Ресслер, которые приехали в Куантико незадолго до меня. Если Тетен и Маллани составляли первую волну, то Олт и Ресслер образовывали вторую, стараясь развивать дисциплину в ключе ее практической значимости как для полиции США, так и для всего мира. Хотя в то время нас связывали только отношения ученика и учителя, вскоре мы с Бобом Ресслером совместно принялись за разработку методики анализа серийных убийств, которая в конечном итоге вылилась в современную модель нашей работы.

Занятия по переговорам с преступниками посещали около пятидесяти человек. Иногда лекции походили скорее на развлечение, нежели на учебу, но все равно было приятно взять двухнедельный отдых от полевой работы. На занятиях мы изучали три основных типа личностей, захватывающих заложников: профессионального преступника, душевнобольного и маньяка. Мы углубились в некоторые немаловажные феномены, обнаруживающие себя в подобных ситуациях, такие как Стокгольмский синдром. Двумя годами ранее, в 1973-м, неумелое ограбление банка в шведском Стокгольме привело к мучительной трагедии как для заложников из числа клиентов, так и для сотрудников банка. В итоге заложники прониклись симпатией к налетчикам и даже помогали им против полиции.

Еще мы посмотрели фильм Сидни Люмета «Собачий полдень», как раз недавно вышедший в прокат. Герой Аль Пачино грабит банк, чтобы достать деньги на операцию по смене пола для своего любовника. Фильм основан на реальном теракте с захватом заложников в Нью-Йорке. Как раз после этого дела и затянувшихся дебатов с преступниками в ФБР решили, что пора придать некоторое ускорение курсу переговорщиков в академии. Для этого из полиции Нью-Йорка пригласили капитана Фрэнка Больца и следователя Харви Шлоссберга – ньюйоркцы, как известно, признанные профессионалы в этой области.

Мы изучали принципы ведения переговоров. Некоторые ключевые вопросы были вполне очевидными, как, например, стремление свести жертвы к минимуму. Только годы спустя, когда сменилось поколение инструкторов, у нас появилась возможность слушать аудиозаписи настоящих переговоров. А до тех пор ближе всего к ним мы могли подойти в тренировочных ролевых играх. Но такие упражнения несколько сбивали с толку, потому что по большей части отбирались из материалов курса по криминальной психологии и не слишком-то вписывались в нашу тематику. Например, нам раздавали фото и досье какого-нибудь растлителя или сексуального маньяка, и затем мы обсуждали, как такая личность может повести себя при захвате

заложников. А потом мы снова переходили к огневой подготовке, которой в Ку-антико по-прежнему уделяли немало внимания.

И все же изрядную часть того, что мы впоследствии сами стали давать на курсе по переговорам, мы узнали не от других агентов на занятиях в классе, а во время суровой полевой практики. Как я уже отмечал, одним из дел, на котором Пэт Маллани заработал себе имя, было задержание Кори Мура. Мур, которому поставили диагноз параноидальная шизофрения, озвучил несколько требований, после того как взял в плен капитана полиции и его помощника прямо в отделении в Уорренсвилль-Хайтсе, штат Огайо. Среди прочего, он требовал, чтобы все белые немедленно покинули землю.

Итак, согласно стратегии переговоров, преступнику не следует уступать, если существует возможность урегулировать ситуацию без этого. Однако некоторые требования бывают в принципе маловыполнимы. К таким можно отнести и требование Мура. Это дело вызвало такой общественный резонанс, что даже сам президент США Джимми Картер собирался лично поговорить с Муром и попытаться разрешить ситуацию. Мистер Картер, без сомнений, был полон добрых намерений, которые впоследствии не раз находили свое выражение в желании урегулировать даже с виду незначительные конфликты по всему миру. И все же подобная стратегия переговоров не сулила ничего хорошего, и я бы ни за что не согласился на такое в свою смену. Не хотел того и Пэт Маллани. Помимо того, что тогда к делу подключится множество других мелких сошек, участие высшего начальства лишает пространства для маневра. Переговоры всегда следует вести через посредников, чтобы выиграть время и не давать обещаний, которые не сможешь выполнить. Когда же агрессор вступает в непосредственный контакт с человеком, которого воспримет как ответственного за принятие решений, все остальные автоматически оказываются прижаты к стенке: если теперь не выполнить требования преступника, ситуация может резко усугубиться. И чем дольше захватчик беседует с посредником, тем лучше.

Когда в начале 1980-х я стал преподавать в Куантико науку переговоров с заложниками, мы показывали курсантам одну шокирующую видеозапись, снятую в Сент-Луисе пару лет назад. (Потом, правда, показы пришлось прекратить, поскольку пленка сильно нервировала полицию Сент-Луиса.) На ней молодой темнокожий мужчина грабит бар, но все идет наперекосяк, полиция окружает здание, и он оказывается в ловушке с целой кучей заложников.

Затем полиция формирует команду черных и белых офицеров для ведения переговоров. Далее, вместо того чтобы говорить с грабителем нормально, они применяют жаргон, стараясь сойти за своих, галдят, постоянно перебивая налетчика, и совершенно не слушают, что он говорит, даже не пытаясь выяснить его требования.

Камера запечатлела прибытие на место шефа полиции, чего я опять-таки никогда не допустил. Шеф полиции уже «официально» проигнорировал просьбы преступника, и тот, не мудрствуя лукаво, приставил себе пистолет к виску и снес голову у всех на виду.

А теперь для сравнения посмотрим, как Пэт Маллани разрулил ту ситуацию с Кори Муром. Очевидно, что Мур был куда более психованным, но еще очевиднее, что все белые никуда не собираются съезжать с планеты Земля. Слушая преступника, Маллани догадался, чего на самом деле хочется Муру и что его удовлетворит. Маллани предложил Кори озвучить свои взгляды на пресс-конференции, и Мур отпустил заложников, не пролив ни капли крови.

На курсе в Куантико я привлек внимание сотрудников отдела поведенческого анализа, и Пэт Маллани, Дик Олт и Боб Ресслер порекомендовали меня Джеку Пфаффу. Тот пригласил меня на собеседование в свой подвальный кабинет. Пфафф оказался приветливым, приятным во всех отношениях человеком. Этот смуглый заядлый курильщик очень походил на Виктора Мэтьюра^[19]. Он заявил, что мои успехи очень впечатлили инструкторов, и предложил подумать над должностью куратора программы в Национальной академии ФБР в Куантико. Ошеломленный предложением, я сказал, что с большим удовольствием этим займусь.

В Милуоки я по-прежнему состоял в группе быстрого реагирования и в спецназе, но основную часть времени посвящал обучению всяких директоров компаний на случай похищения и вымогательства, а также консультировал банковскую охрану по порядку действий во время единичного или группового ограбления, которые особенно часто теперь били по сельским банкам.

Наивность некоторых искушенных предпринимателей в отношении собственной безопасности меня просто поражала. Они позволяли размещать в местных газетах и публикациях самой компании информацию о своем рабочем графике и даже планах на отпуск. Многие из них становились легкой мишенью для похитителей и вымогателей. Я пытался научить их самих, их секретарей и починенных, как оценивать звонки с запросами той или иной информации и как определить, является звонок с требованием выкупа блефом или нет. Например, директорам компаний нередко объявляют о похищении жены или ребенка с требованием принести определенную сумму в определенное место. На самом деле в это время и жена, и ребенок находятся в полной безопасности, но искатель наживы каким-то образом выяснил, что по той или иной причине дозвониться до них не удастся. А если злоумышленник вдобавок владеет парой правдоподобно звучащих фактов, то убедить запаниковавшего директора выполнить требования легче легкого.

Аналогичным образом нам удалось убедить руководство банков ввести ряд простых правил, благодаря которым мы добились значительного снижения числа успешных ограблений. Один из примитивных приемов налетчиков – ранним утром дожидаться неподалеку приезда менеджера, который должен открыть отделение и подготовить его к рабочему дню. Преступник хватает его и дожидается остальных ничего не подозревающих сотрудников, после чего их тоже берет в заложники. И вот у вас, откуда ни возьмись, куча проблем в виде битком набитого заложниками отделения.

В некоторых отделениях мы предложили ввести простую систему сигналов. Когда первый сотрудник приезжает утром и видит, что все чисто, он выполняет какое-нибудь простое действие: поправит занавеску, передвинет цветок, включит свет кое-где – словом, даст остальным понять, что все нормально. Если же на момент прибытия второго человека нужного сигнала нет, то ни в коем случае нельзя входить, а следует немедленно вызвать полицию.

Точно так же мы обучали и кассиров – людей, имеющих наиболее полный доступ к системе безопасности банка, – что следует делать и чего добиваться во время всеобщей паники, при этом не геройствуя с риском для жизни. Мы рассказали, как правильно управляться с пачками купюр, оснащенными химическими ловушками с распылителями несмываемой краски, которые тогда банки только начинали осваивать. А на основе допросов ряда успешных воров я советовал кассирам, прочитав записку об ограблении, сперва сделать вид, что они отдают ее обратно, а затем, как бы перепугавшись, уронить ее со своей стороны кассы, тем самым сохраняя ценную улику.

Еще из допросов я выяснил, что грабители обычно не нападают на неизученный банк, поэтому бесценным было бы записывать клиентов, которых в банке еще ни разу не видели, даже если они приходят с какой-нибудь простой просьбой, например обменять монеты на купюры. Если кассиру удастся пометить номер прав или другого удостоверения личности новичка, то последующие ограбления зачастую гораздо проще раскрыть.

Я стал работать со следователями по убийствам и захаживать в кабинет к судмедэксперту. Любой патологоанатом, как и большинство хороших следователей, скажет вам, что единственной и самой красноречивой уликой в деле о насильственной смерти является тело жертвы. Я захотел узнать об этом как можно больше. Уверен, что частично мое влечение к медицинской экспертизе восходит к юношеской мечте стать ветеринаром, то есть понять, как соотносятся структуры и функции организма с жизнью. Впрочем, хотя я получал большое удовольствие от работы и с убийным отделом, и с судмедэкспертами, по-настоящему меня интересовала психологическая сторона вопроса: что движет убийцей? что заставляет его совершать преступление при конкретных обстоятельствах?

Когда я перешел в Куантико, мне стали попадаться куда более странные убийства, а самое необычайное из них произошло чуть ли не на заднем дворе моего дома (на самом деле в двухстах с лишним километров от него, но все равно довольно близко).

В 1950-х Эдвард Гин проживал в уединенном, находящемся на отдалении от остальных домике в фермерском сообществе Плейнфилда, штат Висконсин, с населением всего 642 человека. Незаметно для всех он начал свою криминальную карьеру с расхищения могил. Особенно его интересовала кожа с трупов, которую он удалял и дубил, после чего сам в нее драпировался. Кроме того, кожей он украшал имевшийся у него портновский манекен и всякую домашнюю утварь. Затем Гин вдруг решил на операцию по смене пола – нечто невероятное, по меркам Среднего Запада эпохи 1950-х, – но это показалось ему не слишком практичным. И тогда ему в голову пришла еще одна гениальная идея: сшить себе костюм из живых женщин. Кое-кто считает, что таким образом он хотел превратиться в свою уже покойную, но при жизни деспотичную матушку. Ничего не напоминает? Некоторые идеи из этого дела перенял Роберт Блох для своего романа «Психо» (затем воплощенного в одноименном фильме Хичкока, ставшем классикой) и Томас Харрис для «Молчания ягнят». Кстати, Харрис услышал о случае Эдварда Гина из первых уст на наших занятиях в Куантико.

Возможно, Гин и дальше пребывал бы во мраке своей омерзительной жизни, если бы его фантазия не потребовала «произвести» новые трупы для жатвы. В исследовании, посвященном феномену серийного убийства, мы обнаруживали подобную эскалацию почти во всех случаях. Гина обвинили в убийстве двух женщин среднего возраста, хотя на его счету, скорее всего, было куда больше жертв. В январе 1958-го его официально признали невменяемым, и остаток своих дней он провел в психиатрической клинике Мендоты и в Центральном госпитале штата для душевнобольных, выказывая образцовое поведение. В 1984 году Гин мирно скончался в возрасте семидесяти семи лет в Мендоте, в отделении для пожилых.

Не стоит и говорить, что даже спецагентам и следователям нечасто попадаются подобные экземпляры. Вернувшись в Милуоки, я поставил себе цель узнать об этом деле как можно больше. Однако, наведя справки в аппарате генерального прокурора штата, я выяснил, что записи по расследованию запечатаны грифом о невменяемости.

Архив для меня открыли только после того, как я сказал, что в качестве агента ФБР имею к данному случаю профессиональный научный интерес. Никогда не забуду, как мы с секретарем ходили между бесчисленных стеллажей архива, до отказа забитых коробками. Мне и в самом деле пришлось сломать восковую печать, чтобы просмотреть документы. Но внутри я увидел фото, которые теперь клеймом выжжены в моей памяти: обезглавленные раздетые тела женщин, подвешенные

вверх ногами на веревках и блоках, распотрошенные от груди до самого лобка, с вырезанными гениталиями; отрубленные головы на столе с пустыми распахнутыми глазами, устремленными в пустоту. Сколь бы пугающими ни казались эти фотографии, я стал размышлять о том, что же они могли поведать о преступнике и как это знание могло бы помочь его поимке. По правде говоря, с тех пор тот кошмар так и не истерся из моей памяти.

В конце сентября 1976-го я уехал из Милуоки в связи с временным должностным указанием, или ВДУ. Я должен был исполнять обязанности куратора на 107-й сессии Национальной академии в Куантико. Пэм осталась в Милуоки одна, и на ее плечи легли заботы по дому, воспитание годовалой Эрики и вдобавок работа преподавателя. Это была моя первая из многих служебных командировок в последующие годы, но, боюсь, мало кто в Бюро, армии или на заграничной службе задумывается о том, какую непосильную ношу вынуждены нести наши жены, оставленные без мужского плеча.

Программа обучения в Национальной академии ФБР – это сложный одиннадцатинедельный образовательный курс для старших и высших начальников правоохранительных органов не только из США, но и со всех концов мира. Зачастую учащиеся программы обучаются совместно с агентами ФБР. Чтобы отличить одних от других, курсантам предписывается носить футболки разного цвета: агенты ФБР носят синие, а сторонние участники программы надевают красные. И кстати, последние обычно старше и опытнее. Чтобы пройти отбор на программу, необходимо иметь рекомендации непосредственного офицера-руководителя, а также получить согласие персонала академии. Программа Национальной академии не только дает первоклассную подготовку по самым актуальным знаниям и приемам в области правоохранительной службы, но и служит масштабной площадкой для установления неформальных отношений между ФБР и местной полицией, неопределимая важность которых не раз была доказана практикой их работы. Возглавлял программу Национальной академии Джим Кот-тер – этот любимый в полиции институт правоохранительной службы во плоти.

Как куратору мне поручили одно образовательное подразделение – секцию Б, состоявшую из пятидесяти мужчин. Хотя на тот момент политика Патрика Грея и Клэрэнса Келли понемногу освобождала Бюро от чопорной строгости Гувера, женщин в Национальную академию пока еще не приглашали. Кроме американцев, в моей группе были англичане, канадцы и египтяне. Студентов и кураторов селили в одном общежитии, и потому от последних ожидалось умение превращаться в мастера на все руки – от инструктора и организатора досуга до психиатра и воспитателя. Для сотрудников отдела поведенческого анализа это была отличная возможность попрактиковаться во взаимодействии с полицией,

понять, нравится ли им вообще в Куантико, и поучиться работать в стрессовых ситуациях.

А их хватало. Вдали от своих семей, курсанты впервые за взрослую жизнь поселились в тесных комнатухах общежития, не имели возможности пить, были вынуждены мириться с необходимостью делить ванную с незнакомым человеком... Для большинства эти испытания закончились еще в годы начальной подготовки. Ребята получили прекрасное образование, но какой ценой. К шестой неделе многие копы уже окончательно слетели с катушек и буквально лезли на белые стены из шлакоблока.

Все это, конечно, не прошло бесследно и для кураторов. Каждый из них по-своему подходил к выполнению задания. Как всегда на протяжении всей своей жизни, я решил, что, если мы хотим в целости и сохранности добраться до конца программы, стоит вооружиться отменным чувством юмора. Другие кураторы придерживались иного подхода. Например, один из них был такой строгий и жесткий, что даже во время досуга проел своим подопечным всю плешь. К третьей неделе он окончательно довел студентов своей секции, так что они купили ему набор чемоданов, как бы намекая: «Убирайся к чертовой матери».

А вот еще один куратор из числа спецагентов, которого мы назовем Фред, до Куантико никогда не страдал от проблем с алкоголем, но именно там он их себе заработал.

Кураторы должны следить за тем, чтобы студенты не впадали в подавленное состояние. На деле же Фред запирался у себя в комнате, пил и курил до беспамятства. Если соседствуешь с закаленными на улицах копами, то выживает сильнейший. Проявишь слабость – и ты покойник. По-настоящему хороший парень, Фред оказался настолько чувствительным, понимающим и доверчивым, что попросту не выдержал в такой компании.

Еще у нас было негласное правило: никаких женщин. Как-то вечером один из копов заглянул к Фреду и заявил, что больше не выдержит, и это определенно не то, что хотелось бы услышать куратору. Оказалось, сосед по комнате каждую ночь приводит новую бабу, и из-за этого невозможно спать. Фред пошел к той комнате, а там за дверью толпилась целая очередь парней, нетерпеливо сжимающих деньги в потных кулачках. Фред в бешенстве ворвался в комнату и стащил того парня с длинноволосой блондинки – которая оказалась надувной куклой.

Неделю спустя еще один коп постучался к Фреду посреди ночи и сказал, что его сосед Гарри совсем слетел с катушек и выпрыгнул из окна. Вообще-то окна в общежитии не должны открываться. Фред помчался по коридору в комнату, выглянул из открытого окна и увидел, что Гарри, весь в крови, лежит на траве внизу. Тогда Фред сломя голову сбежал по ступенькам во двор и приблизился к Гарри, но тот вдруг вскочил, напугав Фреда до чертиков. А кровью оказался кетчуп, бутылку которую наши

умельцы позаимствовали в столовой тем же вечером! К концу обучения Фред начал лысеть, перестал бриться, заработал онемение в ноге и стал хромать. Причем невролог не нашел у него никаких клинических отклонений. С больничного его выписали только год спустя. Мне было жаль парня, но в этом отношении копы очень похожи на преступников: каждому из них хочется доказать, что они умеют быть жесткими.

Несмотря на свой непринужденный и юморной подход, от всего этого я тоже не был защищен, но, к счастью, мне попадались только невинные розыгрыши. Однажды из моей комнаты пропала вся мебель; потом подоткнули одеяло так, что я никак не мог нормально устроиться в кровати; пару раз натягивали целлофан на стульчак. Курсантам тоже нужно сбрасывать стресс.

В какой-то момент я начал окончательно сходить с ума и отчаянно захотел от них отделаться. Будучи профессионалами своего дела, они точно это почувствовали и подложили под мой зеленый «форд» пару шлакоблоков, так что колеса на дюйма оторвались от земли. Я сел в машину, завел мотор, снял с ручника, включил передачу и стал вхолостую давить на газ, совершенно не понимая, почему это я не двигаюсь с места. Затем я вышел из машины, понося английских инженеров на чем свет стоит, открыл капот, попинал колеса, наконец присел и посмотрел под днище. Вдруг всю парковку залил яркий свет: шутники расселись по своим машинам и дружно включили дальние фары. Но поскольку ребята уверяли, что я им нравлюсь, в конце концов они опустили мою машину на земную твердь, вдоволь повеселившись.

Студенты-иностранцы тоже вносили свой вклад в общую неразбериху. Многие из них приезжали с пустыми чемоданами, шли в спецмагазин для копов и военных и отоваривались там до посинения. Особенно мне запомнился один высокопоставленный египетский полковник. Как-то раз он спросил у детройтского копа, что означает «гребаный». (Большая ошибка.) Коп ответил, в общем-то весьма точно, что сие универсальное слово может использоваться в самых разных ситуациях и уместно почти всегда. Одно из его значений – «красивый» или «классный».

Полковник отправился в магазин, подошел к отделу с фотопринадлежностями и выдал:

– Я хотел бы купить вон тот гребаный фотоаппарат.

Женщина за прилавком шокированно переспросила:

– Что, простите?

– Я хотел бы купить вон тот гребаный фотоаппарат!

Тут уж ребята ему объяснили, что сей многозначный термин лучше не употреблять в присутствии женщин и детей.

Один полицейский из Японии почтительно спросил нашего, каков порядок обращения к инструктору, к которому относишься с особым пиететом. После этого каждый раз, когда мы с ним встречались в

коридоре, он улыбался, уважительно кланялся и произносил: «Пошел нахрен, мистер Дуглас».

Вместо того чтобы все усложнять, я тоже кланялся ему в ответ и с улыбкой отвечал: «Нет, ты иди нахрен».

Обычно японцы настаивали на том, чтобы направлять в Национальную академию двоих студентов. Вскоре становилось ясно, что один из них будет старшим офицером, а другой – его подчиненным, ответственным за чистую обувь и застеленную кровать, – словом, его прислугой. Как-то раз группа курсантов пожаловалась Джиму Коттеру, что один из старших регулярно отрабатывает приемы карате на своем бедолаге-компаньоне, колотя того, как боксерскую грушу. Коттер пригласил старшего к себе и популярно объяснил, что в академии все ученики равны и что подобное поведение он терпеть не будет. Но это лишь очередной пример культурного барьера, который необходимо преодолевать.

Я тоже присутствовал на занятиях по программе академии и получил представление о том, как ребят учат. К концу сессии, в декабре, мне предложили должность и в отделе поведенческого анализа, и в отделе обучения. Начальник последнего предложил мне надбавку за степень магистра, но я решил, что на первой работе мне будет все же интереснее.

В Милуоки я вернулся за неделю до Рождества. Преисполненный уверенности в том, что мне дадут работу в Куантико, я уговорил Пэм купить участок в пять акров в югу от академии. В январе 1977-го в Бюро началась проверка личного состава, в связи с чем все перемещения сотрудников временно приостановили. Чистка затронула и меня: я так влип с тем участком в Вирджинии, что пришлось занять у отца денег на первоначальный взнос. Я по-прежнему не представлял, как сложится мое будущее в Бюро.

Но затем, несколько недель спустя, когда я занимался одним делом вместе с агентом Генри Маккэслином, раздался звонок из штаба и мне сообщили, что в июне меня переводят в отдел поведенческого анализа в Куантико.

В возрасте тридцати двух лет я занял место Пэта Маллани, который ушел в отдел внутреннего контроля в штабе. Повышение для меня серьезное, но испытаний я не боялся. Волновали меня только люди, которых надо обучать. Я знал, как они умеют выводить из себя даже тех кураторов, которым симпатизируют, и мог догадаться, насколько необходимым будет отношение к инструкторам, пытающимся научить их тому, что они должны знать и сами. Я имел право плясать как хочу, но не слишком-то хорошо знал мотив. Если я собирался преподавать науку о поведении, то мне следовало прикинуть, как изъять из своих занятий максимум НП. И если я хочу научить ценным навыкам шефа полиции, который на пятнадцать-двадцать лет старше меня, надо подкрепить свои слова убедительными фактами.

Верхом на этом страхе я и отправился к следующей части своего путешествия.

Глава 6. По коням

Когда я перешел в отдел поведенческого анализа, там уже работали девять спецагентов, так или иначе имеющих отношение к преподавательской деятельности. Основным курсом, который мы предлагали как сотрудникам ФБР, так и учащимся Национальной академии, была прикладная криминальная психология. Дисциплину учредил Говард Тетен еще в 1972-м, постаравшись сосредоточиться на проблеме, больше всего волновавшей сыщиков и других следственных специалистов: на мотиве. Идея курса состояла в том, чтобы дать учащимся понимание того, почему жесточайшие преступники мыслят и действуют именно так, а не иначе. Тем не менее, сколь бы популярным и полезным этот курс ни был, основывался он главным образом на исследованиях и достижениях другой академической дисциплины – психологии. Кое-какой вклад внес сам Тетен, а позднее и другие инструкторы. Но тогда говорить о психологии, опираясь на авторитет хорошо организованных, методически подкованных и широких исследований, могли лишь академики. Подобное состояние дел привело многих из нас к гнетущему осознанию того факта, что исследования кабинетных профессионалов совершенно не годятся для следственной деятельности и правоприменения.

Академия предлагала и другие курсы: современную проблематику полицейской деятельности, где рассматривались вопросы управления трудовыми ресурсами, полицейские профсоюзы, отношения в обществе и прочие связанные с этим темы; социологию и психологию, копировавшую вводный курс любого колледжа; преступления на сексуальной почве (к сожалению, дисциплину скорее развлекательную, нежели познавательную или полезную). В зависимости от того, кто вел лекции о преступлениях на сексуальной почве, к занятиям относились с большей или меньшей серьезностью. Один из инструкторов вообще «пригласил» на лекцию куклу грязного старикашки в плаще. Нажми на голову, и плащ распахнется, а из-под него покажется пенис. Студентам показывали сотни фотографий, на которых запечатлены самого разного плана, как их теперь называют, парафилии, хотя тогда их по-простому называли извращениями: трансвеститы, всяческие фетиши, эксгибиционизм и так далее. Часто фотографии вызывали у аудитории совершенно неуместное веселье. Когда видишь фото вуайериста или мужчины в женском платье, еще можно позволить себе пару-другую смешков. Но если тебя смешат крайние проявления садомазохизма или педофилии, значит, голова не в порядке либо у тебя, либо у инструктора, либо у обоих. Потребовалось несколько долгих лет работы и еще больше усилий по привлечению общественного внимания, прежде чем

Рой Хейзелвуд и Кен Лэннинг смогли на действительно серьезном и профессиональном уровне провести исследования таких больных тем, как изнасилование и сексуальная эксплуатация детей. Хотя Хейзелвуд уже ушел на пенсию, он по-прежнему проводит консультации, а Лэннинг вскоре должен к нему присоединиться. В своей епархии эти двое до сих пор занимают видное место среди ведущих мировых экспертов в области правоохранительной службы.

Но в дни Гувера, прошедшие под флагом «только факты, мэм», никто из высшего руководства всерьез не воспринимал профайлинг, как его именуют сегодня, в качестве действенного инструмента для раскрытия преступлений. На самом деле сама фраза «наука о поведении» тогда сошла бы за оксюморон, а об ее сторонниках думали, что они наверняка не гнушаются колдовства и видений. Поэтому, кто бы ни «плескался» в этом пруду, заниматься приходилось неформально, без сохранения записей. Когда Тетен и Маллани впервые начали предлагать систему психологических портретов, все это они делали исключительно устно – и никаких бумаг. Первое правило: «не зли Бюро», то есть не веди тех документов, которые впоследствии могут полететь тебе – или твоему САРу – прямо в лицо.

Благодаря инициативе Тетена и тем знаниям, что он получил от доктора Бруссела в Нью-Йорке, для отдельных офицеров полиции по их особому запросу проводились консультации, но отдел поведенческого анализа не вел централизованную образовательную программу, и даже не мог помыслить о том, чтобы взять на себя такую функцию. Обычно же какой-нибудь выпускник Национальной академии звонил Тетену или Маллани, чтобы обсудить некое дело, которое никак ему не дается.

Один из первых звонков поступил из Калифорнии от офицера полиции, отчаявшегося решить дело об убийстве женщины. На ее теле нашли несколько колотых ран, и, кроме жестокости, с которым было совершено убийство, в нем не было никаких других явных особенностей. Даже результаты судмедэкспертизы не дали никаких зацепок. Офицер рассказал то немногое, что ему удалось собрать, и Тетен посоветовал начать с района, где проживала сама жертва, и поискать субличного, малопривлекательного и одинокого парня двадцати лет от роду, который мог импульсивно убить женщину, а теперь терзался чудовищным чувством вины и страхом, что его отыщут. «Когда он откроет дверь, – говорил Тетен, – простой стой спокойно, посмотри ему в глаза и скажи: „Ты знаешь, почему я здесь“. Получить от него признание будет не слишком сложно».

Двумя днями позже офицер перезвонил Тетену и доложил, что они стали один за другим стучаться во все дома подряд, и, когда им открыл паренек, подходящий под описание, он тут же выдал: «Ладно, я сдаюсь!» – полицейский даже не успел произнести заранее заготовленную фразу.

Хотя тогда могло показаться, что Тетен – мастер вытаскивать зайцев из шляпы, между описанной им личностью и произошедшим была определенная логическая связь. С годами эту связь мы выявляли все точнее, и основы, заложенные Тетеном вместе с Маллани в свободное время, в конечном итоге вылились в незаменимое орудие в борьбе с преступлениями против личности.

Как и с другими научными областями, прорыв в науке о поведении стал возможен во многом благодаря счастливой случайности. И состояла она в том, что, будучи инструктором отдела поведенческого анализа, я едва ли имел представление о собственных обязанностях и потому считал необходимым получать больше информации из первых уст.

Когда я перешел в Куантико, Маллани уже собирался на пенсию, а Тетен и вовсе был мастером-гуру. Поэтому в курс дела меня вводили двое наиболее близких мне по возрасту и старшинству парней – Дик Олт и Боб Ресслер. Дик был старше меня лет на шесть, а Боб – на восемь. До Бюро оба служили в военной полиции. Курс прикладной криминальной психологии рассчитан примерно на сорок часов классных занятий во время одиннадцатинедельного обучения по программе Национальной академии. На этих же самых занятиях и было эффективнее всего натаскать новичка, поскольку инструкторы из Куантико работали «на выезде», то есть на местах давали копам и специалистам со всех уголков США тот же самый материал, только в более сжатом виде. Занятия пользовались большой популярностью. Зачастую на наши лекции выстраивалась целая очередь, состоявшая главным образом из шефов и начальников полиции, которые уже прошли полную программу обучения в академии. Посещая занятия с опытным инструктором и наблюдая за ним, можно быстро освоить азы своей профессии. Поэтому я начал разъезжать вместе с Бобом.

Выездное обучение всегда строилось по одной схеме. В воскресенье выезжаем, с утра понедельника до полудня пятницы проводим занятия в каком-нибудь отделении полиции или учебном заведении, а потом – снова по коням, к другим страждущим. Через некоторое время начинаешь чувствовать себя Одиноким Рейнджером или другим героем боевика – приезжаешь в город, по мере сил помогаешь местным и, выполнив миссию, уходишь в закат. Иногда мне даже хотелось оставить в память о себе серебряную пулю.

С самого начала «обучение понаслышке» вызывало во мне некоторую неловкость. Большинство инструкторов – и в первую очередь я сам – напрямую не занимались ни одним из всего разнообразия рассматриваемых дел. В этом отношении лекции напоминали курс криминологии в колледже: ведущий его профессор ни разу не патрулировал улицы и сам не проходил на практике того, о чем рассказывает студентам. Наш курс во многом перерос в обмен «фронтowymi байками», изначально рассказанными настоящими офицерами-участниками, но со временем много раз перевранными и

приукрашенными до такой степени, что от правды в них мало что осталось. Как-то раз, вскоре после моего трудоустройства в ОПА, инструктор озвучил какой-то факт по очередному делу, и тут из класса раздаётся негодующий голос студента, лично участвовавшего в расследовании! Хуже всего то, что инструкторы не всегда готовы признать ошибку, а продолжают настаивать на своей правоте, несмотря на мнение человека, который все видел своими глазами. Подобное отношение – отличный способ потерять доверие студентов ко всему, что ты говоришь, вне зависимости от того, владеют ли они ситуацией или нет.

Еще одной проблемой для меня был возраст. Мне едва стукнуло тридцать два, а выглядел я и того моложе. Моя аудитория состояла из матерых копов, многие из которых были старше меня на десять, а то и на все пятнадцать лет. Чему же я мог их научить? Как мне в такой ситуации выглядеть убедительно? Бóльшую часть своего опыта в расследовании убийств я приобрел под крылом закаленных спецов в Детройте и Милуоки. А теперь я буду учить таких же профессионалов, как им работать? Вот я и решил, что лучше бы мне как следует подготовиться ко встрече с ними и поскорее изучить то, чего я еще не знаю.

На этот счет я не питал никаких иллюзий. В начале каждого урока я всегда спрашивал, был ли у кого-нибудь из присутствующих непосредственный опыт участия в делах, запланированных к обсуждению. Например, если я хотел коснуться истории Чарльза Мэнсона^[20], то задавал такой вопрос: «Есть кто-нибудь из лос-анджелесского отделения? Кто-нибудь работал с делом?» Если таковые находились, то я просил рассказать о том опыте во всех подробностях. Таким образом я мог избежать возможных противоречий, которые, конечно, не ускользнут от внимания непосредственного участника событий.

И все же, хоть я и был тридцатидвухлетним желторотым юнцом, только-только ушедшим из регионального отделения, обучал я людей в Куантико или на выезде, от меня всегда ожидался безоговорочный авторитет и невероятные способности представителя Академии ФБР. Копы постоянно подходили ко мне в перерывах или на выезде, звонили в номер отеля по вечерам, прося указать им верный путь в еще нераскрытых делах: «Эй, Джон, у меня тут дельце, очень похожее на то, что ты сегодня рассказывал на занятии. Что думаешь?» И так все время. Но мою работу нужно было подкрепить авторитетом, и не от Бюро, а личным.

Рано или поздно наступает такая ситуация – во всяком случае, у меня наступила, – когда на любимые песни, коктейли «маргарита» и телик на диване едва ли остается хоть капелька свободного времени. В моей жизни такой момент наступил в начале 1978-го, когда я зависал в баре отеля в Калифорнии. Мы с Бобом Ресслером проводили занятия в Сакраменто. Следующим днем, когда мы неслись дальше, я поделился с

коллегой своей мыслью: большинство преступников, которых мы изучаем, все еще живы и, скорее всего, останутся в местах не столь отдаленных до самой смерти. Интересно было бы поговорить с ними по душам, спросить, как они к этому пришли, посмотреть на мир их глазами. Можно хотя бы попробовать. Не получится – значит, не получится.

Я уже давно имел репутацию синепламенного, и мое предложение только укрепило ее в глазах Боба. Но все же он согласился. Боб всегда следовал девизу «лучше просить прощения, чем разрешения», который был здесь как нельзя кстати. Мы прекрасно знали: если спросим разрешения у штаба, нам его ни за что не дадут, да еще и начнут под микроскопом разглядывать все наши последующие действия. В любой бюрократической структуре следует с особым вниманием отслеживать синепламенных.

Странные и занимательные преступления – это, конечно же, конек Калифорнии, именно поэтому мы решили начать с нее. В резидентуре, что располагалась в Сан-Рафаэле, немного севернее Сан-Франциско, тогда работал спецгент по имени Джон Конуэй. В свое время Боб обучал его в Куантико. Конуэй имел хорошие связи в системе исполнения наказаний штата и согласился свести нас с нужными людьми. Мы знали, что нам нужен тот, кому можно доверять и кто сам доверяет нам, ведь если о нашем маленьком предприятии станет известно начальству, мало никому не покажется.

Первым уголовником, с которым мы решили пообщаться, был Эд Кемпер^[21]. Он как раз отбывал несколько пожизненных сроков в психиатрической колонии штата Калифорния в городе Вакавилль, что расположился аккурат посередине между Сан-Франциско и Сакраменто. До сих пор на занятиях в академии мы обсуждали его дело, ни разу с ним не пообщавшись, так что он показался нам идеальным для первого опыта. А вот согласится ли он говорить с нами – это еще вопрос.

Факты по его делу были тщательно задокументированы. Эдмунд Эмиль Кемпер-третий родился 18 декабря 1948 года в городе Бербанк, штат Калифорния. Он вырос в неполноценной семье вместе с двумя младшими сестрами. Между его матерью Кларнелл и отцом Эдом-младшим постоянно возникали ссоры, в результате чего семья распалась. После того как в поведении юного Эда начали наблюдаться «странности» (например, он расчленил двух домашних кошек и играл со старшей из двух сестер, Сьюзан, в ритуал жертвоприношения), мать отправила его к отцу, проживавшему отдельно. Но Эд сбежал и снова вернулся к матери, и тогда она спланировала его к бабушке и дедушке по линии отца, которые жили на отдаленной ферме у подножия Сьерра-Невады. Отрезанный от семьи и комфорта привычного школьного окружения, Кемпер столкнулся с невыносимой скукой и одиночеством. И однажды августовским вечером 1963-го четырнадцатилетний подросток-дылда застрелил свою бабушку Мод из винтовки калибра.22, а затем несколько раз ударил ее ножом. Она всего лишь хотела, чтобы он

остался и помог ей по дому, вместо того чтобы идти с дедом в поле. Дед парню нравился больше. Понимая, что дедушке Эду не понравится то, что он увидит, придя домой, юнец застрелил и его тоже, а тело так и оставил лежать во дворе. Позже, на допросе в полиции, он пожал плечами и пояснил: «Мне просто было интересно – каково это, застрелить бабушку».

Не имеющим на первый взгляд мотивов двойным убийством Эд заработал себе диагноз «неуравновешенная пассивно-агрессивная личность» и был помещен в психиатрическую лечебницу для преступников в Аскадеро. По заключению комиссии психиатров штата его выпустили в 1969-м, в возрасте двадцати одного года. С тех пор он находился на иждивении матери, которая уже успела развестись с третьим мужем и теперь занимала должность секретаря в новеньком университете Калифорнии в Санта-Крузе. К тому моменту Эд Кемпер вымахал до двух с лишним метров и весил около 135 килограммов.

Два года он перебивался халтурой, разъезжая по улицам и шоссе, и взял в привычку подвозить молодых попутчиц. Санта-Круз и его окрестности словно магнитом притягивали симпатичных студенток, а Кемперу в его годы очень не хватало женского внимания. Хотя его отказались принять на работу в шоссейный патруль, но приняли в Автодорожный департамент штата.

7 мая 1972 года он подобрал двух соседок по общежитию университета во Фресно, Мэри Энн Песс и Аниту Лучезу, вывез в глухое место, после чего насмерть заколол обеих. Их тела он доставил домой к матери, сделал пару снимков, расчленил и стал играть с внутренними органами. Затем то, что осталось, Эд распихал по пакетам, тела зарыл где-то в горах Санта-Круза, а головы выкинул в глубокое ущелье у дороги.

14 сентября, подвозя пятнадцатилетнюю ученицу старшей школы Айко Ку, Кемпер задушил ее, надругался над телом, а потом также привез домой и расчленил. На следующее утро, когда к нему пришли психиатры для проведения планового осмотра и оценки психического здоровья, голова девушки уже лежала в багажнике автомобиля убийцы. Осмотр тем не менее прошел как по маслу, и доктора сделали заключение, что он более не является угрозой ни для себя, ни для окружающих, и предложили закрыть его судимость, полученную в несовершеннолетнем возрасте. Кемпер ликовал. Предложение стало очень символичным: оно одновременно отражало и его отвращение к системе, и превосходство над ней. Он снова отправился в горы и зарыл останки Ку близ Боулдер-Крика.

(В те времена Санта-Круз мог похвалиться малоприглядным титулом столицы мира по числу серийных убийств. Герберт Маллин, весьма смысленный и симпатичный молодой человек, которому впоследствии диагностировали параноидальную шизофрению, убивал как женщин, так и мужчин. Он уверял, что некие голоса приказывали ему вот так спасать

природу. Похожим образом двадцатичетырехлетний автомеханик-одиночка, живший в лесу за чертой города, Джон Линли Фрейзер, убил семью из шестерых человек и сжег их дом в назидание тем, кто вредит природе. «Умрет либо материализм, либо человек» – гласила записка, оставленная под лобовым стеклом их «роллс-ройса». Складывалось ощущение, что акты насилия совершались в Санта-Крузе чуть ли не каждую неделю.)

9 января 1973 года Кемпер подобрал студентку Синди Шолл, под дулом пистолета заставил девушку залезть в багажник автомобиля и пристрелил ее. По традиции он вернулся домой, совокупился с трупом на своей кровати, расчленил его в ванной, упаковал в мешки и выкинул с обрыва в океан близ Кармела. Но на этот раз его осенила другая гениальная идея. Голову жертвы он зарыл на заднем дворе своего дома, лицом вверх по направлению к спальне матери, поскольку та всегда хотела, чтобы на нее «смотрели снизу вверх».

К тому моменту весь Санта-Круз дрожал от ужаса перед «убийцей студенток». Девушкам советовали не садиться в машину к незнакомым мужчинам, особенно за пределами относительно безопасного студгородка. Однако мать Кемпера работала в университете, а потому на автомобиле у него была фирменная наклейка-пропуск.

Менее чем через месяц Кемпер подобрал Розалинду Торп и Элис Лью, застрелил обеих и спрятал в багажник. По приезде домой их ждал не менее теплый прием, чем предыдущих жертв. Изуродованные тела Эд сбросил в каньон Эден, недалеко от Сан-Франциско, где их нашли неделю спустя.

Его страсть к убийствам росла ужасающими даже для него самого темпами. Он намеревался расстрелять целый блок общежития, но в конце концов передумал. У него появилась идея получше. Он понял, чего на самом деле хотел все это время. Во время пасхальных каникул он зашел в спальню к матери и насмерть забил ее молотком. Затем он отрубил ей голову и надругался над обезглавленным трупом. Последний штрих – он вырезал у трупа глотку и выбросил в измельчитель. «Мне показалось, что так будет лучше всего, – рассказал он полиции, – раз она постоянно придиралась, орала на меня и портила мне жизнь».

Но когда убийца нажал на рубильник, измельчитель заклинило и окровавленную гортань выплунуло обратно в него. «Даже после смерти она не переставала досажать мне. Я никак не мог заставить ее заткнуться!»

Затем Эд позвонил Салли Халлет, подруге матери, и пригласил ее на «праздничный» ужин. Когда она явилась, он избил, задушил и обезглавил ее, тело положил на свою кровать, а сам отправился в спальню матери. На утро пасхального воскресенья Кемпер сел в машину и отправился куда глаза глядят – в восточном направлении. Он все

слушал радио, надеясь, что стал национальной знаменитостью. Однако о нем не было ни слова.

Выехав из Пуэбло, штат Колорадо, одуревший от недосыпа и разочарованный тем, что его широкий жест остался без внимания, Кемпер остановился у придорожной телефонной будки и набрал полицию Санта-Круза. Далеко не с первой попытки, но ему все же удалось убедить их в том, что он действительно «убийца студенток». Он признался во всех деяниях и стал дожидаться, когда его заберет местная полиция.

Кемпера обвинили в восьми случаях убийств при отягчающих обстоятельствах, то есть совершенных с особой жестокостью. Когда его спросили, какого наказания он заслуживает, он ответил: «Смерть под пытками».

Джон Конузэй заранее обо всем договорился с руководством тюрьмы, но вообще я считал, что лучше всего проводить «холодные» интервью, без предупреждения. Хотя такой подход лишал нас уверенности в том, что нам пойдут навстречу, он все равно казался мне наилучшим. В тюрьме секретов нет, и если пойдет слухок, что кто-либо из заключенных общался с ФБР или как-то связан с ним, его сочтут стукачом или того хуже. Если же мы объявимся внезапно, всем обитателям тюрьмы будет ясно, что мы что-то вынюхиваем, а не прибыли на заранее назначенную встречу. Поэтому я крайне удивился, когда Эд Кемпер с готовностью согласился с нами побеседовать. Очевидно, его уже долгое время никто не расспрашивал о его преступлениях, ну а кроме того, ему было просто любопытно.

Посещение особо охраняемой тюрьмы – жутковатый опыт даже для федерального агента. Для начала нужно оставить оружие. Ясное дело, пистолет лучше хранить подальше от заключенных. Во-вторых, нужно подписать заявление о том, что тюрьма снимает с себя ответственность на тот случай, если вас возьмут в заложники, и что в этом случае никто торговаться за вас не будет. А ведь агент ФБР – крупный козырь в рукаве. Выполнив все формальности, мы с Бобом Ресслером и Джоном Конузеем отправились в скромно обставленную комнатку со столом и парой стульев и стали ждать Эда Кемпера.

Первое, что бросилось мне в глаза, когда его ввели, – это насколько же он крупный. Я знал, что из-за своих габаритов в школе и у соседей он считался изгоем, но вблизи он выглядел просто гигантом. Он мог бы с легкостью переломить любого из нас пополам, как тростинку. Темные отросшие волосы, борода; одет в распахнутую рабочую рубашку и белую футболку, из-под которой выглядывает массивное брюхо.

Ясно было и то, что Кемпер весьма умен. Согласно тюремному досье, его IQ составлял 145 баллов, и порой в те долгие часы, что мы проводили вместе с ним, нам с Бобом казалось, что он куда умнее нас. У него было много времени, чтобы посидеть и подумать о своей жизни и о

содеянном, и, как только он понял, что мы внимательно изучили его дело и ему нас не провести, Кем-пер раскрылся и часами рассказывал о себе.

В его словах я не заметил ни бахвальства, ни самодовольства, ни сожалений или угрызений совести. Напротив, он говорил спокойно и мягко, вдумчиво и как-то отстраненно. Честно говоря, в процессе интервью нам зачастую бывало сложно его перебить, чтобы задать вопрос. Сантименты он позволял себе только тогда, когда вспоминал, как с ним обращалась мать.

Как человеку, преподававшему прикладную криминальную психологию без абсолютной уверенности в том, что мои слова соответствуют действительности, мне было интересно узнать ответ на давний вопрос: преступниками рождаются или становятся? Хотя однозначного ответа мы так и не нашли и вряд ли найдем, слова Кем-пера вызвали ряд интересных умозаключений.

Без сомнений, брак его родителей был просто неудачным. Убийца поведал нам, что с самого детства походил на своего отца как две капли воды, за что мать его и ненавидела. Да еще огромный рост. К десяти годам Эд уже стал гигантом среди своих сверстников, и Кларнелл беспокоилась, что он станет домогаться своей сестры, Сьюзан. Поэтому она заставляла сына спать в подвале без окон, каждый вечер запирая за ним дверь. Сама она вместе со Сьюзан отправлялась спать наверх. Подобное отношение наполняло мальчика страхом и отвращением к обеим. Все это наложилось на окончательную размолвку между родителями. Теперь Эду не с кого было брать пример, а из-за своих габаритов и врожденной застенчивости он рос изгоем. Его, как преступника, запирали в подвале, он чувствовал себя грязным и опасным, хотя не сделал ничего плохого, и все это дало благодатную почву, на которой проросли злые и жестокие мысли. Именно тогда он убил и изрезал двух домашних кошек: одну – перочинным ножиком, а другую – мачете. Позже мы пришли к выводу, что детская жестокость по отношению к нашим меньшим братьям – это краеугольный камень «трех столпов убийства», к которым относятся также энурез, то есть ночное недержание мочи в достаточно зрелом возрасте, и склонность к поджогам.

Печально и иронично, что в Санта-Крузе мать Эда пользовалась популярностью как среди руководства университета, так и у студентов. Ее считали чувствительной и внимательной женщиной, с которой можно поговорить по душам или поделиться проблемой. И при этом дома она обращалась со своим скромным сыном, как с каким-то чудовищем.

Таким обращением она, конечно, хотела показать сыну, что ни одна из ее студенток ни за что не будет с ним встречаться, не говоря уже о женитьбе. Он им не ровня. Эд не мог вечно мириться с таким отношением и в итоге решил доказать матери обратное.

Надо сказать, что Кларнелл все же проявляла заботу об Эде, хоть и весьма своеобразную. Когда он выразил интерес к службе в шосейном патруле, именно она сделала все, чтобы избавить сына от детской судимости, дабы убийство бабушки с дедушкой не испортило ему будущее.

Желание работать в полиции стало еще одним откровением, которое мы вновь и вновь обнаруживали, анализируя другие серийные убийства. Три главных мотива серийного насильника и убийцы – это доминирование, манипуляция и контроль. Вот почему совсем не удивительно, что для большинства этих злобных бездарей и неудачников, убежденных в том, что жизнь дала им пинок под зад, и к тому же переживших физическое или эмоциональное насилие, как тот же Эд Кемпер, работой мечты становится полицейская служба.

Полицейский – это средоточие власти и уважения в обществе. Он наделен правом причинять боль плохим парням ради всеобщего блага и не чурается его в случае необходимости. В ходе исследования мы обнаружили, что совсем небольшой процент полицейских съезжает с рельс добра и пускается во все тяжкие. И вместе с тем весьма часто серийные преступники терпят фиаско, пытаясь устроиться в полицию, и вместо этого выбирают похожую работу – например, устраиваются охранником или ночным сторожем. При создании некоторых психологических портретов мы даже иногда предполагаем, что субъект будет водить машину, похожую на полицейскую, типа «форд-краун-виктория» или «шевроле-каприс». Порой субъект, как в случае с атлантским детоубийцей, даже найдет возможность приобрести списанный полицейский автомобиль.

Еще чаще встречается «подзарядка от полицейского». Кроме всего прочего, Кемпер рассказал нам, что нередко заходил в облюбованные копами бары и рестораны и заводил задушевную беседу с представителями закона. Так он мог почувствовать себя «своим», ощутить хоть и опосредованную, но такую же пьянящую власть. Кроме того, совершив очередное зверство, «убийца студентов» уже хорошо представлял, как его будут искать, и видел на шаг вперед. На самом деле, когда Кемпер позвонил из Колорадо по завершении своего утомительного и кровавого путешествия, он с трудом убедил полицию Санта-Круза в том, что это не дурацкий пьяный розыгрыш, что он, Эд, и есть тот самый «убийца студентов». Благодаря его словам мы взяли за практику оценивать вероятность того, что субъект попытается слиться с окружением, приняв участие в расследовании. Несколько лет спустя мы распутывали дело Артура Шоукросса об убийстве проституток в Рочестере, штат Нью-Йорк. Мой коллега Грег Маккери точно спрогнозировал, что убийцей окажется некто хорошо известный в полиции, постоянно ошивающийся вместе с копами и вытягивающий из них полезную информацию.

Меня крайне заинтересовала методика Кемпера. Тот факт, что он совершил серию убийств в одном и том же географическом районе и при этом оставался непоиманным, говорил лишь об одном: он все делал «правильно»; он анализировал свои действия, учился и совершенствовал технику. Не забывайте, что для большинства преступников охота и убийства – это цель их жизни, их основная «работа», постоянно занимающая их головы. Эд Кемпер настолько поднатерел в своем деле, что однажды, когда из-за неработающих габаритных огней его остановили на дороге с двумя трупами в багажнике, благодаря своей вежливости и обходительности он отделался всего лишь предупреждением. Такие ситуации возбуждали и подпитывали Кемпера в равной мере; все это для него составляло часть игры, он не боялся поимки и ареста. Он хладнокровно признался, что был готов убить и патрульного, если бы тот открыл багажник. Еще пример: он уболтал охранника на КПП в университете, и тот пропустил его машину, в которой лежало два женских трупа с огнестрельными ранениями. Обеих жертв он завернул в простыню по шею, одну посадил рядом, на переднее сиденье, а вторую – сзади. Кемпер спокойно и как бы немного смущенно объяснил, что девочки перебрали и он везет их домой. Последнее было правдой. В другой раз он подобрал голосующую женщину с сыном-подростком, планируя убить обоих. В пути Кемпер заметил в зеркало заднего вида, что юный попутчик записал номер его автомобиля, и потому логично рассудил, что лучше без лишнего шума довезти их до нужного места.

Благодаря своему недюжинному уму Кемпер в самом деле проводил в тюрьме психологические тесты, так что знал все слова-якоря и мог проанализировать собственное поведение во всех полагающихся научно-психиатрических деталях. Все, что касалось преступления, являлось вызовом, игрой. Даже как затащить жертву в машину, не вызывая подозрений. По его словам, когда он останавливался, чтобы подобрать симпатичную девушку, он сперва спрашивал, куда той нужно, а затем смотрел на часы, как бы изображая, что торопится, и прикидывая время. Иллюзия того, что ей попался занятой человек, у которого есть и более важные дела, чем подбирать голосующих на дороге, немедленно внушала доверие и стирала всяческие сомнения. Помимо возможности взглянуть на *modus operandi* убийцы, эта информация предполагает еще один не менее важный вывод: обычные заключения на основе здравого смысла, реплики собеседника, язык жестов и так далее – словом, то, с помощью чего можно оценить человека и сложить о нем первое впечатление, не обязательно характерны для социопата. Например, самым главным приоритетом для Эда Кемпера было подобрать голосующего, и о том, как это сделать лучше всего, он размышлял долго, тщательно и логично, всяко дольше, тщательнее и логичнее, чем юная девушка, которая ловит попутку.

Манипуляция. Доминирование. Контроль. Вот три столпа жизни жесточайших серийных убийц. Что бы преступники ни делали, о чем бы

ни думали, все направлено на заполнение их существования, которое иначе становится совершенно бессмысленным.

Наверное, одним из ключевых факторов в формировании личности серийного насильника или убийцы является его фантазия. В самом широком смысле слова. Фантазии Эда Кемпера начали рождаться в его юные годы, и все они так или иначе были связаны с сексом и смертью. Он играл с сестрой в игру, по сюжету которой он становился пленником газовой камеры, прикованным к стулу. Его сексуальные фантазии с участием других людей заканчивались смертью и расчленением партнера. Из-за чувства собственной неполноценности нормальные отношения, существующие между девочками и мальчиками, были Кемперу не по душе. Таким образом он их компенсировал. Он хотел иметь абсолютную власть над своим партнером, читай: стремился распоряжаться его жизнью.

«Живыми они были так далеко. Они не хотели иметь со мной ничего общего, – объяснял он в суде при даче признательных показаний. – Я пытался выстроить отношения. Когда я убивал их, я не думал ни о чем другом, кроме того, что теперь они принадлежат мне».

Переход от фантазий к практике в большинстве случаев осуществляется постепенно, подпитываемый порнографией, омерзительными опытами над животными, жестокостью к сверстникам. Последнее выражается в том, что субъект «дает сдачи» за плохое к себе отношение. В случае Кемпера ему приходилось терпеть издевательства и насмешки из-за своего роста и робкого характера. Он рассказал нам, что, прежде чем разделать домашних кошек, он украл у сестры одну из ее кукол и отрезал ей голову и руки, отрабатывая свой замысел, уготованный для несчастных животных.

На следующем этапе фантазия Кемпера перешла к идее избавиться от властной, издевавшей над ним матери. В этом контексте и можно проанализировать всю его карьеру как убийцы. Не поймите меня неправильно; я ни в коем случае не оправдываю преступника. Опыт и практика подсказывают мне, что люди должны отвечать за свои поступки. Но, в моем понимании, Эд Кемпер – это пример человека, который не родился серийным убийцей, а стал таковым. Сохранились бы его кровожадные фантазии, будь у него более здоровая и заботливая семья? Кто знает. Так же он реагировал бы на своих домашних, если бы в нем не проросла агрессия против доминантной женской личности? Не думаю. Этапы убийственной карьеры Кемпера были целиком и полностью направлены на то, чтобы в конечном итоге дать сдачи своей старой доброй матушке. Когда он добрался до катастрофы в своем драматическом действии, представление подошло к концу.

Это еще одна характеристика, которую мы впоследствии встречали вновь и вновь. Субъект редко направляет свою агрессию непосредственно на причину раздражения. Хотя Кемпер и признался

нам, что иногда по ночам тихонько заходил в комнату матери, сжимая в руке молоток и смакуя мысль о том, как орудие опустится ей на голову, проламывая череп, ему потребовалось шесть раз убить других женщин, прежде чем он собрался с духом и сделал то, чего хотел на самом деле. И нам попадалось немало примеров подобного замещения. Например, зачастую убийцы забирают с тела жертвы какой-нибудь «трофей» вроде кольца или ожерелья, который затем передают жене или подруге, даже если эта женщина и служит источником их злобы и агрессии. Обычно подарок сопровождается байкой о его покупке или случайной находке. А потом, наблюдая объект раздражения в новом украшении, преступник таким образом обретает выход возбуждению и желанию убивать и мысленно подтверждает свою власть и контроль, зная, что мог бы сделать с партнершей то же самое, что и с несчастной жертвой.

В какой-то момент мы стали разбивать преступление на компоненты поведения, характерного до и после убийства. Каждую из своих жертв Кемпер уродовал, что мы поначалу приняли за сексуальный садизм. Но к уродованию он приступал уже *post mortem*, то есть после смерти жертвы, а не пока та была еще жива. Иными словами, он не мучил женщину и не заставлял ее страдать. Выслушав Кемпера, мы поняли, что расчленение скорее носило характер фетиша, нежели садизма, и соотносилось с обладанием как частью его фантазии.

Не менее важно, как я считал, и то, как Эд обращался с трупами и избавлялся от них. Первых своих жертв он тщательно зарывал подальше от дома. Поздних жертв, включая мать и ее подругу, он буквально оставил на всеобщее обозрение. Все это, вкупе с тем, что он спокойно разъезжал по городу с трупами и частями тел в машине, я счел издевкой над обществом, которое, как ему казалось, отвергло его и насмеялось над ним самим.

В течение нескольких лет мы неоднократно и подолгу говорили с Кемпером, и каждая беседа была не менее информативной и душераздирающей, чем предыдущая. Вот вам человек, который хладнокровно и безжалостно убивал девушек в самом цвету их жизни. И все же я не был бы с вами до конца честен, если бы не сказал, что мне нравился Эд – приветливый, открытый, умный, с прекрасным чувством юмора. Насколько это вообще возможно сказать с учетом изложенного, я наслаждался его обществом. Но я бы не хотел, чтобы он расхаживал по улицам. Кемпер от души признался, что и сам этого не хочет. Мое личное впечатление о нем, которое я сохраняю и по сей день, указывает на важнейшее умозаключение в отношении жесточайших серийных убийц. Многие из них – весьма обаятельные люди, умеющие говорить убедительно и бойко.

«Как такой человек мог совершить столь ужасное деяние? Должно быть, это какая-то ошибка. Или, по крайней мере, есть какое-нибудь тому оправдание», – вот о чем вы подумаете, поговорив с кем-нибудь из серийных убийц; посторонний ни за что не ощутит весь масштаб их

преступлений. Вот почему психиатры, судьи и полицейские надзиратели так часто попадают в заблуждение. Об этом мы в подробностях поговорим чуть позже.

А пока вот что: *хочешь понять художника – присмотришься к его картинам*. Я всегда говорю это студентам. Нельзя говорить, что понимаешь и ценишь работы Пикассо, если как следует не изучишь их. Успешный серийный убийца планирует нападение столь же тщательно, как художник – свое полотно. Они считают «искусством» то, чем занимаются, и беспрестанно его совершенствуют на своем пути. Частично мои оценки таких людей, как Эд Кемпер, строятся на основе личной беседы, то есть непосредственного взаимодействия с ним. Остальное появляется благодаря исследованиям и анализу их «работ».

Тюремные визиты стали для нас с Бобом Ресслером обычной практикой. Мы совершали их во время выездного обучения, если удавалось выкроить немного свободного времени и если с нами вообще хотели сотрудничать. Где бы я ни оказался, я наводил справки о местных тюрьмах и их обитателях, которые могли нас заинтересовать.

Благодаря этому через некоторое время нам удалось значительно усовершенствовать свои методы и приемы. Обычно мы бывали заняты четыре с половиной дня в неделю, а потому тюремные интервью приходилось проводить по вечерам и выходным. По вечерам это удавалось реже, потому что в большинстве заведений проходила вечерняя поверка, а после нее никому не разрешалось посещать тюремные корпуса. Через некоторое время начинаешь понимать режим заключенных и адаптируешься к нему. В какой-то момент я заметил, что значок агента ФБР служит пропуском в большинство тюрем и обеспечивает мгновенную запись на встречу к зрителю, потому я стал объявляться без приглашения, и почти всегда маневр срабатывал на ура. Чем больше интервью я проводил, тем увереннее себя чувствовал в том, что преподавал копам-ветеранам. Наконец я поймал себя на мысли, что мои лекции приобрели достаточную практическую основу и что больше не нужно прибегать к избитым «армейским байкам», когда-то давно рассказанным настоящими участниками «боевых действий».

Впрочем, интервью не всегда давали четкое представление о психологии преступления. В сущности, это случалось довольно редко, даже с такими выдающимися личностями, как Кемпер. Много из того, что нам рассказывали, просто копировало свидетельские показания или своекорыстные заявления, которые преступники делали уже много раз. Нам еще нужно было интерпретировать их, и мы работали над этим в поте лица. Беседа же преследовала другую важную цель. Благодаря ей мы могли проследить, как работает разум преступника, прочувствовать его и влезть в его шкуру.

На заре нашей неформальной исследовательской программы нам удалось встретиться с более чем полудюжиной состоявшихся и будущих убийц. Среди них – с будущим убийцей Джорджа Уоллеса^[22] Артуром Бремем-ром (в тюрьме Балтимора); с Сарой Джейн Мур и Линетт «Писклей» Фромм, которые пытались совершить покушение на президента Форда (в Олдерсоне, Западная Вирджиния); с наставником Фромм Чарльзом Мэнсоном (в Сан-Квентине, немного севернее вдоль залива от Сан-Франциско и зловонной клоаки Алькатраса).

Мэнсон вызывал бурный интерес у правоохранительных служб. Прошло десять лет с момента жуткого убийства Тейт и Лабианки в Лос-Анджелесе, но Мэнсон даже в заключении оставался самым знаменитым и вселяющим страх преступником. Это дело мы регулярно рассматривали на занятиях в Куантико, но, хотя все факты были давно известны, его психологическую подоплеку мы по-настоящему так и не поняли. Я не имел ни малейшего представления, какую информацию нам удастся выудить у Мэнсона, но полагал, что человек, который столь ловко манипулировал другими и заставлял их выполнять свою волю, крайне важен для нашего исследования. Мы с Бобом Ресслером встретились с Чарли в небольшой переговорной тюремного блока исправительной колонии Сан-Квентин. Комната напоминала ту, где заключенные общаются со своими адвокатами, с трех сторон окруженная армированным стеклом. Первое впечатление о Мэнсоне оказалось прямо противоположным тому, что сложилось об Эде Кемпере: передо мной сидел обладатель диких бегающих глаз и беспокойной, резковатой жестикуляции. Чарли оказался куда меньше и subtilнее, чем я себе представлял: не выше метра шестидесяти. Каким образом этот рохля добился столь сильного влияния в «Семье»?

Ответ на этот вопрос я получил почти сразу, когда он уселся на спинку стула и теперь смотрел на нас сверху вниз. Внимательно изучив дело перед интервью, я выяснил, что Мэнсон, обращаясь к своим последователям в пустыне, садился на камень побольше, тем самым визуально усиливая собственное влияние и делая свои проповеди более внушительными. С самого начала он дал нам понять, что, несмотря на победоносный суд и его широкое освещение в СМИ, он не понимает, за что оказался в тюрьме. Он же никого не убил. Напротив, он считал себя козлом отпущения для общества – невинным символом темной стороны Америки. Свастика, что Чарли вырезал у себя на лбу во время судебного разбирательства, уже поблекла, но все еще была различима. Через сочувствующих он по-прежнему поддерживал связь со своими последовательницами, заключенными в других тюрьмах.

Во всяком случае, в одном он походил на Эда Кемпера и множество других убийц, с которыми мы общались: тяжелым детством и ужасным воспитанием, если такими словами вообще можно описать прошлое Мэнсона.

В 1934 году в Цинциннати у шестнадцатилетней проститутки по имени Кэтлин Мэддокс родился внебрачный сын Чарльз Миллз Мэнсон. Его фамилия – не более чем догадка матери о том, кто из ее многочисленных любовников мог быть отцом ребенка. Она кочевала из одной тюрьмы в другую, спихивая Чарли религиозной тетушке и дяде-садисту, который называл племянника бабой, на первый звонок в школу нарядил в женскую одежду и заставлял «вести себя как мужчина». К десяти годам мальчика выкинули на улицу, где он по большей части и жил. На время учебы его устраивали в дома для трудных подростков и исправительные учреждения. В Бойзтауне отца Фланагана^[23] он продержался четыре дня.

Отрочество Чарли прошло под флагом ограблений, фальшивомонетчества, сутенерства и насилия, обыкновенно приводивших его в исправительные колонии все возрастающей строгости. По закону Дайера^[24] ФБР занималось им за перегон между штатами краденых автомобилей. В 1967-м он в очередной раз вышел из тюрьмы, как раз к началу «лета любви», и отправился в Сан-Франциско, в район Хейт-Эшбери, – настоящий магнит Западного побережья для «силы цветов», секса, наркотиков и рок-н-ролла. Главным образом ради халявы Мэнсон быстро стал харизматичным гуру для потерянного поколения отщепенцев-тинейджеров. Он играл на гитаре и туманными намеками увещевал разочарованных в жизни юнцов. Вскоре Мэнсону уже не приходилось тратить ни копейки на запретные удовольствия, секс и вещества. Из последователей обоего пола он собрал вокруг себя целую кочевую «Семью», достигавшую пятидесяти человек. Одной из главных тем были пророчества о надвигающемся конце света и расовой войне, победителем из которой выйдет «Семья» с Чарли во главе. А Евангелием стал текст песни «Хелтер-Скелтер», исполненной группой «Битлз» на «Белом альбоме».

В ночь на 9 августа 1969 года четверо членов «Семьи» Мэнсона во главе с Чарльзом Уотсоном по кличке Текс вломились в уединенный дом режиссера Романа Полан-ски и его жены, звезды кино Шэрон Тейт, находящийся по адресу 10050 Сиело-Драйв в Беверли-Хиллз. Сам Полански был в отъезде по делам, и нападавшие жестоко убили Тейт и ее гостей Эбигейл Фолджер, Джея Себринга, Войтека Фрайковского, а также сторожа Стивена Пэрента, оставив после резни на стенах дома и телах жертв слоганы, написанные их же кровью. Шэрон Тейт была почти на девятом месяце беременности.

Спустя два дня, явно по указке Мэнсона, шестеро членов «Семьи» зверски убили бизнесмена Лено Лабланку и его жену Розмари в их доме, располагавшемся в районе Сильвер-Лейк в Лос-Анджелесе. Хотя сам Мэнсон не принимал участия в убийствах, он прибыл на место позже, чтобы устроить погром. Последующий арест за проституцию Сьюзен Аткинс, которая участвовала в обоих убийствах и поджоге грейдерной машины на шоссе, в конечном итоге вывел полицию на «Семью». Суд

над ними стал, пожалуй, самым долгожданным в истории Калифорнии, во всяком случае, до выходки О. Джея Симпсона^[25]. На двух отдельных слушаниях Мэнсона и некоторых его последователей приговорили к смертной казни за убийство Тейт и Лабианки, а также за другие преступления, следы которых вели к «Семье». Среди них было также убийство и изувечение Дональда «Коротышки» Ши, каскадера и приспешника «Семьи», которого заподозрили в том, что он стучит полиции. Когда же смертную казнь в штате отменили, приговор участникам «Семьи» был заменен на пожизненное заключение.

Чарли Мэнсон – это вам не какой-нибудь обыкновенный серийный убийца. На самом деле вообще спорный вопрос, убил ли он кого-нибудь собственными руками. И тем не менее, без сомнений, это был человек с прошлым не менее темным, чем те ужасы, которые по его указке и во имя него совершали его последователи. Я хотел узнать, как люди приходят к призванию эдакого сатанинского мессии. Мы часами выслушивали болтовню Чарли и заумные рассуждения, но стоило нам настоять на подробностях и просеять всю его философскую дребедень, как вся картина его сущности стала понемногу выходить на поверхность.

Чарли не планировал заделаться мрачным гуру. Он преследовал лишь цель добиться славы и богатства. Он хотел стать барабанщиком и выступать с какой-нибудь знаменитой рок-группой типа «Бич бойз». Но всю свою жизнь он был вынужден вертеться и потому неплохо поднатерел в умении сразу оценивать встречающихся ему людей и определять, чем они могут быть ему полезны. Он превосходно вписался бы в мой отдел, оценивая психологически сильные и слабые стороны индивидов, составляя стратегии поимки преступников.

Прибыв в Сан-Франциско после очередного выхода на свободу, Мэнсон увидел целые толпы сбитых с толку, наивных детишек-идеалистов, которые преклонялись перед его жизненным опытом и тут же попали в искусно сплетенные сети его иллюзорной мудрости. Многие из них, особенно юные девушки, были не в ладах с отцами и потому обращались за советом к Чарли, который, будучи достаточно проницательным, тут же подчинял их себе. Он стал для них фигурой отца, который мог заполнить пустоту их жизни сексом и наркотическим просветлением. Совершенно невозможно, находясь с Чарли Мэнсоном в одной комнате, не попасть в силки его взгляда – глубокого, пронзительного, дикого и завораживающего. Он знал, на что способны его глаза, какой эффект они производят. По его словам, в детстве его частенько поколачивали и со своим скромным ростом он не мог и рассчитывать на победу в прямом столкновении. Физическую слабость он компенсировал своей внутренней энергетикой.

Проповеди Чарли строились предельно логично: загрязнения вредят окружающей среде, расовые предрассудки уродливы и деструктивны, любовь – это хорошо, ненависть – плохо. Но как только юные заблудшие души попадали к нему в лапы, посредством прекрасно

структурированной системы заблуждений Мэнсон добивался исключительной власти над их телом и разумом. Он искусственно создавал нехватку сна, манипулировал сексом, едой и наркотиками, чтобы получать абсолютную власть, – иными словами, вводил последователей в состояние военнопленных. Мир делился на черное и белое, и правду знал только Чарли. Он ударял по струнам гитары, снова и снова повторяя свою мантру: только Чарли спасет больное и погрязшее в пороках человечество.

Базовые принципы развития лидерства и авторитета в группе, о которых говорил Мэнсон, раз за разом встречались нам в трагических событиях схожего плана. Власть над неполноценными людьми, которой обладал Мэнсон, и способность их понять обнаруживали и преподобный Джим Джонс, склонивший свою паству к массовому суициду в Гайане, и Дэвид Кореш из секты Ветви Давидовой в городе Уэйко, штат Техас. Это лишь два из множества примеров. Но, сколь бы не похожи эти трое ни были, их объединяет умение апеллировать к несогласным, к протесту. Беседа с Мэнсоном позволила нам выявить существенные причинно-следственные связи, благодаря которым мы смогли понять не только действия Кореша, но и принципы устройства других сект.

Ядром дела Мэнсона были вовсе не религиозные пророчества, а банальная жажда власти. Проповедь о скором расовом противостоянии позволяла ему поддерживать контроль над сознанием последователей. Однако со временем Мэнсон пришел к выводу, что контроль надо поддерживать двадцать четыре часа в сутки, иначе он рискует потерять власть. Дэвид Кореш понял это намного раньше и держал свою паству в настоящей крепости за чертой города, откуда те не выходили, а значит, оставались под его влиянием.

Послушав Мэнсона, я поверил, что он действительно не планировал убивать Шэрон Тейт и ее друзей; в сущности, тогда он потерял контроль над ситуацией и своими приспешниками. Место и жертвы были выбраны совершенно случайно. Одна из девочек Мэнсона там ошивалась и подумала, что в доме водятся деньги. Текс Уотсон, приятный паренек, типичный студент-американец родом из Техаса, страстно желал двигаться вверх в иерархии «Семьи» и конкурировал с Чарли за влияние и авторитет. Как и другие, затуманив разум ЛСД и купившись на проповеди о новом будущем, Уотсон стал непосредственным убийцей, который и повел группу в дом Тейт и Полански и склонил остальных к финальной оргии.

Когда же эти ущербные люди без роду и без племени вернулись к Чарли и рассказали, что они своими силами начали «революции», он уже не мог отступить и объяснить им, что они приняли его слова слишком всерьез. От его власти и авторитета не осталось бы и камня на камне. Мэнсону пришлось похвалить их, как если бы преступление со всеми вытекающими он и планировал, и повести последователей дальше, к Лабланке, чтобы еще раз повторить резню. Но что важно, когда я

спросил Мэнсона, почему он сам не участвовал в убийствах, он объяснил нам, дуракам, что тогда был на условно-досрочном и не мог рисковать своей свободой.

Изучив дело Мэнсона и проведя с ним интервью, я пришел к выводу, что не только Чарли заставлял последователей плясать под его дудку, но и они – его.

За время заключения каждую пару лет комиссия рассматривала вопрос об условно-досрочном освобождении Мэнсона и каждый раз заворачивала его. Его преступления слишком громкие и жестокие, чтобы дать ему еще один шанс. Я бы тоже его не выпускал. Но если бы он вдруг и вышел на свободу, на основании собственного впечатления я сомневаюсь, что Мэнсон представлял бы такую же серьезную опасность, как многие другие преступники. Думаю, он отправился бы куда-нибудь в пустыню отшельником или попытался заработать на своей знаменитости. Вряд ли он стал бы убивать. Куда бóльшую опасность представляют обманутые неудачники, которые обязательно притянулись бы к нему и нарекли своим божеством.

К тому моменту, когда мы с Бобом Ресслером провели уже десять или двенадцать тюремных интервью, любому более-менее внимательному наблюдателю уже стало бы ясно, что мы что-то нащупали. Впервые за долгое время мы смогли сопоставить то, что происходит в голове у преступника, с уликами, которые он оставляет на месте преступления.

В 1979-м мы получили порядка пятидесяти запросов на психологические портреты. Инструкторам пришлось заниматься ими по мере сил в свободное от лекций время. На следующий год загрузка удвоилась, а еще через год выросла в четыре раза. К тому времени меня почти освободили от преподавания, и я единственный во всем отделе основное время посвящал своим непосредственным обязанностям. Я по-прежнему читал лекции в Национальной академии и для спецагентов, насколько позволяло расписание, но, в отличие от других, считал преподавание вторичным. Я занимался буквально всеми убийствами, что приходили в отдел, а иногда и изнасилованиями тоже, если Рой Хейзелвуд не успевал.

То, что ранее было неформальной услугой без официального разрешения, теперь превращалось в целое направление деятельности. Мне дали только что созданную должность руководителя программы психоанализа криминальной личности, и я стал работать с региональными отделениями, координируя передачу дел местной полиции.

Как-то я на неделю слег в больницу. Старая травма носа, заработанная на футболе и боксе, давала о себе знать: мне становилось все труднее дышать, и в конце концов потребовалось срочно выпрямлять перегородку. Помню, как я лежал на больничной койке, едва способный

видеть, и тут в палате появился один из агентов и кинул мне на кровать стопку из двадцати дел.

С каждой новой тюремной беседой мы узнавали все больше и больше, но все же наши неформальные достижения пора было ввести в рамки официального систематизированного исследования. Шаг вперед сделал Рой Хейзелвуд, вместе с которым мы работали над статьей об убийствах на сексуальной почве в ежемесячный «Правоохранительный бюллетень ФБР». Рой провел кое-какой анализ при содействии доктора Энн Берджесс, профессора психиатрии и специалиста по содержанию душевнобольных одноименного факультета в университете Пенсильвании, по совместительству – соруководителя исследований по данной теме в Департаменте здравоохранения и лечебных учреждений Бостона. Берджесс, преуспевающий автор, считалась одним из наиболее авторитетных американских специалистов по тематике изнасилования и его психологических последствий.

Рой пригласил ее в отдел поведенческого анализа, представил нам с Бобом и рассказал о нашей работе. Берджесс была впечатлена и отметила, что у нас есть возможность провести совершенно новое для нашей профессиональной области исследование. Она сочла, что наш вклад в понимание поведения преступников может оказаться не менее значительным, чем вклад ДСР – «Диагностико-статистического руководства по психическим расстройствам» – в понимание и классификацию типов душевных расстройств.

Мы согласились поработать сообща, и Энн в конце концов добилась гранта на 400 тысяч долларов от спонсируемого правительством Национального института юстиции. Наша задача заключалась в проведении интервью с тридцатью – сорока заключенными, анализе полученного материала и составлении предварительных выводов. С нашей помощью Энн разработала пятидесятистраничную анкету, которая заполнялась на каждом интервью. Боб контролировал расходы средств по гранту и поддерживал связи в НИЮ, и мы с ним, не без участия местных агентов, конечно, стали разъезжать по тюрьмам и опрашивать преступников. Мы должны были описать методику каждого преступления и каждое место преступления, изучить и задокументировать поведение субъектов до и после содеянного, провести подсчеты (этим занималась Энн) и, наконец, дать свое заключение. Мы надеялись завершить проект за три или четыре года.

Именно тогда криминальный анализ вступил в современную эпоху.

Глава 7. Сердце тьмы

Вполне логично возникает вопрос: с чего бы уголовникам сотрудничать с агентами федеральной правоохранительной службы? Нас и самих это

смущало, когда мы только начинали работу над проектом. Однако подавляющее большинство опрошенных за несколько лет преступников легко соглашались с нами побеседовать, и тому есть несколько причин.

Некоторым из них напрочь наскучили их преступления, и они считали, что участие в психологическом исследовании поможет им скостить срок и к тому же лучше понять себя. Думаю, Эд Кемпер входит в эту категорию. Другие же, как я отмечал, попросту «заряжались» от полицейских и других служителей закона, наслаждаясь обществом агентов ФБР. Кое-кто надеялся получить определенную выгоду от сотрудничества с властями, хотя мы ни разу ничего подобного не обещали. Кое-кто чувствовал себя одиноким и забытым и просто хотел немного внимания, стремился развеять скуку, в чем помогал наш визит. А были и те, кто радовался возможности еще раз во всех красках пережить свои злодеяния.

Мы хотели узнать обо всем, что они имели нам рассказать. Но в первую очередь нас интересовало несколько ключевых вопросов, которые мы выделили в сентябрьском выпуске «Бюллетеня ФБР» 1980 года в статье, объясняющей цели нашего исследования:

1. Что заставляет человека совершать сексуальные преступления и каковы тому первые признаки?
2. Что подстегивает или, наоборот, тормозит совершение преступления?
3. Как нужно вести себя или реагировать на действия того или иного типа преступника, совершающего акт насилия, чтобы избежать жертв?
4. Какие выводы можно сделать в отношении степени тяжести, прогноза, характера и способа лечения подобных расстройств?

Мы понимали: чтобы программа имела практическую значимость, нам нужно быть абсолютно готовыми к каждому интервью и уметь мгновенно фильтровать получаемую информацию. Если преступник достаточно умен, как многие из подобных людей, рано или поздно он наткнется на уязвимость в системе, которую можно использовать себе во благо. По своей природе большинство серийных убийц хорошие манипуляторы. Если им на руку выглядеть немного неуравновешенными – они будут неуравновешенными. Если им на руку сожалеть и причитать – они будут сожалеть и причитать. Но какая бы модель поведения ни казалась им наиболее подходящей, я понял, что те из них, кто соглашается с нами поговорить, очень похожи. За неимением лучшего они провели уйму времени в размышлениях о самих себе и своих деяниях и потому могут в мельчайших подробностях обрисовать свою историю. Наша задача состояла в том, чтобы заранее выяснить как можно больше об этих людях и их преступлениях и во время разговора уметь отличить правду от лжи, ведь у них была и уйма времени на то, чтобы сочинить альтернативную хронику событий, в которой они вызывают сочувствие и выглядят куда безобиднее, чем следует из записей дела.

На заре наших интервью, выслушав очередную историю из первых уст, мне порой хотелось повернуться к Бобу Ресслеру – или к тому, кто меня сопровождал, – и сказать: «А может, они взяли не того? У него на все есть разумное объяснение. А вдруг его и правда посадили по ложному обвинению?» Поэтому, вернувшись в Куантико, мы в первую очередь связывались с местной полицией и запрашивали дело, чтобы убедиться в отсутствии судебной ошибки.

Боб Ресслер вырос в Чикаго. Еще мальчишкой его завораживало и одновременно ужасало дело шестилетней Сюзанны Дегнан, которую похитили из дома и жестоко убили. Ее тело, нашинкованное на куски, обнаружили в канализации Эванстона. В конце концов полиция поймала молодого человека по имени Уильям Хайренс. Он сознался в том, что убил девочку и еще двоих женщин, ставших жертвами вышедшей из-под контроля квартирной кражи. Убив одну из них, Фрэнсис Браун, ее помадой он вывел на стене следующее:

Ради всЕго СВятого

пОймайте Меня

ПоКа Я Снова не Убил

Я не управляю собОЙ

Хайренс приписывал убийства некоему Джорджу Че-лубу (вероятнее всего, его фамилия – это сокращение от «человек-убийца»), которым он, по его словам, был одержим. Боб признался мне, что дело Хайренса стало для него одним из первых стимулов взяться за карьеру служителя закона.

Как только Проект по исследованию криминальных личностей был проспонсирован и запущен, мы с Бобом отправились на встречу с Хайренсом в тюрьму Стейтвилл в городе Джолиет, штат Иллинойс. В ней убийца содержался с момента объявления приговора в 1946 году и до сих пор показывал образцовое поведение. Уильям стал первым заключенным в штате, получившим высшее образование, а теперь занимался дипломной работой.

Во время интервью Хайренс наотрез отказывался признавать свое участие в преступлениях и считал, что его осудили несправедливо. На любой наш вопрос у него находился ответ. Он настаивал, что у него есть алиби и что он и на пушечный выстрел не подходил к местам преступлений. Уильям говорил настолько убедительно, что его случай не на шутку взволновал меня. Не сомневаясь, что он стал жертвой чудовищной судебной ошибки, я вернулся в Куантико и перерыл все записи по его делу. Помимо признательных показаний и неопровержимых улик, на месте убийства Дегнан были найдены едва заметные отпечатки его пальцев. Но Хайренс провел в камере так много

времени, размышляя об убийстве и убеждая себя в собственной невиновности, что даже в тесте на полиграфе не проявил бы никаких признаков лжи.

Ричард Спек, отбывавший несколько пожизненных сроков за убийство восьми медсестер в общежитии Южного Чикаго в 1966-м, ясно дал нам понять, что не желает становиться в общий ряд с другими убийцами, которых мы изучали. «Я не хочу быть с ними в одном списке, – заявил Спек, – они же психи. А я не серийный убийца». Он не отрицал содеянного, но хотел, чтобы мы знали: он не такой.

В одном немаловажном отношении Спек прав. Серийный убийца совершает преступления одно за другим, повинаясь эмоциональному циклу с определенными периодами затишья. Ричард же был тем, кого я называю массовым убийцей, то есть тем, кто убивает более двух раз за один заход. Спек отправился в дом с целью грабежа. Он хотел уехать из города, и ему нужны были деньги. Когда дверь открыла двадцатитрехлетняя Корасон Амурао, он ворвался внутрь, угрожая пистолетом и ножом, и сказал, что собирается только связать ее и пять ее соседок и ограбить их. Он согнал всех в спальню. В течение часа еще три девушки вернулись домой со свиданий или из библиотеки и тоже попали в западню. Опыренный властью, Спек, очевидно, передумал и в безумном угаре начал иступленно насиловать, душить, колоть и резать. Выжила только Амурао, забившаяся в угол от ужаса: Спек сбился со счета.

Когда он ушел, девушка выскочила на балкон и позвала на помощь. Полиции она рассказала, что на левом предплечье нападавшего была татуировка: надпись «дьявол по плоти». Объявившись в больнице через неделю после неудачной попытки суицида, Спек был тотчас же опознан по тату.

В силу беспрецедентного зверства, проявленного во время преступления, Спек не раз становился предметом обсуждения в медицинских и психологических кругах. Изначально предполагалось, что у него генетическое отклонение – дополнительная мужская (Y) хромосома, которая считалась стимулятором агрессии и антисоциального поведения. Подобные гипотезы появляются и исчезают с завидной регулярностью. Более ста лет назад ученые-бихевиористы применяли достижения френологии – науки о форме черепа, – чтобы описать характер и умственные способности человека. Не так давно считалось, что электроэнцефалограмма с повторяющимися вспышками в районе 6 и 14 Гц свидетельствует о серьезном расстройстве личности. Медицинское жюри пока не вынесло окончательного решения по вопросу набора ХУУ, но неоспоримым является и тот факт, что многие мужчины обладают именно такой генетической структурой и при этом не обнаруживают никакой экстраординарной агрессивности или антисоциального поведения. Ну и чтобы окончательно закрыть тему:

когда был проведен генетический анализ Ричарда Спек, выяснилось, что он обладает совершенно нормальным геномом и даже дополнительной Y-хромосомы у него нет.

Спек, в свое время скончавшийся в тюрьме от сердечного приступа, не захотел с нами разговаривать. Это был тот редкий случай, когда мы предварительно обо всем договорились со смотрителем, но он посоветовал заранее не сообщать Ричарду о нашем визите. Мы согласились. По прибытии мы обнаружили, что Спек кричит и беснуется в своей камере, а другие заключенные искренне его поддерживают. Дело в том, что смотритель собирался показать нам, какую порнушку Спек хранит у себя в одиночке, но тот яростно воспротивился подобному вторжению. Арестанты терпеть не могут всего, что хоть сколько-нибудь похоже на шмон. Их камеры – единственный оставшийся у них островок личного пространства. Продвигаясь вглубь по трехэтажному этапу в Джолиете, смотритель попросил нас держаться ближе к центру, чтобы в нас не попало мочой или испражнениями.

Поняв, что тут нам ничего не добиться, я шепнул смотрителю, что мы просто пойдем дальше, не останавливаясь у камеры Спек. С того дня вступила в силу инструкция о порядке проведения опросов заключенных, и мы более не могли заявляться без приглашения. Честно говоря, теперь исследовать криминальные личности стало гораздо сложнее.

В отличие от Кемпера или Хайренса, Спек совсем не блистал образцовым поведением. Как-то раз он собрал простенький миниатюрный самогонный аппарат и спрятал его в потайном ящике дежурного по блоку. Едва ли аппарат производил алкоголь, но издавал достаточно запаха для того, чтобы заставить охранников сходить с ума в попытках отыскать его источник. Еще Ричард выходил раненого воробья, залетевшего внутрь через разбитое окно, и, когда тот немного поправился, водрузил питомца себе на плечо, привязав к лапке веревку. Охранник сообщил, что держать животных нельзя.

– Ах вот как?! – ответил с вызовом Спек, а затем подошел к вентилятору и бросил птенца прямо на вращающиеся лопасти.

В ужасе охранник произнес:

– Я думал, он тебе нравился.

– Нравился, – согласился Спек, – но раз мне нельзя его держать, пусть не достается никому.

Мы с Бобом Ресслером ждали Ричарда в переговорной тюрьмы Джолиета. Спек явился в сопровождении своего тюремного адвоката, чем-то напомнившего мне воспитателя в старшей школе. Как и Мэнсон, Спек предпочел возвышаться над нами и потому уселся верхом на комод во главе стола. Я было начал рассказывать о нашем исследовании, но Ричард не желал разговаривать и только возмущался насчет того, что «долбаное ФБР» роется в его вещах.

Разглядывая преступников, сидящих напротив меня за столом в тюремной переговорной, я в первую очередь стараюсь представить, как они выглядели и что говорили, совершая убийства. Я тщательно изучаю все записи по делу и знаю, что именно каждый из них сделал, на что он способен. Мне остается лишь сопоставить это знание с человеком, сидящим напротив.

Любой полицейский допрос – это борьба умов; каждая сторона старается склонить другую к нужным высказываниям. Чтобы выработать индивидуальный подход к каждому заключенному, человека сперва нужно оценить. Праведный гнев или взывание к совести здесь не помогут («Ах ты садистское чудище! Ты что, съел его руку?»). Нужно понять, за какие ниточки следует дергать. С одними, вроде Кемпера, можно говорить прямолинейно и по существу, если дать им понять, что вы владеете ситуацией и вас не надурить. С другими, наподобие Спек, я выработал наступательный и агрессивный подход.

Итак, мы сидели в переговорной, но Спек по-прежнему делал вид, что не обращает на нас никакого внимания. Тогда я обратился к его адвокату. Он был открытым и коммуникабельным человеком, умеющим разговаривать враждебно настроенного клиента. Кстати, подобные качества, среди прочего, являются важным требованием к переговорщикам с преступниками. Я заговорил о Спеке так, как будто его вообще не было с нами:

– Вы вообще знаете, что сделал ваш подопечный? Убил восемь телочек. И некоторые из этих телочек были очень даже ничего. Он отнял у нас восемь сочных задниц. По-вашему, это честно?

Ясное дело, Бобу мои слова не слишком понравились. Он не хотел опускаться до уровня преступника и тем более порочить честь усопших. Конечно же, я был с ним солидарен, но в таких ситуациях остается только выполнять свою работу.

Адвокат оплатил мне той же монетой, и мы принялись обмениваться подобными репликами. Если бы речь не шла о жертвах жестокого убийства, нас сочли бы парой юнцов за беседой в школьной раздевалке. А это уже меняет характер беседы с подросткового на гротескный.

Спек слушал нас, то и дело качая головой и хихикая, а потом вдруг сказал:

– Вы оба долбанные психи. Кажется, мы не такие уж разные.

Лед тронулся, и тогда я повернулся к нему:

– Как, черт возьми, ты умудрился одновременно трахнуть восемь баб? Что ты ешь на завтрак?

Он смерил нас презрительным взглядом, точно парочку наивных онанистов.

– Да не всех я трахнул, напридумывают тут. Только одну.

– Ту, что на диване? – уточнил я.

– Ага.

Сколь бы грубой и отвратительной ни выглядела моя тактика, но для меня стало кое-что проясняться. В первую очередь, несмотря на свою враждебность и агрессию, Боб не считал себя крутым мачо. Он прекрасно знал, что не смог бы одновременно управиться со всеми дамами. Он был прагматиком – и потому решил изнасиловать всего одну. Судя по фото с места преступления, он выбрал ту, что лежала лицом вниз на диване. Для него она уже была обезличенным телом. С ней не приходилось вступать в контакт как с человеком. Еще мы можем сделать вывод, что он был не склонен к выработке сложного и продуманного плана. Слишком легко относительно простое и успешное ограбление скатилось к массовому убийству. Он признал, что убил девушек не в сексуальном угаре, а с целью избавиться от свидетелей. Когда домой вернулись и другие девушки, одну он запрятал в спальню, а другую – в кладовку, словно в загон для скота. Он и понятия не имел, как ему выбраться из осложнившейся ситуации.

Интересно также отметить, что травму, из-за которой Боб попал в больницу и был арестован, по его словам, он заработал в драке в баре, а вовсе не вследствие попытки самоубийства. Похоже, сам он не отдавал себе отчет в том, насколько важны его признания. Спек скорее старался произвести впечатление эдакого мачо, «дьявола во плоти», нежели жалкого неудачника, который не придумал ничего лучше, чем решить свои проблемы суицидом.

Я слушал его и одновременно переваривал полученную информацию. В ней содержалось объяснение не только поведению Спек, но и данному типу преступлений в целом. Другими словами, если я в дальнейшем столкнусь с подобными сценариями, у меня будет уже некоторое представление о личности, претворившей его в жизнь. А это, конечно, и является главной целью исследовательской программы.

Обработывая данные для исследования, я старался избежать сухого академического лексикона и терминологии специалиста-психолога, сделав концепцию понятной и доступной для сотрудников правоохранительных служб. Теоретически было бы правильно сообщить местному следователю, чтобы он искал параноидального шизофреника, но рядовому копу в поимке субъекта от этого пользы мало. Одна из ключевых деталей, которые мы старались определить, это характер поведения преступника: организованный, неорганизованный или смешанный. Такие, как Спек, представляли собой яркий пример неорганизованного преступника.

Спек признался, что детство у него было трудным. Когда же я попросил его рассказать о семье, то в первый и единственный раз, как мне показалось, задел его за живое. К двадцати годам Роберт уже имел почти сорок задержаний, женился на пятнадцатилетней девчонке и стал

отцом. Спустя пять лет, преисполненный злобы и горечи, он покинул жену, и, по его словам, у него просто не дошли руки ее прикончить. Впрочем, он убил нескольких других женщин, включая официантку в грязном дешевом баре, которая отказала ему в ухаживаниях. Кроме того, за пару месяцев до бойни в общежитии Боб ограбил и изнасиловал пожилую женщину шестидесяти пяти лет. При прочих равных условиях жестокое изнасилование зрелой женщины указывает на то, что молодой человек, возможно тинейджер, не отличается ни опытом, ни уверенностью в себе, ни искушенностью. Спек совершил изнасилование в возрасте двадцати шести лет. Чем больше лет преступнику, тем пропорционально меньше его искушенность и уверенность в себе. Вот какое впечатление на меня произвел Ричард Спек. Хотя ему было далеко за двадцать, этот закоренелый преступник вел себя совсем как подросток.

Перед уходом зритель захотел нам показать еще кое-что. В Джюлиете, как и во многих других тюрьмах, проводился психологический эксперимент с целью выяснить, уменьшают ли агрессивность мягкие пастельные тона. Идея основывалась на мощном научно-теоретическом фундаменте. Выяснилось, что в комнате с розовыми и желтыми стенами даже самые крутые качки из рядов полиции не в состоянии поднять свой обычный вес.

Зритель отвел нас в комнату в конце тюремного блока и сказал:

– Вот эта розовая краска лишает убийцу его агрессии. Затолкай его в такую комнату, и он прямо сразу станет спокойным и пассивным. Загляни внутрь, Дуглас. Что ты видишь?

– Я вижу что стены покрашены так себе, – сообщил я.

Он ответил:

– Да, так и есть. Видишь ли, им не нравится этот цвет. Они обдирают краску и съедают ее.

Еще один наш собеседник, Джерри Брудос, был обувным фетишистом. Но если бы на этом его странности заканчивались, то и бог с ним. Однако, в силу целого ряда обстоятельств, включая его властную, постоянно наказывавшую его мать и собственные внутренние порывы, все зашло куда дальше – от умеренно странного до смертельно опасного.

Джером Генри Брудос родился в Южной Дакоте в 1939 году и вырос в Калифорнии. Как-то раз пятилетний мальчишка отыскал на местной свалке пару шикарных туфель на высоком каблуке. Он принес их домой и попытался было примерить, но мать в бешенстве приказала немедленно их выбросить. Однако Джерри не послушался и спрятал свою находку. Когда же мать снова обнаружила туфли, она отняла их и сожгла, а мальчика наказала. В шестнадцать лет, переехав в Орегон,

Брудос регулярно вламывался в дома по соседству, крал женскую обувь, а потом перешел и на нижнее белье. Все похищенное он примерял на себя. На следующий год Джерри арестовали за то, что он заманил одну девушку к себе в машину и заставил раздеться. На несколько месяцев его поместили на лечение в лечебницу штата в городе Салем, но доктора не сочли пациента опасным. По выпуску из школы он ненадолго попал в армию, откуда его вскоре уволили по психологической непригодности. Он по-прежнему промышлял кражей обуви и белья – а иногда душил до потери сознания хозяек, попадавшихся ему по пути, – как вдруг из чувства долга женился на девушке, которая не так давно помогла ему лишиться девственности. Джерри поступил в техникум и получил специальность электрика.

Спустя шесть лет, в 1968 году, теперь уже будучи отцом двоих детей и все еще продолжая ночные вылазки за сувенирами, как-то раз он открыл дверь девятнадцатилетней Линде Слоусон, которая должна была продать несколько энциклопедий другому человеку, но по ошибке постучалась не в тот дом. Ухватившись за такую прекрасную возможность, Брудос затащил девушку в подвал, где избил и задушил. Уже мертвую Слоусон он раздел и стал примерять на труп различные образцы из своей коллекции. Затем он отрезал ей левую ступню, обул в одну из своих любимых туфель на высоком каблуке и поместил в морозилку, после чего утопил труп в реке Уилламетт, привязав к нему сломанную коробку передач от своей машины. В последующие несколько месяцев Джерри убил еще трех девушек, отрезал им грудь, а потом снял с нее пластмассовый слепок. Его опознали несколько студентов, с которыми он пытался познакомиться одной и той же присказкой. Одна из девушек назначила ему свидание, а на месте его уже ждала полиция. Брудос дал показания и, осознав, что сойти за сумасшедшего ему не удастся, в конце концов признал свою вину.

Мы с Бобом Ресслером побеседовали с ним по адресу его постоянной прописки: исправительное учреждение штата Орегон, город Салем. Брудос оказался крепко сбитым, круглолицым мужчиной, весьма вежливым и готовым сотрудничать. Однако, как только я стал расспрашивать его о некоторых деталях содеянного, он заявил, что однажды упал в обморок из-за гипогликемии и с тех пор едва ли помнит хоть что-то.

– Знаешь, Джон, – заметил он мне, – вот опустится у тебя сахар в крови, и ты запросто без задней мысли можешь спрыгнуть с крыши.

Забавно, что во время дачи признательных показаний он прекрасно помнил и сами преступления во всех подробностях, и места, где прятал тела и улики. Кроме того, он еще и подставился, сам того не ведая. Как-то раз он повесил тело одной из жертв на крюк в гараже, нарядил в свою любимую одежду и обувь, а затем положил зеркало на пол, чтобы как следует рассмотреть плоды своего труда. После этого он устроил

небольшую фотосессию, в ходе которой случайно запечатлел в зеркале самого себя.

Несмотря на заявления о гипогликемических обмороках, Брудос обнаруживал множество качеств, характерных для организованного преступника. Это тесно связано с элементом фантазии, проявленной еще в раннем детстве. Подростком, живя на ферме родителей, он нередко представлял, как ловит девушек в туннеле и заставляет их делать все, чего он хочет. Однажды ему действительно удалось заманить местную девицу в сарай, где он приказал ей раздеться, чтобы он мог ее сфотографировать. Эту модель поведения Джерри сохранил и в зрелом возрасте, но тем не менее, совершая свои преступления, он оставался тем наивным и неискушенным юнцом, который не мог придумать ничего более изощренного, чем просто фотографировать своих обнаженных жертв. После фотосессии в сарае он запер девушку в элеваторе, а через некоторое время вернулся, переодевшись и по-другому причесавшись, и представился Эдом, братом-близнецом Джерри. Выпустив несчастную, он объяснил, что «брат» проходит курс интенсивной терапии, и умолял никому ничего не рассказывать, чтобы у бедолаги не было неприятностей и не случился очередной «приступ».

Помимо весьма типичной эскалации действий, в Джероме Брудосе явно прослеживается непрерывное совершенствование фантазии. Этот вывод в разы важнее того, что преступник мог бы прямо нам рассказать. Несмотря на разительное отличие целей и образа действия Кемпера и Брудоса, в них мы видим – как и во многих других преступниках – одержимость «совершенствованием» деталей от одного эпизода к другому и при переходе от более низкого уровня опасности к более высокому. В качестве жертв Кемпер выбирал студенток, связанных в его сознании с матерью. Менее изощренный и прозорливый Брудос не брезговал всеми, кто подвернется под руку. Схожи они были одержимостью к деталям, ей они отдавались без остатка.

В зрелом возрасте Брудос заставил свою жену Дарси нарядиться в его фетишистское облачение и пройти ритуальную фотосессию, хотя супруга была обычной женщиной, весьма далекой от приключений, и побаивалась своего мужа с его странным увлечением. В своих фантазиях Брудос во всех подробностях продумал камеру пыток, но довольствоваться ему пришлось собственным гаражом. Там стоял холодильник, всегда надежно запертый, в котором убийца хранил излюбленные части тел жертв. Когда Дарси готовила мясо на ужин, она говорила Джерри, какое именно ей нужно, и он приносил его из холодильника. Часто она жаловалась друзьям, что ей было бы куда проще самой вынуть подходящий кусок. И все же, несмотря на все неудобства, запертый холодильник не казался ей достаточно странным, чтобы обратиться в полицию. А может, она просто боялась.

Брудос – чуть ли не классический пример преступника, который начинает с безобидных причуд и быстро прогрессирует: от найденной обуви к

белью сестры и вещам других женщин. Сперва юноша просто обчищал бельевые веревки, затем следил за женщинами на высоких каблуках и вламывался в их дома в отсутствие владелиц, а потом стал еще смелее и возжелал самих хозяек. Поначалу ему было достаточно примерить женскую одежду, но потом захотелось более сильной дозы. В общении он стал просить девушек разрешения их сфотографировать. Затем, когда одна из них отказалась раздеваться, пригрозил ей ножом. Но он ни разу не убивал, пока случайная жертва сама не забрела к нему домой. А дальше, один раз вкусив запретное удовольствие, он будет делать это снова и снова, с каждым разом заходя все дальше в изувечивании и обезображивании трупов.

Я не утверждаю, что любой мужчина, которого заводят шпильки, кружевные лифчики и трусики, обречен всю жизнь совершать преступления, иначе половина сильного пола уже давно сидела бы за решеткой. Но на примере Джерри Брудоса мы выяснили, что подобный тип парафилии может иметь отрицательную обратную связь, а также быть «ситуационным». Вот вам пример.

Некоторое время назад стало известно, что директор начальной школы, расположенной неподалеку от моего дома, увлекается детскими ножками. Он играл с детьми, стараясь щекотать их как можно дольше. Если ребенок выдерживал определенное время, не засмеявшись, то получал денежный приз. Родители забились тревогой, когда прознали, что их дети тратят в местном торговом центре деньги, происхождение которых не могут объяснить. Но многие жители района запротестовали, когда академический совет решил уволить директора. Тот был обаятельным человеком, находился в хороших отношениях со своей девушкой, пользовался популярностью как у детей, так и у их родителей. Учителя считали, что директора обвиняют несправедливо. Но даже если он и правда без ума от ножек, кому от этого плохо? Он никогда не приставал к детям и ни разу не заставлял их раздеваться. Он определенно был не из тех, кто похитит ребенка среди бела дня ради удовлетворения своей извращенной фантазии.

С этим я полностью согласен. В этом отношении он не представлял для общества никакой опасности. Я с ним разговаривал с подозреваемым, он показался мне приветливым и открытым человеком. Но давайте представим, что во время одной из таких игр какая-нибудь девочка начнет кричать и угрожать, что обо всем расскажет. В панике фетишист может убить ребенка просто потому, что не придумает иного выхода. Когда за советом в мой отдел обратился учебный инспектор, я сказал, что решение уволить директора было абсолютно правильным.

Примерно в то же время меня пригласили в университет Вирджинии, где студентов сбивали на землю и в потасовке отнимали модные по тем временам сабо на деревянной подошве. К счастью, никто особенно не пострадал, а в кругах полиции и студгородка к подобным делам вообще относились несерьезно. Я встретился со студентами и администрацией

университета, рассказал о Брудосе и других людях, с которыми имел дело, и удалился, успешно посеяв в их сердцах страх. Официальная позиция университетского начальства резко изменилась после моего визита, и с чувством удовлетворения я хочу сказать, что подобных случаев более не наблюдалось.

Глядя на поступательное развитие преступлений Джерри Брудоса, я спрашиваю себя, могло бы должное понимание и заблаговременное вмешательство на ранних этапах помочь его остановить.

В Эде Кемпере я видел серийного убийцу, воспитанного детством, полным эмоционального насилия. Случай Джерри Брудоса показался мне несколько более сложным. Очевидно, что склонность к парафилии он проявлял с ранних лет. Маленького мальчика очаровала пара туфель на высоком каблуке, найденная на свалке. Однако очарование это частично могло быть вызвано и тем, что он никогда раньше подобного не видел. Эта обувь слишком отличалась от той, что носила его мать. Когда же та отреагировала слишком резко, обувь на высоком каблуке стала для мальчика запретным плодом. Вскоре после этого он украл пару туфель у своей учительницы. Однако, узнав об этом, она еще сильнее удивила его. Вместо того чтобы пожурить юного Брудоса, она поинтересовалась, почему он это сделал. И вот он уже столкнулся с неоднозначной реакцией зрелых женщин на свои действия, и предположительно врожденная склонность стала понемногу перерастать в нечто более зловещее и опасное.

А если бы опасность, исходящую из расцвета его фантазий, обнаружили раньше и приняли эффективные меры по борьбе с ними? К моменту совершения первого убийства уже слишком поздно, но можно ли остановить процесс на любом другом этапе? С тех пор я провел немало времени, изучая этот вопрос, и все меньше верю в эффективность мер, которые имеют хотя бы отдаленное отношение к реабилитации большинства сексуально мотивированных убийц. Но если существует хотя бы надежда на то, что эти меры сработают, то принять их надо до точки невозврата, пока фантазии еще не начали претворяться в жизнь.

Когда моя сестра Арлин была подростком, мама учила ее, что всего один вопрос поможет ей многое узнать о мальчике, с которым она ходит на свидание: как он относится к своей матери? Если он признается в любви и уважении к маме, то это с большой вероятностью проецируется и на его отношение к другим женщинам. Ну а если матушку он считает стервой, сукой и шлюхой – увы, скорее всего, он и обо всех остальных думает точно так же.

Из собственного опыта могу сказать, что мамино наблюдение било не в бровь, а в глаз. В Санта-Крузе, штат Калифорния, Эд Кемпер выложил себе дорогу из трупов, прежде чем наконец набрался смелости прикончить одну-единственную женщину, которую ненавидел всей

душой. Монте Риссел, который подростком изнасиловал и убил пять женщин в городе Александрия, штат Вирджиния, признался, что, если бы после развода родителей ему разрешили жить с отцом, сейчас он мог бы быть адвокатом, а не пожизненным узником тюрьмы Ричмонда, где мы с ним и беседовали.

Благодаря Монте Ральфу Рисселу мы смогли сложить еще несколько частей пазла. На момент развода родителей из трех детей семилетний Монте был самым младшим. Мать взяла отпрысков в охапку и переехала в Калифорнию, где повторно вышла замуж и основную часть времени проводила со своим новым ухажером, оставив детей почти без присмотра. Монте с младых ногтей стал попадать в неприятности – малевал на стенах школы похабные надписи, потом связался с наркотиками, подстрелил из воздушки своего товарища во время перепалки. Он заявил, что ружье ему дал отчим, который после того случая разломал оружие и от души поколотил Монте стволом.

Когда мальчику было двенадцать, второй брак матери тоже распался, и семейство снова вернулось в Вирджинию. Монте признался, что винил во всем себя и свою сестру. Вот тогда его криминальная карьера стала прогрессировать: вождение без прав, грабежи, автоугон, а потом изнасилование.

Переход к убийству был более чем предсказуемым. Все еще обучаясь в старшей школе, Монте стоял на учете и к нему регулярно наведывался психиатр-надзиратель. Однажды юноша получил письмо от своей девушки, старше его на один год. В письме она сообщала, что поступила в университет, и тогда Монте понял, что их отношениям пришел конец. Он прыгнул в машину и пулей помчался к университету, где заметил свою пассию с новым парнем. Вместо того чтобы в открытую броситься с кулаками на обидчика, Риссел вернулся в Александрию, затарился пивом и марихуаной и несколько часов кряду просидел в машине на парковке перед домом, с головой уйдя в раздумья.

Часы пробили уже три или четыре ночи, а он все так же сидел в салоне, как вдруг на парковку заехала одинокая девушка. Повинуясь минутному помешательству, Риссел возжелал получить обратно то, что он потерял. Угрожая пистолетом, он вытащил девушку из машины и повел ее в укромное место неподалеку от жилого комплекса.

Риссел спокойно, последовательно и точно рассказал о своих действиях нам с Бобом Ресслером. До встречи я выяснил, что IQ нашего собеседника превышал 120 пунктов. Не могу сказать, что почувствовал в нем сожаление или раскаяние: помимо редких случаев прихода с повинной или же самоубийства, сожалеют преступники лишь о том, что попались и угодили за решетку. Однако Риссел не пытался преуменьшить тяжесть своих деяний, и мне казалось, что ответы его были весьма точны. А поведение, которое он описывал, натолкнуло нас на ряд немаловажных умозаключений.

В первую очередь преступление совершается после мотивирующего события или инцидента, который мы называем фактором стресса. Подобную механику мы будем встречать снова и снова. Мотивирующим стресс-фактором может стать что угодно: у каждого из нас свои проблемы и заботы. Однако совершенно неудивительно, что двумя наиболее распространенными из них являются потеря работы и подруги / жены (здесь речь идет о женщинах не случайно, потому что по ряду причин, как я уже отмечал, почти всегда убийцами становятся мужчины).

В результате изучения таких людей, как Монте Риссел, мы осознали, что стресс-факторы являются крайне важной деталью в понимании динамики серийных убийств. Поэтому по тем или иным признакам убийства мы стремимся выяснить, какой же стресс-фактор его вызвал. В упомянутом в четвертой главе деле аляскинского убийцы, которым занимался мой коллега Джад Рей, время и подробности тройного убийства – женщины и двух ее дочерей – натолкнули Джада на мысль, что убийца не только потерял работу, но и расстался с любимой. Впоследствии выяснилось, что оба этих фактора действительно имели место. Если конкретнее, девушка бросила будущего убийцу ради его же шефа, который уволил парня, чтобы тот не мешался.

Вот и Монте Риссел совершил свое первое убийство в ночь после того, как увидел свою подругу с каким-то студентиком. Само по себе это уже очень важно. Но еще больше нам говорят способ убийства и повод для него.

По стечению обстоятельств жертвой Риссела оказалась проститутка, а это означает две вещи: во-первых, в отличие от девушек иной профессии, она не боялась соития с незнакомцем; а во-вторых, несмотря на испуг, жертва наверняка обладала отличным инстинктом самосохранения. Когда стало ясно, что ее собираются изнасиловать, угрожая пистолетом, она постаралась разрядить ситуацию, задрав юбку и спросив нападавшего, как ему больше нравится и в какой позе он предпочитает ее взять.

– Она спросила, в какой позе мне больше нравится, – сообщил он нам.

Однако такое поведение не только не смягчило Риссела, но лишь сильнее его распалило.

– Как будто эта сучка пыталась взять ситуацию под контроль, – пояснил он.

Не исключено, что она симулировала два или три оргазма, чтобы удовлетворить его, но стало только хуже. Если она «получала удовольствие» от изнасилования, то это лишь укрепляло в преступнике мысль о том, что все женщины – шлюхи. Она стала обезличенной, и потому мысль об убийстве далась ему так легко.

А вот другую жертву он отпустил. Она рассказала, что ухаживала за больным раком отцом. У брата Риссела тоже был рак, и потому девушку

он идентифицировал с ним. В его глазах она приобрела определенную личностную окраску, в отличие от проститутки или изнасилованной Ричардом Спексом молодой медсестры, которая лежала на диване связанная и лицом вниз.

Но это одновременно объясняет, почему так сложно дать общие рекомендации о том, как следует вести себя во время изнасилования. От личности насильника и его мотивов зависит, нужно ли беспрекословно выполнять его указания или попытаться убедить его этого не делать. Одни и те же действия могут все усложнить. Сопротивление и борьба способны остановить «насильника самоутверждающегося», но вот «насильника возбужденного» доведут и до убийства, если жертве не удастся убежать. Не всегда имеет смысл и делать вид, что акт насилия доставляет вам удовольствие. Нужно помнить, что преступление является выражением злобы, агрессии и желания почувствовать власть. А соитие – это лишь средство, а не самоцель.

После изнасилования женщины, похищенной на стоянке, Риссел, исполненный злобы, стал решать, как поступить со своей жертвой. И тут она – многие из нас сочли бы ее поведение предельно логичным – пытается сбежать. Из-за этого в нем еще сильнее укоренилась мысль о том, что ситуацию контролирует жертва, а вовсе не он сам. Слова Риссела мы привели в статье, опубликованной в «Американском психиатрическом журнале»: «Она побежала вниз по склону, но я схватил ее и выкрутил руки. Она была крупнее меня. Я начал ее душить... она споткнулась... мы покатались вниз к воде. Я ударил ее головой о камень и держал под водой».

Мы пришли к выводу, что для анализа преступления поведение жертвы не менее важно, чем поведение самого субъекта. Были ли риски, связанные с конкретной жертвой, высокими или низкими для преступника? Что она говорила и делала? Подначили его ее действия или же, наоборот, охладили? Как происходила и чем закончилась их встреча?

Риссел за своими жертвами далеко не ходил, а именно: он выбирал их из числа обитателей его жилого комплекса и соседних домов. После первого убийства табу было снято. Монте осознал, что способен на это, что ему это нравится и что он ничем не рискует. Если бы тогда нас пригласили к расследованию и мы составляли бы его психологический портрет, мы предложили бы искать опытного человека с некоторым криминальным прошлым – например, совершившего насильственное преступление, которое, в сущности, и значилось за Рисселем. Честно говоря, мы наверняка ошиблись бы с возрастом, во всяком случае, поначалу. На момент совершения первого убийства Рисселу едва исполнилось девятнадцать. А в портрете значился бы мужчина, которому далеко за двадцать, если не все тридцать.

Случай Риссела показывает, что в нашем деле возраст – весьма относительная категория. В 1989-м моего коллегу по отделу Грег Маккрери пригласили расследовать запутанную серию убийств проституток в Рочестере, штат Нью-Йорк. При активном содействии капитана Линды Джонстон и первоклассных полицейских специалистов Грег разработал детальный портрет преступника и предложил стратегию его поимки. Благодаря его указаниям в конечном итоге был успешно арестован и осужден Артур Шоукросс. Просматривая впоследствии его психологический портрет, мы отметили, что Грег почти везде попал в яблочко: раса, характер, работа, личная жизнь, автомобиль, увлечения, осведомленность, связь с полицией – словом, все, кроме возраста. Грег ожидал увидеть мужчину двадцати девяти или тридцати лет, для которого убийства уже не в новинку. На самом же деле Шоукроссу было сорок пять. Оказалось, что он провел за решеткой пятнадцать лет за убийство двоих детей (как проститутки и старики, дети – это весьма уязвимые цели). После того случая он подсел на убийства и в первые же месяцы условно-досрочного освобождения снова принялся за старое.

Как и Артур Шоукросс, на момент совершения убийств Монте Риссел был на условно-досрочном. И точно так же, как и Эд Кемпер, он с легкостью убедил психиатра в том, что отлично идет на поправку, в то время как сам убивал людей направо и налево. Вот вам извращенная версия старого анекдота о том, сколько психиатров нужно, чтобы поменять лампочку. Правильный ответ – один, но только если лампочка *хочет* меняться. Психиатры и другие эксперты в области эмоционального здоровья привыкли получать от пациентов отчет об их состоянии из первых уст, что как бы предполагает, что пациент хочет «поправиться». Из-за этого преступнику так легко ввести психиатра в заблуждение. Однако большинство опытных докторов считает, что единственным более-менее надежным источником информации о возможных актах насилия в будущем является их история. Надеюсь, что в процессе нашей работы по исследованию криминальных личностей нам удалось убедить профессиональное сообщество в ограниченной эффективности «самодонора» со стороны преступников. По своей природе серийный убийца или насильник – манипулятор, нарцисс и эгоцентрик. Он скажет инспектору по УДО или тюремному психиатру то, что они хотят услышать, лишь бы это помогло ему выйти из тюрьмы и снова отправиться на охоту.

В рассказе Риссела о его последующих преступлениях мы выявили устойчивую прогрессию. Его вывели из себя бесконечные расспросы второй жертвы: «Она хотела знать, почему я это делаю; почему выбрал именно ее; разве у меня нет девушки; что на меня нашло; что я собираюсь с ней делать».

Она вела машину под дулом пистолета, а потом попыталась сбежать, как и первая. Тут Монте понял, что должен убить ее, и затем несколько раз ударил ее ножом в грудь.

Третье убийство далось ему еще легче. Он кое-чему научился и не позволял жертве с ним разговаривать; ее нужно было обезличить: «Я подумал... я убил уже двоих. Мне ничего не мешает убить и ее тоже».

Но в этой точке прогрессия прервалась, и он отпустил женщину, ухаживавшую за больным отцом. Однако последние два убийства Монте совершил со всей решимостью. Одну женщину он утопил, вторую жестоко заколол – по его словам, он ударил ее ножом от пятидесяти до ста раз.

Почти как и со всеми остальными, на примере Риссела видно, что фантазия поселяется в разуме преступника задолго до того, как он в самом деле начнет убивать и насиловать. Мы спросили, откуда он черпал вдохновение. Оказалось, что источников у него было целое множество, но самый главный из них – статьи о Дэвиде Берковице.

Дэвид Берковиц, известный сперва как «убийца с 44-м калибром», а затем – как «сын Сэма», когда только начинал писать в газеты во время эпохи своего террора в Нью-Йорке, был скорее типом фанатика, нежели маньяком-серийником. Почти за год – с июля 1976-го по июль 1977-й – из мощного пистолета он убил шестерых молодых людей и девушек в машинах, припаркованных в укромном уголке, а ранил и того больше.

Подобно многим другим серийным убийцам, Берковиц воспитывался у приемных родителей, о чем узнал только в армии. Он хотел служить во Вьетнаме, но попал в Корею, где потерял девственность с проституткой и заработал гонорею. Вернувшись со службы в Нью-Йорк, он посвятил свою жизнь поискам биологической матери, которую и отыскал на Лонг-Бич, в Лонг-Айленде, вместе с дочерью – своей сестрой. К его удивлению и разочарованию, они не желали иметь с Дэвидом ничего общего. Застенчивый, неуверенный в себе и обозленный на судьбу парнишка стал благодатной почвой для выращивания убийцы. В армии он научился стрелять, а в Техасе обзавелся «бульдогом» производства «Чартер армс» – револьвером 44-го калибра; это крупный и мощный ствол, благодаря которому Берковиц почувствовал себя сильнее и значительнее. В стрельбе он практиковался на городских свалках Нью-Йорка, пока не стал метко попадать по небольшим мишеням. Рядовой почтовый клерк днем, по ночам он стал выходить на охоту.

Мы побеседовали с Берковицем в тюрьме штата в городе Аттика, где он отбывал двадцать пять лет срока за каждое из шести убийств. Хотя изначально Берковиц и признал свою вину, позже он принялся ее отрицать. В 1979-м он стал жертвой тюремного нападения, которое едва не закончилось смертью: к нему подкрались сзади и полоснули по горлу. Чтобы зашить рану, потребовалось наложить пятьдесят шесть швов, но нападавшего так и не нашли. Поэтому мы явились без приглашения, чтобы не подвергать арестанта еще большему риску. Надзиратель

тюрьмы помог нам заранее заполнить большую часть нашего опросника, и потому к беседе мы подошли во всеоружии.

В этот раз для интервью я прихватил себе в помощь несколько наглядных пособий. Как я уже отмечал, мой отец работал в Нью-Йорке в сфере печати и был председателем Союза печатников Лонг-Айленда. Он снабдил меня несколькими таблоидами, заголовки которых наперебой кричали о новых подвигах «сына Сэма».

Я взял в руки экземпляр «Нью-Йорк дейли ньюс» и кинул тому через стол:

– Дэвид, через сто лет никто не вспомнит о Бобе Ресслере или Джоне Дугласе, но все будут помнить «сына Сэма». Скажу честно, прямо сейчас мои ребята в Уичито, штат Канзас, занимаются делом об убийстве полудюжины женщин. Какой-то парень зовет себя «душителем СПУ» – то есть он связывает, пытается и убивает жертв. Знаешь, он оставляет записки, и в них говорится о тебе. Он пишет о Дэвиде Берковице, «сыне Сэма». Он хочет быть, как ты, хочет такой же власти. Не удивлюсь, если он пишет и на адрес тюрьмы.

Я бы не назвал Берковица особенно харизматичным. Он всегда искал признания и славы. От взгляда его ярко-голубых глаз не укрылось бы, интересуются им всерьез или же просто играют с ним. И сейчас в его глазах вспыхнул огонек, когда он услышал мои слова.

– Учитывая, что в суде у тебя не было возможности излить душу, – продолжал я, – скажу, что народ знает о тебе только одно: ты тот еще сукин сын. Но из интервью нам показалось, что у тебя должна быть и другая, светлая сторона. Сторона, оказавшаяся под тлетворным влиянием твоего прошлого. Мы хотели бы дать тебе возможность рассказать о ней.

Даже не будучи любителем демонстрировать эмоции, Дэвид заговорил почти сразу. Он признался, что устроил более двух тысяч поджогов в районе Бруклина и Квинса и каждый из них тщательно задокументировал в своем дневнике. Одиночка, маниакально зацикленный на ведении записей своих действий, – это первая причина, по которой Берковиц ассоциируется с убийцей-фанатиком. Вторая – нежелание вступать в физический контакт со своей жертвой. Он не насильник и не фетишист, не собирал трофеи. Сексуальное удовлетворение он получал от самой стрельбы.

Поджоги, что он устраивал, – в мусорных корзинах и заброшенных зданиях, – носили скорее характер мелкого хулиганства. Как и многие другие поджигатели, Берковиц мастурбировал, глядя на разрастающееся пламя, а затем еще раз, когда пожарные его тушили. Склонность к поджогам вписывается в два других компонента «убийственной тройки» – ночного недержания мочи и жестокости к животным.

Для меня тюремные интервью сродни вымыванию крупиц золота из песка. Основная часть полученной в таких беседах информации – бесполезные камешки. Но если среди них все-таки попадется золотой самородок, дело того стоит. Дэвид Берковиц и был таким самородком.

И вот что в нем особенно интересно. Чаще всего, когда он выслеживал очередную пару в укромном уголке, он подходил к жертве не со стороны водителя – кем чаще всего был мужчина, представлявший для него некоторую опасность, – а со стороны пассажирского сиденья. Это говорит о том, что убийца, заняв стрелковую стойку и спуская курок, выплескивал ненависть и злобу именно на женщину. Множественные пулевые ранения, как и колотые раны, отражают всю силу его ненависти. Вторая жертва, мужчина, как правило, просто оказывался не в то время и не в том месте. Возможно, нападая, Берковиц даже не стремился к зрительному контакту со своей жертвой, предпочитая убивать на расстоянии. Он мог завладеть женщиной из своих фантазий, даже не персонифицируя ее.

Не менее интересен и другой самородок, также «намытый» из словесной руды Дэвида Берковица и впоследствии дополнивший общее представление о природе серийного убийцы. Дэвид рассказал нам, что выходил на охоту по ночам. Если ему не удавалось отыскать подходящую жертву, он шел туда, где охота уже однажды увенчалась успехом. Он возвращался на место преступления (многие другие возвращались к месту, где спрятали труп), на могилы жертв и, что весьма знаменательно, катался по земле, снова и снова переживая свой триумф.

По той же самой причине другие серийные убийцы имеют обыкновение фотографировать или снимать на видео свои злодеяния. Убив жертву и избавившись от тела, они могут захотеть снова испытать то возбуждение, еще раз претворить в жизнь свою фантазию, пережить ее вновь. Берковиц не нуждался ни в украшениях, ни в частях тела, ни в каком бы то ни было другом сувенире. Ему было достаточно вернуться на место убийства, а после этого он приходил домой и мастурбировал, оживляя в памяти пережитые чувства.

Эта информация была для нас неоценимо важна. Многие в правоохранительных органах знали, что преступники возвращаются на место преступления, но никак не могли этого доказать или в точности объяснить. Благодаря таким субъектам, как Берковиц, мы обнаружили, что данное умозаключение соответствует действительности, однако не обязательно по тем причинам, о которых мы подозревали. Одна из них – это, конечно, чувство раскаяния. Но на примере Берковица мы выяснили, что могут быть и другие. Поняв, почему именно тот или иной преступник возвращается на место преступления, можно подготовить и стратегию по его поимке.

Имя «сын Сэма» было нацарапано на клочке бумаги, адресованном капитану полиции Джозефу Борелли, который позже возглавил следственный отдел полиции Нью-Йорка. В Бронксе полиция обнаружила автомобиль с двумя убитыми – Александром Эсау и Валентиной Суриани. Как и остальных, пару застрелили в упор. Рядом с машиной лежала записка следующего содержания: «Ты глубоко ранила меня, назвав женоненавистником. Я не такой. Но я чудовище. Я – сын Сэма. И я скверный мальчишка.

Папа Сэм напьется и начинает беситься. Он бьет свою семью. Иногда он связывает меня и оставляет на заднем дворе. Иногда – запирает в гараже. Сэм любит пить кровь.

„Иди и убей“, – командует он.

Они покоятся за домом. Почти все дети – изнасилованы и забиты – кровь выпита – остались лишь кости.

А еще папа Сэм запирает меня на чердаке. Мне не выбраться, но я могу смотреть из окна, как мир проносится мимо.

Я чувствую себя чужаком. Я на другой волне, не такой как все. Запрограммирован убивать.

Но остановит меня лишь смерть. Внимание всем силам полиции: стреляйте сразу – стреляйте наверняка или убирайтесь с моей дороги, иначе вы умрете!

Папа Сэм теперь совсем стар. Ему нужна кровь, чтобы оставаться молодым. Он пережил слишком много сердечных приступов. „Уф, твою ж так и растак, больно, сынок“.

Больше всего я скучаю по своей принцесске. Она покоится в женском доме. Но скоро мы встретимся.

Я – чудовище, Вельзевул, щекастый бегемот.

Я люблю охотиться. Красться по улицам в поисках того самого – сочного куска мяса. В Квинсе самые славные женки. Я – вода, что они пьют. Я живу охотой, охота – моя жизнь. Крови папочке.

Мистер Борелли, сэр. Я не хочу больше убивать. Нет, сударь, больше не хочу. Но я должен „воздать почести отцу твоему“.

Я наполню мир любовью. Я люблю людей. Я не землянин. Верните меня Иеху.

Люди Квинса, я люблю вас. Желаю всем счастливой Пасхи. Благослови вас Господь в этой жизни и следующей. А теперь мне пора. Пока и спокойной ночи.

ПОЛИЦИИ: пусть вас преследуют мои слова:

Я вернусь!

Я вернусь!

Перевожу – бах, бах, бах, бах – уф!

Убийственно ваш,

Мистер Чудовище».

Вот так мелкая сошка стала всеобщей знаменитостью. Более сотни сыщиков объединились в опергруппу «Омега». Безумных, написанных словно в бреду посланий становилось все больше. Теперь они попадали в газеты и к журналистам, таким как Джимми Бреслин. Город был охвачен ужасом. Берковиц признался, что почувствовал настоящий трепет, когда пришел на почту, а там только и говорили о «сыне Сэма», не догадываясь, что он находился среди них.

Следующее нападение он совершил в Бэйсайде, Квинс, но обоим – и мужчине, и женщине – удалось выжить. Через пять дней преступник объявился снова, но другой парочке в Бруклине повезло меньше: Стейси Московиц скончалась на месте; Роберт Виоланте выжил, но из-за тяжелого ранения потерял зрение.

Сына Сэма наконец поймали. А все из-за того, что в ночь последнего убийства он оставил свой «форд-гэлакси» слишком близко к пожарному гидранту. Случайный свидетель запомнил, что полицейский выписывает штраф за неправильную парковку, который в итоге и вывел полицию на Дэвида Берковица. Во время ареста он просто сказал: «Ну что же, попался».

На допросе Берковиц объяснил, что «Сэм» – это его сосед, Сэм Карр, а его черный лабрадор-ретривер по кличке Харви и не пес вовсе, а демон, живущий уже более трех тысяч лет, который и приказывал Дэвиду убивать. Как-то он даже попытался застрелить пса из пистолета 22-го калибра, но тот выжил. Чуть ли не единогласно психиатрическое сообщество нарекло его параноидальным шизофреником, давая самые разные интерпретации его письмам. «Принцесской» из первого послания, очевидно, Дэвид называл одну из своих жертв, Донну Лаурию, чью душу Сэм обещал ему после смерти.

Для меня в письмах важнее всего было то, как менялся его почерк. В первом – аккуратный и прилежный, потом он портился все больше и больше, пока не стал совсем неразборчивым. Все чаще появлялись ошибки. Как будто записки писали разные люди. Я показал Дэвиду копии, но он даже не отдавал себе отчета в деградации почерка. Если бы я составлял психологический портрет убийцы, то по запискам сразу бы понял, что он человек ранимый, склонный совершать ошибки или досадные промахи, вроде парковки у пожарного гидранта. Тогда полиции удалось бы схватить его раньше. Проявление подобной уязвимости – подходящее время для применения упреждающих мер.

Насколько я понимаю, Берковиц открылся нам благодаря масштабному домашнему заданию, которое мы сделали перед интервью. Еще до нашей встречи мы пораскинули мозгами насчет трехтысячелетней

собаки, приказывавшей Дэвиду убивать. Психиатры приняли байку за чистую монету и считали ее главным мотива-тором. Но я знал, что история родилась только после ареста. С ее помощью убийца надеялся легко отделаться. Вот почему, когда он начал разглагольствовать об этом мистическом создании, я просто оборвал его на полуслове: «Слушай, Дэвид, хватит чушь городить. Пес тут ни при чем».

Он рассмеялся и кивнул, признавая мою правоту. Мы даже прочитали несколько объемных диссертаций на тему его писем. В одной из них Берковица сравнивали с Джерри, героем пьесы Эдварда Олби «Что случилось в зоопарке»^[26]. Автор другой старался раскусить психопатологию преступника, анализируя каждое слово в его письмах. Но Дэвид подал крученую подачу, и они, естественно, ее проморгали.

А на деле все было проще простого. Дэвид Берковиц злился на свою мать и других женщин за отношение к себе и в их обществе чувствовал себя не в своей тарелке. Его страстная фантазия обладать ими стала смертоносной былью. Мы же считали, что бес кроется в деталях. На них мы и обратили внимание.

Благодаря тому, что Боб Ресслер умело распределял средства гранта НИЮ, а Энн Берджесс собирала и систематизировала материал, полученный из интервью, к 1983 году мы завершили детальное исследование тридцати шести заключенных. Кроме того, мы опросили сто восемнадцать жертв их деяний, по большей части женщин.

Исследование дало жизнь системе, позволившей лучше понимать и классифицировать преступников, совершающих убийства с особой жестокостью. Впервые в жизни мы могли по-настоящему связать улики, оставленные на месте преступления, с тем, что происходит в голове убийцы. А это, в свою очередь, помогло нам эффективнее их выслеживать, чаще ловить и быстрее предавать суду. Мы понемногу нащупывали ответы на вековые вопросы о безумии и о том, «какой человек мог бы совершить подобное».

В 1988 году мы развили наши идеи до целой книги, опубликованной издательством «Лексингтон букс» под названием «Убийство на сексуальной почве: почерк и мотивация». На момент написания нынешнего текста она вышла уже в седьмой редакции. Но вне зависимости от того, сколько новых данных с тех пор появилось, мы признаем в заключении книги: «Это исследование поднимает куда больше вопросов, чем дает ответов».

Путешествие в глубины сознания жестоких душегубов – это непрерывная гонка за новыми открытиями. Серийный убийца по определению является «успешным» преступником, который учится на своем прошлом опыте. Нам лишь остается учиться быстрее него.

Глава 8. Убийца с дефектом речи

В далеком 1980 году в местной газете я как-то вычитал, что неизвестный вломился домой к пожилой женщине, изнасиловал ее, жестоко избил и оставил умирать, по пути заколов двух ее собак. Полиция была уверена, что нападавший провел на месте преступления уйму времени. Это событие спровоцировало тогда волну общественного резонанса.

Пару месяцев спустя по дороге домой я спросил Пэм, не было ли в последнее время новостей по этому делу. Не оказалось не только новостей, но даже четкого круга подозреваемых. На мой взгляд, полиция действовала хуже некуда, потому что из того, что я читал и слышал, дело казалось мне вполне решаемым. Оно не входило в федеральную юрисдикцию, и нас не пригласили к его расследованию, поэтому я решил выступить неофициально, как местный житель, и по мере сил помочь в расследовании.

Я отправился в полицейский участок, представился, рассказал начальнику о том, чем занимаюсь, и предложил следователям помощь. Они с радостью согласились.

Ведущего следователя звали Дин Мартин. Не помню точно, удалось ли мне сдержаться и не отпустить пару шуток в стиле Джерри Льюиса^[27]. Наверное, не удалось. Мартин показал мне все документы по делу, включая фото с места преступления. Той женщине и правда изрядно досталось. Я углубился в материалы дела, и в голове постепенно сформировалась четкая умозрительная картина преступления и образ самого преступника.

И наконец я изложил следователям, которые внимательно, хотя и скептически слушали меня, свои предположения. Это подросток шестнадцати-семнадцати лет. Если жертвой сексуального насилия становится пожилая женщина, то искать следует юного, неуверенного в себе человека, имеющего скромный опыт или же не имеющий такового совсем. Молодой, крепкой или более уверенной в себе жертвы он попросту испугается. Юноша будет растрепанный, взъерошенный, скорее всего, плохо за собой следит. В ту самую ночь мать или отец вышвырнули его из дому и ему было некуда деваться. В такой ситуации он далеко и не пойдет. Напротив, он как раз станет искать себе самое доступное пристанище где-нибудь неподалеку. У него нет таких отношений с девушкой или друзьями, чтобы просто завалиться к ним домой и переждать, пока буря не уляжется. И вот несчастный, обессиленный и злой на судьбу юнец шастает по округе, как вдруг натывается на дом той самой пожилой дамы. Он знает, что она живет одна, потому что когда-то был у нее на побегушках или просто подрабатывал. Он знает, что она не представляет для него особой опасности.

И вот он вламывается к ней. Возможно, она возмутилась и стала на него кричать или просто испугалась. Как бы она ни реагировала, в ответ он лишь сильнее распалился и возбудился. Он хочет доказать самому себе, да и всему миру, что он мужчина. Он совершает попытку изнасилования, но у него ничего не получается. Тогда он начинает со всей дури избивать несчастную и в какой-то момент решает, что дело нужно довести до конца, иначе она его опознает. Маску он не предусмотрел; преступление совершает импульсивно, без четкого плана. Однако жертва получила столь серьезные травмы, что, даже если выживет, все равно не сумеет припомнить никаких примет нападавшего.

После нападения он решает полакомиться тем, что найдется у нее в холодильнике, потому что уже изрядно проголодался. Ему все равно некуда податься. Жертва больше не представляет для него опасности, а еще он знает, что посетителей у нее по ночам не бывает.

На этом месте я прервался и сказал, что по городу бродит некто, подходящий под это описание. Найдут его – найдут и преступника.

Следователи переглянулись. Лицо одного из них вдруг расплылось в довольной улыбке:

– Дуглас, ты что, ясновидец?

– Нет, – ответил я. – Иначе работать мне было бы куда легче.

– Просто мы пару недель назад приглашали одну гадалку, Беверли Ньютон. Она сказала примерно то же самое.

Более того: описание отлично подходило к одному из молодых людей, проживавших неподалеку, который уже был под подозрением. После встречи со мной полиция снова его допросила, но для задержания улики не хватало, а добиться признательных показаний им тоже не удалось. Вскоре после этого юноша уехал из города.

Шефу полиции и следователям хотелось знать, как я, не будучи медиумом или гадалкой, смог столь точно предугадать события того дня. Частично мне это удалось благодаря тому, что на тот момент я уже повидал достаточно примеров насилия против самых разных людей, сопоставил друг с другом целый ворох деталей по ним и побеседовал с уймой преступников, чтобы уметь сложить в голове представление о том, какие преступления совершают люди того или иного типа. Конечно, если бы все было так просто, мы бы преподавали психоанализ по учебнику или уже давно разработали для полиции какую-нибудь компьютерную программу, которая сразу выдавала бы подходящий список подозреваемых по набору введенных характеристик. Но, как ни странно, хотя в работе мы часто используем компьютеры, способные выполнять сложнейшие операции, нашу задачу машина выполнить не может физически, да и никогда не сможет. Провести психоанализ – все равно что создать литературный шедевр. Можно научить компьютер всем

правилам грамматики и правописания, но он все равно не сможет написать книгу.

Рассматривая дело, я собираю все документы и свидетельства, с которыми буду работать: отчеты, описания, фотографии с места преступления, показания жертв, протоколы вскрытия, — а затем стараюсь умственно и эмоционально проникнуть в голову преступника. Я пытаюсь думать, как он. Не знаю, как именно это происходит, как наверняка не знают и знаменитые писатели вроде Тома Харриса, откуда у них в голове берутся персонажи их произведений. Если в этом и есть доля мистики, я не стану ее избегать, хотя сам склонен списывать результат на креативное мышление.

Гадалки и в самом деле время от времени помогают расследованиям. Некоторые из них способны на уровне подсознания сосредоточиться на каких-то неприметных деталях на месте преступления и сделать из них логические выводы. Именно этому я учу своих слушателей, да и сам придерживаюсь такого подхода. И все же я считаю обращение к экстрасенсам крайней мерой, когда расследование уже окончательно зашло в тупик. И если уж вы обратились к гадалке, лучше ограничить ее контакт с офицерами полиции и следователями, знакомыми с материалами дела. Помните: хорошая гадалка — мастер ориентироваться по мельчайшим невербальным сигналам. Она может поразить своим «могуществом» и втереться в доверие, сообщая те факты по делу, которые уже давно известны, при этом не имея ни малейшего понятия о том, что действительно поможет найти преступника. Во времена атлантского детоубийцы в город хлынули всякие мистики и предсказатели, так и рвущиеся навязать свои услуги полиции. Они рисовали самые разные портреты убийцы, рассказывали о его методах, но, как в итоге оказалось, все они были весьма далеко от истины.

Примерно в то время, когда я работал с местной полицией, отделения со всего залива Сан-Франциско стали зазывать меня на расследование серии убийств в лесистых зонах, которые полиция связала воедино и приписывала тому, кого пресса нарекла «убийцей из чащи».

Все началось в августе 1979-го, когда спортивная, подтянутая женщина сорока четырех лет по имени Эдда Кейн, занимавшая высокую должность в банке, пропала во время одинокой пробежки. Кейн выбрала восточный склон красивейшей горы Тамалпаис, с которой открывается великолепный вид на мост Золотые Ворота; в народе эту гору еще называют Спящей Леди. Когда Кейн не вернулась затемно, обеспокоенный муж позвонил в полицию. Следующим вечером ее тело нашли поисковые собаки — без одежды, не считая единственного носка, лицом вниз, как будто она молила о пощаде, стоя на коленях. Медицинская экспертиза показала, что смерть была вызвана единственной пулей, пущенной прямо в затылок, но не обнаружила никаких следов изнасилования. Убийца забрал три кредитные карточки и

10 долларов наличными, однако оставил обручальное кольцо и другие украшения.

В марте следующего года в парке на горе Тамалпаис нашли тело двадцатитрехлетней Барбары Шварц. Ее несколько раз ударили ножом в грудь, и она, очевидно, тоже стояла на коленях. В октябре с пробежки по отдаленным тропинкам парка не вернулась двадцатишестилетняя Энн Олдерсон. Ее тело также обнаружили вечером второго дня с пулевым ранением в правом виске. В отличие от предыдущих жертв, Олдерсон была полностью одета и лежала лицом вверх, опираясь на камень. У нее не доставало одной золотой сережки. Проживающий в парке смотритель Джон Генри сказал, что видел, как она совершенно одна сидела в темноте на склоне горы и встречала свой последний рассвет. Еще двое свидетелей видели ее меньше чем в километре от того места, где нашли тело Эдды Кейн.

На роль подозреваемого отлично подходил Марк Макдерманд. Тела его матери и брата-шизофреника с пулевыми ранениями нашли в их убогой хижине на горе Тамалпаис. Макдерманд провел в бегах одиннадцать дней, после чего сдался следователю округа Мэрин капитану полиции Роберту Гаддини. Следователям удалось доказать вину Марка в убийстве членов своей семьи, однако, несмотря на внушительный арсенал, у него не оказалось оружия 44-го или 38-го калибра, которому соответствовали раны на телах жертв «убийцы из чащи». А затем резня продолжилась.

В ноябре двадцатипятилетняя Шона Мэй собиралась встретиться со своими компаньонами по пешему туризму в парке Пойнт-Рейес, что немного севернее Сан-Франциско, но так до них и не добралась. Спустя два дня ее тело нашли в неглубокой могиле вместе с разлагающимися останками еще одной туристки. То была двадцатидвухлетняя Диана О'Коннелл, уже месяц как числившаяся пропавшей без вести в том же парке. Обеих девушек застрелили в голову. Тем же днем в парке было обнаружено еще два тела. В убитых опознали девятнадцатилетнего Ричарда Стауэrsa и его восемнадцатилетнюю невесту Синтию Мурлэнд, которые пропали еще в середине октября. Следователи определили, что их убили в один из выходных дней, посвященных празднованию Дня Колумба, как и Энн Олдерсон.

Первые же убийства посеяли страх в сердца любителей прогулок на природе. Повсюду появились плакаты, советующие не ходить по лесу в одиночку, особенно девушкам. Когда же за один день обнаружили сразу четыре трупа, все словно посходило с ума. Шериф округа Мэрин Дж. Альберт Ховенштейн-младший собрал показания свидетелей, видевших жертв перед их смертью в обществе подозрительных мужчин, но описания спутников противоречили друг другу по ряду ключевых признаков, включая возраст и черты лица. Кстати, это неудивительно даже в отношении единичного преступления, не говоря уже о множестве убийств, совершенных в течение месяца. На месте смерти Барбары

Шварц полиция наткнулась на пару необычных очков, которые, ясное дело, принадлежали убийце. В попытке выяснить, кому они выписаны, Ховенштейн разослал запросы каждому офтальмологу в округе. Дужкой очки, без сомнения, походили на тюремные. Заметив это, капитан Гаддини связался с Департаментом юстиции штата Калифорния и получил исчерпывающий список недавно выпущенных заключенных, осужденных за преступления на сексуальной почве против женщин. Множество правоохранительных органов самой разной юрисдикции теперь сообща не покладая рук работали над этим делом, включая региональное отделение ФБР в Сан-Франциско.

В прессе попадались заметки о том, что «убийца из чащи» – это на самом деле Зодиак из Лос-Анджелеса, по-прежнему неизвестный и не объявлявшийся аж с 1969-го. Скорее всего, Зодиак все это время сидел в тюрьме за какое-нибудь другое преступление, а теперь оказался на свободе благодаря ничему не подозревающим офицерам по УДО. Но, в отличие от Зодиака, «убийца из чащи» не нуждался в том, чтобы подначивать полицию или контактировать с ней.

Шериф Ховенштейн попросил проанализировать это дело психолога из Напы доктора Р. Уильяма Мэтиса. Отметив ритуальный характер убийств, доктор Мэтис заявил, что убийца, скорее всего, забирает с трупов какие-нибудь трофеи. Поэтому за любым подозреваемым следует понаблюдать хотя бы неделю в надежде на то, что он приведет полицию к оружию убийства или другой улике. Говоря о внешности и личности убийцы, Мэтис описал его как привлекательного мужчину-победителя.

Ориентируясь на советы Мэтиса, Ховенштейн и Гад-дини расставили упреждающие ловушки. Например, они выдавали парковых рейнджеров-мужчин за девушек-туристок, но все было тщетно. Полиция испытывала колоссальное давление общественности. Шериф выступил с публичным заявлением: убийца терпеливо выжидает свою жертву, а потом подвергает психологической пытке, заставляя умолять о пощаде.

Агентура в Сан-Рафаэле прислала в Куантико запрос по делу, изначально адресованный нашему главному эксперту по насилию против женщин – Рою Хейзелвуду. Рой, всегда чуткий и внимательный, был потрясен этими убийствами. Помню, как он рассказывал мне о них по пути в офис, когда мы возвращались с занятий в Национальной академии. Мне даже почудилось, что Рой чувствовал себя лично ответственным, как будто совместных усилий ФБР и десятка местных агентств недостаточно; он считал, что обязан лично раскрыть дело и привести убийцу к ответу.

В отличие от меня, Рой работал преподавателем на полную ставку. Я же сложил с себя почти все обучающие обязанности и оставался единственным сотрудником отдела поведенческого анализа, который всецело посвятил себя профайлингу. Так что Рой попросил меня съездить в Сан-Франциско и поработать с полицией на месте.

Как мы отмечали ранее, к участию ФБР в расследовании полиция относится с некоторой неприязнью. Отчасти такое отношение восходит к дням Гувера, когда зачастую казалось, что Бюро вторгается в расследование и отнимает у полиции какое-нибудь резонансное преступление. Мой отдел так поступить не может без прямого обращения ведомства, имеющего старшую юрисдикцию, будь то местное отделение полиции или же само ФБР. Однако к расследованию дела «убийцы из чащи» шериф округа Мэрин почти сразу пригласил ФБР, а с учетом всей шумихи в СМИ он был бы только рад, чтобы поскорее объявился кто-нибудь вроде меня и хотя бы ненадолго переключил на себя внимание разъяренной общественности. Во всяком случае, так мне показалось.

В подчиненных шерифу отделениях полиции я ознакомился с материалами по делу и взглянул на фотографии с мест преступлений. Особенно меня заинтересовали наблюдения следователя округа Мэрин сержанта Рича Китона. Он заметил, что убийства совершались в самой глубине леса, там, где небо едва виднеется за густой кроной деревьев и куда на машине добраться совершенно нереально, разве что пешком, да и то топать пришлось бы с целую милю. Энн Олдерсон убили относительно недалеко от технической дороги, напрямик ведущей к склону горы. Все это буквально кричало о том, что убийца живет или работает неподалеку и знает местность как свои пять пальцев.

Свои мысли я изложил перед обширной аудиторией в просторном учебном зале Департамента шерифа округа Мэрин. Слушатели расселись полукругом, словно студенты в лекционном зале какого-нибудь медицинского училища. Из пятидесяти-шестидесяти присутствовавших было десять агентов ФБР, а остальные – офицеры полиции и следователи. Я окинул их взглядом и заметил пару седых голов – к расследованию дела с пенсии выдернули даже нескольких прожженных ветеранов.

Перво-наперво я подверг критике уже имевшийся психологический портрет преступника. Я считал, что наш клиент далеко не очаровательный, симпатичный и искушенный обольститель. Множественные колотые раны и неожиданные нападения со спины указывали на то, что мы имеем дело с асоциальным (хотя не обязательно антисоциальным), неуверенным в себе типом, чувствовавшим себя изгоем, неспособным вовлечь жертву в беседу, убедить, уболтать или обманом заставить выполнять свою волю. Пешие туристы, как правило, отличаются атлетическим телосложением. Поэтому нападения исподтишка ясно свидетельствовали о том, что получить контроль над жертвой преступник мог только одним способом: нанеся ей тяжелые увечья, пока она не успела опомниться.

Человек, хорошо знакомый со своими жертвами, не совершает подобных преступлений. Места выбирались исключительно изолированные и скрытые от случайных свидетелей. Это означает, что убийце хватало

времени, чтобы от начала и до конца претворить в жизнь свою фантазию с каждой жертвой. И тем не менее потребность в неожиданном нападении у него сохранялась. Изнасилований не было. После убийства он лишь избавлялся от трупов. Может, он мастурбировал, но без полового акта. Возраст и телосложение его жертв сильно варьировались, в отличие от тех, кого выбирал бойкий и искушенный убийца Тед Банди: симпатичных студенток с длинными темными волосами и прямым пробором. «Убийца из чащи» был непривередлив, словно паук, ожидающий, когда очередная мошка залетит в его паутину. Своей аудитории я сообщил, что искать надо убийцу с темным прошлым. Я согласился с капитаном Гаддини в том, что субъект уже мог отсидеть в тюрьме за изнасилование или, вернее, за попытку изнасилования, но не за убийство. Он пережил некий стресс-фактор, сподвигнувший его на новые зверства. Я считал, что мы ищем белого мужчину – коль скоро все его жертвы тоже белые, – чернорабочего или механика на заводе. По способности незаметно совершить убийство и скрыться от преследования, я оценил его возраст: тридцать – тридцать пять лет. Я также считал, что он весьма умен. Тест на IQ, без сомнений, показал бы результат куда выше среднего. А если порыться в прошлом субъекта, найдутся и примеры того, как он мочился в постель, устраивал поджоги и жестоко обращался с животными. Во всяком случае, два из трех точно.

– Еще кое-что, – произнес я, выдержав многозначительную паузу. – Ищите убийцу с дефектом речи.

Выражения лиц и жесты присутствовавших говорили сами за себя. И говорили то, что каждый из них уже давно думал про себя: «Какая чушь!»

– С чего вы взяли? – саркастично спросил один коп. – По-вашему, именно так выглядят «заикающиеся ножевые»? – И он ухмыльнулся своей шутке, на ходу выдумав новый способ убийства.

Конечно нет. Я объяснил, что использовал комбинацию индуктивного и дедуктивного мышления, приняв во внимание все возможные факторы комплекса дел в совокупности; аналогичные детали я видел и раньше. Отдаленные места, где убийца вряд ли столкнется со случайным прохожим; тот факт, что он не выцеплял жертву из толпы и не убеждал пойти с ним; необходимость нападать неожиданно даже в такой глуши, – все это говорило о том, что мы имеем дело с субъектом, ощущающим стыд или неловкость за некое событие в его прошлом. Поэтому единственный способ преодолеть комплекс неполноценности состоял для него в том, чтобы наброситься на ничего не подозревающую жертву, получая возможность доминировать над ней и контролировать ее.

Кроме того, я полагал, что субъект страдает от физического недостатка или уродства. С точки зрения психологии и науки о поведении, наш кандидат мог быть отмечен следами прыщей на лице, последствиями полиомиелита, отсутствием руки или ноги. Впрочем, с учетом характера нападения, версию тяжелой инвалидности или нехватки конечности мы

вынуждены отбросить, но нам нужен человек с явно выраженным уродством. С другой стороны, субъект вполне мог стыдиться дефекта речи, который мешал ему выстраивать нормальные человеческие отношения, но при этом не выделял его из толпы. Никто ведь не узнает о его недостатке, пока он не откроет рот.

Конечно, мне было страшновато столь безапелляционно поучать целую толпу матерых копов, которым есть что терять и которым как пресса, так и общественность жарко дышат в затылок. Подобные условия очень эффективны во время допроса, но сам я обычно стремлюсь избегать такого напряжения любой ценой. Но полностью избавиться от сомнений, конечно, невозможно. Вас будет постоянно преследовать мысль, очень точно выраженная тем вечером одним из следователей:

– А что, если ты ошибся, Дуглас?

– Я могу ошибиться в деталях. – Я старался отвечать как можно честнее. – Пусть я промахнусь с возрастом, местом работы или уровнем IQ, но в том, какой он расы и пола, а также в том, что он простой работяга, ошибки быть не может. И в данном конкретном случае я готов поручиться, что перед нами обладатель некоего физического недостатка, который его сильно тревожит. Может, и не дефекта речи, но он подходит лучше всего.

Закончив свою речь, я не знал, удалось ли мне произвести хоть какой-то эффект, а если удалось, то насколько. Однако потом ко мне и в самом деле подошел один полицейский и сказал:

– Не знаю, прав ты или нет, Джон. Но ты, по крайней мере, дал расследованию хоть какой-то толчок.

Всегда приятно такое слышать, но до завершения расследования сердце все равно не на месте. Я вернулся в Куантико, а шериф округа и местная полиция совместными усилиями продолжили работу.

29 марта убийца снова нанес удар, на сей раз застрелив молодую пару в национальном парке Редвудс имени Генри Кауэлла близ Санта-Круза. Двадцатилетней студентке-второкурснице Эллен Мари Хансен, учившейся в Калифорнийском университете Дэвиса, он сказал, что собирается ее изнасиловать, а когда та начала упираться, пустил в ход пистолет 38-го калибра, убив девушку на месте и тяжело ранив ее спутника Стивена Хертла. Будучи при смерти, Хертл все-таки смог частично припомнить внешность мужчины с кривыми желтыми зубами. Полиция сопоставила эти данные с показаниями других свидетелей и связала подозреваемого со старой иномаркой красного цвета – вероятно, убийца водил «фиат». Впрочем, получившийся образ все равно сильно отличался от имевшихся до сих пор. Еще Хертл отметил, что на вид нападавшему было лет пятьдесят-шестьдесят и он лысел. Результаты баллистической экспертизы указали на сходство с предыдущими убийствами в лесопарке.

1 мая пропала очаровательная двадцатилетняя блондинка по имени Хезер Роксанн Скэггс. Она обучалась в колледже торговли и печати в Сан-Хосе. Все ее близкие – молодой человек, мать и соседка по общежитию – как один сказали, что в тот день она уехала с преподавателем по промышленному дизайну Дэвидом Карпентером. Оказывается, девушка собиралась приобрести автомобиль, и он любезно согласился ей в этом помочь, якобы договорившись со своим знакомым. Карпентеру уже стукнуло пятьдесят, что весьма необычно для преступлений подобного рода.

С этого момента кусочки пазла сложились воедино, и кольцо вокруг преступника начало сжиматься. Карпентер водил красный «фиат» с помятой выхлопной трубой. Последнюю деталь полиция сразу мне не сообщила, придержав ее «на потом».

Дэвида Карпентера можно было идентифицировать и поймать гораздо раньше, чем это на самом деле произошло. А беда в том, что он был чертовски удачлив и к тому же колесил по нескольким полицейским юрисдикциям, что значительно усложняло его поимку. Он сидел шесть раз за преступления сексуального характера. И вот что весьма иронично: причина, по которой в записях по условно-досрочному он не проходил по части сексуальных преступлений, состояла в том, что власти Калифорнии выпустили его с тем, чтобы он отбывал срок уже на федеральном уровне. Так что чисто технически, будучи на свободе, он находился под федеральным надзором. Вот так легко он проскочил у полиции под носом. А еще Карпентер и его вторая жертва Барбара Шварц, на месте убийства которой и нашли примечательные очки, ходили к одному и тому же офтальмологу! К несчастью, листовка с запросом шерифа к нему так и не попала.

Объявились и другие свидетели. Так, одна пожилая женщина, увидев по телевизору фоторобот Карпентера, узнала в нем стюарда с корабля, на котором путешествовала с детьми в Японию двадцать лет назад. Мужчина насторожил ее тем, что постоянно проявлял к ее младшей дочери повышенный интерес.

А Питер Берест, менеджер отделения сберегательного и кредитного банка «Глен-парк континентал» в Дэли-сити, с тоской вспоминал милую, внимательную и доверчивую девушку-кассира, устроившуюся к нему на полставки, студентку Анну Келли Менхивар. Анна пропала еще в прошлом декабре. Хотя изначально ее исчезновение не связывали с бойней в лесу, тело девушки также обнаружили в парке на горе Тамалпаис. Берест вспоминал, насколько приветливо и вежливо Анна общалась с одним рядовым клиентом, который страшно заикался. Менеджер отметил, что позже, в 1960-м, того самого клиента арестовали за нападение на девушку в парке Пресидио, у военной инсталляции, расположенной в самой северной части Сан-Франциско.

Полиция Сан-Хосе и ФБР установили за Дэвидом Карпентером слежку и в конце концов арестовали его. Выяснилось, что физическое насилие со стороны властной матери и по меньшей мере психологическое давление отца не прошли для него бесследно. Над мальчиком издевались из-за сильного заикания. В детстве он хронически мочился в постель и срывал зло на животных. В зрелом возрасте его агрессия обернулась непредсказуемыми вспышками гнева и на первый взгляд неутолимым сексуальным желанием.

Первый срок Дэвид отсидел за нападение с ножом и молотком на женщину в Пресидио. Преступление он совершил вскоре после того, как в и без того шатком браке появился ребенок. По словам жертвы, во время акта насилия и еще некоторое время после него Карпентер совсем не заикался.

В 1978 году, из-за наплыва самых разных запросов от выпускников Национальной академии, директор ФБР Уильям Уэбстер дал инструкторам отдела поведенческого анализа официальную санкцию на проведение консультаций по вопросам психологического профайлинга. К началу 1980-х наши услуги стали чрезвычайно востребованными. Делами я занимался на полную ставку, а другие инструкторы, включая Боба Ресслера и Роя Хейзелвуда, давали консультации по мере возможности, когда позволяло расписание занятий. Но, хотя мы были преисполнены позитива относительно своего труда и его плодов, наверху не испытывали особой уверенности в том, что такое использование финансовых и трудовых ресурсов Бюро достаточно эффективно. Поэтому в 1981-м отдел организационного развития и планирования – тогда возглавляемый Говардом Тетеном, перебравшимся туда напрямую из поведенческого отдела, – впервые провел углубленный анализ соотношения издержек и прибыли того, что тогда называлось программой психологического профайлинга. Учитывая, что история началась совершенно случайно именно с его неформальных консультаций, Тетену хотелось лично проверить, дает ли программа какие-нибудь всходы и стоит ли руководству ее поддерживать.

Организационный отдел разработал опросник и направил его нашим клиентам-следователям и их руководителям в различных правоохранительных органах, уже прибегавших к нашим профайлинговым услугам. Среди них были полицейские отделения городов, округов и штатов, департаменты шерифов, региональные отделения ФБР, дорожные патрули и сыскные агентства. Хотя большинство полученных нами запросов касались исключительно убийств, наш научный отдел также собрал данные по консультациям, проведенным в области изнасилований, похищений, вымогательств, угроз, растления малолетних, захвата заложников, случайных смертей и попыток суицида.

Категория профайлинга по-прежнему оставалась туманной и недоступной пониманию большинства сотрудников Бюро. Многие считали его колдовством или темной магией, другие же – простой показухой. Так что все мы понимали, что куда исследование не будет подтверждено убедительными практическими успехами, вся работа отдела, не имеющая отношения к преподаванию, может в любой момент покатиться в тартарары.

Вот почему мы вздохнули с благодарностью и облегчением, когда организационный отдел наконец объявил результаты своей проверки. Следователи со всех уголков страны с настоящим энтузиазмом вступились за нас, требуя поддержать программу. Вот что было написано в конце сопроводительного письма: «По результатам оценки программа показала куда более высокую эффективность, чем ожидалось. Рекомендуются поощрить сотрудников отдела поведенческого анализа за их выдающиеся успехи».

Сыщики в целом сошлись во мнении, что наши услуги особенно полезны в том, чтобы сузить круг подозреваемых и направить расследование в нужном направлении. Возьмем, к примеру, жестокое и ужасающее своей бессмысленностью убийство Франсин Элвесон в Бронксе в октябре 1979-го, недалеко ушедшее от зверств Дэвида Берковица. Полиция Нью-Йорка даже подозревала, что это дело рук одного из последователей «сына Сэма», вдохновленного его преступлениями. Это дело мы приводим в Куантико в качестве отличного примера того, как разработанный нами психологический портрет обеспечил полиции ощутимый толчок в запутанном и зависшем деле.

Франсин Элвесон работала преподавателем в местном заведении для детей-калек. При весе всего 40 килограммов и крохотном росте менее полутора метров она производила впечатление необыкновенно чуткой и внимательной женщины, тем более что и сама была чуточку калекой, страдая от искривления позвоночника. Застенчивая и не особо общительная, она жила вместе со своими родителями в квартирке комплекса Пелхэм-Парквэй-хаус-апартаментс.

Франсин ушла на работу, как обычно, в шесть тридцать утра. Около восьми двадцати пятнадцатилетний мальчишка, живший в том же доме, нашел ее кошелек на лестнице между третьим и четвертым этажами. Он не успел ничего предпринять, потому что торопился в школу, так что забрал бумажник с собой и только в обед отдал отцу. Тот постучался к Элвесонам незадолго до трех часов пополудни и передал находку матери Франсин, которая тут же позвонила в детский сад, чтобы сообщить дочери о пропаже. Миссис Элвесон сообщили, что ее дочь вообще не явилась на работу. Не на шутку встревоженные, мать с дочерью и соседом решила обойти здание в поисках следов Франсин.

На верхней лестничной клетке, под самой крышей, их ожидал сущий кошмар: тело Франсин со множеством увечий и кровоподтеков,

оставленных тупым предметом. Как показала медицинская экспертиза, девушку так избили, что челюсть, скулы и нос были раздроблены, а зубы сильно шатались. Раскинутые в стороны руки и ноги привязали за кисти и лодыжки собственным поясом девушки и ее нейлоновыми колготками. Впрочем, как выяснилось, связали ее уже после смерти. Уже мертвой Франсин убийца отрезал соски и положил на грудь. Трусики он натянул ей на голову, чтобы закрыть лицо. На бедрах и коленях остались следы укусов, на теле – несколько мелких порезов, сделанных, очевидно, перочинным ножиком. Из вагинального отверстия торчали зонтик и авторучка, а расческа лежала в волосах на лобке. Сережки были на полу, симметрично по обе стороны от головы. Смерть наступила от удушья, вызванного пережатием шейных сосудов. Девушку задушили ремнем ее же собственной сумочки. На бедре насильник нацарапал: «Меня не остановить», а на животе: «Идите к черту» – той самой ручкой, которую потом загнал жертве между ног. В завершение он дополнил место преступления кучей испражнений, которую прикрыл одеждой Франсин.

Миссис Элвесон рассказала полиции, что с шеи дочери пропал золотой кулон в форме буквы «хей» на иврите, символа удачи. Когда же она описала сам кулон, следователи поняли, что убийца церемониально воспроизвел его форму, положив девушку именно в такой позе.

На теле жертвы судмедэксперты обнаружили следы спермы, но тогда, в 1979-м, анализ ДНК еще не был взят на вооружение. Отсутствие следов борьбы на руках, крови и фрагментов кожи под ногтями свидетельствовало о том, что Франсин не сопротивлялась. Медицинская экспертиза дала только одну вещественную улику: волос афроамериканца, найденный на теле девушки во время вскрытия.

Изучая место преступления и собирая факты воедино, следователи пришли к выводу, что изначально преступник напал на Франсин, когда та спускалась по лестнице. После сильного удара по голове девушка потеряла сознание, и он оттащил ее вверх. Однако по результатам вскрытия выяснилось, что изнасилования не было.

Из-за крайней степени жестокости преступление вызвало мощную волну общественного резонанса. Для расследования собрали оперативную группу из двадцати шести следователей, которые опросили более двух тысяч потенциальных свидетелей и подозреваемых в черте Нью-Йорка. Но даже спустя месяц напряженной работы дело, казалось, совсем не двигалось с места.

Полагая, что сыщикам совсем не повредит еще одна версия, следователь управления жилищного строительства Нью-Йорка Том Фоули и лейтенант Джо Д'Амико связались с Куантико, то бишь с нами, и буквально завалили нас документами, отчетами, фотографиями с места преступления и протоколами вскрытия. Мы с Роем Хейзелвудом, Диком

Олтом и Тони Райдером (он потом станет начальником отдела поведенческого анализа) назначали им встречу в приемной руководства.

Изучив все улики и материалы дела, я попытался влезть в шкуру как жертвы, так и нападавшего. Наконец у меня родился психологический портрет убийцы. Я предположил, что полиции следует искать ничем не примечательного белого мужчину от двадцати пяти до тридцати пяти лет, а скорее всего, около тридцати. Он безработный, неопрятен и холост, ведет ночной образ жизни. Обитает в пределах полумили от места убийства со своими родителями или старшей родственницей. Не имеет ни друзей, ни отношений с женщинами. Из школы или университета его, скорее всего, исключили, в армии не служил. Самооценка низкая. Автомобиль не водит и прав не имеет. В данный момент проходит или недавно проходил курс лечения рецептурными препаратами в психиатрической клинике. Пытался совершить суицид через удушение (асфиксию). Алкоголем и наркотиками не увлекается. Располагает целой коллекцией БДСМ-порнографии. Это, видимо, его первое убийство, а вернее, первое тяжкое преступление, но далеко не последнее, если его не поймать.

– Далеко ходить не нужно, – сообщил я следователям, – вы с ним уже беседовали.

Раз он жил в том же районе, значит, полиция уже успела допросить и субъекта, и его домашних. Наверняка полиции он показался излишне активным в своем желании помочь. Возможно, он даже названивал им и напрашивался поспособствовать расследованию, стараясь не подпускать сыщиков слишком близко к себе.

Для большинства обывателей, далеких от нашей методики, я только что совершил нечто похожее на фокус-покус. И все же, если с должным тщанием изучить все материалы, вы поймете, как мы приходим к тем или иным заключениям и как формируем наши рекомендации.

Во-первых, мы сразу поняли, что преступление совершено по воле случая, спонтанно. Родители Франсин сказали нам, что она иногда вызывала лифт, а иногда решала пройтись по лестнице. Невозможно предугадать, как девушка поступит в конкретное утро. Если бы убийца нарочно дожидался ее на лестнице, он с таким же успехом мог ее прозевать, да и вообще рисковал столкнуться со случайными свидетелями.

Все вещи, использованные при нападении и обнаруженные на теле жертвы, принадлежали ей самой. Убийца пришел с голыми руками, не считая небольшого перочинного ножика. Ни оружия, ни орудий изнасилования у него при себе не было. Он не преследовал Франсин и не заявился на место преступления с конкретными намерениями. В свою очередь, из этого мы сделали следующий вывод. Если субъект зашел в здание не для того, чтобы убить, значит, он направлялся туда с какой-то другой целью. А зайти в дом в семь утра и столкнуться с Франсин на

лестнице мог только тот, кто там живет или работает, то есть человек, четко знающий, куда ему идти, – почтальон, служащий телефонной компании и так далее. Впрочем, в данном случае я считал, что это маловероятно, поскольку тогда преступник не располагал бы тем временем, которое провел за расправой, да и свидетели никого похожего не видели. Однако убийца знал, что, оглушив жертву, сможет отнести ее на верхний этаж, не боясь незваных гостей. Кроме того, поскольку никто из жильцов дома не видел и не слышал ничего необычного, должно быть, они хорошо знали нападавшего. Франсин не кричала и не боролась, то есть она тоже узнала нападавшего, во всяком случае, в лицо. Кроме того, тем утром никто не видел, чтобы в дом входил человек подозрительной или угрожающей наружности.

Из-за сексуальной природы преступления мы были убеждены, что имеем дело с мужчиной примерно той же возрастной категории, что и жертва. Мы считали, что его возраст колеблется от двадцати пяти до тридцати пяти лет, ближе к среднему показателю. На основании одного этого заключения я мог откинуть пятнадцатилетнего парнишку, который нашел бумажник (и его сорокачетырехлетнего отца). Как показывал мой опыт, в их возрасте человек просто не способен вот так обойтись с трупом. Даже Монте Риссел, «развитый не по годам» серийный убийца, не показывал столь жестокого поведения. Иными словами, подобная сексуальная фантазия развивалась у нашего убийцы годами. Кстати, пятнадцатилетний парнишка был черным.

Хотя на теле девушки судмедэксперты нашли волос, принадлежащий афроамериканцу, я был абсолютно уверен, что наш клиент белый. Крайне редко нам попадались преступления, переходившие расовые границы, а если и попадались, то обычно их подкрепляли куда более весомые улики. В нашем случае оных не было, да и к тому же я не помнил ни одного случая, чтобы чернокожий субъект действовал с такой чудовищной жестокостью. На роль подозреваемого вполне годился бывший чернокожий уборщик, который после увольнения так и не отдал ключи от дома, но я не думал, что преступление совершил он, поскольку его наверняка приметил бы кто-нибудь из жильцов, да и к тому моменту я уже выстроил некоторые умозаключения о поведении нападавшего.

«А как же черный волос, явно указывающий на чернокожего субъекта?» – спрашивали в полиции. По правде говоря, я и сам не знал, откуда он взялся, и испытывал некоторое замешательство, но все равно настаивал на своем, чувствуя собственную правоту.

Это пример «высокорискового» преступления с «низкорисковой» жертвой. Франсин – свободная от отношений девушка, но не проститутка, не наркоманка, не прекрасное дитя в чистом поле и уж тем более не любительница погулять в криминальном районе вдали от дома. Половина жильцов – белые, процентов сорок – черные, и еще десять процентов латиноамериканцев. Ни в ее доме, ни в районе ранее не совершалось подобных преступлений. Любой нападавший мог бы

выбрать куда более «безопасное» место для совершения нападения на сексуальной почве. Все это, вкупе с отсутствием предварительной подготовки, указывало на неорганизованного преступника.

Совокупность других факторов дала мне еще более ясную картину того, что за человек убил Франсин Элвесон. Он тяжело изувечил гениталии девушки, мастурбировал на ее труп, но не вступал с ней в половой контакт. Проникновение зонтом и авторучкой служили тому заменой. Ясно как белый день, что взрослый мужчина, которого мы искали, был глубоко закомплексованным, сексуально незрелым и неполноценным. Мастурбация указывала на совершение некоего ритуала, составляющего часть взлелеянной им фантазии. Фантазия с мастурбацией подпитывалась еще одной отличительной чертой мужчины с чувством неполноценности: жесткой порнографией со связыванием и садомазо. Напомню, он связал жертву после того, как она потеряла сознание или умерла, то есть испытывал необходимость неожиданно напасть и быстро обезвредить маленькую хрупкую девушку, чтобы претворить в жизнь свои грязные фантазии. Это лишь подтверждало мои догадки о его характере. Если бы он совершил акт садизма над еще живой жертвой, это в корне поменяло бы его психологический портрет. Но в отношениях с женщинами наш убийца имел большие сложности. На свидания, в наличии каковых в его жизни лично я сильно сомневался, он ходил с девушками значительно моложе его, чтобы иметь более высокие шансы подчинять и контролировать их.

Поскольку субъект слонялся по зданию в то время, когда другие люди, как та же Франсин, обычно выходят на работу, говорил о том, что он трудоустроен не на полную ставку. Если он и работал, то на месте с частичной занятостью, возможно, в ночную смену, с невысокой зарплатой.

Отсюда я сделал вывод, что он живет не один. Но, в отличие от более умелых и организованных убийц, этому парню не удалось бы скрыть свои странности от сотоварищей, а значит, большим количеством друзей он похвастаться не мог, как не мог и делить комнату с соседом. Скорее всего, он склонялся к ночному образу жизни, а потому не особенно следил за своим внешним видом. Поскольку с друзьями он не жил, а позволить себе отдельную квартиру тоже не мог, оставалось поселиться вместе с родителями или, что более вероятно, с одним родителем или пожилой родственницей, например с мамой или тетей. На машину ему тоже не хватало, а потому он либо воспользовался общественным транспортом, либо дошел пешком, либо вовсе жил неподалеку от места преступления. Версия с автобусом в столь ранний час представлялась мне маловероятной, а значит, оставался лишь один вариант: убийца живет поблизости, скажем, не более чем в километре от дома Франсин.

К тому же он особым образом разместил ритуальные предметы – отсеченные соски и кольца; сюда же относилась поза самой девушки. Навязчивое влечение к некоему порядку посреди неорганизованного

буйства и кровопролития указывало, что я отслеживаю добычу с глубокими психологическими и психиатрическими проблемами. Я ожидал, что субъект все еще принимает либо до недавнего времени принимал рецептурные лекарства. Вкупе с ранним часом убийства это исключало алкоголизм. От какого расстройства или психоза ни страдал насильник, его состояние быстро ухудшалось и рано или поздно стало бы заметным для окружающих. Взять хотя бы его попытки суицида, в особенности путем удушения, – тот же самый прием он применил на Франсин. Я также считал, что он либо находился, либо по-прежнему числится в одной из психиатрических клиник. По этой причине в армию его не взяли бы. Вероятнее всего, из школы или института его тоже вышвырнули, и от прежнего человека остался лишь ворох неудовлетворенных амбиций. Кроме того, я был почти уверен, что это первое убийство субъекта, но если оно сойдет ему с рук, то окажется далеко не последним. Конечно, он бы не стал сразу наносить еще один удар. Первая жертва удовлетворит его на несколько недель или даже месяцев. Однако в конце концов, когда обстоятельства будут играть ему на руку и подвернется подходящая жертва, он, без сомнения, проявит себя вновь. Сей вывод весьма красноречиво следовал из сообщений, выцарапанных на теле Франсин.

Он расположил жертву в унижающей ритуальной позе, из чего я заключил, что о содеянном он несколько не сожалеет. Если бы он прикрыл ее тело, я бы еще подумал, что и трусики, натянутые девушке на голову, свидетельствуют о желании сохранить хотя бы толику достоинства жертвы. Но тело убийца оставил абсолютно голым. Поэтому закрытое лицо означает скорее попытку обезличить и унижить объект насилия, нежели выразить свое раскаяние.

Интересно другое. Одеждой Франсин он прикрыл свои испражнения. А вот если бы, справив нужду, он оставил все как есть, мы интерпретировали бы его действия как очередной элемент ритуала или дальнейшее выражение отвращения к жертве в частности и ко всем женщинам в целом. Однако он все же прикрыл кучу. Это означает, что на месте преступления он находился достаточно долго и ему попросту было некуда больше сходить, либо он перенервничал, либо и то и другое. Из прошлого опыта я знал, что неспособность сдержать естественную нужду также может являться побочным эффектом принимаемых лекарств.

Получив составленный мной портрет, полиция снова принялась за свой километровый список подозреваемых и свидетелей. Тут же отбросили одного кандидата, в прошлом известного сексуального преступника, но ныне женатого и с детьми. После первого захода в списке оставалось лишь двадцать имен, а среди них одно вписывалось в психологический портрет особенно хорошо.

Его звали Кармайн Калабро. Белый, тридцатилетний, безработный актер, он сидел на шее у отца. Мать умерла. Оба жили в том же доме и на том же четвертом этаже, что и Элвесоны. Холостой Калабро с большим затруднением выстраивал отношения с женщинами. Из школы его исключили, в армии он так и не отслужил. При обыске в его комнате полиция наткнулась на огромную коллекцию БДСМ-порно. Как до, так и после убийства Франсин он уже предпринимал попытки самоубийства через повешение или асфиксию.

Но у Кармайна было алиби. Полиция допросила его отца вместе со всеми остальными жильцами. Как я и предсказывал, мистер Калабро сообщил, что Кармайн в указанное время находился на лечении в местной психиатрической клинике, борясь с депрессией. Вот почему поначалу следователи исключили его кандидатуру.

Однако, вооруженные психологическим портретом, полицейские мигом взяли его в оборот и вскоре обнаружили, что охрана клиники не отличалась особой строгостью. Они установили, что Кармайн, все еще числясь пациентом, отсутствовал на территории лечебницы вечером перед убийством Франсин – он просто вышел за ворота.

Через тринадцать месяцев после убийства полиция арестовала Кармайна Калабро и сняла отпечаток его зубов. Трое судмедэкспертов-дантистов подтвердили, что строение челюсти совпадает с укусами на теле Франсин. Их заключение определило исход судебного разбирательства. Кармайн отказался признать свою вину, однако суд приговорил его к пожизненному заключению плюс еще двадцати пяти годам тюрьмы.

Кстати, оказалось, что волос афроамериканца попал на тело совершенно случайно. Отдел медицинской экспертизы тщательно проанализировал события и выяснил, что в мешке, в котором тело Франсин перевозили в морг, до этого находился чернокожий мужчина. Мешок просто недостаточно хорошо отмыли. Но это само по себе показывает, что материалы медицинской экспертизы способны пустить расследование по ложному следу. Если они не вписываются в общее представление следователя о характере дела, следует тщательно все взвесить, прежде чем принимать их за чистую монету.

Раскрытие этого дела доставило нам немало радости, в особенности потому, что мы добились доверия со стороны ньюйоркцев, с которыми работали. А ведь они считаются самыми профессиональными и искушенными мастерами своего дела. В статье, опубликованной в апрельском выпуске журнала «Психология сегодня», лейтенант Д'Амико отмечал: «Ребята из ФБР настолько точно описали подозреваемого, что я даже спросил, не завалился ли у них его телефончик».

Хотя имена Кармайна и Франсин в статье не упоминалось, после публикации Калабро написал нам из камеры исправительной колонии Клинтон в Даннеморе, штат Нью-Йорк. В просторном послании с кучей

грамматических и лексических ошибок, написанном корявым почерком, он в целом положительно отзывался о полиции Нью-Йорка и ФБР, еще раз подчеркнул свою невиновность и поставил себя в один ряд с Дэвидом Берковицем и Джорджем Метески, «маньяком-подрывником». Он отмечал: «Я не оспариваю психологический портрет убийцы, который вы разработали. Собственно говоря, в двух вещах я искренне с вами согласен».

Затем он спрашивал, знаем ли мы о наличии на теле волоска, который, как считал Калабро, мог бы его оправдать (мои слова, не его). Далее он интересовался, когда именно мы разработали портрет и точно ли все улики собрали. Если да, то он оставит это дело в покое, а если нет – снова нам напишет.

Я счел письмо возможностью включить Калабро в наше исследование. Поэтому в июле 1983-го Билл Хагмайер в компании Розанн Руссо, одной из первых женщин-агентов в отделе поведенческого анализа, отправились в Клинтон на беседу с ним. Они описывали убийцу как беспокойного, но вежливого и готового сотрудничать человека – таким он был и в полиции. Кармайн все нажимал на свою невиновность и обжалование приговора, назначенное на ближайшее время. Он утверждал, что его несправедливо обвинили только на основании заключения по следам укусов. Поэтому он удалил все зубы, чтобы «меня не могли обвинить повторно», с гордостью обнажив зияющий пустотой рот. Не считая этого, интервью во многом повторяло содержание его письма, хотя Хагмайер и Руссо заметили, что Калабро очень заинтересовался их работой и не хотел их отпускать. Даже за решеткой он оставался все тем же одиночкой.

Я несколько не сомневаюсь, что Кармайн Калабро страдает от тяжелой формы психологического расстройства. Ничто в его деле, истории его жизни или нашей с ним беседе даже и близко нельзя назвать нормальным. И все же я уверен: как и многие другие люди с отклонениями, он прекрасно понимал разницу между «плохо» и «хорошо». Странные и дикие фантазии – это не преступление. Преступление – принять осознанное решение претворить их в жизнь.

Глава 9. В чужой шкуре

К началу 1980-х я прорабатывал около ста пятидесяти дел в год и был в разъездах примерно столько же дней. Число расследований только росло. Я чувствовал себя персонажем Люсиль Болл из комедии «Я люблю Люси», которая в сценке на кондитерской фабрике старается поглощать конфеты быстрее, чем их подает конвейер: чем больше появлялось работы, тем быстрее мне приходилось бежать, чтобы не отставать. А вот шанс обогнать конвейер, чтобы наконец хоть немного передохнуть, вообще находился на грани фантастики.

Своим трудом мы заработали себе имя, и теперь запросы сыпались на нас, как манна небесная, со всех уголков США и из разных стран мира. Словно сотрудник неотложки, я должен был сортировать дела по степени их важности. В первую очередь я уделял внимание убийствам с изнасилованием, которые могли привести к дальнейшим жертвам.

Если полицейские давали нам «висяк» или дело, где преступник долгое время никак себя не проявлял, я спрашивал их, зачем они вообще к нам обратились. Иногда поймать преступника требовала семья жертвы. Я искренне им сочувствовал, но никак не мог позволить себе тратить бесценное время на анализ, который все равно будет пылиться на полке где-нибудь в полицейском участке, не влияя на дальнейший ход событий.

Интересно заметить географию поступления нераскрытых дел. Еще на заре программы, когда какой-нибудь крупный департамент полиции – скажем, Нью-Йорка или Лос-Анджелеса, – адресовал в Куантико некий запрос, я всегда испытывал определенный скепсис. Иногда речь шла о правомочности, например, кому – копам или ФБР – достанется та или иная видеопленка, кому проводить допрос или привлекать к уголовной ответственности серийных грабителей. А иногда дело попросту перекидывалось между инстанциями, как горячая картошка, потому что вопрос носил политический характер, а местные не хотели подставляться. Всеми этими умозаключениями я руководствовался, принимая решение о том, как ответить на тот или иной запрос, поскольку мог заранее понять, способна ли наша помощь раскрыть дело.

Сперва я готовил заключение в письменном виде. Но количество запросов росло по экспоненте, и времени у меня оставалось все меньше. Теперь, изучая документ, я делал кое-какие пометки, а затем в разговоре с местным следователем – лично или по телефону – пробежал их глазами, на ходу вспоминая суть дела. Обычно копы и сами ревностно записывают все, что я им рассказываю. В тех редких случаях, когда на личной встрече сыщик просто слушал меня, ничего не записывая, я быстро терял терпение и напоминал, что это его расследование, а не мое, и если ему действительно нужна наша помощь, пусть засучит рукава и начнет вкалывать, как и я.

Подобно врачу в клинике, я провел немало таких офисных «приемов» и в точности знал, сколько времени они занимают. Изучив материалы дела, я точно знал, смогу быть полезен или нет, так что старался сразу перейти к сути дела, то есть к анализу места преступления и поведения жертвы. Почему преступник выбрал именно ее среди прочих потенциальных объектов? Как его или ее убили? Из этих двух вопросов можно попытаться дать ответ и на главный вопрос: кто убийца?

Вскоре я убедился в истинности слов Шерлока Холмса: чем обыкновеннее и скучнее преступление, тем меньше поведенческих улик оставляет субъект. Скажем, в случае с банальным ограблением мои

услуги почти бесполезны. Такое преступление слишком обыденно, слишком примитивно, а потому круг подозреваемых может расти до бесконечности. Точно так же одно-единственное ножевое или пулевое ранение оставляет более скудную почву для анализа, чем множественные ранения; нападение на улице раскрыть сложнее, чем в помещении; выбор одной «высокорисковой» жертвы, например проститутки, дает куда меньше информации, чем серия жертв.

В первую очередь я пролистывал отчет медицинской экспертизы, чтобы узнать о происхождении и характере ран, причине смерти, наличии сексуального насилия и его типе. Уровень профессионализма судмедэкспертов значительно отличался в разных полицейских юрисдикциях по всей стране. Нам попадались настоящие профессионалы экспертизы, вскрытия и патологоанатомии. Например, когда судмедэкспертом округа Колумбия был доктор Джеймс Люк, мы могли рассчитывать на исчерпывающее, педантичное и точное заключение. Уйдя на пенсию, доктор Люк продолжал давать бесценные консультации для моего отдела в Куантико. И тут же где-нибудь в городках на юге мне попадались коронеры – сотрудники похоронного бюро, чья экспертиза сводилась к тому, что на месте преступления они пинали труп разок-другой и объявляли: «М-да, похоже сдох».

Ознакомившись с выводами по жертве, я читал первичный полицейский отчет. Что увидел первый офицер, прибыв на вызов? Мог ли он сам или его коллеги нарушить порядок вещей на месте преступления? Для меня крайне важно визуализировать ситуацию именно в том виде, в котором ее оставил преступник. Если что-нибудь менялось, об этом я непременно должен узнать. Например, если на лице жертвы лежит подушка, то как она там оказалась? Она уже была там, когда прибыла полиция? Ее положил кто-то из домашних в знак уважения к усопшему? Или по другой причине? И только в последнюю очередь я смотрю на фотографии, чтобы завершить картинку, складывающуюся в голове.

Тогда качество фотографии оставляло желать лучшего. Большинство полицейских отделений все еще делали черно-белые снимки, поэтому я дополнительно запрашивал схематичную зарисовку места преступления со всеми пометками насчет следов и улик. Если следователь желал обратить мое внимание на что-то конкретное, я просил его написать об этом с обратной стороны фотокарточки, чтобы постороннее мнение не повлияло на мое первое впечатление. По той же причине, если следствие склонялось в сторону какого-то конкретного подозреваемого, раньше времени я не желал знать его имени и потому просил прислать список кандидатов в отдельном запечатанном конверте. В своем анализе я стремился к объективности.

Не менее важно было понять, забрал ли преступник что-нибудь у жертвы или с места преступления. Обычно в глаза сразу бросалась пропажа денег, ценностей или украшений, и все это немного приоткрывало завесу

тайны над мотивами нападавшего. Исчезновение прочих предметов обнаружить гораздо труднее.

Если офицер или следователь заявлял, что у жертвы ничего не пропало, то я спрашивал: «Откуда вам это известно? Вы хотите сказать, что, если я вытащу лифчик или пару трусиков из ящика вашей жены или подружки, вы это заметите? Потому что если заметите, то вы больной ублюдок». Пропасть могла даже какая-нибудь мелочь, вроде заколки или пряди волос, что едва ли возможно обнаружить. Мне мало того, что место преступления *выглядит* так, будто все на своих местах. И обычно, когда мы в конце концов изловим преступника и обыщем его логово, нам попадаются самые неожиданные трофеи.

С самого начала было ясно, что многие как в самом Бюро, так и за его пределами не вполне понимают, чем мы занимаемся. На этой мысли я поймал себя еще в 1981-м, когда мы с Бобом Ресслером проводили в Нью-Йорке двухнедельный курс по анализу убийств. Мы выступали перед аудиторией из сотни следователей и детективов, главным образом из полиции Нью-Йорка, но также из разных юрисдикций нью-йоркской агломерации.

Однажды утром я устанавливал в классе громоздкий видеомэгнитофон «Сони», какими мы пользовались в те дни. И тут мимо меня проходит явно вымотанный, эмоционально выгоревший следователь с бледным лицом и покрасневшими глазами и спрашивает:

– Значит, ты типа по профайлингу?

– Ага, именно, – отвечаю я, поворачиваясь к корпусу видеомэгнитофона:

– Кстати, вот тебе машина по составлению портретов.

Он смерил меня скептическим взглядом, каким прожженные детективы обычно награждают подозреваемых, но остался стоять на месте.

– Дай руку, – предложил я, – покажу, как это работает.

Заинтригованный, детектив протянул мне пятерню. Видеомэгнитофон обладал весьма широким разъемом для кассет. Я взял следователя за руку, засунул ее в разъем для кассет и стал что-то вертеть и нажимать на корпусе. В это время Ресслер копался в другом конце кабинета, готовя свой материал. Он услышал меня и уже готовился прийти на выручку, если я вдруг схлопочу.

Но сыщик лишь спросил:

– Ну и какой у меня психологический портрет?

Я ответил:

– Дождись начала занятия. Ты все поймешь.

К счастью для меня, на занятии он, видимо, и сам обо всем догадался, когда я объяснял специфику психоанализа, используя видеомэгнитофон по прямому назначению: чтобы показывать! И сыщик не задержался

после лекции, чтобы объясниться. Мораль сей басни такова: если бы только составить рабочий портрет было так просто! Нельзя просто сунуть руку (или что-нибудь еще) в некий агрегат и мгновенно проанализировать человека. Долгие годы компьютерщики совместно с работниками правоохранительных органов в поте лица пытались разработать программу, которая воспроизводила бы логический процесс профайлера, но до сих пор особых успехов они не добились.

Собственно говоря, профайлинг и анализ места преступления – это нечто большее, чем сбор фактических данных и проведение подсчетов. Хороший профайлер должен не только оценивать в совокупности широчайший спектр улик и сведений, но и уметь влезть в шкуру как преступника, так и его жертвы.

Он воссоздает в голове место преступления. Он изучает жертву вдоль и поперек, чтобы представить, как она могла реагировать на действия нападавшего. Он встает на ее место и сам мысленно переживает нападение, чем бы агрессор ни угрожал, будь то нож, пистолет, камень, кулаки или что-то еще. Он ощущает страх, который агрессор вселяет в жертву, подходя все ближе. Он чувствует ее боль, когда преступник насилует, избивает и режет ее. Он воочию представляет те пытки, через которые она прошла во имя удовлетворения сексуальных фантазий маньяка. Он испытывает на себе, каково это – кричать в ужасе и агонии, осознавая, что никто не придет на помощь, что преступник не остановится. Он должен знать, каково это на самом деле. Он несет тяжкое бремя, особенно если жертва – ребенок или старик.

Когда режиссер и постановщик фильма «Молчание ягнят» прибыл со своей командой в Куантико на съемки, я пригласил к себе Скотта Гленна, игравшего Джека Кроуфорда – спецарента, образ которого, как говорили, списан с меня самого. Гленн был довольно либеральный малый, твердо уверенный в возможности реабилитации, праве на возмездие, да и вообще в изначальной доброте человеческой души. Я показал ему парочку жутких снимков из числа тех, что приходят к нам каждый день. Я дал ему посмотреть записи, как убийцы пытаются своих жертв. Я дал ему послушать голос одной из двух девочек-подростков из Лос-Анджелеса, которых насмерть запытали в фургоне двое искателей острых ощущений, недавно выпущенных на свободу.

Гленн рыдал. Послушав записи, он признался мне:

– Я даже представить себе не мог, что кто-то на такое способен. – Сам отец двух дочерей, интеллигентный и добрый Гленн добавил, что теперь понял, зачем нужна смертная казнь: – То, что я увидел в Куантико, навсегда изменило мое отношение к этим людям.

Не менее сложно вживаться еще и в роль нападавшего, думать, как он, планировать преступление вместе с ним, чтобы понять и прочувствовать его удовлетворение в тот невероятный момент, когда его безумные фантазии претворяются в жизнь и вот он наконец добивается столь

желанной абсолютной власти над другим человеком, когда он может доминировать, когда жертва оказывается полностью в его распоряжении. Мне приходится примерять на себя и шкуру убийцы.

Двое мужчин, насмерть запытавших девочек, – это Лоуренс Биттакер и Рой Норрис. Они даже придумали название для своего фургона – «Душегуб». Они познакомились, отбывая срок в мужской колонии штата Калифорния в округе Сан-Луис-Обиспо. Биттакер сидел за разбойное нападение с угрозой применения оружия, Норрис – за изнасилование. Когда они обнаружили, что оба увлекаются доминированием над девушками и причинением им боли, они быстро сошлись. Когда же их обоих выпустили по УДО в 1979-м, парочка поселилась в одном из мотелей Лос-Анджелеса и стала вынашивать злобный план: они собирались похитить, пытать, изнасиловать и убить по одной девочке каждого года подросткового возраста, то есть от тринадцати до девятнадцати лет. Они успешно осуществили пять убийств, но вот шестой жертве удалось сбежать после изнасилования и заявить в полицию.

Норрис, менее доминантный из них двоих, в конце концов сдился во время полицейской проверки, дал признательные показания и согласился сдать своего более агрессивного и склонного к садизму партнера Биттакера в обмен на иммунитет от смертной казни. Он показал полиции места, где они прятали трупы. У одной из девочек, уже высохшей до костей под калифорнийским солнцем, из уха торчал нож для колки льда.

Помимо того, сколь трагически оборвались жизни подающих надежды, но еще таких юных девушек, и помимо того, что пытать их мог только сущий извращенец, в данном случае важно отметить несколько иную поведенческую динамику, характерную для парного преступления и следующую из слов Норриса «потехи ради». Обычно один из партнеров более склонен к доминированию, тогда как другой скорее уступает. Как правило, один из них более организован, чем другой. Серийные убийцы – не самые приятные личности, но те из них, кто действует с напарником, поехали окончательно.

К несчастью, сколь бы ужасными ни были Норрис и Биттакер (по правде говоря, Лоуренс Биттакер оказался в числе самых отвратительных и мерзких типов, с которыми я когда либо встречался), они далеко не единственные.

Как и эти двое, Джеймс Рассел Одом и Джеймс Клейтон Лоусон-младший познакомились в тюрьме. В середине 1970-х они на пару отбывали срок за изнасилование в психиатрической лечебнице штата Калифорния в Ата-скадеро. Оглядываясь назад, теперь я назвал бы Рассела Одома психопатом, а Клея Лоусона – скорее шизофреником. В Ата-скадеро Клей во всех деталях расписывал Расселу, чем он собирается заняться, выйдя на свободу. А именно: похищением женщин, отрезанием им груди,

удалением яичников и втыканием ножей между ног. Он говорил, что черпает вдохновение у Чарльза Мэнсона и его последователей. Лоусон четко дал понять, что половой акт не входит в его планы. Сие действие он не рассматривал в качестве элемента «своей задумки».

А вот для Одома, напротив, соитие еще как было частью задумки. Оказавшись на свободе, он сел за руль своего бирюзового «фольксвагена-жука» 1974 года и направился через всю страну в Колумбию, Южная Каролина, где сантехник Лоусон жил со своими родителями на условно-досрочном. (Как я заметил, серийные убийцы в большинстве своем предпочитают «фольксваген-жук», как и агенты ФБР. Да, тогда мы зарабатывали не очень много.) Одом решил, что, коль скоро их интересы во многом совпадают, они могли бы стать хорошей командой и на пару осуществить «свою задумку».

Через пару дней после приезда Одома парочка отправилась на охоту на «форде-комет» 1974-го, который они позаимствовали у отца Лоусона. Остановившись у круглосуточного магазинчика на федеральном шоссе № 1, они подметили за прилавком симпатичную молодую женщину. Однако вокруг сновало слишком много народу, поэтому они уехали ни с чем и отправились в открытый автокинотеатр на просмотр порнографического фильма.

Я думаю, немаловажно подчеркнуть, что, не видя возможности по-тихому похитить жертву без драки и свидетелей, они ушли, так и не совершив задуманного. Оба – душевнобольные, а Лоусона так и вовсе можно назвать общественно опасным. И все же в условиях, не благоприятствовавших преступлению, они воздержались от его совершения. Их влечение не было настолько непреодолимым, что вынуждало действовать в любом случае. Так что я повторяюсь еще раз: по моему мнению, а также исходя из моей практики, сам факт наличия у человека психиатрических отклонений не заставляет его пускаться во все тяжкие. Он всегда *принимает осознанное решение*, причинять кому-то вред или нет, за исключением разве что тех случаев, когда преступник окончательно спятил и не отдает себе отчета в своих действиях. Разумеется, последних поймать довольно легко. Серийного убийцу – нет.

Следующим вечером после неудачного захода Одом и Лоусон снова отправились в открытый кинотеатр. Сеанс закончился около полуночи, и они опять наведались в магазин. Они зашли внутрь и понабрали всякой мелочи – шоколадное молоко, пачку орешков, маринованные огурчики. В столь поздний час они были единственными посетителями магазина. Наконец, угрожая пистолетом 22-го калибра, Одом схватил девушку-кассира. Лоусон также был вооружен: у него в кармане лежал 32-й. Они похитили девушку и скрылись с места преступления. Позже в магазин вошел другой посетитель и, не застав продавца на месте, вызвал полицию. Осмотревшись, те обнаружили, что ни кассовый аппарат, ни сумочка девушки не тронуты. Ничего ценного не пропало.

А двое тем временем отвезли добычу в укромное местечко. Одом приказал девушке полностью раздеться, а затем стал насиловать ее на заднем сиденье. Лоусон стоял у водительской двери, то и дело поторапливая товарища. Примерно через пять минут Одом кончил, застегнул штаны и выполз из машины, уступив место Лоусону.

Как рассказывал Одом, он отошел немного в сторону, и его стошнило. От девушки надо было избавиться, пусть даже Лоусон и возьмет с нее слово молчать, если они ее отпустят. Примерно через пять минут из машины раздался женский крик: «А-а, горло!» Когда Одом вернулся на место, Лоусон уже успел полоснуть жертву по горлу и теперь вовсю шинковал ее ножом, купленным в ее же магазинчике прошлым вечером.

На следующий день, когда двое товарищей сложили вещи жертвы в две кучки, погрузили их в «фольксваген» и стали искать, где бы от них избавиться, Лоусон признался Одому, что хотел съесть половые органы девушки после ее смерти, но отравился.

Чудовищно изуродованное тело было оставлено буквально на всеобщее обозрение, а убийц нашли и арестовали всего через несколько дней. Опасаясь за свою жизнь, Рассел Одом с готовностью признался в изнасиловании, но отрицал причастность к убийству.

В показаниях, данных полиции, Клей Лоусон заявил, что не вступал с жертвой в половой контакт: «Девку я не насиловал. Я только хотел ее уничтожить». Это сказал человек, который потом жевал мел на судебном заседании.

Их осудили по отдельности. Одом получил пожизненное и еще сорок лет за изнасилование, незаконное владение оружием и причастность к похищению и убийству. По статье «убийство, совершенное с особой жестокостью» Лоусона приговорили к смертной казни на электрическом стуле; приговор приведен в исполнение 18 мая 1976 года.

Как и случай Биттакера и Норриса, их история характеризуется проявлениями смешанного поведения – и, следовательно, поведенческими уликами, – поскольку в убийстве принимали участие две разные личности. Телесные травмы – признак неорганизованного типа личности, тогда как следы семени в вагинальном отверстии жертвы указывают на организованную личность. Дело Одома и Лоусона также входило в программу в Ку-антико. Я как раз думал о нем, когда мне позвонил Джон Ридер, шеф полиции округа Логан, штат Пенсильвания, и по совместительству выпускник Национальной академии. Тогда я только начинал свою карьеру профайлера. Он связался со мной через спецagenta резидентуры в Джонстауне Дейла Фрая и сообщил, что им с прокурором округа Блэр Оливером Э. Мэттасом-младшим нужна помощь. Речь шла об изнасиловании, нанесении тяжких телесных повреждений и убийстве девушки по имени Бетти Джейн Шейд.

И вот какие факты по делу мне сообщили.

Около года назад, 29 мая 1979-го, двадцатидвухлетняя Шейд возвращалась домой с работы няней. На часах – примерно 22:15. Спустя четыре дня на незаконной свалке на горе Вонсонок, что близ Алтуны, на ее ужасно изуродованное, но хорошо сохранившееся тело наткнулся мужчина, прогуливавшийся неподалеку. Отрезанные длинные светлые волосы жертвы болтались на дереве. Судмедэксперт округа Чарльз Берки сообщил в местную газету, что это «самая чудовищная смерть, которую он когда-либо видел». У Бетти Джейн Шейд обнаружили множественные колотые раны, следы изнасилования, раздробленную челюсть и массивный отек глаз. Смерть была вызвана мощным ударом по голове. Когда девушка скончалась, убийца исколот ее ножом, отрезал обе груди и рассек область от вагинального отверстия до прямой кишки.

Частично непереваренные остатки пищи в желудке свидетельствовали о том, что Бетти убили вскоре после похищения. Однако тело слишком хорошо сохранилось для трупа, пролежавшего на свалке четыре дня. Типичных признаков – укусов животных, полчища личинок внутри – не наблюдалось. Кроме того, полиция параллельно занималась вопросом нелегальной свалки в районе горы, так что, окажись тело там сразу после убийства, его бы непременно нашли.

Изучив материалы шефа Ридера, я разработал психологический портрет и описал его на весьма продолжительной телеконференции. Во время беседы я старался рассказать полиции о принципах профайлинга и о тех вещах, на которые мы обычно обращаем внимание. По моему мнению, искать следовало белого мужчину от семнадцати до двадцати пяти лет. Впрочем, я тут же оговорился, что если он живет где-то в трущобах у черта на куличках, то может оказаться и старше, коль скоро в таком случае он будет отставать в социальном развитии. Худой, жилистый, одиночка, в школе не блистал, скрытен, возможно, увлекается порнографией. Ну и конечно же, классическое детство: поломанная, неполноценная семья без отца и с властной матерью, склонной к гиперопеке. Возможно, она внушила ему мысль, что все женщины, кроме нее, плохие. Неспособный выстраивать нормальные отношения субъект постарается избегать женщин: ему ведь потребовалось быстро вырубить жертву и лишиться ее контроля над ситуацией.

Он также очень хорошо ее знал, поскольку нанес ей тяжелую травму лица. Кипя от злобы, он стремился обезличить объект насилия, уродуя лицо, грудь и гениталии. А вот отрезанные волосы указывают на кое-что другое. С одной стороны, действие тоже укладывается в попытку обезличить девушку, а с другой – по результатам анализа жертвы я узнал, что Шейд, опрятная и педантичная барышня, очень гордилась своими ухоженными и здоровыми волосами. Потому, отрезав их, убийца тем самым стремился ее оскорбить и унижить. Это еще один повод считать, что жертва с убийцей были хорошо знакомы. Однако признаков садизма и пыток до смерти, как в случае с Биттакером и Норрисом, мы

не обнаружили. Субъект получал сексуальное удовлетворение не от причинения боли и страданий.

Я не рекомендовал полиции цепляться за образ «сверхкоммуникабельного продавца подержанных автомобилей». Если наш клиент вообще трудился, то скорее уборщиком или разнорабочим. Кто бы ни оставил тело на такой свалке, он однозначно занят в лучшем случае халтурой или деятельностью, связанной с грязью и мусором. Время похищения, ампутация груди, очевидное перемещение тела и повторное посещение свалки – все это говорило о том, что убийца ведет ночной образ жизни. Я предположил, что он мог ходить на кладбище, а то и явился на похороны, стараясь убедить себя в том, что у него с Бетти Джейн «нормальные» отношения, и тогда едва ли от допроса на полиграфе будет толк. Высока вероятность того, что субъект живет где-то между домом девушки и тем местом, откуда она возвращалась в тот день.

Хотя полиция не располагала весомыми основаниями для ареста, у них проходили двое подходящих, по их мнению, подозреваемых. Один из них – ее молодой человек, «жених», как он сам себя назвал, Чарльз Ф. Солт-младший по прозвищу Бутч. Он жил вместе с Шейд. Следовало присмотреться к нему повнимательнее, но полиция скорее думала на другого: мужчину, который нашел тело. В его повествовании обнаружили несколько нестыковок. Он раньше работал машинистом, но теперь уволился по инвалидности. Он уверял, что вышел подышать свежим воздухом, однако наткнулся на тело там, где свежим воздухом и не пахнет. Пожилой свидетель, выгуливавший в тот день собаку, видел, как тот мочится. Мужчина был в совершенно неподходящей для прогулки одежде и к тому же не промок, хотя тогда шел дождь. Он жил в четырех кварталах от дома Бетти Джейн Шейд и неоднократно пытался с ней познакомиться. На допросах в полиции вел себя беспокойно и признался, что боялся заявлять о находке, потому что могли подумать на него самого, – вот вам и типичная отговорка субъекта, действующего упреждающе в попытке повлиять на ход расследования и отвести от себя возможные подозрения. Заядлый курильщик, любитель пива. Без сомнений, достаточно силен для того, чтобы убить человека и самостоятельно избавиться от тела. Ранее уже проявлял антисоциальное поведение. Они с женой в один голос заявили, что в ночь убийства находились дома и смотрели телевизор, но алиби не слишком надежное. Я предупредил полицию, что преступник в подобном случае связался бы со своим юристом и не горел особым желанием помогать расследованию. Как мне сказали, именно так он и поступил: потребовал адвоката и отказался проходить тест на полиграфе.

Звучит многообещающе, не так ли? Однако больше всего мне не давало покоя, что мужчина женат и проживает со своей супругой и двумя детьми. Не похоже на субъекта. Если бы убийство совершил женатый, он бы стремился выплеснуть на женщину всю свою ярость и садизм.

Оттягивая неизбежный конец, он бы долго пытал ее, прежде чем убить, а вот после оставил бы труп в покое. Кроме того, мужчине было тридцать, что намного больше моего изначального прогноза.

Солт казался мне более подходящим. Он почти идеально вписывался в портрет. Его родители разошлись, когда Чарли был еще совсем маленьким. Его мать, властная и доминирующая, проявляла активное участие в жизни сына. В двадцать шесть он все еще не знал, как обращаться с противоположным полом. Полиции он сказал, что за всю жизнь занимался сексом всего два раза, оба со зрелой женщиной, да и та подняла его на смех из-за того, у него никак не вставал. Солт уверял, что у них с Бетти Джейн настоящая любовь, они были помолвлены и уже готовились к свадьбе, но это не мешало ей ходить налево и изменять ему с другими мужчинами. Уверен, будь девушка жива, из ее уст мы услышали бы совсем другую историю. На похоронах он заявил, что мечтает выкопать гроб и лечь вместе с ней. А на допросе в полиции безостановочно рыдал, не в силах смириться с потерей любимой.

По словам полицейских, Бутч Солт и его брат Майк работали на мусоровозе.

– Господи Иисусе, это же то, что нужно! – воскликнул я.

У них был доступ на свалку, причина туда заезжать и возможность изучить территорию, а также транспорт для перевозки тела.

Однако, хотя мне нравилась кандидатура Бутча на роль подозреваемого, две вещи меня смущали. Во-первых, как я и предполагал, он представлял собой эдакого мелкого замухрышку, не крупнее самой Шейд. Я сомневался, что ему хватило бы сил перетащить тело или же придать ему позу «лягушки» с разведенными в стороны и согнутыми в коленях ногами, каким мы его и нашли. Во-вторых, следы спермы были обнаружены именно внутри вагинального отверстия жертвы, что указывает на классическое изнасилование. Я бы не удивился семени Бутча на теле, в трусиках или на одежде, но это совсем другое дело. Равно как и Дэвид Берковиц, наш клиент, скорее, онанист, но никак не насильник. Он бы стремился удовлетворить свои сексуальные фантазии без прямого контакта. Нестыковка.

Преступление обнаруживало смесь признаков организованного и неорганизованного убийства, похожего на случай Франсин Элвесон из Нью-Йорка: то же внезапное нападение, обезличивание, изуродованные половые органы. Но убийца Элвесон отрезал жертве только соски, тогда как Шейд лишилась обеих грудей целиком.

Напротив, в нью-йоркском деле Кармайна Калабро нападавший был значительно крупнее своей крохотной жертвы, а потому мог протащить ее пару этажей вверх, где и бросил. Кроме того, эякуляция наступила у него в результате мастурбации.

Держа в уме урок Одома и Лоусона, я находил убийству Шейд только одно разумное объяснение. Я был почти уверен, что они с Бутчем пересеклись где-то в городе, когда девушка возвращалась с работы, повздорили, затем он ее вырубил и отвез в укромное место. Я также считал, что тем ударом преступник мог ее убить, а после отрезать волосы, поиздеваться над бездыханным телом и оставить грудь в качестве трофея. Но девушку изнасиловали между нападением и убийством, и вряд ли неорганизованный, сексуально незрелый, подавленный матерью молодой человек вроде Солта был на такое способен. Я также считал, что он не смог бы самостоятельно перевезти труп.

Вполне логично, что подозрение тут же пало на его брата Майка. Одно и то же детство, одна и та же работа. Некоторое время назад Майк лечился в психиатрической клинике, стоял на учете за проявления социально опасного поведения, отношения выстраивать не умел, проявлял неконтролируемые вспышки агрессии. Главное различие между братьями состояло в том, что Майк был женат, хотя мать держала под колпаком и его. В ночь похищения Бетти Джейн супруга Майка рожала в больнице. Ее роды стали для него мощным стресс-фактором, к тому же он уже долгое время не получал сексуальной разрядки. Все сходится: после нападения Бутч запаниковал и позвал брата, который у него на глазах изнасиловал девушку, а после помог избавиться от тела.

По отношению к Бутчу я советовал полиции действовать мягко и без угроз. К несчастью, его уже несколько раз допрашивали и проводили тестирование на полиграфе. Как я и подозревал, полиграф показал лишь неадекватную эмоциональную реакцию, но никак не ложь. Я считал, что лучше всего сосредоточиться на Майке и популярно объяснить, что лучше ему признаться в соитии с Шейд и помощи Солту в сокрытии тела, потому что в противном случае ему достанется не меньше, чем братцу.

Моя тактика себя оправдала. Полиция арестовала обоих братьев и их сестру Кэти Визингер, утверждавшую, что Бетти Джейн – ее лучшая подруга. По словам Майка, Кэти тоже помогала прятать труп.

Так что же произошло на самом деле? Полагаю, Бутч хотел заняться любовью со своей притягательной и сексуально зрелой возлюбленной, но не смог. Его обида росла до тех пор, пока не вспыхнула от одной искры. Он набросился на Шейд, но потом запаниковал и позвал брата. Но Бутч разозлился еще сильнее, когда увидел, что Майку удалось сделать то, чего хотел он сам. Пылая от злости, спустя четыре дня он изуродовал тело, оставив за собой «последнее слово».

Полиция смогла отыскать одну грудь жертвы, а другую, как сказал Майк, Бутч спрятал. Это меня совсем не удивило, но, где бы она ни находилась, ее так и не нашли.

Чарльз «Бутч» Солт был обвинен по статье «преступление, совершенное с особой жестокостью», а Майка, признавшего свою вину, отправили в

психиатрическую лечебницу. Шеф полиции Ридер публично заявил, что наша помощь оказалась неоценимой при проведении расследования и получении показаний преступников. В свою очередь, нам повезло заручиться поддержкой столь важного партнера, как шеф Ридер, который изучал наши техники и понимал особенности взаимодействия между полицией и Куантико.

Совместными усилиями нам удалось поймать убийцу и его подельника еще до того, как появились новые жертвы. Шеф Ридер и его люди стали снова охранять безопасность и покой граждан Логана, штат Пенсильвания. А я вернулся к своим ста пятидесяти с лишним делам, надеясь, что усвоил урок и теперь смогу быстрее влезать в шкуру преступника и его жертвы.

Глава 10. Камень всегда под рукой

Однажды вечером, много лет назад, когда я вернулся домой после неудачного обучения в Монтане, мы с родителями сидели за бокалом пива и пиццей в забегаловке под названием «Колдстрим», что в Юниондейле, Лонг-Айленд. Едва я надкусил свою пиццу-со-всем-чем-можно-и-дополнительным-сыром, мама с бухты-барахты вдруг спросила:

– Джон, у тебя с девушками уже были половые отношения?

Я судорожно глотнул, стараясь протолкнуть ставший поперек горла кусок. А что, для матерей 1960-х вполне типично задать своему сыну лет девятнадцати-двадцати подобный вопрос. Я повернулся к отцу, ища поддержки, но тот сидел с каменным лицом. Мама застала его врасплох не меньше моего.

– Итак? – настаивала мама. Она носила фамилию Холмс не просто так.

– Н-ну... ну да, мам, было.

Лицо у нее тут же помрачнело.

– И кто она? – последовал требовательный вопрос.

– Ну... это... – Мощный аппетит, с которым я усаживался за столик, мигом улетучился. – Вообще-то их было несколько.

Я не стал рассказывать родителям о девушке-подростке, с которой мы проводили время в доме для матерей-одиночек в Боузмене. Наверное, вы подумали, что я признался только в том, где прятал расчлененные тела своих жертв, – прямо у них в подвале.

– Никто теперь за тебя замуж не пойдет, – расстроилась мама.

Я снова повернулся к отцу, до сих пор хранившему несвойственное для него молчание: ну же, пап, выручай!

– Ну не знаю, Долорес, – наконец заявил он. – Для современной молодежи это ничего не значит.

– Всегда значило, Джек, – парировала она, а затем снова повернулась ко мне: – Джон, а что, если однажды твоя будущая супруга спросит, были ли у тебя женщины до нее?

Очередной кусок пиццы замер у моего рта.

– Ну, мам, скажу как есть.

– Нет, лучше не говори, – встрял отец.

– Ты к чему это, Джек? – вскинулась мать.

Ладно, пап, посмотрим, как ты теперь выкрутишься.

Сеанс допроса закончился неловким молчанием. Не уверен, что извлек из него полезный урок. Я либо расскажу Пэм о своих похождениях, либо она будет всю жизнь строить о них догадки. Впрочем, она все равно согласилась выйти за меня замуж, несмотря на опасения моей матери. Однако, глядя на ту давнюю выволочку глазами сотрудника федерального правоохранительного органа, психоаналитика и эксперта по криминальной бихевиористике и психологии, я осознал одну важную мысль. Даже если бы тогда я обладал всем аналитическим и практическим опытом, которым владею сегодня, я бы все равно не смог лучше выдержать следственные мероприятия моей матушки!

Все потому, что она затронула уязвимую сторону.

Приведу еще один пример. Заняв должность главного профайлера ФБР, я лично отбирал и обучал кандидатов в будущие психоаналитики. По этой причине я выстраивал близкие и доверительные отношения со всеми мужчинами и женщинами в моей команде. Большинство из них стали по-своему знамениты. Но если среди них нашелся бы истинный последователь моего учения, то им был бы Грег Купер. Грег оставил престижную должность шефа местной полиции одного из городков Юты, когда ему едва стукнуло тридцать, и, вдохновленный лекцией Кена Лэннинга и Билла Хагмайера по практике право-применения, перебрался в ФБР. Он отличился на службе в региональном подразделении в Сиэтле, но всегда мечтал о Куантико и работе в отделе поведенческого анализа. Он запросил и изучил все мои материалы по психоанализу убийцы из Грин-Ривера. Когда я летал в Сиэтл для участия в телешоу под названием «Облава. Прямой эфир», Грег вызвался быть моим гидом и шофером. Когда я возглавил отдел следственного сопровождения уже после его реорганизации, Грег работал в резидентуре ФБР в округе Орандж, штат Калифорния, а проживал в Лагуна-Нигель. Я пригласил Купера в Куантико, и под моим крылом он стал выдающимся специалистом.

Грег только устроился в отдел, и ему выделили место в подземном офисе без окон по соседству с Джаной Монро, бывшим офицером полиции Калифорнии и следователем по убийствам, которая, помимо

отличных профессиональных качеств, была еще и сногшибательной блондинкой. Короче говоря, идеал. Немногие сочли бы такие условия трудными или невыносимыми, но Грег оказался ревностным мормоном, да и вообще очень праведным человеком, всецело посвятившим себя семье. Которая, кстати, состояла из пятерых детишек и шикарной жены по имени Ронда, которой пришлось принести колоссальную жертву, переехав из солнечной, райской Калифорнии в сонливую, душную и влажную Вирджинию. Поэтому каждый раз, когда Ронда спрашивала мужа о его коллегах, тот начинал что-то нечленораздельно мычать, юлить и старался всячески сменить тему.

И вот примерно через полгода после того, как он стал с нами работать, Грег пригласил Ронду на нашу рождественскую вечеринку. Меня там не было, потому что я уехал по очередному делу, но зато была энергичная и жизнерадостная Джана. И, что вполне типично для ее выходного образа, она надела короткое обтягивающее ярко-красное платье с глубоким вырезом.

Когда я вернулся, Джим Райт, моя правая рука и второй человек в отделе, взявший на себя руководство программой психоанализа, сообщил, что после вечеринки Ронда рвала и метала. Ей не очень понравилось близкое соседство ее мужа с красивой, эффектной и очаровательной женщиной-спецагентом, которая умеет одинаково хорошо стрелять по мишеням и двигаться на танцполе.

Поэтому я попросил секретаря вытащить Грегa со встречи и немедленно прислать ко мне. Вскоре, немало обеспокоенный, Купер постучался ко мне в кабинет. Он проработал у нас всего полгода, но долго об этом мечтал и потому искренне хотел показывать безукоризненный результат.

Оторвавшись от бумаг, я произнес:

– Грег, закрой дверь. Присядь.

Услышав мой суровый тон, он повиновался, разволновавшись еще сильнее.

– Я только что говорил с Рондой, – продолжал я. – Насколько я понимаю, вы немного повздорили.

– Ты говорил с Рондой? – Купер смотрел не на меня, а на телефон для связи с директором.

– Послушай, Грег, – я постарался по возможности смягчить свой менторский голос, – я бы хотел за тебя вступиться, но вы с Джаной много времени проводите вместе, и я здесь не властен. Из этой ситуации тебе придется выкручиваться самому. Ронда, конечно, знает о том, что между вами с Джаной...

– Да ничего между нами нет! – взвизгнул Грег, брызжа слюной.

– Слушай, я знаю, работа у нас нервная. Но у тебя же замечательная красавица-жена, милые детишки. Не оставляй их.

– Джон, все не так, как ты подумал. И жена тоже все неправильно поняла. Ты должен мне поверить.

Он продолжал в том же духе, неотрывно пялясь на мой телефон. Наверное, пытался силой мысли прожечь в нем дырку до самого стола. На лбу у него выступила испарина. Я заметил, как на шее пульсирует сонная артерия. Грег уже был на грани истерики.

Тут я решил над ним сжалиться.

– Ну что ты за слабак, так тебя и эдак! – Я победно ухмыльнулся. – И еще называешь себя дознавателем? – Он как раз готовил материал для главы по технике допроса в «Руководство по классификации преступлений»^[28]. – Разве ты совершил поступок, за который испытываешь чувство вины?

– Нет, Джон. Клянусь!

– Только взгляни на себя! Ты же словно глина в моих руках! Ты совершенно невиновен. Ты бывший шеф полиции. Ты опытный дознаватель. И все равно я могу вертеть тобой, как хочу. Ну, что скажешь в свое оправдание?

На тот момент, когда волна облегчения прокатилась по его лысеющей макушке, Грегу было нечего сказать в свое оправдание. Но урок он усвоил. Я сумел его развести просто потому, что меня самого раньше так разводили и могли развести еще, только дай повод.

Все мы уязвимы. Совершенно не важно, какой информацией ты располагаешь, насколько ты опытен и скольких подозреваемых ты успешно допросил. Не важно, какими приемами ты владеешь. К любому из нас можно найти подход – нужно лишь отыскать слабое место.

Этот прием я усвоил во время расследования одного из своих первых дел в качестве профайлера и с тех пор постоянно им пользуюсь, и не только на своих подчиненных. А тогда я в первый раз устроил «постановочный» допрос.

В декабре 1979-го мне позвонил спецгент Роберт Лири из резидентуры в Роме, штат Джорджия, сообщил подробности одного особенно жуткого дела и попросил разобраться с ним в первую очередь. Неделей ранее милая и общительная девчушка двенадцати лет Мэри Фрэнсис Стоунер вышла у своего дома из школьного автобуса и, отойдя от остановки на каких-то сто метров, пропала без вести. Немного позже молодая пара прогуливалась по лесу в пятнадцати километрах от ее дома и заметила в кустах ярко-желтый плащ, которым на поверку оказалось прикрыто бездыханное тело. Ничего не трогая, свидетели тут же вызвали полицию. Это крайне важно. Выяснилось, что девочка умерла от удара по голове тупым предметом. Вскрытие показало перелом черепа, характерный для удара камнем. (На фотографиях с места преступления рядом с головой жертвы лежит камень со следами запекшейся крови.)

Характерные кровоподтеки на шее также указывали на то, что убийца душил жертву сзади.

Но сперва, до изучения материалов по делу, я хотел узнать о жертве как можно больше. Никто не мог сказать ничего дурного о Мэри Фрэнсис. Ее описывали как исключительно приветливую, жизнерадостную и очаровательную девочку. Милая и невинная барабанщица в школьном оркестре, она обычно носила форму оркестрантки в школу. Хорошенькая двенадцатилетняя девочка, она и выглядела на двенадцать, не стремясь казаться старше. Неразборчивой ее не назовешь, с наркотиками или алкоголем дел не имела. Вскрытие показало наличие девственности на момент изнасилования. Короче говоря, это «низкорисковая» жертва с «низкорисковыми» условиями похищения.

Лири ввел меня в курс дела, затем я изучил материалы по делу и фотографии с места преступления и кратко законспектировал все свои мысли всего на полстранички:

Психологический портрет:

Пол – м

Раса – б

Возраст – 25–30

Семейное положение – женат: проблемы либо в разводе

Военный – разжалован, медик

Работа – разнорабочий: электрик, сантехник

IQ – средний, выше среднего

Образование – неоконченное высшее

История преступлений – поджог, изнасилование

Личность – самоуверенный, надменный, прошел полиграф

Цвет авто – черный или синий

Допрашивать – прямо, с демонстрацией

Изнасилование случайное, убивать девочку он не планировал. Неопрятный вид одежды на Мэри Фрэнсис означает, что ее силой раздели, а после изнасилования разрешили одеться, что она сделала кое-как. Судя по фото, шнурки на одной туфле у нее были развязаны. В отчете значились следы крови на трусиках. Спина, ягодицы и ноги остались чистыми, то есть изнасиловали жертву в машине, а не на земле в лесу, где нашли тело.

Я внимательно взгляделся в весьма привычные для меня фотографии, и ситуация стала понемногу проясняться. Я мог представить, как все произошло на самом деле.

В силу юности, доверчивости и общительности девочки убийце не составило труда завязать с ней разговор в привычном для нее окружении – на остановке школьного автобуса у ее дома. Скорее всего, субъект уговорил ее пройти до его автомобиля, а затем схватил и затолкал внутрь либо заставил войти в машину под угрозой ножа или пистолета. А вот выбор столь отдаленного места, где нашли тело, означает, что нападавший хорошо знал местность и понимал, что там его никто не потревожит.

Судя по месту похищения, преступление не было спланировано заранее, а родилось в голове преступника, когда тот проезжал мимо. Как и в деле Одома и Лоусона, если бы поблизости оказался случайный свидетель, убийца тут же отказался бы от задуманного. Но он пропустил приятную внешность Мэри Фрэнсис и ее открытый нрав через фильтр своей фантазии, и в итоге ему показалось, что неразборчивая девчушка с ним заигрывает.

Но на деле все обернулось по-другому. Во время изнасилования, охваченная ужасом и крича от нестерпимой боли, она, должно быть, молила о пощаде и звала на помощь. Фантазия, которую маньяк лелеял долгие годы, разительно отличалась от уродливой реальности. Он потерял контроль над ситуацией и понял, что увяз по уши.

И тут он понял, что единственный выход из ситуации – это убить девочку. Однако, поскольку она опасалась за свою жизнь, контролировать ее оказалось куда сложнее, чем он думал. Так что преступник решил упростить себе жизнь и, чтобы сделать жертву более сговорчивой и послушной, приказал ей немедленно одеться – тогда он ее отпустит, то есть либо позволит ей убежать, либо привяжет к дереву и уйдет сам.

Но как только Мэри Фрэнсис повернулась к нему спиной, он быстро подошел к ней сзади и схватил за шею. Скорее всего, он смог только лишить ее сознания, ведь, чтобы задушить человека, у нападающего должен быть хорошо развит плечевой пояс. Но поскольку насильник и раньше не мог ее контролировать, то и задушить насмерть тоже не сумел. Тогда он дотащил девочку к дереву, взял ближайший камень и три-четыре раза с силой опустил ей на голову. Тут она и скончалась.

Я не думал, что убийца хорошо знаком с Мэри Фрэнсис, но они могли часто пересекаться в городе, так что она успела его запомнить, а он – сложить о ней сексуальные фантазии. Наверняка убийца видел, как она шагает в школу в своей аккуратной форме оркестрантки.

Плащ, которым была прикрыта голова жертвы, указывал на то, что убийца сожалеет о содеянном. Еще я знал, что время работает против полиции. Чем дольше умный и организованный преступник размышляет об убийстве, винит в случившемся саму жертву и придумывает себе оправдания, тем сложнее будет добиться от него признательных показаний. Даже если он и пройдет тестирование на полиграфе,

результаты будут в лучшем случае малорепрезентативны. И, как только он почувствует, что пыль немного улеглась и можно уехать, не вызывая подозрений, он тут же помчится сломя голову на другой конец страны, где нам его ни за что не отыскать и где еще одна девочка окажется в смертельной опасности.

Я считал, что субъект живет в том же районе и что полиция, скорее всего, уже его допрашивала. Он шел на сотрудничество, но вел себя дерзко и нахально. Если бы его обвинили, он бы не раскололся. Столь изощренное преступление вряд ли было первым, хотя такая вероятность сохранялась. Субъект должен водить черный или синий подержанный автомобиль, поскольку новый не мог себе позволить, но зато держал его в хорошем состоянии, без единого изъяна. По моему опыту, люди, склонные к порядку и, одновременно с этим, к компульсивному поведению, предпочитают машины темного оттенка.

Услышав все это (а мы разговаривали по телефону), один из офицеров полиции сказал:

– Вы только что описали одного парня, который проходит у нас подозреваемым. Мы его уже допрашивали.

Кроме того, он был подозреваемым и по другому делу и вписывался в мой портрет как влитой. Его звали Даррелл Джин Девье. Белый мужчина в возрасте двадцати четырех лет, был дважды женат и дважды развелся. Ныне проживает в Роме, штат Джорджия, со своей первой бывшей супругой. Работает садовником. Ранее подозревался в изнасиловании тринадцатилетней девочки, но вину так и не доказали. После первого развода отправился в армию, но ушел в самоволку и был демобилизован спустя семь месяцев. Водит черный «форд-пинто» трехлетней давности и бережно за ним ухаживает. Он признался, что в подростковом возрасте его арестовали за хранение «коктейля Молотова». Его выперли из школы в восьмом классе, но на тесте IQ он стабильно набирал от 100 до 110 баллов.

Поскольку на момент похищения Мэри Фрэнсис Де-вье уже две недели работал на улице Стоунеров, подрезая ветки деревьев для электрической компании, его пригласили в полицию рассказать, не видел ли он чего-нибудь подозрительного. Еще полицейские сообщили мне, что в тот день запланировали провести тестирование на полиграфе.

Я предупредил их, что это не самая лучшая идея. Мало того, что они ничего не добьются, так еще и укрепят способность подозреваемого сохранять хладнокровие во время допроса. На тот момент в области допросов мы не обладали таким уж богатым практическим опытом, но благодаря тюремным интервью и непрерывному изучению природы серийных убийств я был уверен в своих словах. И конечно же, на следующий день мне сообщили, что детектор лжи не дал никакого результата.

Тогда я сказал: раз уж Даррелл смог одолеть машину, остается лишь один способ подобраться к нему. Устройте допрос ночью. Поначалу он будет чувствовать себя уверенно, но это и станет его слабой стороной. Ночное время докажет серьезность ваших подозрений. Он будет заранее знать, что ему не светит стратегический тайм-аут в виде перерыва на завтрак или обед, зато он не станет и добычей кровожадных СМИ, если сломается. Пусть полиция проведет допрос совместно с региональным отделением ФБР в Атланте. Выступите единым фронтом, чтобы он почувствовал на себе всю мощь властей Соединенных Штатов. Вывалите перед ним груды папок и файлов с его именем, даже если внутри будут чистые листы бумаги.

И самое главное: на невысокий столик рядом положите окровавленный камень, градусов под сорок пять относительно его линии взгляда. Ему придется повернуться, чтобы рассмотреть его. Внимательно следите за невербальными сигналами – поведением, дыханием, потоотделением, биением сонной артерии. Если он убийца, то он не сможет проигнорировать камень, хотя вы о нем не упоминали и не объясняли его значение.

Нам нужно было заставить его наложить в штаны, как я сам это называл. По правде говоря, дело Стоунер стало для меня эдакой лабораторией по проверке моих теорий. Многие из приемов, которые мы позже довели до совершенства, впервые я опробовал именно тогда.

Он не признается, продолжал я. В Джорджии действует смертная казнь, но даже если его просто упекут за решетку, слава растлителя малолетки быстро разнесется среди обитателей тюрьмы и его самого изнасилуют в задницу при первом же посещении душа. Для эзков он станет изгоем и мальчиком для битья.

Освещение должно быть приглушенным и призрачным, в комнате для допроса – не более двух офицеров или агентов. Лучше всего, один из ФБР, а другой из полиции Адайрсвилла. Нужно показать, что вы понимаете его, знаете, что происходит у него в голове и какой стресс он испытывает. Как ни противно, придется перевести стрелки на жертву. Намекните, что она сама его соблазнила. Спросите, не подбивала ли она его к действиям, не возбуждала ли нарочно, не шантажировала ли. Нарисуйте ему сценарий, при котором он сохранит лицо. Придумайте разумное объяснение его поступку.

А еще из других дел, с которыми я сталкивался прежде, я уяснил, что при нанесении жертве удара тупым предметом или ножевого ранения нападающему чаще всего не избежать следов крови. Вполне обычная вещь, не стесняйтесь ею пользоваться. Если он начнет юлить и трепаться попусту, посмотрите ему прямо в глаза и скажите: хуже всего, что кровь Мэри – на его руках и об этом всем известно.

Скажите ему: «Мы знаем, что ты замарался кровью, Джин. Она у тебя на руках, на одежде. Вопрос не в том, ты ли это сделал. Мы знаем, что это

был ты. Вопрос в другом: зачем? Мы догадываемся о причинах и понимаем твои резоны. Просто намекни, правы мы или нет».

Так они и поступили. В комнату для допроса ввели Девье. Он тут же бросил взгляд на камень, и дыхание стало частым и шумным. Теперь он показывал совсем другие невербальные жесты, нежели во время предыдущих допросов: он как бы защищался, действовал осторожно. Дознаватели заявили, что вина и ответственность за случившееся лежат на самой девочке, и как только убийца проглотил наживку, они выдали ему мой пассаж про кровь. Тут он почувствовал себя совсем не в своей тарелке. Понять, что вы поймали настоящего преступника, можно по тому, как он затыкается и слушает вас во все уши. Невинный начнет возмущаться и всячески беситься. Но виновный, даже если станет буянить и пытаться убедить собеседников, что он не совершал преступления, все равно будет выглядеть неестественно.

Джин признался в изнасиловании и подтвердил дознавателю, что девочка его шантажировала. Тогда Боб Лири успокоил его: мол, они знают, что он не хотел ее убивать. Если бы хотел – он бы вооружился чем-то более эффективным, чем камень. В конце концов он признался и в другом преступлении – изнасиловании и убийстве в РOME, совершенных годом ранее. Даррелл Джин Девье был осужден за изнасилование и убийство Мэри Фрэнсис Стоунер и приговорен к смертной казни на электрическом стуле. Приговор приведен в исполнение 18 мая 1995 года в штате Джорджия, почти через шестнадцать лет после совершения убийства и поимки преступника и почти на четыре года больше, чем Мэри Фрэнсис прожила на этом свете.

В подобных ситуациях ключ к успешному допросу – это креативность; нужно всего лишь использовать воображение. Я спросил себя: «Если бы я убил девочку, чем меня можно было бы зацепить?» Все мы уязвимы. У каждого из нас свои слабости. Скажем, я вот неважно веду свою бухгалтерию. И я бы немало понервничал, если бы САР однажды вызвал меня к себе в кабинет и ткнул носом в один из моих счетов. Всегда есть к чему подкопаться.

Камень всегда под рукой.

Уроки, данные нам делом Девье, можно применять далеко за рамками отвратительного мира сексуальных преступлений. Совершенно не важно, имеем мы дело с растратами или хищением, чиновничьей коррупцией, мафиозными группировками, расследуем ли укрывательство или внедряемся в картельный сговор, – принцип всегда один и тот же. В любом из подобных дел я бы советовал отыскать «слабое звено», найти способ показать ему, во что он ввязался, а затем добиться от него помощи в поимке остальных.

Это критически важно в разрешении любого дела, относящегося к преступным сговорам. Нужно всего лишь найти нужного человека и пообещать ему программу защиты свидетелей, а потом достаточно

просто наблюдать, как рушится карточный домик заговора. Почему же так важно с первого раза выбрать правильного кандидата? Да потому, что, если в руках полиции окажется не тот и зацепить его не удастся, он предупредит остальных и тогда начинать придется с самого начала.

Давайте предположим, что мы расследуем дело о коррупции в одном из крупных городов, по которому проходит восемь – десять человек из числа служащих какого-нибудь ведомства. Причем наилучшим кандидатом для полиции является первое или второе лицо в этом ведомстве. Однако, составив его психологический портрет, мы обнаруживаем, что, несмотря на коррумпированность, во всех других отношениях он остается порядочным человеком. Он не бабник и не алкоголик, в сущности, семейный человек до мозга костей – ни порочных влечений, ни проблем с деньгами, ни очевидных слабостей. Если ФБР решит его допрашивать, то он, скорее всего, будет все отрицать, пошлет нас куда подальше и предупредит об угрозе своих подельников.

К такому человеку надо подбираться постепенно, взявшись для начала за рыбешку поменьше, как и делается в случае с организованной преступностью. Следует внимательно изучить все кандидатуры, и среди них обязательно попадется хотя бы одна подходящая в нужном нам отношении. Не большая шишка, а так, рядовой клерк, управляющийся с бумагами. Он проработал на этой должности более двадцати лет и поставил на нее все, что имеет. У него проблемы с деньгами и со здоровьем, и в отношении этих двух факторов он крайне уязвим.

Далее нужно выбрать правильного человека на роль дознавателя. Я предпочитаю такого, кто немного старше и респектабельнее допрашиваемого, строгий и властный на вид, умеющий быть мягким и приветливым, чтобы субъект расслабился, и тут же становиться серьезным и целенаправленным, когда того требуют обстоятельства.

Если же в ближайшем будущем ожидается какой-нибудь праздник, скажем, день рождения подозреваемого, я бы посоветовал отложить допрос, чтобы воспользоваться этим. Если усадить его в комнату для допросов и четко дать ему понять, что этот праздник может стать последним, который он проведет с семьей, если он не будет сотрудничать, то таким образом можно создать дополнительный рычаг воздействия.

Заранее подготовленное «представление» обнаруживает свою эффективность не только в отношении тех людей, которые совершают насильственные преступления, как это было в деле Стоунер. При расследовании крупных или зависших дел я рекомендую собрать все материалы где-нибудь в одном месте, вне зависимости от того, придерживалась ли уже полиция такой тактики. Например, можно оккупировать целый конференц-зал, созвать туда всех агентов, офицеров и других специалистов, сгрудить в кучу бесчисленные папки с протоколами и тем самым показать субъекту, насколько все серьезно.

Если «украсить» стены фотоснимками с камер наблюдения и другими свидетельствами того, сколь длинна рука закона в нынешнем расследовании, результата можно добиться и того быстрее. И последний штрих: на торт «представления» можно положить вишенку в виде пары экранов с видеозаписями действий подозреваемых.

Мои фавориты – это графики с изображением возможного срока для каждого подозреваемого. Не ахти какой хитрый прием, однако он позволяет поддерживать достаточный уровень психологического давления на подозреваемого, напоминая ему, каковы ставки. При таком напоре он непременно «наложит в штаны».

Я не раз убеждался, что ночь или раннее утро – лучшее время для допроса. Обычно субъект более расслаблен и в то же время более уязвим. И еще раз: если сыщики работают ночью, значит, дело серьезное и ему уделяют много внимания. Еще одно практическое умозаключение относительно ночных допросов по сговору: допрашиваемого не должны видеть его подельники. Если он подумает, что его «сдали», ничего не выйдет.

Основа успешного допроса – это искренность и апеллирование к здравому смыслу субъекта. «Театральный реквизит» лишь заостряет внимание на ключевых точках. Если бы я проводил допрос нашего гипотетического подозреваемого по делу о коррупции, я бы позвонил ему поздно вечером или даже ночью и сказал: «Сэр, нам крайне важно поговорить с вами прямо сейчас. Агенты ФБР скоро будут у вас». Потом я подчеркнул бы, что арестовывать его никто не собирается и он не обязан идти с агентами, но лучше бы пойти, потому что другого шанса у него не будет. Я не стану зачитывать ему конституционные права, потому что пока никто его ни в чем не обвиняет.

Когда клиента доставят на место, я сперва дам ему немного прийти в себя. Если для победы нужно забить последнее пенальти с большой дистанции, я беру тайм-аут, чтобы дать нападающему немного осмыслить удар. Любой, кому когда-нибудь доводилось ждать в очереди, чтобы попасть к доктору на важный прием, знает, насколько сильно это помогает.

Когда же он окажется у меня в кабинете, я закрою дверь и постараюсь напустить на себя приветливый и доброжелательный вид, быть максимально понимающим, говорить как «мужик с мужиком». Я буду обращаться к нему по имени. «Хочу еще раз подчеркнуть, что вы не арестованы, – повторил бы я, – вы можете уйти, когда сочтете необходимым. Мои люди отвезут вас домой. Но все же вам стоит выслушать меня. Возможно, это самый важный день в вашей жизни». Чтобы окончательно настроиться с ним на одну волну, можно назвать сегодняшнюю дату.

Дальше я скажу: «Я хочу, чтобы вы знали: нам известно о вашем недуге, и если что – у нас тут врач наготове». И это будет правдой. Его болезнь – это та самая уязвимость, из-за которой мы на него и нацелились.

А потом мы поговорим без обиняков. Я подчеркну, что ФБР в курсе ситуации: он лишь мелкая сошка, платят ему маловато за все его труды, и на самом-то деле нам нужен не он. «Видите ли, мы допрашиваем многих лиц, проходящих по делу. Ваш корабль уже начал тонуть, это лишь вопрос времени. У вас есть выбор – утонуть вместе с ним или в последний момент ухватиться за спасательный круг. Мы знаем, что вами манипулировали, вас использовали ради удовлетворения своих собственных интересов тех, кто стоит гораздо выше. Я могу сию минуту пригласить сюда федерального прокурора, и он сделает вам предложение, от которого ты не сможешь отказаться».

А затем добыю его окончательно: «Учтите, это первый и последний раз, когда мы можем сделать вам такое предложение. Над расследованием работают двадцать агентов в моем подчинении. Мы можем хоть сейчас арестовать вас всех до единого. Как вы думаете, если вы откажетесь, может, согласится кто-нибудь другой? И тогда вы пойдете ко дну вместе с кораблем. Хотите составить компанию большим шишкам – дело ваше. Но сейчас первый и последний раз, когда мы можем вот так все обсудить. Решайте сами».

Если он соглашается – а это в его же интересах, – тогда мы зачитываем ему конституционные права и разрешаем поговорить с адвокатом. Но в качестве жеста доброй воли я, скорее всего, попрошу его связаться по телефону с одним из его подельников и сразу устроить нам встречу. Мы ведь не хотим, чтобы наш клиент, поразмыслив, дал задний ход. И как только первый оказывается у нас в руках, вскоре за ним следуют и остальные.

Причина, по которой такой подход столь эффективен даже в том случае, если подозреваемый с самого начала все понимает, это его взаимовыгодный характер как для следователя, так и для целевого субъекта. «Представление» строится на искренности и привязано к жизни субъекта, его обстоятельствам и эмоциональным потребностям. Даже если бы я знал, как полиция готовится к допросу, на месте подозреваемого я бы согласился на столь щедрое предложение, ведь это лучшая возможность выйти из воды всего лишь слегка подмоченным. В подобных допросах реализуется та же стратегия, что я применил при расследовании дела Стоунер. Я непрерывно задаю себе один и тот же вопрос: «Что могло бы меня зацепить?»

Потому что камень всегда под рукой.

Гэри Трапнелл, вооруженный грабитель и угонщик самолета, с которым я беседовал в федеральной тюрьме в Марионе, штат Иллинойс, отличался не меньшим умом и сообразительностью, чем многие преступники в нашем исследовании. Однако он вдобавок заявил мне, что

сможет обвести вокруг пальца любого тюремного психиатра и симулировать любое расстройство психики, какое я ни назову. Этот самоуверенный малый был убежден в своих исключительных способностях и считал, что, оказавшись он на свободе, длинная рука закона до него не дотянется.

– Вам меня не поймать, – хвастался он.

– Ладно, Гэри. – Я решил пофантазировать. – Ну, скажем, ты на свободе. Ты достаточно умен, чтобы понимать: придется оборвать любые связи со своей семьей, иначе федералы тебя найдут. А еще я знаю, что отец твой – военный офицер высокого ранга, весь в медалях. Ты его искренне любил и уважал. Хотел быть похожим на него. И с катушек ты слетел именно после его смерти.

По лицу Трапнелла я понял, что иду по верному пути. Я затронул болезненное место.

– Твой отец похоронен на Арлингтонском национальном кладбище. Мои люди будут следить за ним, скажем, на Рождество, на день рождения твоего отца и на годовщину его смерти. Как тебе такое?

Трапнелл не выдержал и покачал головой.

– Сдаюсь! – объявил он.

Опять же мне удалось его подловить, потому что я постарался встать на его место, понять, чем бы меня можно было зацепить. Опыт подсказывает, что зацепить можно кого угодно. Нужно лишь понять, где слабое место.

Например, меня можно поймать схожим с Трапнеллом образом, привязав эмоциональный стимул к какой-нибудь важной для меня дате.

У моей сестры Арлин была прекрасная светловолосая дочурка, Ким. Наши с ней дни рождения совпадают – 18 июня, и потому я всегда чувствовал с племянницей особую связь. Она умерла во сне, когда ей было всего шестнадцать. Точную причину смерти так и не установили. Вся боль и все счастье воспоминаний о ней сошлись для меня в одной точке – в моей собственной дочери, Эрике, которая теперь уже учится в университете. Они очень похожи. Уверен, каждый раз, когда Арлин видит Эрику, у нее перед глазами стоит образ Ким. Каждый раз она представляет, какой стала бы ее дочь, доживи она до этих дней. То же самое чувствует и моя мать.

И если бы я охотился за собой, то запланировал бы допрос аккурат перед моим днем рождения. Я в приподнятом настроении, с нетерпением жду праздника в кругу семьи. Но, кроме того, мои мысли устремлены и к племяннице, я думаю о том, что у нас с Ким совпадают дни рождения и что моя дочь Эрика так на нее похожа. Я буду уязвим. Стоит мне увидеть на стене совместное фото двух девчонок, как я совсем расклеюсь.

Совершенно не имеет значения, если я знаю, какую стратегию допроса ко мне собираются применить. Не имеет никакого значения даже и то, что я сам ее придумал. Если стресс-фактор – это адекватный, волнующий субъекта вопрос, то он с большой вероятностью сработает. Вот такой спусковой крючок мог быть у меня. У вас нашелся бы другой, и нам пришлось бы заранее пораскинуть мозгами, чтобы его найти. Но рано или поздно мы его нашли бы.

Потому что камень всегда под рукой.

Глава 11. Атланта

Зимой 1981-го Атланта переживала темные времена.

Тихо и почти незаметно все началось полтора года назад. Еще не успев закончиться, бойня тех дней стала одной из самых крупных и, пожалуй, самой шумевшей в истории США. Она приняла политическую окраску и расколола общественность на два лагеря. Каждый шаг расследования был пропитан горькими противоречиями.

28 июля 1979 года в полицию поступила жалоба на неприятный запах, доносящийся из леса у Ниски-Лейк-роуд. Оказалось, что зловоние исходило тело тринадцатилетнего Альфреда Эванса, уже три дня числившегося пропавшим. Осматривая место преступления, в пятидесяти футах от него полиция наткнулась на еще один частично разложившийся труп, принадлежащий четырнадцатилетнему Эдварду Смиту, который пропал за четыре дня до исчезновения Альфреда. Оба мальчика были черными. Медицинская экспертиза показала, что Альфред Эванс, вероятно, скончался от удушья, тогда как Эдварда Смита, без сомнений, застрелили из пистолета 22-го калибра.

8 ноября в заброшенной школе нашли тело девятилетнего Юсефа Белла, также задушенного. Он числился пропавшим с октября месяца. Спустя восемь дней – на сей раз в самой Атланте, в районе Ист-Поинт, недалеко от пересечения Редуайн-роуд и Дезерт-драйв, – был найден труп четырнадцатилетнего Милтона Харви, пропавшего еще в начале сентября. Как и в случае с Альфредом Эвансом, точную причину смерти установить не удалось. И снова жертвы – чернокожие мальчики. Полиции не хватало схожих улик, чтобы установить между убийствами определенную взаимосвязь. К несчастью, в столь крупном городе, как Атланта, дети пропадают почти все время. Некоторых из них находят уже мертвыми.

Утром 5 марта 1980 года двенадцатилетняя Энджел Ланье вышла из дома и отправилась на занятия в школу, но так до нее и не добралась. Спустя пять дней ее тело обнаружили на обочине дороги, опутанное проводами и с трусиками во рту вместо кляпа, хотя девочка была полностью одета, включая нижнее белье. Смерть наступила от удушения шнуром. Судмедэксперты не обнаружили признаков изнасилования.

12 марта пропал одиннадцатилетний Джеффри Мэтис. На тот момент полиция Атланты все еще не сделала никаких конкретных выводов об исчезновении и убийстве шестерых чернокожих детей. Случаи во многом походили друг на друга, но во многом отличались, и никто в полиции всерьез не задумывался о том, что они могут быть связаны.

Кое-кто думал иначе. 15 апреля мать Юсефа Белла Камилла объединилась с родителями других пропавших и убитых чернокожих детей и объявила о создании Комитета по прекращению детоубийства. Они подали официальное ходатайство, чтобы власти признали факт серийных убийств и предприняли необходимые меры по расследованию преступления. Подобная реакция совершенно не характерна для Атланты, многонациональной столицы Нового Юга. В кипящей жизнью Атланте попросту «не остается времени для ненависти», чем искренне гордились чернокожие мэр Майнард Джексон и комиссар по общественной безопасности Ли Браун.

Но ужасы не прекратились. 19 мая четырнадцатилетнего Эрика Мидлбрука нашли мертвым в четверти мили от его дома. Смерть наступила от удара тупым предметом по голове. 9 июня пропал двенадцатилетний Кристофер Ричардсон. А ранним утром 22 июня была прямо из своей постели похищена еще одна девочка, восьмилетняя Латония Уилсон. Спустя два дня под мостом в округе Де-Калб обнаружили тело десятилетнего Аарона Вичи. Он скончался от удушья и перелома шеи. На тело девятилетнего Энтони Картера, лежавшего за складом по Уэллс-стрит лицом в траве, с многочисленными ножевыми ранениями, наткнулись проходившие мимо рабочие. Отсутствие следов крови на траве свидетельствовало о том, что тело перевезли сюда из другого места.

Игнорировать систематичность убийств не осталось возможности. Комиссар по общественной безопасности Браун учредил опергруппу по расследованию похищений и убийств, в которую впоследствии вошло более пятидесяти человек. Но зверства продолжались. 31 июля в полицию заявили об исчезновении десятилетнего Эрла Террелла у Редуайн-роуд, неподалеку от места, где ранее нашли тело Милтона Харви. Затем на Голливуд-роуд был найден мертвым двенадцатилетний Клиффорд Джонс со следами удушения, и только тогда полиция наконец признала наличие почерка и заявила: отныне расследование будет проводиться на основе предположения о том, что убийства чернокожих детей взаимосвязаны.

До сего момента ФБР не имело права вмешиваться в расследование. Несмотря на серьезный масштаб этого отвратительного дела, оно по-прежнему оставалось в юрисдикции местных властей. Но все изменилось с исчезновением Эрла Террелла. Вскоре его родным стали названивать с требованием выкупа за жизнь ребенка. Звонивший уточнил, что ребенок находится в Алабаме. Предполагаемое пересечение похитителями границы между штатами автоматически

позволило применить положения федерального закона о похищениях и привлечь к расследованию ФБР. Однако вскоре стало ясно, что требование выкупа – пустышка. Надежды на спасение Эрла угасли, и ФБР пришлось отступить.

16 сентября в розыск объявили еще одно мальчика, одиннадцатилетнего Даррона Гласса. Тогда мэр Майнард Джексон запросил поддержку у Белого дома, а именно призвал допустить ФБР к расследованию похищений и убийств детей в Атланте. Генеральный прокурор Гриффин Белл приказал Бюро выяснить, содержатся ли еще не найденные дети в условиях, противоречащих положениям федерального закона, иными словами, носит ли эта серия преступлений межштатный характер. В дополнение к этому на региональное отделение в Атланте возлагалась обязанность узнать, связаны ли на самом деле эти эпизоды. Так или иначе, Бюро получило приказ: расследовать дело и найти убийцу как можно скорее.

Естественно, СМИ не были бы СМИ, если бы не присоединились ко всеобщему безумию. Неуклонно растущая коллекция фотографий чернокожих детских лиц, ежедневно публикуемых в газетах, огульно обвиняла власти. Может, это заговор, направленный на геноцид афроамериканского общества и его наиболее уязвимых членов? Или спустя полтора десятилетия после легализации гражданских прав чернокожих восстали нацисты, ку-клукс-клан или другие радикалы? Или же виноват психопат-одиночка, преследующий единственную цель – убивать детей? Последнее звучало наиболее правдоподобно. Дети становились жертвами его зверств один за другим. Однако на тот момент подавляющее большинство серийных убийц были белыми и очень редко охотились на представителей другой расы. Серийное убийство – это глубоко личное дело, но никак не политическое.

Но в случае расовой подоплеки легитимность вмешательства ФБР получала дополнительное подкрепление. Даже если факт междоштатного похищения установить не удастся, нам все равно вменялось определить, подпадают ли убийства под действие Классификатора № 44: нарушение гражданских прав, установленных федеральным законодательством.

Когда мы с Роем Хейзелвудом отправились в Атланту, на нас висело еще шестнадцать других дел, и скорого конца им не предвиделось. Бюро уже успело достаточно вникнуть в суть вопроса, чтобы открыть собственное дело, которое называли «АТДЕТ», или «Особое дело 30», хотя наше появление и не сопровождалось громом фанфар. Полиция Атланты не хотела, чтобы кто-то присваивал себе их заслуги, а региональное отделение ФБР, в свою очередь, опасалось давать неоправданные обещания.

Естественно, в Атланту меня сопровождал именно Рой Хейзелвуд. Из всех инструкторов отдела поведенческого анализа он больше всех

поднаторел в профайлинге, преподавал курс по межличностному насилию в Национальной академии и брался за многие дела по изнасилованиям, которые попадали к нам в отдел. В первую очередь нам нужно было определить, связаны ли все эти убийства, и если связаны, то не стоит ли за ними некая группа лиц.

Мы изучили целый талмуд материалов по делу – фотографии с мест преступлений, описание каждого ребенка и его одежды, показания местных свидетелей, протоколы вскрытия. Мы поговорили с семьями погибших, чтобы выявить общие черты в поведении жертв. С полицией мы объездили каждый район, где проживали жертвы и где нашли их тела.

Не сговариваясь и не обсуждая впечатления друг с другом, мы с Роем прошли психометрическое тестирование под надзором судебного психиатра, вжившись в роль убийцы. Такой тест рассчитан на то, чтобы прояснить мотивацию, прошлое и семейную жизнь преступника – словом, все то, что мы обыкновенно включаем в свои психологические портреты. Мы показали почти идентичные результаты, чем немало удивили психиатра.

Поверьте, мы не подгоняли нарочно свои выводы, чтобы выиграть конкурс зрительских симпатий.

Во-первых, мы считали, что преступления совершаются не на почве расовой ненависти, так что ку-клукс-клан тут ни при чем. Во-вторых, убийца, скорее всего, чернокожий. И в-третьих, хотя связь прослеживается между многими исчезновениями и смертями, но далеко не между всеми.

Бюро расследований штата Джорджия предоставило нам пару намеков на участие в убийствах ку-клукс-клана, но мы их отвергли. Достаточно изучить историю расовых преступлений, и вы поймете, что с самого зарождения нации они совершались с прицелом на максимальную публичность и символизм. Линчевание ставит своей целью сделать публичное заявление в виде трупа, оставленного всем на обозрение. Подобное преступление или любое другое убийство на почве расовой ненависти – это акт устрашения, а потому свою эффективность они обретают только в случае широчайшей общественной огласки. Члены ку-клукс-клана носили белые балахоны не для того, чтобы прятаться по лесам. Если бы подобная группировка охотилась на детей в районе Атланты, она не стала бы месяцами тянуть время, прежде чем довести свое послание до общественности и полиции. Скорее они бы рьяно развешивали тела на центральных улицах, не стесняясь своих намерений. В нашем же случае ничего подобного не происходило.

Убийца оставлял тела в районах, преимущественно или полностью заселенных чернокожими. Белый, а тем более группа белых не смогли бы незаметно шастать по таким кварталам. Полиция провела обширную работу и не нашла признаков того, чтобы рядом с детьми или местами

обнаружения их тел объявлялся какой-нибудь белый. Эти улицы кипят жизнью двадцать четыре часа в сутки, и потому даже под покровом ночи кто-нибудь обязательно заметил бы необычного гостя. Этот вывод вписывался также и в нашу практику, которая показывает, что лица, совершающие убийства на сексуальной почве, обычно выбирают жертву своей расы. Хотя явных признаков растления мы не обнаружили, эти преступления тем не менее совершались с сексуальным подтекстом.

Многие жертвы обладали очевидным сходством: юные приветливые дворовые ребята, еще слишком неопытные и наивные в своем отношении к миру за привычным окружением своего района. Такие дети особенно восприимчивы к обману, искушению или хитрости со стороны грамотного преступника. У субъекта должна быть машина, поскольку детей он увозил прочь с места похищения. А еще нам казалось, что в глазах жертв он источал эдакую взрослую респектабельность. Многие из этих детишек жили в глубокой нищете, в некоторых квартирах не было даже электричества и воды.

Все это вкупе с неискушенностью жертв означало, что похитителю даже не требовались особые ухищрения. Эту догадку мы проверили на практике: в бедных районах несколько офицеров под видом простых рабочих предлагали ребятишкам пять долларов за то, что они пройдутся с ними и сделают кое-какую работу. В эксперименте участвовали как белые, так и черные полицейские, но его результативность от этого не менялась. Местные дети жили в отчаянной нужде и потому за пять долларов готовы были продать душу. Чтобы заманить их в ловушку, большого ума не надо. Но эксперимент также подтвердил, что в таких районах белые привлекают к себе повышенное внимание.

Однако, как я уже говорил, сходство прослеживалось не во всех убийствах. Тщательно изучив каждую жертву и все обстоятельства их исчезновения, я пришел к выводу, что двух девочек убил другой человек, а может, каждая из них и вовсе нашла собственного убийцу. Слишком уж заковыристо выглядело похищение Латонии Уилсон из собственной спальни. Что касается мальчиков, я видел взаимосвязь между большинством «мягких» убийств, совершенных посредством удушения, сюда же примыкали случаи с неустановленной причиной смерти. Судя по другим аспектам, мы имели дело не с одним преступником. Явные улики в одном из убийств указывали на то, что нападавший – родственник жертвы. Правда, когда директор ФБР Уильям Уэбстер заявил об этом во всеуслышание, пресса тут же закатала его в асфальт. Не считая очевидной политической стороны подобного заявления, любое дело, которое выпадало из перечня «похищенных и убитых», автоматически лишало семью права претендовать на пожертвования, собранные неравнодушными по всей стране.

Хотя нам и казалось, что убийства могли совершаться группой лиц, больше мы все-таки склонялись в сторону одного буйнопомешанного индивида, который продолжит зверствовать, пока мы его не остановим.

Мы с Роем составили портрет чернокожего холостого мужчины в возрасте от двадцати пяти до двадцати девяти лет. Он, скорее всего, «запывался» от полиции, водил автомобиль, похожий на полицейский, и мог рано или поздно затесаться в расследование. У него также могла быть собака из тех, что служат в полиции, скажем, немецкая овчарка или доберман. Подруги у него нет, он испытывает слабость к мальчикам, хотя мы и не видели явных признаков насилия или какого-либо извращения. Я считал, что это говорит о его сексуальной ущербности. Скорее всего, чтобы заманить мальчиков в ловушку, он шел на некие ухищрения, например предлагал что-то связанное с музыкой или выступлениями на сцене. У него хорошо поставлена речь, но к сцене он, конечно, отношения не имел. В определенный момент ребенок понимал или чувствовал, что дело нечисто, и тогда субъекту лишь оставалось его убить.

Полиция Атланты перепроверила всех известных педофилов и сексуальных преступников, после чего в списке осталось полторы тысячи возможных подозреваемых. Офицеры полиции и агенты ФБР обходили школы и опрашивали учеников на предмет того, подходил ли к ним неизвестный мужчина и рассказывали ли они об этом своим родителям или полиции. Детективы разъезжали на автобусах, раздавая листовки с фотографиями пропавших детей и спрашивая прохожих, не видел ли их кто-нибудь в последнее время, особенно в компании мужчины. В гей-барах работали копы под прикрытием в надежде наткнуться на малейшую зацепку из обрывков услышанных разговоров.

Не все были с нами согласны. И далеко не все приветствовали наше участие. Как-то я осматривал очередное место убийства в заброшенном жилом доме, и ко мне подошел чернокожий коп со словами:

– Это ты Дуглас?

– Да, я.

– Видел я твой профайл. По мне, так дерьма кусок.

Я так и не понял, действительно ли он считает неудачной мою работу, или же просто чересчур эмоционально процитировал газеты, наперебой кричавшие о том, что чернокожих серийных убийц не бывает. Кстати, это не совсем так. Нам попадались афроамериканские серийники, убивавшие как своих родственников, так и проституток, но их *modus operandi* мало чем походил на то, с чем мы столкнулись сейчас.

– Слушай, меня здесь ничего не держит, – ответил я, – я не напрашивался.

Все были, мягко говоря, на пределе. Участники расследования мечтали поскорее закончить с этим делом, и каждый из них хотел стать тем, кто его раскроет. Как часто бывало, мы с Роем прекрасно понимали, что в случае скандала нам тоже мало не покажется.

Кроме идеи о возрождении ку-клукс-клана, вокруг этих убийств роилась целая масса самых разнообразных теорий и догадок, одна причудливее другой. У каждого ребенка не доставало какого-то предмета одежды, и в каждом случае это было что-то свое. Хотел ли убийца нарядить манекен в своей берлоге, как когда-то Эд Гейн коллекционировал кусочки женской кожи? Можно ли сказать, что убийца эволюционирует, если с каждым новым эпизодом он становится все наглее в выборе места для трупа? Возможно ли, что субъект уже давно совершил самоубийство и теперь его дело продолжает подражатель?

Переломный момент настал с моим возвращением в Куантико. В полиции Коньерса, небольшого городишки в двадцати милях от Атланты, раздался звонок. Похоже, они наконец напали на след. Ларри Монро пригласил меня и доктора Парка Дитца в свой кабинет и продемонстрировал нам запись телефонного разговора. Монро занимал пост начальника отдела поведенческого анализа, но славу одного из наиболее выдающихся инструкторов Куантико он снискал задолго до этого. Как и Энн Берджесс, доктора Дитца в отдел пригласил Рой Хейзелвуд. На тот момент он еще работал в Гарварде и только обретал известность в правоохранительных кругах. Ныне же он стал путеводной звездой судебной психиатрии в США. Парк осел в Калифорнии и до сих пор регулярно консультирует наш отдел по различным вопросам.

Человек на пленке утверждал, что он и есть атлант-ский детоубийца. Он обладал характерным деревенским акцентом, который, очевидно, принадлежал белому мужчине. В подтверждение своих слов мужчина назвал имя последней жертвы и пообещал, что будет и дальше убивать «этих мелких ниггеров». Он также назвал место у Сигмон-роуд в округе Рокдейл, где полиция обнаружила один из трупов.

Помню, в каком предвкушении смотрели на меня коллеги. Но, увы, мне пришлось их разочаровать. «Это не убийца, – заявил я, – но найти его все равно нужно, потому что он будет и дальше названивать, отвлекая нас от расследования».

Несмотря на возбуждение, царившее в полиции в связи с этим звонком, я был уверен, что не ошибся насчет того придурка. Недавно мы с Бобом Ресслером уже столкнулись с подобной ситуацией. Тогда мы отправились в Англию, Брамсхилл, расположенный примерно в часе езды от Лондона, чтобы провести занятие для офицеров Британской полицейской академии (аналог Куантико). Мы прибыли в самый разгар убийств «йоркширского потрошителя». Убийца, очевидно вдохновленный Уайтчепелом поздней Викторианской эпохи, систематически избивал и резал женщин на севере Англии, по большей части проституток. Число его жертв дошло до восьми. Трем удалось сбежать, но они не смогли дать хоть сколько-нибудь внятное описание нападавшего, даже приблизительный возраст варьировался от подросткового до предпенсионного. Как и Атланта, вся Англия содрогалась от ужаса. Это была крупнейшая бойня в истории страны. Для поимки убийцы полиция

допросила более четверти миллионов свидетелей и подозреваемых со всей страны.

«Потрошитель» активно писал в полицию и газеты, фактически признавая свои убийства. Затем старший инспектор Джордж Олдфилд получил по почте пленку, на которой голос явно дразнил копов и обещал убивать дальше. Как и в атлантском деле, поначалу всем показалось, что расследование наконец сдвинулось с мертвой точки. Пленку размножили и стали крутить по всей стране – на радио и телевидении, на телефонных номерах с бесплатным вызовом, по громкой связи на футбольных матчах – в надежде, что кто-нибудь случайно узнает голос.

Когда мы прибыли в Брамсхилл, то узнали, что там же находится и Джон Домейл, опытный коп и ведущий следователь по делу «потрошителя». Ему доложили, что в город наведались два профайлера из ФБР, и он предложил встретиться. И вот как-то раз после занятий мы с Бобом сидели за кружкой пива, как вдруг в паб заходит Джон. Он поздоровался с кем-то у барной стойки и завязал с ним разговор. По его жестикуляции мы поняли, что он не воспринимает ребят из США всерьез. Тогда я заметил Ресслеру:

– Спорим, это Домейл.

Я не ошибся. Ему указали на нас, и он со своим собеседником подошел к нашему столику, чтобы поздороваться. Я отметил:

– Что-то не вижу, чтобы у вас с собой были документы.

Он рассыпался в извинениях, мол, дело непростое, быстрого знакомства с ним не получится и так далее.

– Класс, – ответил я, – у нас и своих забот по горло, некогда нам тут расслаживаться.

Похоже, моя категоричность взбодрила британцев. Один из них спросил, какая информация нам потребуется для составления психологического портрета. Для начала я попросил описать места убийств. Он сообщил, что убийца, похоже, выжидал, пока жертва будет уязвима, а затем неожиданно нападал с молотком или ножом. После смерти он увлеченно уродовал трупы. Говоривший на пленке обладал хорошо поставленной речью и слишком витиевато выражался для палача проститутки. Поэтому я заявил:

– Принимая во внимание ваше описание мест преступлений и аудиозапись, которую я прослушал еще в Штатах, могу сказать, что это не ваш клиент. Не тратьте на него время.

Я объяснил, что убийца, которого они ищут, не станет общаться с полицией. Он неприметный одиночка с патологической ненавистью к женщинам. Ему далеко за двадцать, если не все тридцать. Школу не окончил. Возможно, водит фургон или грузовик, раз у него есть возможность быстро перемещаться по стране. Для него убийство проститутки – способ покарать весь женский род в целом.

Полиция потратила уйму времени и сил на то, чтобы раздобыть и распространить пленку, но направление расследования пришлось радикально изменить. Домейль тогда сказал: «Знаешь, этого я и боялся». 2 января 1981 года, в самый разгар атлантского кошмара, благодаря счастливой случайности удалось изловить двадцатипятилетнего «потрошителя» Питера Сатклиффа, а позже его вина была доказана. Тогда же мы выяснили, что к голосу с пленки он не имеет никакого отношения. Самозванцем оказался бывший полицейский, который таким образом хотел свести счеты с инспектором Олдфилдом.

Прослушав аудиозапись из Джорджии, я посоветовался с полицией Коньерса и Атланты, после чего мигом придумал план, как нейтрализовать нашего самозванца. Как и в случае с «потрошителем», мужчина говорил насмешливо и повелительно.

– Судя по его тону и словам, он всех вас держит за последних дураков, – сказал я, – этим мы и воспользуемся.

Я предложил полицейским оправдать ожидания звонившего и вести себя максимально глупо:

– Отправляйтесь на Сигмон-роуд, но общитесь противоположную сторону улицы, упустите его. Он будет наблюдать, и при некотором везении прямо там вы его и схватите. А если нет – то он, во всяком случае, перезвонит, чтобы еще раз позлорадствовать над вашей тупостью.

Ловушка была готова. Престарелого деревенского злоумышленника выследили и схватили прямо у него дома. Чтобы убедиться, что он не подсадная утка, ребята обыскали на всякий случай и противоположную сторону Сигмон-роуд, но, естественно, никого там не обнаружили.

К несчастью, от расследования полицию отвлекал не только шутник из Коньерса. В любом крупном деле таковых попадаетеся немало, и Атланта тут не исключение. В лесу у дороги, где следователи нашли сгнившие до костей останки, им попался девичий журнал со следами семени на страницах. В лаборатории ФБР удалось обнаружить едва заметные отпечатки пальцев, по которым спецы восстановили личность их владельца. Им оказался белый мужчина, работавший дезинсектором и водивший фургон. Психологический символизм вписывался идеально. Для такого социопата от истребления насекомых до истребления чернокожих детей рукой подать. Мы уже знаем, что многие серийные убийцы возвращаются на место преступления и к местам, где прячут тела. Полиция подозревала, что душегуб остановился у обочины, чтобы окинуть взором свои владения и мастурбировать, смакуя воспоминания об охоте и убийстве.

Известие о наших успехах вскоре дошло до директора ФБР, генерального прокурора и даже до Белого дома. Все с нетерпением ждали возможности во всеуслышание объявить о поимке атлантского детоубийцы. Готовились пресс-релизы. Но мне не давали покоя две

вещи. Во-первых, он белый. Во-вторых, счастлив в браке. Я считал, что у него была другая причина остановиться именно там.

Задержанного привели на допрос. Он все отрицал. Ему показали журнал со слипшимися от спермы страницами и пояснили, что там есть его отпечатки. «Хорошо, – признал он, – проезжал мимо и выбросил его из машины». Интересно: значит, одной рукой он рулит, другой – наяривает, а потом еще умудряется выкинуть журнал так, что тот долетел до самого леса? Должно быть, у него бросок покруче, чем у лучших бейсболистов.

Понимая, что его основательно прижали, задержанный признался, что его жена на сносях и у него несколько месяцев не было секса. Вместо того чтобы изменять любимой женщине, которая носит под сердцем его ребенка, он отправился в киоск, купил журнальчик, а во время ланча завернул в лесок, чтобы получить долгожданную разрядку.

Я искренне сочувствовал бедолаге. Никому не мешая, он отъехал подальше, спокойно занялся своими делами, а в итоге даже президент США в курсе, что он разок передернул в лесу!

Когда полиция схватила самозванца из Коньерса, я уж было подумал, что можно расслабиться; по крайней мере, чертов расист больше не стоит у нас на пути и полиция сосредоточится на расследовании. Однако я не учел важную деталь, а именно – шумиху в прессе. С тех пор я зарекся допускать такие промахи.

Я понимал, что в какой-то момент широкое освещение событий в СМИ само по себе стало приносить убийце некое удовлетворение. Но я не учел, что он будет по-особому реагировать на сообщения в газетах.

И вот к чему это привело. Пресса с жадностью следила за малейшими подвижками в деле. Журналисты много и подробно писали о том, как полиция шарилась в районе Сигмон-роуд в поисках улик. Вскоре после этого, все в том же округе Рокдейл, на той же Сигмон-роуд, на самом видном месте был обнаружен очередной труп – пятнадцатилетнего Терри Пью.

Этот крайне важный поворот событий дал мне возможность приступить к подготовке стратегии поимки преступника. Его выходка указывала на то, что он внимательно следит за публикациями в прессе и реагирует на них. Он знал, что полиция не найдет труп на Сигмон-роуд просто потому, что он его там не оставлял. И тут убийца продемонстрировал всем, как умело он манипулирует и СМИ, и полицией, какой властью над ними обладает. Он показал всю свою надменность и презрение: если ему захочется, он оставит тело на Сигмон-роуд. Преступник нарушил свой почерк и проехал тридцать или сорок километров только ради того, чтобы поиграть с нами. Значит, он следит за событиями. И мы попробуем этим воспользоваться, чтобы манипулировать им самим.

Если бы я знал это заранее или хотя бы рассматривал такую возможность, то предложил бы установить круглосуточное наблюдение у

Сигмон-роуд. Но теперь уже слишком поздно. Надо придумать новый ход.

И вот какой план у меня родился. Фрэнк Синатра и Сэмми Дэвис-младший собирались провести в Атланте, в Омни, благотворительный концерт по сбору средств для семей жертв. Об этом уже повсюду судачили, и я ни капли не сомневался, что убийца там объявится. Вопрос только в том, кто из двадцати с лишним тысяч зрителей убийца.

Мы с Роем Хейзелвудом искали «фаната полиции». Наш единственный ключ.

– Может, пообещать ему бесплатный билет? – предложил я.

Как обычно, ребята из полиции и регионального отделения посмотрели на меня как на дурачка. Пришлось пояснить. Мы объявим, что ожидается колоссальный приток зрителей и потребуются дополнительная охрана. Предложим небольшое вознаграждение. Обязательное требование к кандидату – наличие собственного автомобиля (коль скоро у нашего клиента таковой имеется). Предпочтительны люди с опытом работы в охране или полиции. В Омни установим видеокамеры, будем сразу отсеивать тех, кто нас не интересует, – женщин, стариков и т. д., – сосредоточимся главным образом на молодых чернокожих мужчинах. Пусть каждый из них заполнит анкету с указанием опыта работы на скорой помощи, в охране или полиции, что поможет вычислить возможных подозреваемых. Скорее всего, у нас останется человек десять – двенадцать, причастность которых мы потом проверим по другим уликам и зацепкам.

Мой план довели прямо до генерального прокурора. Проблема была в том, что в том случае, когда организуешь работу большого количества людей «не по учебнику», может наступить «аналитический паралич». Поэтому план едва успели утвердить за день до начала концерта, и времени для попытки найти преступника, наняв охрану «по объявлению», совсем не оставалось.

Поэтому я выдвинул план Б. Надо изготовить деревянные кресты сантиметров тридцать высотой, которые мы раздадим семьям погибших и установим на местах убийств в качестве памятников, а еще один, самый большой, поместим рядом с церковью в знак всеобщей скорби. Как только СМИ об этом раструбят, я знал, что убийца непременно объявится в одном или нескольких местах. Возможно, он даже попытается похитить крест в качестве трофея. Если установить наблюдение за ключевыми точками, то у нас появятся неплохие шансы его изловить.

И снова Бюро потребовалось несколько недель, чтобы утвердить план. Дальше началась война за то, кому готовить кресты: вашингтонской секции вещдоков ФБР, скобяной лавке в Куантико или вообще поручить работу внешнему исполнителю при посредничестве регионального отделения в Атланте? В конце концов кресты изготовили, но к тому

моменту, как мы получили их на руки, дело приняло неожиданный оборот.

К февралю ситуация в городе вышла из-под контроля. Вокруг расплодилось несчетное множество всяких медиумов и предсказателей, которые засыпали нас самыми разными, зачастую противоречащими друг другу портретами преступника. Пресса хваталась за любую возможность вытрясти все до последней крупички из каждого человека, хотя бы отдаленно связанного с делом. За Терри Пью, найденным на Сигмон-роуд, последовал двенадцатилетний Патрик Бальтасар, чей труп обнаружили у шоссе Буфорд в округе Де-Калб. Мальчика задушили точно так же, как и Терри Пью. Как раз тогда медицинская экспертиза установила, что частицы волос и волокон на шее Патрика Бальтасара совпадают с теми, которые предполагаемый убийца оставил на пяти предыдущих жертвах. Тех самых, что я еще раньше объединил в одну серию. Заключение экспертизы тут же разнеслось по всей стране.

И тут у меня внутри что-то щелкнуло: теперь он будет сбрасывать тела в реку. Он ведь знает, что у полиции есть образцы волос и орудия убийства. Тело одной из предыдущих жертв, Патрика Роджерса, нашли в декабре на берегу реки Чаттахучи со стороны округа Кобб. Да, пятнадцатилетний Патрик скончался от удара по голове, но в нем было 180 сантиметров роста и 65 килограммов веса, его вышвырнули из школы, да и с законом он не дружил. Полиция не считала, что его убийство связано с остальными. И все равно я чувствовал, что теперь убийца вернется к реке, чьи воды смывают его следы.

Нужно срочно установить наблюдение за реками, считал я, а особенно за Чаттахучи – крупнейшей водной артерией, по которой проходит северо-западная граница города, отделяющая его от округа Кобб. Однако выбранный мною район состоял из нескольких полицейских юрисдикций плюс ФБР, и взять общее управление над операцией не мог никто. Когда наконец удалось утвердить и направить на место команду, состоявшую из агентов ФБР и членов опергруппы, на дворе уже стоял апрель.

А тем временем убийца не сидел на месте. Я совсем не удивился тому, что вскоре из Саут-ривер выловили еще один труп – тринадцатилетнего Кертиса Уокера. За ним с разницей в один день в водах Чаттахучи обнаружили еще два тела: тринадцатилетнего Тимми Хилла и двадцатидвухлетнего Эдди Дункана, самого старшего из всех. В отличие от предыдущих жертв, которых находили полностью одетыми, эти трое были раздеты до трусов – еще один способ удалить возможные следы волос и волокон.

Неделя шла за неделей, и наблюдательные команды сутками следили за мостами и другими потенциальными точками по течению реки, где убийца мог сбросить труп. И ничего. Стало ясно: власти забрели в тупик и начали терять надежду из него выбраться. Бесплодную операцию решили закрыть последней сменой в 6 утра 22 мая.

Около 2:30 той ночью рекрут полицейской академии Боб Кэмпбелл дежурил у реки Чаттахучи ниже по течению от моста Джексон-Паркуэй-Бридж, как вдруг откуда ни возьмись выехала машина и ненадолго остановилась на самой переправы.

«Я слышал громкий всплеск!» – взволнованно сообщил по рации Боб. Луч его фонарика осветил расходящиеся по воде круги. Машина круто развернулась и поехала обратно. А за ней – хорошо замаскированный полицейский автомобиль. Вскоре Кэмпбелл остановил у дороги фургон «шевроле» 1970 года выпуска, за рулем которого сидел невысокого роста кучерявый мужчина двадцати трех лет по имени Уэйн Бертрам Уильямс с весьма светлой для негра кожей. Он отвечал приветливо и был готов помочь. Он заявил, что работает музыкальным промоутером и живет с родителями. Его допросили и устроили обыск в его машине, а потом отпустили. Но глаз с него не спускали.

Спустя два дня вниз по течению, недалеко от того места, где месяцем ранее обнаружили двадцатидвухлетнего Джимми Рэй Пейна, всплыло обнаженное тело двадцатисемилетнего Натаниэля Картера. Улик, чтобы арестовать Уильямса и получить ордер на обыск, было недостаточно, но он все равно находился под пристальным наблюдением.

Вскоре он понял, что полиция его преследует, и устроил дикие гонки по всему городу. Как-то раз он даже отправился к дому комиссара по безопасности Ли Брауна и стал сигналить что было мочи. У преступника дома была проясочная комната, но еще до того, как мы успели получить ордер, он сжег все фотографии на заднем дворе. Кроме того, он до блеска отдраил машину.

Уэйн Уильямс вписывался в наш портрет по всем ключевым характеристикам, включая наличие питомца – немецкой овчарки. Яркой выраженный «полицейский фанат»; несколько лет назад его уже арестовывали за то, что он выдавал себя за копа. Уильямс водил списанный полицейский автомобиль и с помощью полицейского радара отыскивал места преступлений и делал снимки. Также выяснилось, что несколько свидетелей видели подозреваемого на Сигмон-роуд, когда следствие отвлеклось на анонимный телефонный звонок и поиски несуществующего тела. Фотографии он передавал полиции. И конечно же, он был на том благотворительном концерте в Омни.

Я считал, что теперь мы сможем его зацепить. ФБР просто так, без ареста, пригласило Уильямса к себе в отделение. Он охотно согласился, отвечал на вопросы и даже не требовал адвоката. Однако, судя по отчетам, допрос не организовали и не подготовили должным образом. Он прошел слишком грубо и прямолинейно. Мне доложили, что после беседы Уильямс еще некоторое время околачивался возле отделения, как будто хотел поговорить о полиции, ФБР и всяком таком. Но когда его отпустили, я понял, что нам ни за что не добиться от него признания. Подозреваемый даже согласился пройти тест на полиграфе, не давший

никакого результата. Позже, когда полиция совместно с агентами ФБР получила ордер и провела обыск в доме родителей Уильямса, преподавателями на пенсии, там нашлись книжки о том, как обмануть детектор лжи.

Полиция получила ордер 3 июня. Хотя Уэйн тщательно вымыл машину, внутри все равно удалось обнаружить частицы волос и волокон, указывающих на его причастность по меньшей мере к двенадцати убийствам – тем самым, что я связал в одну серию.

Теперь у нас были неопровержимые улики. Волосы и волокна одежды, найденные на телах, в точности совпадали с обнаруженными в комнате, дома и в машине Уэйна Уильямса. Но и это еще не все. Ларри Петерсон, судмедэксперт из лаборатории по криминалистике штата Джорджия, установил, что эти же частицы встречаются на одежде жертв, которую те надевали еще до своей смерти. Иными словами, он доказал, что Уэйн Уильямс взаимодействовал с некоторыми жертвами еще до нападения.

Уэйн Б. Уильямс был арестован 21 июня за убийство Натаниэля Картера. Расследование по другим эпизодам продолжалось. Когда стало известно об аресте, мы с Бобом Ресслером как раз готовились к встрече с Ассоциацией исправительных учреждений Южных Штатов в гостинице «Хэмптон инн», что рядом со зданием «Ньюпорт ньюс» в Вирджинии. Я только вернулся из Англии, расправившись с делом «йоркширского потрошителя», и рассказывал о своей работе по серийным убийствам. Еще в марте в журнале «Пипл» опубликовали статью о том, как мы с Бобом занимаемся делом атлантского детоубийцы. По указанию начальства мы рассказали о нашем психологическом портрете, в частности о том, что мы считаем субъекта чернокожим. Статья прогремела на всю страну. И вот кое-кто из аудитории в пятьсот с лишним человек задает вопрос, как я отношусь к аресту Уэйна Уильямса.

Я немного рассказал об истории дела и нашего участия в нем, о том, как вообще появился на свет наш профайл. Я отметил, что Уильямс действительно «неплохо вписывается», и аккуратно добавил, что, если он и в самом деле окажется убийцей, то «точно так же впишется в несколько других дел».

Я не знал, что вопрос задавал журналист, впрочем, даже если бы и знал, то ответил бы то же самое. На следующий день моя цитата уже красовалась в выпуске «Ньюпорт ньюс – Хэмптон дейли пресс» – разумеется, без критически важной оговорки «если».

Вскоре мои слова облетели всю страну. Их стали цитировать в новостях и крупнейших газетах. Даже в «Атланта конститьюшн» не поленились сварганить статью под заголовком «ФБР: возможно, Уильямс убил далеко не одного».

Телефон у меня буквально разрывался. Лобби отеля и коридор на моем этаже вскоре обросли телевизионными камерами. Нам с Ресслером

даже пришлось пользоваться пожарным выходом, чтобы пробиться наружу.

В штабе дерьмо уже вовсю несло по трубам. Со стороны выглядело так, будто агент ФБР, тайно ведущий расследование, объявил Уильямса виновным без суда и следствия. На пути в Куантико мы связались по мобильному с начальником отдела Ларри Монро, и я попытался объяснить ему, как все произошло на самом деле. Они на пару с помощником директора Джимом Маккензи изо всех сил старались выгородить меня перед ОДО – отделом дисциплинарной ответственности.

Помню, как я сидел на верхнем этаже библиотеки в Куантико, где любил в тишине и покое покумекать над портретами преступников. Кроме того, помещение обладало еще одним существенным плюсом: там были окна, из которых можно увидеть белый свет, в отличие от наших традиционных подземных кабинетов. Ко мне подошли Монро и Маккензи. Они всегда очень ратовали за меня. Я единственный занимался профайлингом на полную ставку и выгорал дотла от постоянных командировок; эта поездка в Атланту высосала из меня последние силы, а в благодарность я получил лишь угрозу дисциплинарного взыскания за реплику, которую чертова пресса просто вырвала из контекста.

Благодаря нам на этом деле искусство профайлинга и криминальный анализ снискали великую славу. Наша оценка субъекта и его дальнейших действий оказалась бесценной для полиции. На нас смотрели решительно все, начиная с простых обывателей и заканчивая Белым домом. Но я сильно подставился, и в том случае, если бы мы сели в лужу или хотя бы немного ошиблись, программу бы, несомненно, закрыли.

Нам постоянно повторяли, что наша работа обеспечивает большую награду в обмен на большой риск. Со слезами на глазах я сказал Монро и Маккензи, что на самом деле в обмен на большой риск мы не получаем ровным счетом ни хрена, после чего швырнул папку с делами на стол, добавив, что оно того не стоит. Джим Маккензи согласился со мной, но заверил, что они хотят мне помочь.

Оказавшись в ОПО, в первую очередь я подписал отказ от прав. Правосудие во внешнем мире не всегда то же самое, что внутри ФБР. И после этого меня ткнули носом в тот самый выпуск журнала «Пипл». На обложке красовалась Джеки Онассис.

– Тебя разве не предупреждали насчет таких интервью? – последовал вопрос.

Нет, ответил я, интервью согласовали. На той конференции я говорил в целом о нашем исследовании природы серийного убийства, как вдруг кому-то взбрело в голову вспомнить Уэйна Уильямса. Я ответил предельно нейтрально и не виноват в том, что мои слова исковеркали в новостях.

Выволочка длилась несколько часов. Я написал подробную объяснительную, пункт за пунктом, не забыв упомянуть каждую публикацию в газетах. Когда я закончил, мне не сказали ровным счетом ни слова о том, что со мной теперь будет. Я чувствовал себя совершенно разбитым. Отдаешь себя Бюро без остатка, стольким жертвуешь, лишаешь семью мужского плеча, а взамен ничего не получаешь, да еще и рискуешь схлопотать взыскание, лишиться премии, заслуженной должности, а то и работы. Следующие несколько недель мне приходилось прикладывать колоссальные усилия, чтобы заставить себя встать с кровати.

Тогда я и получил письмо от своего отца Джека. Он признался, как его в свое время травмировала работа в «Бруклин игл». Его тоже мучила депрессия: он трудился в поте лица, показывал отличные результаты, но никакой радости взамен не получал. Он рассказал, как научился переступать через те неприятности, которые судьба порой бросает нам в лицо, и как собраться с силами, чтобы пережить еще один день. Его письмо я долго носил в чемодане, даже когда инцидент со статьей забылся.

Через пять месяцев ОДО принял решение ограничиться дисциплинарным взысканием, принимая во внимание тот факт, что после статьи в «Пипл» мне строго-настрого велели впредь не давать комментарии по еще не закрытым делам. Письменный выговор мне вручил сам директор Уэбстер.

Несмотря на глубокое возмущение вопиющей несправедливостью, я не мог особо брызгать слюной на этот счет, если не собирался уволиться с концами. И чтобы я тогда ни думал о Бюро, я слишком дорожил собственной работой. У меня накопилось порядочно дел со всей страны, да и к тому же вскоре должны были начаться слушания по делу Уэйна Уильямса. Оставалось только «пережить еще один день».

Суд над Уэйном Уильямсом назначили на январь 1982-го. Для отбора присяжных потребовалось шесть дней. В конечном итоге сошлись преимущественно на афроамериканском составе – девяти женщинах и троих мужчинах. Хотя мы считали, что на обвиняемого можно повесить как минимум двенадцать убийств, слушания проходили только по двум жертвам: Натаниэлю Картеру и Джимми Рэю Пейну. По иронии судьбы, обоим было за двадцать.

Уильямса защищала команда высококлассных юристов – Джим Китченс и Эл Биндер из Джексона, штат Миссисипи, и Мэри Уэлком из Атланты. Обвинение, среди прочих, представляли помощники окружного прокурора округа Фултон Гордон Миллер и Джек Маллард. Зная о моем вкладе в расследование, прокуратура пригласила меня оказать посильную поддержку и в ходе судебного заседания. Большую часть времени я сидел в зале прямо за обвинителями.

Поскольку заседание проходило в моем присутствии, я мог дать показания об образе действия и особенностях почерка преступника, а также о связи между убийствами, как делал уже не раз. Если же преступнику объявят обвинительный приговор, я мог озвучить профессиональное мнение о его потенциальной опасности в будущем. К сожалению, в 1982-м суды еще не признали профайлинг, а потому от меня требовались лишь советы по стратегии обвинения.

Обвинение же строило наступление по большей части вокруг улики: семьсот с лишним частиц волос и одежды, которые Ларри Петерсон и спецгент Хэл Дэдмен, эксперт лаборатории ФБР в Вашингтоне, изучили со всей надлежащей дотошностью. Хотя Уильямсу вменялось всего два убийства, судебный порядок, принятый в Джорджии, позволял одновременно рассматривать и другие связанные дела – то, чего не допускала судебная система в Миссисипи и к чему защита, судя по всему, готова не была. Главную сложность для обвинения представлял сам Уильямс. Он вел себя мягко, вежливо и приветливо, прекрасно контролировал свои слова и эмоции. Со своим круглым личиком, мягкими руками и ясными глазами за толстыми стеклами очков он скорее походил на пряничного человечка, чем на серийного детоубийцу. Он раздавал интервью направо и налево, заявляя о том, что не виновен, что его арест служит проявлением расизма в чистом виде. Прямо перед слушанием он сказал: «ФБР я бы сравнил с „Кистуонскими копами“, а полицию Атланты – с „Машина 54, где вы?“^[29]».

Обвинение было уверено, что сломает Уильямса, хотя я считал, что он вполне может выстоять. По его поведению во время совершения преступлений, а также из публичных заявлений я понял, что он достаточно наглый и самоуверенный тип, убежденный в собственной способности манипулировать ходом судебного заседания, как он проделывал это с широкой общественностью, прессой и полицией.

Перед заседанием стороны провели закрытую встречу в кабинете судьи Клэренса Купера. Адвокат Эл Биндер предупредил, что они пригласили из Феникса опытного судебного психиатра Майкла Брэда Бейлесса, который даст показания, что трижды проверял Уильямса и тот не вписывается в портрет и неспособен на убийства.

– Не вопрос, – ответил Гордон Миллер, – зовите. А мы тогда позовем агента ФБР, который в точности предсказал, как развивалось дело.

– Черт, нам необходимо с ним потолковать, – забеспокоился Биндер.

Миллер ответил, что все это время я сидел у него спиной, у стола обвинения.

На деле же я поговорил сразу с обеими сторонами. Мы отправились в комнату для присяжных. Я рассказал защите о своем профессиональном опыте и добавил, что, если их не устраивает звание агента ФБР, а не доктора медицины, я с таким же успехом могу попросить дать

заклучение какого-нибудь психолога, с которым работал по делу, например Парка Дитца. Уверен, он покажет то же самое.

Похоже, своими словами я вызвал у Биндера и его коллег искреннее восхищение. Во время беседы они придерживались приветливого и уважительного тона, а Биндер даже сообщил, что его сын тоже хочет стать агентом ФБР.

Между тем Бейлесс так и не дал показаний. Через неделю после окончания суда в интервью «Атланта джорнал» и «Атланта конститюшн» он признался, что считал Уильямса эмоционально способным пойти на убийство, что тот был «неуравновешенным» и, по мнению психиатра, убивал ради «власти и навязчивого желания управлять». Врач сказал, что Уильямс просил его «либо не упоминать в своем докладе некоторые моменты, либо вообще не давать показаний». По словам Бейлесса, одно из ключевых затруднений для защиты состояло в том, что Уильямс настаивал на своем желании распоряжаться всем самостоятельно.

Эти сведения я нашел крайне интересными, главным образом потому, что они в точности соответствовали психологическому портрету, который составили мы с Роем Хейзелвудом. Не менее интересным показалось мне и другое событие, имевшее место во время судебного заседания.

Вместе с большинством иногородних участников слушаний я поселился в центре Атланты, в отеле «Марриотт», что рядом со зданием суда. Однажды вечером я в одиночестве ужинал в ресторане отеля, как вдруг ко мне подошел солидный чернокожий мужчина (с виду лет сорока пяти), представившись доктором Брэдом Бейлессом. Я сказал, что знаю, кто он и почему он здесь. Когда он попросил разрешения присесть, я заявил, что это плохая идея, раз он завтра утром будет давать показания: нас не должны видеть вместе. Но Бейлесс парировал, что его это не волнует, затем сел и спросил меня, знаком ли я с его внушительным послужным списком. В ответ я прочитал ему одну из своих мини-лекций по криминальной психологии и добавил: если он даст те показания, которых от него ожидает защита, то опозорит и себя, и свою профессию. Уходя, он признался, что очень хотел бы приехать в Куантико и прослушать наш курс. Подмигнув, я ответил, что мы сначала поглядим, как он завтра себя поведет.

На следующее утро – какое совпадение! – я узнал, что доктор Бейлесс уехал к себе в Аризону, так и не дав показаний. На скамье передо мной Биндер кусал локти, жалуясь на «давление обвинения», которое распугивает его свидетелей-экспертов. Конечно, такой цели я не преследовал, но грех было не воспользоваться такой возможностью. Хотя на самом деле, по-моему, доктор Бейлесс обладал достаточной внутренней целостностью, чтобы распознать истинную сущность обвиняемого и не позволить манипулировать собой ни одной из сторон.

Во время слушаний представители обвинения Хэл Дэдмен и Ларри Петерсон проделали прекрасную работу, мастерски орудуя всего двумя уликами – волосками и частицами одежды, но наука идентификации очень сложна и по своей природе далека от яркого театрального действия. Вся их речь сводилась к тому, что вот эта ворсинка с ковра загнута вот сюда, а вот эта – сюда. В конце концов им удалось доказать, что частицы, найденные на телах всех двенадцати жертв соответствуют зеленому с фиолетовым покрывалу из спальни Уильямса, около половины – ковру в гостиной и примерно столько же – частицам, найденным в его «шевроле» 1970 года. Помимо этого, во всех случаях, кроме одного, им удалось установить соответствие частиц с шерстью немецкой овчарки Шебы, питомице ответчика.

Когда настала очередь защиты, перед судом выступил привлекательный адвокат, этакий канзасский Кеннеди, который все время улыбался жюри, видимо, надеясь таким образом опровергнуть показания Дэдмена. По завершению заседания команда обвинения собралась для подведения итогов дня и от души посмеялась над неубедительностью канзасского красавчика.

Потом коллеги обратились ко мне:

– Что скажешь, Джон?

Я успел понаблюдать за присяжными и сказал:

– Позвольте вас расстроить. Вы сливаете дело.

Все были в шоке: меньше всего они ожидали от меня таких слов.

– Может, вам речь адвоката и не показалась убедительной, – объяснил я, – но вот присяжным он вполне понравился. Мало того: даже я с большим трудом понял, о чем толковал Хэл Дэдмен. А свидетели защиты, пусть и выглядели простовато, говорили вполне доступным языком.

Обвинителям хватило вежливости не послать меня куда подальше, но я, будучи опытным психоаналитиком, отчетливо осознал, что мне здесь не рады. Все равно меня дожидалась целая кipa дел, да и к тому же пора было готовиться к слушанию по делу Мэри Фрэнсис Стоунер. Кроме того, постоянные разъезды начали сказываться и на моей личной жизни. Я редко появлялся дома, мало участвовал в жизни семьи, и из-за этого наш брак трещал по швам. Здоровье тоже пошаливало: я не занимался спортом и постоянно находился в стрессе. Я набрал номер Ларри Монро и сообщил, что возвращаюсь в Куантико.

Едва я успел выйти из самолета и сесть в машину, как узнал, что обвинение решило прислушаться к моим словам. Они стали замечать, что события развиваются именно так, как я и предсказывал, и просили меня вернуться в Атланту и помочь со свидетелями защиты.

И вот через два дня я снова полетел в Атланту. Теперь, нуждаясь в моем совете, меня встретили куда дружелюбнее. Уэйн Уильямс преподнес

обвинению большой сюрприз, решив давать показания, чему я совсем не удивился. Зал наполнился звучным, глубоким голосом его адвоката Эла Биндера. Задавая вопросы, он наклонялся немного вперед, чем немало походил на акулу, за что его и прозвали «Челюсти».

Обращаясь к присяжным, Биндер все время нажимал на одно и то же:

– Взгляните на обвиняемого! Разве он похож на серийного убийцу? Встаньте, Уэйн, – предложил он, попросив своего подзащитного показать руки. – Смотрите, какие нежные у него руки. Думаете, ими можно задушить человека?

Биндер допрашивал Уильямса полдня и весь следующий день. Но и сам обвиняемый в долгу не остался, в чем и состоял его план. Он отлично подходил на роль невинной жертвы позорной, расово нетерпимой системы, которой срочно понадобился козел отпущения.

Поэтому теперь перед обвинением стояла другая проблема: как вести перекрестный допрос. Было решено дать слово заместителю окружного прокурора Джеку Малларду. Владелец низкого мягкого голоса с мелодичным южным акцентом, для этой задачи он подходит лучше всего.

У меня не было практики в судебных процедурах и допросе свидетелей, но я понимал ситуацию на инстинктивном уровне и снова применил испытанный метод «влезть в чужую шкуру». Я спросил себя: что меня выведет на чистую воду? Ответ явился сам собой: если допрос проведет тот, кто уверен в моей вине, невзирая на все мои уловки.

Я спросил Малларда:

– Помните старое телешоу «Это твоя жизнь»^[30]? Представьте, что вы его ведущий. Не давайте ему вздохнуть. Сломайте его. Он жесткий, заиклившийся на стремлении к контролю человек – иными словами, обсессивно-компульсивный тип. Чтобы пробиться через его защиту, нужно все время на него давить, поддерживать напряжение, пройдясь по всем аспектам его жизни, даже таким, которые могут ничего не значить, – скажем, в какую школу он ходил. Не давайте ему спуска. А когда он немного выдохнется, перейдите к физическому контакту, как сделал Эл Биндер. Что хорошо для защиты – хорошо и для обвинения. Подойдите как можно ближе, вторгнитесь в его личное пространство, застаньте врасплох. И прежде чем защита выдвинет протест, тихо-тихо спросите: «Тебе было страшно, Уэйн, когда ты убивал тех детишек?»

Маллард сделал все, как я ему сказал. Первые несколько часов перекрестного допроса Уильямс держался молодцом. Маллард несколько раз ловил его на противоречиях, но в ответ раздавались лишь причитания: «Да я бы ни за что не тронул детей». Затем Маллард, облаченный в серый костюм в тон седым волосам, стал методично расспрашивать обвиняемого о его жизни с самых пеленок и по нынешний день, а в нужный момент подошел к Уильямсу вплотную, положил руку

ему на плечо и тихим голосом с акцентом уроженца Южной Джорджии процедил:

– Каково это, Уэйн? Каково ощущать, как твои пальцы сжимаются вокруг горла жертвы? Страшно тебе было? Страшно?

Дрожащим голосом Уильямс ответил:

– Нет.

И тут он слетел с катушек. Ткнув в меня пальцем, он завизжал:

– Вы тут из кожи вон лезете, чтобы впихнуть меня в свой фэбээровский портрет, но не дождетесь!

Защита рвала и метала. Уильямс с пеной у рта клял на чем свет стоит «козлов из ФБР и дурацкое обвинение». Это стало поворотным моментом в судебном заседании. Похлопав Малларда по плечу, я заявил:

– Держу пари, Джек, что через неделю Уэйн сляжет.

Не знаю, почему я назвал именно этот временной интервал, но ровно через неделю слушания пришлось прервать из-за острых болей в желудке подсудимого. Однако врачи нашли его абсолютно здоровым, и суд продолжился.

Во время обращения к присяжным адвокат Уильямса Мэри Уэлком подняла волосок и спросила:

– Вы осудите человека из-за какого-то волоска? – И в доказательство того, что зеленые ковры встречаются повсеместно, продемонстрировала ворсинку одного из своего кабинета. – Как можно осудить человека за то, что у него лежит зеленый ковер?

В тот же день мы с агентами отправились в ее контору, зашли в кабинет, пока хозяйки не было на месте, и взяли несколько проб с ее ковра. Изучив их под микроскопом, наши эксперты заключили, что ворсинка ковров Уэлком и Уильямса абсолютно разные.

И 27 февраля 1982 года, после одиннадцати часов совещаний, суд присяжных вынес обвинительный вердикт по обоим убийствам. Уэйн Б. Уильямс был приговорен к двум пожизненным срокам заключения, которые ему предстояло отбывать в исправительной колонии Валь-доста в Южной Джорджии. Он по-прежнему настаивает на своей невиновности, а дело атлантского детоубийцы до сих пор вызывает жаркие споры. Если Уильямс когда-нибудь и получит право на обжалование, уверен, он ничего не добьется.

Вопреки мнению его сторонников, я считаю, что судебные и поведенческие улики указывают на его причастность к убийству одиннадцати молодых людей в Атланте. Вопреки мнению противников Уильямса, я считаю, что нет объективных доказательств его причастности к другим исчезновениям и смертям детей в Атланте и

окрестностях между 1979-м и 1980-м. Вопреки тому, во что хочется верить многим из нас, черные и белые дети по-прежнему бесследно исчезают не только в Атланте, но и в других городах. У нас есть представление о том, кто виновен в некоторых из них. На свете много маньяков, и правда страшна и отвратительна. Но пока ни улики, ни массы не требуют обвинительного приговора.

После работы над делом Уэйна Уильямса я получил массу благодарственных писем, в том числе из прокуратуры округа Фултон, перевозившей мою стратегию перекрестного допроса, а также от Джона Гловера, САРа атлантского отделения, который подводил итог всему расследованию по делу АТДЕТ. Одно из самых трогательных писем пришло от Эла Биндера, главного адвоката защиты. Он высоко оценил мой профессионализм и отмечал, что его глубоко впечатлила наша работа.

Примерно тогда же я получил и взыскание. Огорченный таким развитием событий, Джим Маккензи ходатайствовал о выдаче мне премии, причем не только за дело Уильямса, но и за пять других расследований, в которые я внес весомый вклад.

Ходатайство приняли в мае. Теперь за одно и то же дело я мог похвастаться одновременно и взысканием, и поощрением. Среди прочего, в грамоте было написано: «Благодаря вашему таланту, самоотдаче и профессионализму вы укрепили репутацию Бюро во всей стране и можете быть уверены, что ваши заслуги оценены по достоинству». К благодарности прилагалась «щедрая» премия в 250 долларов, то есть примерно по центу за каждый час времени, потраченного на все эти дела. Я тут же пожертвовал ее в Фонд помощи ВМС для семей мужчин и женщин, погибших на службе своей стране.

Хотелось бы верить, что при очередной встрече с делом такого же масштаба, как АТДЕТ, нам удастся схватить преступника прежде, чем тропа смерти и страданий, которую он прокладывает, достигнет столь ужасающей длины. Мы научились гораздо эффективнее координировать свои действия. Мы отточили упреждающие приемы и подкрепили их куда более объемной практикой. Мы узнали, как вести допрос, чтобы добиваться наилучшего результата. Мы поняли, как планировать работу, чтобы получить ордер на обыск еще до того, как важнейшие улики будут уничтожены.

Несмотря на все свои ошибки, дело атлантского детоубийцы стало поворотным моментом в жизни нашего отдела. Мы заявили о себе, доказали реальную ценность наших услуг, заслужили имя в правоохранительных кругах во всем мире и к тому же помогли упечь еще одного убийцу за решетку.

Большой риск, большая награда.

Глава 12. Один из нас

Джадсон Рэй – настоящая живая легенда в Куантико. И едва не стал мертвой легендой. В феврале 1982-го, когда он, будучи спецагентом отделения в Атланте, занимался расследованием по делу АТДЕТ, собственная жена пыталась его убить.

Впервые мы узнали друг о друге, еще не познакомившись лично, еще в начале 1978-го, когда шло расследование под кодовым названием «Силы зла». Тогда в Коламбусе, штат Джорджия, серийный убийца по прозвищу «чулочный душитель» врывался в дома белых пожилых женщин, насиловал и душил хозяек их же нейлоновыми чулками. Его жертвами пали шесть старушек. Результаты медицинской экспертизы указывали на то, что душитель чернокожий.

А затем шеф полиции получил тревожное письмо, написанное на бланке ВС США. Некая группировка из семи человек, называвшая себя «Силами зла», угрожала в отместку убить черную женщину, если упомянутого душителя не поймают до первого июня, или «июня 1», как писал автор. Заговорщики уверяли, что с этой целью уже успели похитить женщину по имени Гейл Джексон. Если «К-душителя» не поймают и к «сентябрю 1», то «число жертв удвоится». Судя по посланию, написанному на краденном военном бланке, его авторы расположились где-то в Чикаго.

Подобное развитие событий отражало наши худшие опасения. Мало нам жестокого убийцы, терроризирующего весь Коламбус, а тут еще и организованный самосуд подоспел, деля общество на два лагеря.

За первым письмом последовали и другие. Ставки росли: теперь похитители требовали выкуп в размере 10 000 долларов. Полиция безуспешно искала следы семерых. Гейл Джексон, проститутка, хорошо известная среди завсегдатаев баров у Форт-Беннинга, и в самом деле пропала.

Джад Рэй тогда занимал должность старшего смены в полиции Коламбуса. Чернокожий ветеран войны во Вьетнаме, а ныне офицер полиции, честным трудом добившийся повышения по службе, он четко понимал, что общественный порядок восстановить можно только одним способом: нейтрализовать обе угрозы – как «чулочного душителя», так и «Силы зла». Несмотря на усилия и время, потраченные на расследование, дело не двигалось с места. Полицейский инстинкт подсказывал Рэю, что они ищут не тех людей и не в том месте. Он старался следить за достижениями в области правоохранительной службы и, узнав о нашей программе в Куантико, предложил начальству связаться с отделом поведенческого анализа в надежде на нашу помощь.

31 марта нам поступил запрос от Бюро расследований в Джорджии. Несмотря на заявления, сделанные «Силами зла» в первом письме, мы

были уверены, что вооруженные силы и Форт-Беннинг здесь фигурируют неспроста. Руководить расследованием взялся Боб Ресслер, коль скоро он сам раньше служил в военной полиции.

Через три дня мы дали свое заключение. По нашему мнению, у полиции не было веских оснований считать, что эти так называемые «Силы зла» состоят именно из семи белых мужчин. На самом деле там и одного-то белого могло не быть. Скорее всего, письма писал одинокий чернокожий мужчина, который таким образом пытался отвлечь внимание от себя и от того факта, что он уже давно убил Гейл Джексон. Судя по военному стилю оформления дат (например, «июня 1»), а также использованию метрической системы, а не футов или ярдов, стало ясно, что он в самом деле служил в войсках. Из-за большого числа ошибок мы сразу же исключили военного офицера, который писал бы грамотнее. По собственному опыту Боб заключил, что автор послания, скорее всего, служил в артиллерии или военной полиции, а его возраст лежит в промежутке от двадцати пяти до тридцати лет. Он мог уже убить и двух других женщин, вероятнее всего, тоже проституток, что следовало из фразы «число жертв удвоится», и мы считали, что с определенной вероятностью именно автор писем и окажется «чулочным душителем».

Вскоре, после того как мы распространили наш психологический портрет по барам и клубам Форт-Беннинга, где раньше часто видели пропавшую проститутку, армия и полиция Коламбуса сошлись на имени Уильяма Х. Хэнса, двадцатилетнего чернокожего специалиста артиллерии четвертого разряда, служившего в Форте. Он сознался в убийстве Гейл Джексон, Ирен Тиркилд и еще одной женщины, рядового армии Карен Хикман, которую убил прошлой осенью в Форт-Беннинге. Также он признался, что выдумал «Силы зла», чтобы сбить полицию со следа.

Что же касается «чулочного душителя», то его опознал по фотографии один из свидетелей. Убийцей оказался Карлтон Гэри, двадцатисемилетний чернокожий уроженец Коламбуса. Ранее его задерживали за разбойное нападение на рестораны, но он сбежал и был пойман только в мае 1984-го. И Хэнса, и Гэри приговорили к смертной казни.

Восстановив общественный порядок, Джад Рэй временно отошел от дел и устроился в университет Джорджии руководителем программы по найму женщин и представителей социальных меньшинств в правоохранительные органы. Закончив этот проект, он собирался вернуться в полицию. Однако, учитывая опыт военной службы и работы следователем, не говоря уже о черном цвете кожи (а в то время Бюро отчаянно старалось заработать репутацию организации равных возможностей), Рэй все-таки решил принять предложение ФБР. Впервые по-дружески мы начали с ним общаться в Куантико, когда он только проходил курс молодого бойца. Затем его определили в атлантское отделение, ведь там его прошлый опыт вкупе со знанием города и людей пришлось бы как нельзя кстати.

В следующий раз мы встретились только в конце 1981-го, когда я сам отправился в Атланту по делу АТДЕТ. Все отделение, включая и самого Джада, с головой ушло в расследование. Каждый из агентов состоял в команде, занимавшейся пятью жертвами. Джад работал на износ.

Но беспокоила его не только работа. Его брак, и без того не очень крепкий, теперь буквально трещал по швам. Его жена все время пила, бранилась и вообще вела себя крайне непредсказуемо. «Я больше не узнаю эту женщину», – признавался Рэй. И вот однажды воскресным вечером он поставил ей ультиматум: либо она меняется и начинает лечиться, либо он забирает обеих дочерей (восемнадцати месяцев и восьми лет) и уезжает.

К своему удивлению, вскоре Джад стал замечать в супруге перемены к лучшему. Она стала более внимательной к нему и к девочкам.

– Она резко изменилась. Перестала пить, – вспоминал он, – начала лучше ко мне относиться. Впервые за тринадцать лет брака она приготовила мне завтрак. Она вдруг превратилась в идеальную жену. – Но потом Джад добавил: – Лучше бы мне сообразить, что все выглядит слишком хорошо, чтобы быть правдой. История моего брака настолько поучительна, что ее впору давать полицейским на лекциях. Если поведение супруги резко меняется – в лучшую или худшую сторону, – держите ушки на макушке.

И вот почему: жена Джада уже решила его убить и теперь просто старалась выиграть время, чтобы сделать необходимые приготовления. Если бы ее план удался, она смогла бы избежать нервотрепки и позора весьма некрасивого развода, оставить себе обоих детей и получить страховку тысяч на двести пятьдесят. И правда: куда лучше быть скорбящей богатой вдовой убитого офицера полиции, чем одинокой разведенкой.

Джад даже не замечал, что за ним уже несколько дней следят двое мужчин. Каждое утро они дожидались его у подъезда и ехали за ним в Атланту по шоссе I-20. Они выжидали момент, когда Рэй окажется незащищен, чтобы быстро его прикончить и незаметно скрыться.

Но вскоре они поняли, что у них проблемы. Джад достаточно долго служил в полиции, чтобы отточить до автоматизма главный рефлекс: не занимай руку, которой стреляешь. Потому правую ладонь он всегда держал у кобуры, и киллерам не удавалось к нему подобраться.

Тогда они вернулись к миссис Рэй и объяснили, в чем дело. Изначально они планировали убить его на парковке перед домом, но тогда Джад все равно успел бы расправиться по крайней мере с одним из них. Наемники предложили жене что-нибудь придумать насчет его всегда готовой к стрельбе правой руки.

Супруга не могла позволить какой-то ерунде встать у нее на пути и купила мужу переносную кружку, предложив ему брать с собой по утрам ароматный кофе.

– Тринадцать лет она палец о палец не ударила, чтобы приготовить завтрак мне или девочкам, – рассказывал Джад, – а теперь чуть ли не насильно пихала мне эту чертову кружку.

Он отказался. Ему не хотелось изменять своим давним привычкам и держать в свободной от руля руке кружку с кофе. В те годы подстаканники в машинах были редкостью – а иначе эта история могла бы кончиться совсем по-другому.

Киллеры снова пришли к миссис Рэй.

– Нам не достать его на парковке, – пожаловался один из них, – нужно действовать в помещении.

Покушение запланировали на начало февраля. Однажды вечером миссис Рэй отправилась развлекать дочерей, и Джад остался дома один. Киллеры подъехали к зданию, зашли в подъезд и, поднявшись на нужный этаж, позвонили в дверь. Но – вот досада – не в ту. Когда им открыл белый мужчина, незадачливые убийцы спросили, где найти чернокожего, который должен жить в этой квартире. Без задней мысли сосед ответил, что они ошиблись дверью: мистер Рэй живет вон там.

Но теперь появился свидетель. Если убийцы нападут сегодня же, сосед, конечно, легко вспомнит их и расскажет полиции о двоих черных, искавших Джада Рэя. Они снова ушли ни с чем.

Затем, в полной уверенности, что дело сделано, домой вернулась миссис Рэй. Она нетерпеливо осмотрелась, а затем тихонько направилась в спальню, уже готовая звонить 911 и в слезах рассказывать о том, какой ужас случился с ее супругом.

Открыв дверь, она на цыпочках вошла в комнату и увидела лежащего на кровати мужа. И вдруг Джад поворачивается и спрашивает:

– Какого черта ты крадешься?

Вскрикнув от неожиданности, миссис Рэй скрылась в ванной.

В последующие дни она все так же мастерски играла хорошую жену, и Джад уже было подумал, что она изменилась. Оглядываясь назад, он признавался: пусть он наивен, но после долгих лет непростых отношений ему отчаянно хотелось верить, что все наконец наладилось.

Прошло две недели. Наступило 21 февраля 1981 года. Джад работал над убийством Патрика Бальтасара. В деле АТДЕТ настал поворотный момент: частицы волос и волокон, найденные на его теле, удалось сопоставить с уликами на телах других жертв детоубийцы.

Тем вечером супруга приготовила Джаду прекрасный ужин в итальянском стиле. Вот только он не знал, что женушка от души

сдобрила спагетти слоновьей порцией фенотеробитала. Как и планировалось, тем вечером она взяла дочерей в охапку и отправилась в гости к тете.

И вот Джад снова один дома, в спальне. Ему показалось, что кто-то зашел в квартиру. В коридоре стало темно: кто-то выкрутил лампочку в комнате старшей дочери. Затем из коридора раздались приглушенные голоса. Один из киллеров потерял самообладание, и теперь парочка спорила, как быть дальше. Рэй не знал, каков их план, но так или иначе они уже вломились в дом.

– Кто там? – спросил Джад.

Вдруг тишину пререзал звук выстрела, но стрелок промазал. Джад нырнул вниз, на пол, и тут вторая пуля попала ему в левое плечо. В темноте полицейский схоронился за большой двуспальной кроватью.

– Кто вы? – снова прокричал он. – Что вам нужно?

Третья пуля вонзилась в кровать совсем рядом. То ли рассудком, то ли интуитивно он оценивал свои шансы на выживание, стараясь определить, из чего стреляют. Если это «смит и вессон» – осталось три пули. Если «кольт» – то всего две.

– Эй, ты! – обратился к стрелку Джад. – В чем дело? Зачем меня убивать? Забирай, что хочешь, и убирайся. Я тебя не видел. Только не убивай.

Ответа не последовало. Но теперь хозяин дома смог разглядеть неясный силуэт, освещенный лунным светом.

Ты сегодня умрешь, сказал себе Джад. Спасти себя вряд ли удастся. Но ты знаешь, как это бывает. Не очень-то хочется, чтобы завтра утром следователи топтались тут, приговаривая: «Бедняга даже пикнуть не успел. Они просто вошли и прикончили его». Рэю решительно не хотелось выглядеть рохлей, и он решил бороться до последнего.

И для этого ему в первую очередь нужно было достать свой пистолет, который валялся на полу с другой стороны кровати. К счастью, двуспальная кровать представляет собой отличное укрытие, когда вас пытаются застрелить.

И вдруг раздалось:

– А ну не двигайся, мать твою!

В темноте Джад снова забрался на кровать и стал дюйм за дюймом подползать к другому концу.

Мучительно медленно он продвигался все ближе, но для решающего броска не хватало упора.

Обхватив край кровати четырьмя пальцами, Джад рывком скатился на пол, но приземлился на правое плечо. А раненой левой рукой ему не хватило сил достать пистолет.

В этот момент стрелок запрыгнул на кровать и выстрелил. Почти в упор. Джад почувствовал такую боль, как будто его со всего размаху лягнул осел. Что-то внутри оборвалось. В ту минуту он еще не знал подробностей, но пуля прошла насквозь, пронзила легкое и третий межреберный промежуток, после чего, вырвавшись из груди, застряла в правой руке, на которой он все еще лежал.

Спрыгнув с кровати, стрелок встал рядом, пощупал пульс и, бросив на прощание:

– Вот тебе, ублюдок! – удалился.

Оглушенный болевым шоком, Джад лежал на полу, тяжело и прерывисто дыша, не понимая, где находится и что творится.

И вдруг его поразила пугающая мысль: он снова во Вьетнаме, в бою. Он чувствует запах дыма, видит вспышки вырывающихся из стволов пуль. Он тщетно пытается вздохнуть.

Тут он подумал: «Может, я и не во Вьетнаме. Может, мне это чудится. Но если и чудится, то почему так трудно дышать?»

Неимоверным усилием воли он заставил себя подняться, неверной походкой направился к телевизору и включил его. Пусть хоть трансляция подскажет, сон это или явь. На экране появился Джонни Карсон, ведущий шоу «Сегодня вечером». В попытке убедиться в реальности происходящего, Джад протянул руку вперед и провел ею по экрану, оставляя кровавый след.

Его мучила жажда. Он с трудом добрал до ванной, открыл кран и попытался набрать воды. И только тогда заметил пулевое отверстие в правой руке и кровь, хлещущую из груди. Теперь-то Рэй понял, что с ним такое. Вернувшись в спальню, он сел у изножья кровати и стал дожидаться смерти.

Но он слишком долго пробыл копом, и служба в полиции оставила свой отпечаток. Джад не мог себе позволить тихо умереть. Следователи, которые нагрянут к нему домой завтра утром, должны видеть, что он боролся. Он снова поднялся, дошел до телефона и набрал «0». Едва оператор взяла трубку, Джад, жадно глотая воздух, сказал, что он агент ФБР и что его подстрелили. Тут же она соединила его с полицией округа Де-Калб.

В трубке зазвучал молодой женский голос офицера полиции. Джад снова повторил, что он из ФБР и его подстрелили. Но он едва мог ворочать языком. Его напичкали наркотой, он потерял много крови и еле-еле бормотал.

– Что значит, вы из ФБР? – с сомнением переспросила девушка.

Джад слышал, как она кричит сержанту, что на линии какой-то пьянчуга, который заявляет, будто он из ФБР. И что на это ответил сержант? Он велел ей повесить трубку.

И вдруг в разговор ворвалась оператор. Она настаивала, что абонент не шутит и надо срочно вызвать скорую. Она увещевала копов до тех пор, пока они наконец не согласились.

– Оператор спасла мне жизнь, – говорил мне Джад.

Но он ее уже не слышал, поскольку потерял сознание и вернулся в реальный мир, только когда врачи скорой наложили ему кислородную маску.

– Дефибриллятор нельзя, – донеслись до него слова санитара, – он не выдержит.

Скорая отвезла Джада в главный госпиталь округа, где как раз дежурил торакальный хирург. В следующий миг пациент уже лежал на столе в операционной, а доктора отчаянно пытались вытащить его с того света. В прозрении, которое он испытал, почувствовав на себе дыхание смерти, Джад сказал себе: «Нет, это не месть. Я многих засадил за решетку, но ни один из них не мог подобраться так близко. Это под силу только тому, кому я слепо верил».

Когда из хирургии его перевезли в отделение интенсивной терапии, пострадавшего уже дожидался САР отделения в Атланте Джон Гловер. На него уже долгие месяцы давило бремя АТДЕТ, а теперь еще и покушение. Как и пропавшие дети и сам Джад, Гловер тоже был чернокожим, а точнее, одним из самых высокопоставленных афроамериканцев во всем Бюро. Он безумно переживал за своего подопечного.

– Найдите мою жену, – прошептал ему Джад, – заставьте ее рассказать, как все было.

Сперва Гловеру показалось, что Рэй все еще бредит, но доктор его уверил, что пациент в сознании и трезвом рассудке.

Двадцать один день провел он на больничной койке, и все это время палату охраняли дено и ночно. Никто не знал, кем были нападавшие и вернутся ли они, чтобы закончить начатое. А тем временем дело Джада застопорилось окончательно. В совершенно искреннем ужасе и потрясении, миссис Рэй благодарила небеса за то, что муж все еще жив. Если бы она только вернулась домой тем вечером!

А тем временем в офисе команда агентов работала по зацепкам. Джад долгое время служил в полиции и мог нажить себе немало врагов. Когда стало ясно, что он идет на поправку, коллеги уже не боялись пошутить в стиле популярного телешоу «Даллас»: «Кто подстрелил Дж. Р.?»^[31]

Через пару месяцев Джад окончательно встал на ноги и смог разгрести счета, накопившиеся за это время. Увидев счет за телефон на 300 долларов, он невольно застонал. И все же, снова и снова обдумывая произошедшее, он смог сложить кусочки мозаики.

Явившись в офис на следующий день, Рэй заявил, что ключ к разгадке – телефонный счет. Будучи жертвой, он вообще-то не имел права заниматься делом о нападении на самого себя, но коллеги все же его выслушали.

В счете значилась целая уйма звонков в Коламбус. В телефонной компании агенты выяснили, кто и где проживает по тем номерам. Джад знать не знал того человека и вместе с коллегами отправился за сотню миль к югу от Атланты. Их целью был некий проповедник, который, как считал Джад, окажется обыкновенным шарлатаном.

Как агенты ни давили, тот отрицал свою причастность к покушению. Но и сотрудники ФБР не сдавались: покушение совершено на одного из них, и так просто они это дело не оставят.

Чем дальше в лес – тем больше дров. Оказалось, что в Коламбусе за проповедником закрепилась слава человека, который может «решить проблемы». Миссис Рэй приходила к нему еще в октябре, но он дал ей от ворот поворот.

Тогда она ответила, что найдет другого исполнителя, и попросила разрешения воспользоваться телефоном, пообещав, что компенсирует расходы за междугородный звонок. По словам проповедника, она звонила в Атланту некоему старому соседу, который служил во Вьетнаме в одно время с Джадом и умел обращаться с оружием. Она сказала в трубку: «Это нужно сделать!»

А в довершение всего, как уверял проповедник, миссис Рэй кинула его на бабки.

Агенты уселись в машину и вернулись в Атланту, где незамедлительно прижали того самого соседа. Под нажимом он признался: миссис Рэй действительно предлагала ему деньги за убийство, но он и понятия не имел, что речь идет о Джаде.

Его жене он ответил, что не знает нужных людей, и свел ее со своим двоюродным братом, а тот познакомил ее с неким человеком, который согласился взяться за работу и нанял для этого двух исполнителей.

В покушении обвинили и миссис Рэй, и двоюродного брата ее соседа, и мужчину, взявшегося устроить дельце, и обоих стрелков. Хотя самого соседа тоже сочли сообщником, под раздачу он не попал. На суде было доказано, что все пятеро виновны в покушении на убийство, преступном сговоре и грабеже. Каждый получил по десять лет тюрьмы – максимальный срок, который смог выжать судья.

По ходу расследования АТДЕТ мы и дальше время от времени пересекались с Джадом Рэем. Вскоре он сам стал искать встречи со мной. Хотя мы с ним и не были коллегами, но я знал, какой стресс он испытывает на работе, и понимал, через что ему приходится проходить день за днем. Возможно, именно поэтому он и хотел выговориться именно мне. Помимо прочих болезненных вещей, которые сопутствовали

покушению, все вокруг только об этом и судачили. Он признался, что его мучают сплетни знакомых.

Джад многое перенес. В Бюро старались облегчить ему жизнь и решили, что перевод в другое отделение подальше от Атланты пойдет ему только на пользу. Однако, поговорив с Джадом и разделив с ним его переживания, я составил другое мнение. На мой взгляд, лучше ему было пока никуда не переезжать.

Я решил обсудить это с САРом отделения в Атланте Джоном Гловером и объяснил:

– Если вы переведете Рэя, то лишите его той поддержки, которую он здесь получает. Он должен остаться. Подождите еще год, чтобы его дети немного успокоились и пообвыкли жить с тетей, которая помогала их воспитывать. А если его куда и отправят, то пусть это будет резидентура в Коламбусе, коль скоро он раньше работал там и хорошо знает людей.

И Джад остался в районе Атланты и Коламбуса. Понемногу его жизнь возвращалась в привычное русло. Затем он перебрался в отделение в Нью-Йорке и стал заниматься контрразведкой. Кроме того, он координировал работу полиции по направлению профайлинга, то есть был связующим звеном между Нью-Йорком и нашим отделом в Куантико.

Когда у нас освободилось место, мы тут же пригласили Джада Рэя к себе. Кроме него, в наши ряды вступили Розанн Руссо, тоже из Нью-Йорка, и Джим Райт из вашингтонского отделения, который более года занимался делом Джона Хинкли и участвовал в судебном разбирательстве. Впоследствии Розанн перевелась в Вашингтон и погрузилась в тонкости контрразведки. Джад и Джим добились больших успехов на службе, заработали славу известных во всем мире специалистов и стали моими близкими друзьями. Когда я возглавил отдел, Джим Райт занял при мне место руководителя профайлинговой программы.

Джад признавался, что его сильно удивил наш выбор в его пользу. Но в Нью-Йорке он был выдающимся координатором, обладал солидным послужным списком, и его кандидатура идеально нам подходила. Он быстро учился и обладал аналитическим складом ума. В качестве офицера полиции он всегда был «на передовой» расследования и старался научить коллег смотреть на дело его глазами.

На занятиях Джад не стеснялся приводить в пример свою историю и ее последствия. У него даже сохранилась запись того экстренного звонка. Он иногда включал ее, но сам слушать не мог: выходил наружу, пока пленка не кончится.

Как-то я сказал ему:

– Джад, это просто невероятно.

Я объяснил, что улики – отпечатки пальцев, следы на телевизоре – повели бы полицию по ложному следу или вовсе запутали. Теперь мы

начинаем понемногу понимать, как иррациональные с виду элементы могут иметь под собой совершенно разумное объяснение.

– Составь разработку по своему делу, – посоветовал я, – и она станет бесценным образовательным инструментом.

Он последовал моему совету, и вскоре его материалы стали одними из самых интересных и информативных в нашем курсе обучения. А сам Джад испытал настоящий катарсис.

– Для меня это стало личным откровением, – признавался он. – Готовясь к занятиям, я пускался в странствие по таким закоулкам души, куда доселе не осмеливался ступить. Обсуждая те события с теми, кому я доверяю, я каждый раз обнаруживаю что-то новое. В этой стране жены нанимают киллеров для мужей куда чаще, чем хотелось бы верить. А их родные настолько шокированы, что просто не в силах об этом рассказать.

На моей памяти инструктора академии лекции Рэя о покушении на него самого получились невероятно трогательными. И я знаю, что они зацепили не только меня. А Джад в конце концов нашел в себе силы оставаться в кабинете, когда включал аудиозапись экстренного вызова.

К тому моменту, когда он пришел в наш отдел, я уже успел достаточно глубоко проработать свое исследование по постпреступному поведению. Я выяснил, что, вне зависимости от желания субъекта, его поступки и образ действий после совершения преступления находятся далеко за гранью рационального самосознания. А вот Джад, наоборот, после покушения на себя заинтересовался феноменом предпреступного поведения. Мы уже успели обнаружить важность стимулирующих стресс-факторов как ключевых событий, которые подталкивают к совершению противоправных действий. Но Джад существенно расширил горизонты исследования и показал, насколько важно проанализировать поведение и межличностное взаимодействие еще до того, как дойдет до беды. Будь то резкое или едва заметное, но значимое изменение в поведении партнера, оно все равно указывает на принятое решение. Если муж или жена ни с того ни с сего вдруг стали спокойными, приветливыми или внимательными, это может означать, что в их сознании уже произошли необратимые изменения.

Расследовать заказные убийства супруга крайне нелегко. Но наш выживший заложил основы к пониманию их эмоциональной подоплеки. Единственный способ раскрыть такое дело – заставить подозреваемых говорить, а для этого нужно четко понимать, как развивались отношения с жертвой и что на самом деле случилось. Только тогда получится адекватная картина. Поведение супруга перед преступлением – это тоже своего рода актерская игра, которая может сбить полицию с толку в не меньшей степени, чем перестановки на месте преступления.

Но прежде всего, дело Джада стало поучительным примером того, как легко ошибиться в интерпретации поведения по следам, оставленным

нападавшими. Если бы Джад погиб, мы еще долго блуждали бы в потемках неверных выводов.

Первое, чему учат полицейского-новобранца, – это не испортить место преступления. Но Джад, будучи ветераном полицейской службы и спецагентом, невольно нарушил это правило. Мы бы интерпретировали следы и улики, которые он оставил, как неудачную попытку ограбления, – скажем, грабители водили его по комнате, заставляя показывать им, где хранятся ценности. Кровавый след на телевизоре мог бы означать, что Джад лежал на кровати, когда его застали врасплох.

Но самое важное умозаключение сделал сам Джад: «Если бы я умер, ей все сошло бы с рук. В этом я абсолютно уверен. Жена все грамотно распланировала и убедила бы любого соседа. Скорбящая вдова не вызвала бы ни единого подозрения».

Как я уже сказал, мы с Джадом стали близкими друзьями. Если кто и мог претендовать на роль моего родного брата, то именно он. Как я шутил, перед ежегодной аттестацией ему достаточно прокрутить ту самую пленку, чтобы получить лучшие оценки. К счастью, никакие ухищрения Рэю и не требовались: записи в его личном деле говорят красноречивее любых слов. Теперь Джад Рэй занимает должность начальника отдела международной подготовки, наполняя юные умы будущих полицейских и агентов своим профессиональным опытом. Но где бы Джад ни оказался, он всегда будет одним из нас, причем одним из лучших. Он всегда останется служителем закона, который выжил после покушения благодаря негибаемому характеру и нечеловеческой силе воли, и лично привел виновников к ответу.

Глава 13. Самая опасная дичь

В 1924 году из-под пера Ричарда Коннелла вышла небольшая книга под названием «Самая опасная дичь». В ней рассказывалось о матером охотнике генерале Зароффе, которому наскучило выслеживать животных и он перешел к более сложной и интересной добыче: человеку. Книга пользуется популярностью и по сей день. Недавно ее проходила в школе и моя дочь Лорен.

Насколько нам известно, история Коннелла оставалась чистой выдумкой до 1980-х – пока на сцену не вышел вежливый пекарь из аляскинского Анкориджа Роберт Хансен.

Разрабатывая психологический портрет Хансена и стратегию его поимки, нам пришлось уйти от привычных методов. К сентябрю 1983 года, когда к расследованию подключили наш отдел, силы полиции Аляски уже идентифицировали Хансена как главного подозреваемого по делу. И все же они сомневались насчет истинного масштаба его преступлений. Мог

ли столь неподходящий человек, примерный семьянин и столп общества, учинить зверства, в которых его подозревали?

Вот как развивались события.

В прошлом году 13 июня к полицейскому в Анкоридже подбежала обезумевшая от ужаса девушка с болтавшимися на одном запястье наручниками. Она рассказала историю, в которую верилось с трудом. К ней, семнадцатилетней проститутке, подошел рябой рыжий коротышка и предложил 200 долларов за оральный секс у него в машине. По ее словам, пока она занималась делом, он защелкнул наручники ей на запястьях, достал пистолет и, угрожая расправой, отвез к себе домой в фешенебельный район Малдун. Кроме них, там никого не было. Похититель заявил, что она не пострадает, если будет его слушаться и выполнять его приказания. Но потом он силой заставил девушку раздеться и стал насиловать ее, кусая за соски, загоняя молоток ей между ног и всячески причиняя жесточайшую боль. Затем он оставил девушку прикованной к шесту у него в подвале, а сам уснул и проспал несколько часов кряду. Проснувшись, злодей сообщил несчастной, что она ему очень понравилась и он собирался отвезти ее на своем частном самолете в хижину в лесу, где они снова займутся сексом, а потом он вернет ее в Анкоридж.

Но здравый смысл подсказывал бедняжке, что ее шансы на выживание крайне малы. Похититель изнасиловал и избил ее, совершенно не скрывая свою личность. А в хижине она и вовсе обречена. Девушке удалось ускользнуть в уже аэропорту, пока ее похититель грузил припасы в самолет. Она бежала что есть мочи в надежде позвать на помощь. Тут ей и попался полицейский.

Судя по описанию, составленному жертвой, похитителем был Роберт Хансен. Уроженец Айовы сорока с лишним лет, на тот момент он уже семнадцать лет проживал в Анкоридже, владел известной пекарней и считался видным членом общества. Он был женат и имел двоих детей – сына и дочь. Полиция съездила с пострадавшей к дому Хансена в Малдуне, и девушка подтвердила, что именно там ее и пытали. В аэропорту она опознала легкий самолет «Пайпер суперкаб», принадлежащий Роберту Хансену.

После этого полиция отправилась к пекарю и предъявила ему обвинения согласно заявлению девушки. Не на шутку разозлившись, он начал кричать, что ни разу не видел эту женщину. Ну еще бы: он видный общественный деятель, а она просто пытается стрясти с него деньги. Сама мысль о предъявленных ему обвинениях казалась ему смехотворной. «Разве можно изнасиловать проститутку?» – спросил он полицейских.

У задержанного нашлось и алиби: жена с детьми отправилась в Европу на лето, и тем вечером он ужинал в компании двоих своих партнеров. Он сообщил их имена, и оба подтвердили его слова. Никаких улик, кроме

показаний самой девушки, не нашлось, а значит, и оснований для ареста у полиции не было.

Но даже без объективных свидетельств полицейские Анкориджа и Аляски чувствовали, что запахло дымом. А дыма без огня, как известно, не бывает. Еще в 1980-м строители обнаружили тело неопознанной жертвы, когда прокладывали Эклутна-роуд. Судя по останкам, частично обглоданным медведями, женщину закололи насмерть, а после неглубоко закопали в землю. Настоящее имя «Энни из Эклутны» так и не выяснили, а убийцу не нашли до сих пор.

Позже в том же году в гравийном карьере близ Сьюарда обнаружили труп Джоанн Мессины. В сентябре 1982-го в неглубокой яме у Ник-Ривер охотники наткнулись на тело двадцатитрехлетней танцовщицы топлес Шерри Морроу. Она числилась пропавшей с ноября. Морроу скончалась от трех пулевых ранений. Найденные неподалеку гильзы указывали, что в девушку стреляли из мощной охотничьей винтовки «ругер-мини-14» 223-го калибра. К несчастью, на Аляске такое оружие пользовалось особой популярностью, а потому отыскать и допросить каждого охотника, у которого оно имелось, представлялось крайне затруднительным. Внимание к себе привлекло кое-что другое. В одежде девушки не было пулевых отверстий, а значит, она была голой, когда в нее стреляли.

Спустя почти год в неглубокой яме на берегу той же самой Ник-Ривер обнаружили еще одно тело. Убитой оказалась Паула Голдинг, бывшая секретарша, которая от безысходности пошла танцевать в стрип-бар, чтобы хоть как-то свести концы с концами. Пропавшую еще в апреле Голдинг также застрелили из «ругер-мини-14». Следующей должна была стать та самая семнадцатилетняя проститутка, но ей посчастливилось сбежать. Теперь, когда список нераскрытых преступлений пополнился еще одной жертвой, в Бюро криминальных расследований полиции штата Аляска решили вплотную заняться мистером Хансеном.

Хотя полиция уже взяла его на мушку, я не хотел затуманивать свое мышление их догадками, пусть и сделанными по результатам большой работы. Поэтому во время первой телеконференции я попросил не рассказывать мне подробностей о пекаре. «Сперва расскажите мне о преступлениях, а потом я сам расскажу вам об убийце», – предложил я.

Мне подробно описали нераскрытые убийства и пересказали историю со слов спасшейся девушки. Я прикинул портрет убийцы, и мне ответили, что он очень похож на их подозреваемого, вплоть до заикания. Затем мне поведали о Хансене, его работе и семье, положении в обществе и репутации выдающегося охотника. Разве такой человек способен на крайнюю жестокость?

Еще как. Проблема в том, что полиция владела лишь косвенной информацией, а тогда как предъявить Хансену обвинения можно было лишь на основании физических улик. Чтобы наказать душегуба, чего все страстно желали, оставалось лишь добиваться чистосердечного

признания. Тогда меня попросили покумекать над убийствами и помочь сдвинуть дело с мертвой точки.

Поставленная задача была прямо противоположна нашей обычной практике: мне предстояло определить, вписывается ли прошлое, особенности личности и поведения уже известного субъекта в заданную серию преступлений.

Из резидентуры в Боулдере, штат Колорадо, я взял с собой агента Джима Хорна, который недавно присоединился к нашему отделу. Давным-давно мы вместе с ним проходили курс молодого бойца, а когда меня наконец уполномочили нанять еще четырех агентов, я тут же попросил Джима вернуться в Куантико. Сегодня Джим Хорн наряду с Джимом Ризом – двое самых высококлассных экспертов по стресс-менеджменту во всем Бюро. Их навыки критически важны в нашей работе. Но тогда, в 1983-м, Джиму предстояло одно из его первых дел на стезе поведенческого анализа.

Перелет в Анкоридж дался мне очень нелегко. Пока мы болтались над водной гладью, я, и без того вымотанный, так вцепился в подлокотники, что побелели костяшки пальцев. По прибытии нас встретили местные полицейские и проводили в отель. Мы проехали мимо баров, где раньше подвизались жертвы. Из-за холодов «ночные бабочки» не могли трудиться на улице, а потому перенесли свои деловые связи в бары, работавшие практически круглосуточно: их закрывали всего на час, чтобы прибраться и выставить вон перебравших посетителей. В то время в надежде заработать свою копейку на строительстве нефтепровода на Аляску массово хлынули мигранты, и штат вышел на первые места по уровню самоубийств, алкоголизма и венерических заболеваний. Во многом штат походил на современный фронтير времен Дикого Запада.

Атмосфера, царившая в городе, показалась мне очень странной. Там как будто шло непрерывное противостояние между коренным населением и приезжими «южанами из сорок восьмого»^[32]. Вокруг бродили эдакие мачо в татуировках прямиком из рекламы «Мальборо». Люди здесь настолько привыкли перемещаться на большие расстояния, что казалось, будто у каждого есть собственный самолет. В этом плане Хансен ничем не отличался от остальных.

Немаловажное значение для нас имел и тот факт, что на сей раз наш портрет должен был подкрепить ордер на обыск. Мы приступили к анализу, оперируя всем, что знали о преступлениях и о самом Роберте Хансене.

Что до жертв, известных полиции, то они работали проститутками или танцевали в стрип-барах. Но они были лишь каплей в море среди подобных им девушек, сновавших вдоль Западного побережья. Из-за кочевого образа жизни и нежелании «ночных бабочек» сообщать полиции о своем местонахождении, узнать об убийстве можно только в

том случае, когда кто-то случайно наткнется на труп. С той же самой проблемой полиция и ФБР столкнулись при расследовании дела убийцы из Грин-Ривер в штате Вашингтон. Вот почему выбор жертвы имеет такое большое значение: субъект охотился только на тех, кого никто не хватится.

Мы много не знали о прошлом Хансена, но имеющиеся сведения хорошо вписывались в общую картину: невысокий и худой, весь рябой, сильно заикается. Я предположил, что в подростковом возрасте из-за проблем с кожей и заикания его постоянно задирали и поднимали на смех, особенно девочки. Самооценка упала ниже плинтуса. Возможно, именно из-за этого субъект и переехал на Аляску – в надежде начать с чистого листа. А если говорить языком психологии, насилие над проститутками – вполне обычный способ расквитаться с женским полом за прошлые обиды.

Кроме того, я обратил внимание и на охотничий опыт Хансена. Он заработал себе имя на этом поприще, убив из арбалета дикую овцу в горах Кускоквим. Я не хочу сказать, что все охотники по своей природе ущербны, но, по моему опыту, страдающий чувством собственной неполноценности субъект старается компенсировать неутоленные желания охотой или другим хобби, связанным с ножами или огнестрельным оружием. Сильным заиканием Хансен напомнил мне Дэвида Карпентера, «убийцу из чащи» в Сан-Франциско. Как и в том случае, я был уверен, что на пике упоения властью Хансен перестает заикаться.

Учитывая все факторы, хотя раньше мы с такими случаями не сталкивались, я понемногу начал складывать картину реальных событий. Тела проституток и «экзотических танцовщиц» обнаруживали глубоко в лесу с пулевыми ранениями, оставленными, судя по всему, охотничьей винтовкой. По меньшей мере одна из жертв была голой, когда в нее стреляли. По словам семнадцатилетней девушки, которой удалось сбежать, Хансен собирался отвезти ее в свою хижину в лесу. Вместе с тем его жена с детьми улетели на лето в Европу, и он оставался один.

Я считал, что Роберту Хансену, как и генералу Зароффу из «Самой опасной дичи», наскучили лоси, медведи и дикие овцы, и он решил переключиться на более интересную добычу. Для Зароффа ею становились случайные моряки, которым не посчастливилось напороться на скалы в узком проливе близ его острова, нарочно не обозначенные предупредительными пометками. «Я охочусь на отребье земли – моряков, нанятых по объявлению. Да чистокровная собака или породистая кобыла стоит больше, чем любые двадцать из них», – говорил герой книги.

По моему мнению, в своем отношении к проституткам Хансен недалеко ушел от Зароффа. Он мог считать их людьми жалкими и презренными; к тому же ему не требовались особые ухищрения и уловки, чтобы

заманить их в ловушку. Сняв очередную девицу, он ее похищал, вывозил на самолете в лес, раздевал, а затем давал возможность убежать, устраивая на нее охоту с винтовкой или ножом.

Но начинал он, конечно, несколько попроще. Первых жертв он просто убивал, а потом вывозил тела подальше в лес. Преступления Хансен совершал на почве ненависти. Возможно, поначалу ему хватало и того, что девушки молили о пощаде. Но, будучи охотником, в какой-то момент он поймал себя на мысли, что можно сочетать «приятное с полезным», то есть вывозить жертв в самую чащу леса еще живыми, а потом устраивать на них охоту ради спортивного интереса и мощного сексуального удовлетворения. Вот в чем для него выражалась абсолютная власть. Убийца стал от нее зависим. Ему хотелось упиваться ею снова и снова.

Из этих умозаключений вытекали основания для ордера на обыск. Полиция требовала от нас с Джимом некие письменные показания, которые можно отнести в суд и предметно объяснить, что такое профайлинг, какие улики мы ожидаем найти во время обыска и почему пришли к таким выводам.

В отличие от обыкновенного преступника, которому все равно, чем прикончить свою жертву, Хансену был очень дорог его охотничий карабин. А значит, он, скорее всего, хранил его дома, пусть и не на виду: под кроватью, за фальшпанелью или потайной стенкой, на чердаке – словом, в тайнике.

Я также считал, что наш клиент окажется «коллекционером», хоть и не в чистом виде по понятным причинам. Многие сексуальные маньяки забирают у жертв сувениры на память, которые затем преподносят своим друзьям в знак власти над ними или разглядывают сами, заново переживая опыт убийства. Но Хансен-то не мог водрузить голову проститутки на стену как охотничий трофей, а потому, скорее всего, довольствовался вещами попроще. Поскольку тела жертв оставались в целости, убийца мог забирать украшения и драгоценности, а затем дарить их жене или дочери, сочинив байку о том, откуда они взялись. Вряд ли он хранил у себя нижнее белье, но мог забирать из бумажника небольшие фото или что-нибудь еще. Также опыт подсказывал мне, что такой тип личности способен документировать свои похождения, например вести список девушек или дневник.

Теперь нужно было опровергнуть алиби пекаря. Двоим его деловым партнерам ничего не стоило поддержать товарища, если они при этом ничем не рисковали. А вот если нам удастся такой риск для них создать, то ситуация изменится для нас в лучшую сторону. Через окружного прокурора полиции Анкориджа удалось санкционировать создание расширенной коллегии присяжных^[33] для расследования дела о похищении и изнасиловании проститутки, опознавшей Хансена. Затем полицейские снова допросили двоих бизнесменов, только на сей раз

предупредили, что за дачу заведомо ложных показаний расширенной коллегии присяжных им не поздоровится.

Как мы и ожидали, этого оказалось достаточно, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки. Оба признались, что на самом деле не видели Хансена тем вечером и он просто попросил их помочь ему выйти из некоей «неловкой ситуации».

Тут же был выписан ордер на обыск, а самого Хансена арестовали по подозрению в похищении и изнасиловании. Дома у него полиция обнаружила карабин «ругер-мини-14». Баллистическая экспертиза показала, что он соответствует гильзам, найденным неподалеку от тел убитых. Как мы и предполагали, под охотничьи трофеи Хансен выделил целую комнату. Чего там только не было: бесчисленные головы зверей, моржовые бивни, оленьи рога, чучела птиц и шкуры на полу. Под досками в полу на чердаке нашелся тайник, в котором пекарь припрятал другое оружие вперемежку с разнообразной бижутерией, часиками, водительскими правами и несколькими удостоверениями личности. Все это некогда принадлежало убитым. Кое-что из нехитрого скарба жертв он подарил жене и дочке. Дневника он не вел, зато полиция наткнулась на нечто похожее: летную карту с отметками мест, где оставлены тела.

Всего этого добра с лихвой хватало на то, чтобы прижать Хансена к ногтю. Но без ордера на обыск нам бы ни за что не удалось распутать дело. И единственный способ получить ордер состоял в демонстрации судье достаточного количества *поведенческих* улик, чтобы обосновать обыск. С тех пор мы не раз успешно формулировали подобные обоснования, и полученные ордера позволили в конечном итоге упечь за решетку многих опасных преступников. Среди них особенно интересно отметить делаварское дело Стивена Пеннелла, известного как «убийца с I-40». Пеннелл пытал и убивал женщин в специально оборудованном для этих целей фургоне и был казнен посредством инъекции в 1992 году.

Когда полиция Анкориджа и Аляски смогла наконец допросить Роберта Хансена (а это было в феврале 1984 года), я уже сидел дома, понемногу восстанавливаясь после инсульта, перенесенного в Сиэтле. Рой Хейзелвуд, героически справляясь одновременно и с моей работой, и со своей, проконсультировал полицию по технике допроса.

Как и в самом начале, когда Хансену впервые предъявили обвинения в похищении, он все отрицал, прикрываясь счастливым браком и успешным бизнесом. Поначалу подозреваемый утверждал, что гильзы от его винтовки нашли на местах убийств единственно потому, что он оттачивал там свои навыки стрельбы, а наличие поблизости трупов – это чистое совпадение. Но в конце концов, заваленный кучей неоспоримых доказательств и придавленный сверху угрозами натравить на него сурового прокурора, страстно желавшего добиться для Хансена смертного приговора, если тот не сознается, убийца все рассказал.

В попытке рационализировать и оправдать свои действия Хансен уверял, что хотел от проституток лишь орального секса, которого не мог требовать от своей благочестивой и уважаемой супруги. Если «ночная бабочка» хорошо старалась, то, по словам преступника, этого ему хватало. Наказывал он только тех, кто не слушался, пытаясь самостоятельно контролировать ситуацию.

В этом отношении поведение Хансена как две капли воды походило на описанное в тюремном интервью Монте Риссела. И Хансен, и Риссел страдали от чувства неполноценности и пережили тяжелое детство. Риссел обрушивал свой гнев на тех женщин, которые, в попытке задобрить его, старались симулировать готовность и удовольствие. Но они не понимали, что главное для такого индивида – власть и подчинение.

Хансен также утверждал, что около тридцати или сорока проституток по своей воле сели к нему в самолет, и он вернул их живыми. Честно говоря, верилось с трудом. Женщины, отобранные Хансеном для охоты, обычно не задерживались на одном месте, меняя клиентов как перчатки. Если они уже долгое время работали в индустрии интим-услуг, то наверняка неплохо разбирались в людях и вряд ли по своей воле сели бы в самолет к какому-то едва знакомому парню. Девушки могли допустить лишь одну ошибку: позволить ему затащить себя домой. Как только очередная жертва оказывалась у него дома, ее песенка была спета.

Как и его вымышленный «коллега» генерал Зарофф, Хансен утверждал, что охотился только на определенных людей. Он ни за что не подумал бы причинить вред «достойной» женщине. Другое дело – проститутки и стриптизерши. «Я не хочу сказать, что ненавижу всех женщин, нет... – объяснял убийца. – Но вот проституток я склонен ставить куда как ниже. Это как бейсбол: либо они метко бросают мяч, либо я его отбиваю».

Начав охоту, разрядку он мог получить только со смертью жертвы. «Возбуждение, – рассказывал Хансен дознавателям, – приходило, когда я выслеживал их».

Он подтвердил наши подозрения о его прошлом. Он вырос в Покахонтасе, штат Айова. Его отец был простым пекарем. Ребенком Роберт нередко обчищал полки магазинов и, даже когда вырос и мог позволить себе купить все, чего хотел, все равно продолжал подворовывать ради удовольствия. По его словам, проблемы с противоположным полом у него начались в старшей школе. Его душила горькая обида, что из-за прыщей и заикания никто не хотел с ним общаться: «Я выглядел, как урод, и разговаривал так же. Любая девушка, на какую я ни взгляну, отворачивалась от меня». После ничем не выдающейся службы в армии он женился в возрасте двадцати двух лет. Затем последовала череда поджогов и краж, Хансен был судим, окончательно рассорился с супругой и развелся, а потом женился вновь.

На Аляску он переехал, как только вторая жена окончила колледж. Он собирался начать жизнь заново, но с законом по-прежнему не дружил. На сей раз послужной список пекаря пополнился несколькими попытками к изнасилованию, которые он, очевидно, совершал в отношении девушек, отказавших ему во внимании. Интересно отметить, что, как и многие другие преступники, Хансен водил весьма популярный в их кругах «фольксваген-жук».

27 февраля 1984 года Хансен сознался в совершении четырех убийств, одного изнасилования, одного похищения, ряде краж и незаконном применении оружия и был приговорен к 499 годам тюрьмы.

Один из первоочередных вопросов, ответ на который мы должны были дать, прежде чем полиция примет дальнейшие действия по делу Хансена, звучал так: а все ли отмеченные убийства проституток и танцовщиц совершены одним и тем же человеком? Вообще это один из самых важных вопросов в следственно-криминальном анализе. Примерно в то же время, когда на Аляске обнаружили тело первой жертвы Роберта Хансена, меня вызвали в Буффало, штат Нью-Йорк, чтобы поучаствовать в расследовании серии жестоких и, вероятно, совершенных на почве расовой ненависти преступлений.

22 сентября 1980 года неизвестный застрелил четырнадцатилетнего подростка по имени Гленн Данн прямо на парковке перед супермаркетом. Со слов свидетелей, нападавшим был молодой белый мужчина. На следующий день в небольшой закусочной в пригородном Чиктоваге застрелили тридцатидвухлетнего Гарольда Грина. Тем же вечером на пороге собственного дома в том же самом районе, что и первая жертва, погиб тридцатилетний Эммануэль Томас. А еще через день в Ниагара-Фоллз появилась четвертая жертва – Джозеф Маккой.

По логике вещей только два аспекта объединяли эти бессмысленные убийства. Во-первых, все жертвы были черными. Во-вторых, из тел погибших извлекли пули 22-го калибра, и пытливая пресса тут же нарекла нападавшего «убийцей с 22-м калибром».

Буффало дрожал от расового напряжения. Представители чернокожего населения чувствовали себя беспомощными и обвиняли полицию в бездействии. В каком-то смысле все это до боли напоминало ужасы, которые пережила Атланта. И, как часто происходит в подобных ситуациях, дело не сразу пошло на лад. Сперва оно покатилося ко всем чертям.

8 октября в пригородном Амхерсте в багажнике собственного автомобиля обнаружили труп семидесятиоднолетнего черного таксиста Парлера Эдвардса с вырезанным из груди сердцем. На следующий день, теперь на берегу Ниагары, был найден мертвым еще один черный таксист, сорокалетний Эрнест Джонс, и тоже с вырванным сердцем. Его такси, залитое кровью, стояло в паре километров от владельца, в черте Буффало. А еще через день, в пятницу, белый мужчина, чем-то похожий

на «убийцу с 22-м калибром», ворвался в больничную палату к тридцатисемилетнему Коллину Коулу, объявил, что «ненавидит ниггеров», и принялся того душить. Коул спасся только благодаря вошедшей медсестре, а нападавший бежал.

Народ требовал расправы. Власти опасались, что со дня на день массы чернокожих поднимутся на неизбежный протест. В те же выходные я прибыл на место по просьбе САРа в Буффало Ричарда Бретцинга. Очень правильный солидный мужчина, семьянин до мозга костей, Бретцинг считался ключевым членом так называемой мафии мормонов в ФБР. Никогда не забуду табличку в его кабинете, гласившую примерно следующее: «Если мужчина несчастлив дома, значит, он несчастлив по жизни».

Как обычно, в первую очередь я обратил внимание на жертв. Полиция считала, что, кроме расы, у шестерых погибших нет другого общего знаменателя. Им просто не посчастливилось оказаться не в то время не в том месте. Без сомнений, из 22-го калибра стрелял один и тот же человек. Все эти убийства совершались с определенной целью, характерной для фанатика. Субъект обладал единственной заметной психопатологией: патологической ненавистью к чернокожим. Все остальные особенности жертв в расчет не принимались.

Я ожидал, что наш клиент состоит в какой-нибудь ксенофобской клике или даже организации, пропагандирующей благие цели, например в церкви, при этом убеждая себя, что он вносит в их деятельность ощутимый вклад. Возможно, он даже служил в войсках, но его вскоре уволили по психологическим причинам или из-за неумения приспособиться к армейскому укладу жизни. Перед нами был рациональный и организованный человек с последовательной и «логичной» системой расовых предрассудков.

Что до тех двух жесточайших нападений на таксистов, то они, хоть и были совершены на почве расовой ненависти, но, скорее всего, другим человеком. Эти убийства были делом рук неорганизованной личности с патологией самоидентификации, возможно, галлюцинаторным синдромом или параноидальной шизофренией. На мой взгляд, места преступлений говорили о буйном помешательстве, упоении властью и жажде крови. Если один субъект меньше чем за две недели перешел от огнестрела к потрошению жертв, то он, скорее всего, страдает от жесточайшего расстройства личности. Но такое заключение никак не сходилось с инцидентом в больнице – если нападавший, конечно, был именно «убийцей с 22-м калибром», – к тому же я был уверен, что так скоро вскормить в себе болезненную фантазию о вырванных сердцах просто невозможно. Скорее всего, убийце понадобилось для этого как минимум несколько лет. Ни одного из двух убийц не интересовал грабеж. В то же время, тогда как первый стремился быстро нанести удар и смыться, второй, похоже, оставался на месте преступления длительное время. Если эти две серии и были связаны, то лишь в том отношении,

что психопат, вырезавший жертвам сердца, черпал вдохновение у расиста, уже успевшего с головой погрузиться в свое «ремесло».

22 декабря убийца, орудовавший на Среднем Манхэттене и прозванный «манхэттенским мясником», всего за тринадцать часов зарезал четверых черных и одного латиноамериканца. Еще двоим афроамериканцам едва удалось сбежать. 29 и 30 декабря «мясник» снова нанес удар, на сей раз на севере штата: он насмерть зарезал тридцатидесятилетнего Рождера Адамса в Буффало и двадцатилетнего Венделла Барнса в Рочестере. В последующие три дня в Буффало схожие нападения пережили еще трое чернокожих, но им удалось спастись.

Я не мог утверждать, что «22-й калибр», «манхэттенский мясник» и виновник последних трех нападений – это один и тот же человек. Зато я не сомневался, что это один и тот же *тип личности*. Все трое проявляли расизм, нападали быстро и убивали.

В течение последующих месяцев расследование «22-го калибра» разделилось на два направления. В январе в Форт-Беннинге, штат Джорджия, рядовой армии Джозеф Кристофер напал с ножом на своего чернокожего сослуживца и был арестован (там же три года назад Уильям Хэнс пытался разыграть карту расизма в деле «Сил зла»). Во время обыска в его старом доме близ Буффало полиция нашла обрез и солидный боезапас патронов 22-го калибра. Кристофер устроился на службу только в ноябре и в период серии убийств в Буффало и на Манхэттене был в увольнении.

Находясь в исправительном центре Форт-Беннинга, он признался капитану Олдричу Джонсону, что «сделал это в Буффало». Тогда ему предъявили обвинения в убийствах из огнестрельного оружия и нескольких нападениях с ножом. Его вина была доказана, а после непродолжительных прений о его психическом здоровье Кристофера приговорили к шестидесяти годам тюрьмы. Капитан Мэтью Левайн, психиатр, обследовавший обвиняемого в армейском госпитале им. Мартина, признался, что его поразило, насколько точно пациент вписывался в портрет «убийцы с 22-м калибром». Как мы и предполагали, субъект не смог приспособиться к армейской жизни.

Кристофер не признавал, но и не отрицал свою причастность к убийствам двух таксистов. Обвинения по ним ему не предъявили, да эти два случая и не соответствовали ему ни с точки зрения *modus operandi*, ни с точки зрения почерка. А вообще эти две составляющие крайне важны в следственно-криминальном анализе, и я в свое время потратил не один час, выступая свидетелем на судах по всей стране и пытаюсь объяснить присяжным разницу между ними.

Modus operandi – или образ действия – это приобретенная манера поведения, то, что делает преступник, совершая преступление. *Modus operandi* динамичен, то есть может со временем меняться. Почерк (этот

термин я ввел сам, чтобы отличать от образа действия) отражает то, что делает преступник, *удовлетворяя свое эго*. Он статичен и не меняется.

К примеру, подросток не будет совершать преступления одним и тем же образом по мере взросления, если только самое первое не прошло без сучка без задоринки. Если противоправное действие сойдет ему с рук, то он кое-чему научится и постепенно будет покорять все новые высоты. Вот почему образ действия динамичен. С другой стороны, субъект может совершать преступления ради власти, причинения боли, страданий или чтобы заставить жертву молить о пощаде – это уже почерк, то есть отражение личности убийцы, его потребностей.

Во многих штатах обвинение до сих пор придерживается весьма архаичного подхода, пытаясь связать преступления по образу действия. На слушаниях по делу Кристофера его адвокат мог легко опровергнуть позицию своего оппонента, просто сказав, что убитые из 22-го калибра в Буффало и зарезанные на Манхэттене выражают два разных *modus operandi*, и был бы абсолютно прав. И тем не менее почерк у них одинаковый, а именно: склонность к убийству случайных чернокожих, обусловленная расовой ненавистью.

С другой стороны, застреленные и выпотрошенные жертвы – это уже два отличных почерка. Убийца, вырезавший своим жертвам сердца, пусть и имея похожий мотив, все же обладал ритуализированным, обсессивно-компульсивным почерком. Совершая преступление, каждый убийца преследует цель. Однако важно, что у каждого из них эта цель своя.

Зачастую граница между образом действия и почерком весьма размыта. Взять хотя бы того банковского грабителя из Техаса, который заставлял своих пленников раздеться, ставил их в сексуальные позы, а затем фотографировал. Это почерк, коль скоро действия никак не способствовали успеху в ограблении. В сущности, из-за этого налетчик сильно задерживался на месте и еще больше рисковал быть пойманным. И все же в этом он ощущал острую необходимость.

Или вот, к примеру, еще один грабитель – из Гранд-Рапидса, штат Мичиган. По этому делу я консультировал полицию на месте. Грабитель тоже заставлял заложников раздеться, но по другой причине. Он считал, что они, испытывая неловкость и стыд, не будут смотреть на него, а значит, не смогут позднее его опознать. Для него это было лишь средством удачного ограбления, а значит, его образом действия.

Анализ почерка сыграл важнейшую роль и на суде Стивена Пеннелла в Делавэре в 1989 году. Кстати, во время расследования ордер на обыск был выписан благодаря нашим письменным показаниям, то есть профайлу. Делом занимался мой коллега Стив Мардигиан. Общими усилиями вместе с опергруппой округа Ньюкасл и полицией штата Делавэр ему удалось создать психологический портрет, позволивший сузить круг подозреваемых, разработать упреждающую стратегию и в конце концов прижать Пеннелла к ногтю.

На междуштатных магистралях № 40 и № 13 находили трупы проституток с раздробленными черепами. На телах присутствовали явные признаки пыток и сексуального насилия. Стив составил очень точный портрет. Он считал, что преступник – белый мужчина около тридцати лет, работник коммунальной службы. Он водит выдавший виды фургон, открыто выискивает жертв, строит из себя мачо, состоит в браке или же имеет постоянные отношения, получает удовольствие от женского подчинения. Орудие преступления носит с собой, а улики тщательно уничтожает. Он хорошо знаком с местностью и грамотно выбирает места, где спрятать тело. Во время совершения преступлений ведет себя хладнокровно – и будет убивать и дальше, пока его не поймут.

Стивен Б. Пеннелл, белый мужчина тридцати одного года, работал электриком, водил фургон с солидным пробегом, катался по округе в поисках жертв, строил из себя мачо, был женат и любил подчинять женщин. В фургоне у него всегда был «чемоданчик для изнасилований». Он пытался уничтожить улики, когда полиция села ему на хвост, хорошо знал местность и умело прятал тела. Во время совершения преступлений вел себя хладнокровно и продолжал убивать, пока его не поймали.

Его обнаружили благодаря уловке, предложенной Мардигианом: у шоссе стояла женщина-полицейский, замаскированная под «ночную бабочку». Целых два месяца офицер полиции Рене С. Лано бродила по дорогам, выискивая фургон с мужчиной, подходящим под описание. Особое внимание обращалось на оснащение фургона, поскольку на теле одной из жертв нашли частички автомобильного коврика синего цвета. У Лано были четкие инструкции на случай остановки нужной машины: ни в коем случае не садиться внутрь, но постараться узнать как можно больше. Хотя на нее и поставили прослушку, это могло стоить Рене жизни. Когда наконец остановился мужчина, соответствовавший портрету, офицер Лано подошла со стороны пассажирской двери, втянула водителя в разговор и стала торговаться о цене своих услуг. Заметив синий коврик, она похвалила фургон и как бы игриво провела пальцами по коврику, заполучив бесценную улику. Лаборатория ФБР подтвердила, что собранные частицы соответствуют найденным на теле предыдущей жертвы.

На суде над Пеннеллом я давал показания по особенностям его почерка. Защита пыталась доказать, что преступления не мог совершать один и тот же человек, потому что очень многое в них отличалось. Я же объяснил, что, вне зависимости от образа действия, все убийства сходились к общему знаменателю в виде физических, эмоциональных и сексуальных пыток. Некоторым жертвам убийца зажимал соски щипцами и отрезал их. Других он связывал за кисти и лодыжки, резал им ноги, хлестал по ягодицам, избивал молотком. Хотя сами пытки (читай: образ действия) разнились, почерк выражался в удовольствии, которое

Пеннелл получал, причиняя жертвам страдания и заставляя их кричать от боли. Собственно убийству это никак не помогало. Зато помогало убийце получить именно то, чего он так страстно желал.

Даже если бы Стивен Пеннелл все еще был жив и мог прочесть эти строки, он все равно не смог бы изменить свой почерк в последующих преступлениях. Даже изобретя более изощренные пытки, чтобы заставить жертву страдать еще сильнее, он не сумел бы удержаться от самого процесса пытки.

К счастью для всех нас, как я уже отметил, властям штата Делавэр хватило здравого смысла и достоинства казнить Пеннелла инъекцией 14 марта 1992 года.

Визитной карточкой нашего анализа почерка стал суд в 1991-м над Джорджем Расселом-младшим, обвиненным в избиении и удушении годом ранее трех белых женщин в Сиэтле – Мэри Энн Полрайх, Андреа Левайн и Кэрол Мэри Бит. Портрет составлял мой коллега Стив Эттер, а показания давал я сам. Обвинение понимало, что добиться приговора на основании только одного убийства не удастся. Полицейские же имели на руках неопровержимые доказательства вины Рассела в смерти Полрайх и считали, что им удастся притянуть и два других. Поэтому загвоздка состояла в том, чтобы связать воедино все три убийства.

На первый взгляд, Рассел не обладал тем типом личности, который способен на столь гнусные преступления. Несмотря на длинный список мелких краж, в свои тридцать он был привлекательным и приятным чернокожим мужчиной с хорошо поставленной речью, широким кругом друзей и знакомых. Даже местная полиция Мерсер-Айленда, собравшая целый том из его прошлых преступлений, не верила, что он мог совершить подобное.

В 1990-м межрасовые убийства на сексуальной почве все еще были в диковинку, но по мере того, как общество освобождалось от предрассудков и становилось все более толерантным, расовая принадлежность мало-помалу переставала играть определяющую роль в преступлениях. Особенно характерно это для истории спокойного и весьма утонченного человека вроде Рассела. Он встречался то с белыми, то с черными женщинами и дружил с представителями обеих рас.

Переломный момент в этом деле настал, когда государственный защитник Мириам Шварц в досудебном порядке добилась от судьи Верховного суда округа Кинг Патриции Эйткен рассмотрения всех трех преступлений отдельно, руководствуясь предпосылкой, что убийства совершали разные люди. Тогда обвинители Ребекка Роу и Джефф Бейрд попросили меня доказать, что три эпизода все же связаны.

В каждом из них я подметил схожий образ действия, выражающийся в неожиданном нападении. Принимая во внимание, что все три атаки были совершены в течение семи недель, убийца вряд ли изменил бы своему

modus operandi, если только что-то пошло не по плану и ему пришлось доработать свой подход. Но куда как более убедительно звучали доводы по почерку.

Все три девушки были найдены в провокационной и развратной позе. Сексуальный подтекст сцены преступления усиливался с каждой новой жертвой. Первая лежала у канализационного люка на мусорном баке, перекрестив ноги в лодыжках и со сжатыми в замок пальцами. Вторую нашли на кровати, с подушкой на голове, раздвинутыми и согнутыми в коленях ногами, обутую в красные туфли на высоком каблуке и с торчавшей из вагинального отверстия винтовкой. Третья также лежала на кровати, раскинув в стороны руки и ноги, с фаллоимитатором во рту и с книгой «Радость секса» под левой рукой.

Неожиданное нападение способствовало их убийству. Подобные позы – нет.

Я объяснил разницу между инсценировкой и позированием. К инсценировке преступник прибегает в том случае, если хочет сбить полицию со следа, обставив все таким образом, как будто дело обстояло иначе, чем они предполагают. К примеру, нередко насильники создают в доме жертвы видимость ограбления. Это один из аспектов образа действия. А вот позирование – это аспект почерка.

– Нам не так часто попадаются дела с позирующими жертвами, – признался я на слушаниях, – когда убийца использует тело в качестве инструмента для собственного послания... Эти преступления совершаются из-за жажды власти или на почве ненависти. Субъект заряжается возбуждением от погони, от убийства. Оставляя тело жертвы в том или ином виде, он как бы говорит: смотрите, я иду против системы.

Далее я с уверенностью заявил:

– Вероятность того, что все убийства совершены одним лицом, крайне высока.

Мои слова подтвердил и Боб Кеппел, главный следователь Генеральной прокуратуры штата и ветеран опер-отряда Грин-Ривер. Он подчеркнул, что из более тысячи дел об убийствах, которые он расследовал, только около десяти строились вокруг позирования, причем ни одно из них не было похоже на эти три.

Мы пока не утверждали, что преступник и есть Рассел. Мы лишь пытались доказать, что виновный в одном из этих зверств виновен и в оставшихся двух.

Защита планировала пригласить эксперта, который под присягой опроверг бы мои показания, доказал ошибочность моих выводов по почерку и продемонстрировал, что убийства совершали разные люди. По иронии судьбы этим экспертом оказался Роберт Ресслер, мой давний коллега и партнер по исследованию, уже вышедший на пенсию, но иногда все еще дававший консультации.

Любому опытному психоаналитику и специалисту по криминальному анализу вроде нас Бобом Ресслером это дело показалось бы проще пареной репы, и оттого я еще больше удивился, что Боб согласился выступить на стороне защиты за разделение расследования на три дела. Мягко говоря, я считал, что он категорически неправ. Но, как все мы неоднократно признавали, наша стезя далека от точной науки, и Боб имел право на свою точку зрения. Мы с ним расходились во мнениях и по другим вопросам, в частности, был ли Джефффри Дамер на самом деле сумасшедшим. Тогда Ресслер принял сторону защиты, утверждая, что Дамер душевнобольной. Я же поддержал Парка Дитца, который со стороны обвинения дал показания, что подсудимый абсолютно вменяем.

Еще сильнее я удивился, когда Боб под предлогом неотложных дел так и не появился на предварительных слушаниях, а прислал вместо себя другого человека, Расса Ворпагела, тоже агента на пенсии. Расс был умным малым, чемпионом по шахматам. Стоит ли говорить, что он умел одновременно играть против десятих оппонентов! Но профайлинг – не совсем его специальность, да и к тому же, как я считал, факты были на моей стороне. Ребекка Роу задала Ворпагелу настоящую трепку на перекрестном допросе, после того как он оспорил мое мнение. В конце слушаний судья Эйткен объявила, что на основании представленных мною и Кеппелом поведенческих доказательств, почерк принадлежит одному и тому же лицу, а следовательно, три убийства можно связать воедино.

На самом суде я снова дал показания, опровергнув теорию защиты о разных нападавших. Так, слушая дело по убийству Кэрол Бит, адвокат подсудимого Шварц заявила, что у бойфренда погибшей были и мотив, и возможность. Конечно, мы тоже всегда обращаем внимание на супругов или любовников жертв преступлений на сексуальной почве, но я не сомневался, что в данном случае убийство совершил незнакомец.

В конце концов после четырех дней совещаний коллегия присяжных из шестерых мужчин и шести женщин объявила приговор: Джордж Уотерфилд Расселл-младший виновен в одном особо тяжком убийстве и в двух особо тяжких убийствах при отягчающих обстоятельствах. Его приговорили к пожизненному заключению без права на условно-досрочное освобождение в колонии строгого режима округа Уолла-Уолла.

Это была моя первая поездка в Сиэтл с тех пор, как я перенес там инсульт и кому. После напряженных изысканий в Грин-Ривер я с радостью участвовал в судебном заседании. Кроме того, я навестил врачей, спасших мне жизнь, и был приятно удивлен, что у них все еще стоит моя благодарственная табличка. Затем я съездил в гостиницу «Хилтон» в надежде оживить воспоминания, но мне это не удалось. Полагаю, в том состоянии мой мозг просто физически не мог обработать поступавшую ему информацию. К тому же после стольких лет постоянных разъездов как-то перестаешь различать номера в отелях.

Анализ почерка мы отполировали до блеска и теперь могли запросто на его основе давать показания по серийным убийствам. Методом свободно пользовался не только я, но и другие психоаналитики, поддержавшие мое начинание, в том числе Ларри Анкром и Грег Купер.

В 1993-м Грег Купер сыграл важную роль в суде над Грегори Моусли, совершившим двойное убийство в двух разных юрисдикциях Северной Каролины: он изнасиловал, избил и зарезал двух женщин. Как и в похожем деле Рассела, отдельно взятому полицейскому отделению было бы затруднительно добиться обвинительного приговора. Обе организации обладали признательными показаниями, связывающими дела, но Грег, тщательно изучив фотографии и материалы, смог окончательно объединить преступления.

Как считал Грег, ключом к анализу почерка в деле Мо-усли была жажда крови. Обе его жертвы были одинокими незамужними девушками с легкой формой инвалидности, едва за двадцать. Обе – завсегдатаи сельского вестерн-клуба, из которого их и похитили с разницей в пару месяцев. Обеих жестоко избили. Можно сказать, до смерти, если бы их к тому же не душили сперва руками, а затем веревкой. Одну девушку ударили ножом двенадцать раз, а медицинская экспертиза показала следы вагинального и анального проникновения. По результатам вскрытия на теле другой жертвы также обнаружили следы спермы, анализ которой привел полицию к Моусли. Оба убийства с пытками и изнасилованием преступник совершил в уединенных местах, а тела тщательно спрятал.

На первом слушании Грег дал показания: поведенческие улики и почерк преступника указывают на ущербную личность, склонную к сексуальному садизму. Неполноценность явно следует из характера выбранных жертв. Садизм еще более явно замечен по действиям убийцы. В отличие от большинства ущербных, неорганизованных типов личностей, субъект сперва наносил жертвам тяжелые увечья, а лишь потом убивал. Он стремился к абсолютной физической и эмоциональной власти. Он хотел быть причиной их страданий и наслаждался реакцией на свою жестокость.

Благодаря показаниям Грега обвинение смогло привязать к судебному разбирательству и второе убийство. Вина Моусли была доказана, и его приговорили к смертной казни. На втором слушании спустя девять месяцев Грегу удалось добиться еще одного обвинительного приговора и высшей меры наказания.

Во время первых слушаний Грег непрерывно сверлил Моусли взглядом, описывая особенности его личности перед битком набитым залом суда. По мрачному выражению лица подсудимого Грег легко догадался о его мыслях: «Откуда, черт возьми, ты это знаешь?» Но Грег испытывал колоссальное давление. Если он потерпит фиаско, первое дело развалится, а второе вообще впору будет выкинуть на помойку.

Увидев Грегга на втором слушании, Моусли пробормотал, обращаясь к полицейскому приставу:

– Этот сукин сын хочет снова меня уделать!

Обычно для обвинительного приговора по делу об убийстве требуются обоснованное заключение медицинской экспертизы, показания свидетелей, чистосердечное признание или крепкий набор неопровержимых косвенных улик. Ну а теперь, благодаря нашему вкладу в развитие поведенческого анализа и анализа почерка преступника, у полиции и обвинения появился еще один козырь. Самого по себе этого, конечно, недостаточно для вынесения приговора, но вкупе с другими инструментами профайл позволяет связать воедино несколько дел и сдвинуть расследование с мертвой точки.

Серийные убийцы отслеживают самую опасную дичь. И чем лучше мы разберемся в том, как именно они ее отслеживают, тем больше у нас шансов склонить весы в свою сторону.

Глава 14. Кто убил чистокровную американку?

Кто убил чистокровную американку?

Только ленивый не задавался этим вопросом, довлевшим над тихим городком Вуд-Ривер, что в Иллинойсе, долгих четыре года. Задавались им и инспектор полиции штата Алва Буш, и прокурор округа Мэдисон Дон Уэбер.

Вечером вторника 20 июня 1978 года Карла Браун и ее жених Марк Фэйр закатали вечеринку с морем пива и громкой музыкой для друзей, помогавших им переехать в их новое гнездышко по Эктон-авеню, 979. Пара поселилась в одноэтажном белом доме с деревянной облицовкой и тонкими изящными колоннами, обрамляющими парадное крыльцо. Последние две недели молодая чета всячески обустроивала свое жилище, сделав из типовой коробки вполне пригодный для жизни дом. Для двадцатитрехлетней Карлы и двадцатисемилетнего Марка ремонт стал началом новой жизни. После пяти лет отношений Марку наконец удалось преодолеть типичную для молодых людей нерешительность, и он смог совершить поступок, достойный мужчины. Карла как раз заканчивала колледж, Марк только начал карьеру электрика, и вместе они были готовы свернуть горы.

Хотя Марк несколько лет откладывал судьбоносное решение, он благодарил судьбу за такую прекрасную жену. Карла Лу Браун воплотила в себе все качества чистокровной американки: невысокая, чуть ниже полутора метров, светлые волнистые волосы, сногшибательная фигурка и улыбка, достойная королевы красоты. В старшей школе в Роксане Карла притягивала к себе взгляды мальчиков и

вызывала зависть у девочек. Ее запомнили как бойкую и энергичную старшеклассницу из группы поддержки. Но самые близкие друзья знали, что за очаровательной игривой наружностью скрывается чувствительная, глубокая личность. Они видели, как она всю себя посвящала Марку, сильному, спортивного сложения молодому человеку, который был на голову выше нее ростом. Карла и Марк прекрасно смотрелись вместе и жили душа в душу.

После вечеринки пара вернулась на съемную квартиру в Восточном Олтоне, чтобы забрать оставшиеся вещи. Следующую ночь они надеялись провести уже у себя дома.

Утром в среду, когда Марк ушел на работу в электроотопительную компанию «Кэмп электрик энд хитинг», Карла отправилась на Эктон-авеню, чтобы немного прибраться и навести последний лоск, дожидаясь жениха, который обычно возвращался около полпятого. Оба хотели поскорее заночевать на новом месте.

Освободившись с работы, Марк заехал к своему другу, Тому Фигенбауму, жившему в том же доме, что и родители Марка. Он попросил товарища помочь перетащить увесистую, неудобной формы собачью конуру, стоявшую на заднем дворе дома.

На Эктон-авеню они добрались около пяти тридцати, и, пока Том парковался на подъездной дорожке, Марк пошел за Карлой. Ее нигде не было, и парень решил, что невеста отправилась за покупками для дома. Однако заднюю дверь она оставила незапертой, и Марка это не на шутку встревожило. Стоит со вниманием относиться к подобным мелочам.

Тогда Марк пригласил Тома войти и показал ему дом.

Продемонстрировав комнаты, Марк пригласил гостя на кухню, и они оба спустились в подвал. Едва хозяин дома ступил на нижнюю ступеньку лестницы, его взору предстал сущий бардак: несколько столиков перевернуты, на полу и на диване что-то разлито, хотя они только прошлым вечером основательно прибрались.

– Что тут такое?.. – начал Марк и развернулся, собираясь уйти, но тут его взгляд скользнул по приоткрытой двери в прачечную.

Карла стояла на коленях, наклонившись вперед. В свитере, но совершенно голая ниже пояса; руки связаны за спиной шнуром, голова опущена в десятигаллоновую бочку с водой. В той бочке молодая пара перевозила одежду. А свитер, упакованный в одну из других бочек, Карла вообще надевала только зимой.

– О боже! Карла! – с надрывом закричал Марк, и они с Томом сломя голову кинулись к ней.

Вытащив голову невесты из воды, Марк положил тело на пол. На посиневшем, распухшем лице виднелись два глубоких пореза: один на лбу, а другой вдоль подбородка. В широко распахнутых глазах уже не теплилась жизнь.

Убитый горем, Марк попросил Тома найти что-нибудь, чтобы прикрыть тело, и, когда тот вернулся с красной простыней в руках, друзья вызвали полицию.

Через несколько минут на место прибыл офицер полиции Вуд-Ривера Дэвид Джордж. Марк и Том ждали его снаружи. Проводив офицера в подвал, они показали ему девушку. Марк едва держался на ногах и все повторял как заведенный: «Боже мой, Карла».

Проявления столь вопиющей жестокости были совершенно не свойственны тихому городку Вуд-Ривер, расположенному всего в пятнадцати минутах езды от Сент-Луиса. Вскоре к дому Марка съехалась «вся королевская рать», включая тридцатидевятилетнего шефа полиции Ральфа Скиннера.

У Клары обнаружили признаки сильнейшего удара по голове тупым предметом, вероятно нанесенного стойкой от телевизора, валявшейся неподалеку. Кроме того, вокруг шеи у нее была завязана пара носков. Впоследствии вскрытие покажет, что девушка скончалась от удушья и к тому моменту, когда ее голову погрузили в воду, уже была мертва.

Несмотря на все то внимание, что полицейские уделяли расследованию, с самого начала их преследовали всякие неприятности. Сперва инспектору штата Иллинойс Алве Бушу, опытному криминальному технику, никак не удавалось настроить вспышку. К счастью, Билл Редферн, ответивший на вызов Тома Фигенбаума, прихватил с собой запасной фотоаппарат, правда, заряженный черно-белой пленкой. В довершение всего в доме не так давно побывала целая толпа народу, помогавшая молодой паре переезжать. Гости неизбежно оставили кучу едва заметных, но еще свежих отпечатков, и выбрать среди них те, что принадлежат убийце, было крайне сложно, если вообще возможно.

Некоторые элементы преступления могли служить отправной точкой в расследовании, но многое оставалось неясным. В первую очередь полиция обратила внимание, что с кухни пропала стеклянная емкость из кофе-машины, которая вскоре нашлась среди балок в подвале. Никто, в том числе и сам Марк, не мог внятно объяснить, каким образом сосуд оказался в подвале и какую роль сыграл в преступлении, если вообще в нем участвовал. Алве Бушу удалось снять с него едва заметные отпечатки пальцев, но они частично стерлись, и потому определить их владельца не представлялось возможным.

В последующие дни полиция основательно прошерстила весь район, опрашивая всех, кто мог что-то видеть. Ближайший сосед молодой пары Пол Мэн сказал, что в тот день большую часть вечера провел на крыльце со своим товарищем Джоном Пранте. Однако, по словам Пранте, к Мэну он ненадолго заглянул только утром, после собеседования на местном нефтеперерабатывающем заводе, но вскоре ушел дальше по делам. Вечером накануне убийства Мэн, Пранте и еще один их приятель видели, как друзья помогают Марку и Карле

переезжать. Все трое надеялись, что их тоже позовут на новоселье, поскольку Мэн был новым соседом пары, а его приятель хорошо знал Карлу еще со школьной скамьи. Но их так и не пригласили. Приятель позвонил Карле из своего дома, стоявшего по соседству, но ближе все трое к вечеринке не подходили.

Пожилая соседка Эдна Вэнсил, жившая через дорогу, запомнила красную машину с белой крышей, остановившуюся у дома 979 в день убийства. Кроме того, один из гостей, Боб Льюис, видел, как Карла разговаривала с «крутым» длинноволосым парнем из дома по соседству, который поманил ее и звал по имени. Это был тот самый приятель Пола Мэна.

– Как ты все помнишь? Много времени уже прошло, – услышал Льюис слова Карлы.

Об этом он тут же рассказал Марку и предупредил, чтобы они держались поосторожнее с такими соседями, во всяком случае, пока не узнают их получше. Но Марка, похоже, инцидент не сильно беспокоил. Он пояснил, что Карла знает волосатого еще со школы и тот зашел проведать Пола Мэна.

Еще одна женщина отвозила своего внука к стоматологу и, проезжая по Эктон-авеню, заметила, как на подъездной дорожке беседуют парень с девушкой. Однако даже под гипнозом она не смогла дать хоть сколько-нибудь значимых показаний.

Полиция допросила целый ряд подруг Карлы в попытке выяснить, кто мог иметь на зуб на погибшую, не исключая и версию об отвергнутой любви. Но знакомые жертвы заявляли, что, насколько им известно, всеобщая любимица ни с кем не враждовала.

Впрочем, одна девушка, бывшая соседка Карлы по комнате, все же подкинула полиции идею. Отец Карлы умер, когда она еще пешком под стол ходила, и ее мать вышла замуж за Джо Шеппарда-старшего, с которым ныне уже разведена. Со слов девушки, Карла не нашла общего языка с Шеппардом. Он поколачивал падчерицу, постоянно оскорблял ее друзей. Стоило взять его кандидатуру на рассмотрение. Когда стало известно об убийстве, Шеппард самолично пришел в участок и буквально завалил полицию вопросами. Как я уже отмечал, преступники нередко идут на контакт с властями или как-то иначе стараются проявлять участие в расследовании. Однако ни одна улика не указывала на причастность Шеппарда к убийству.

Присмотреться следовало и к самому Марку Фэйру. Тело обнаружил именно он, пусть и вместе с Томом Фигенбаумом; у него были ключи от дома, и он имел с жертвой самые близкие отношения. Рассматривая дело Джорджа Рассела, мы уже заметили, что не стоит игнорировать супруга или любовника жертвы. Впрочем, Марк находился на работе в момент убийства; его видел не один человек. И никто – ни полиция, ни

друзья Карлы, ни ее домашние, – не сомневался в искренности и глубине его скорби.

Расследование шло полным ходом. Полиция проверяла на полиграфе каждого, кто мог общаться с Карлой незадолго до ее смерти. Марк, Том и Джо Шеппард прошли тест без всяких затруднений или неоднозначных трактовок. В общем-то, ни один из опрошенных не внушал подозрений, не считая Пола Мэна, человека недюжинного ума, показавшего на полиграфе наихудший результат. Тот вечер парень провел у себя дома. Хотя он и утверждал, что сидел в компании Джона Пранте у себя на крыльце и его товарищ никуда не отлучался, сам Пранте – а он тоже прошел тестирование на полиграфе – заявил, что ушел искать работу еще утром и потому физически не мог находиться рядом с Мэном в то время. Впрочем, хотя Мэн и справился с детектором лжи хуже остальных и по-прежнему оставался в числе подозреваемых, ничто прямо не указывало на его причастность к преступлению.

Убийство Карлы Браун легло на Вуд-Ривер несмываемым черным пятном. И местные копы, и полиция штата допросили всех, кого можно, изучили любые возможные зацепки, но, к их невероятному раздражению, дело окончательно зашло в тупик. Шли месяцы. Миновал год. За ним второй. Особенно тяжело приходилось сестре Карлы, Донне Джадсон. Они с мужем Терри не давали себе ни дня отдыха, вникая в каждую деталь расследования. Даже мать Карлы и вторая сестра девушки, Конни Дайкстра, не могли найти в себе силы ежедневно общаться с властями.

Не покладая рук работал и Дон Уэбер, ныне прокурор штата по округу Мэдисон, где и находится Вуд-Ривер. На момент убийства он еще занимал должность помощника прокурора. Сочетая в себе качества жесткого обвинителя и глубоко чувствительного человека, Уэбер отчаянно желал показать, что не потерпит на своем участке подобные зверства. Он был одержим идеей опустить на шею убийцы карающий меч правосудия. И когда в 1980-м его избрали на высшую должность прокурора штата, он тут же реанимировал расследование.

Сколь бы долго дело ни висело без единой надежды, оно все равно не давало покоя еще одному человеку – следователю полиции штата Алве Бушу. На карьерном пути каждого копа попадают одно-два дела, которые никак не отпускают. Именно благодаря Бушу расследование убийства Карлы наконец сдвинулось с места.

В июне 1980-го, ровно два года спустя, Буш отправился в Альбукерке, штат Нью-Мексико, чтобы дать показания по делу об угоне автомобиля в Иллинойсе. Ожидая завершения досудебных процедур, он решил съездить в департамент шерифа и послушать презентацию от доктора Гомера Кэмпбелла, специалиста по технологии компьютерного улучшения фотографий из университета Аризоны.

– Послушайте, док, – обратился Буш к лектору после презентации, – у меня к вам дельце.

Доктор Кэмпбелл любезно согласился изучить фотографии с места преступления и вскрытия, чтобы помочь полиции определить, чем именно убили Карлу. Буш скопировал и направил Кэмпбеллу все относящиеся к вопросу снимки.

Черно-белые фото не упрощали Кэмпбеллу работу, но все же он смог с должным тщанием проанализировать их на своем новейшем оборудовании. С помощью компьютера он рассмотрел снимки буквально под микроскопом, а затем поведал несколько интересных вещей. Оказалось, что глубокие раны нанесены гвоздодером, а порезы на лбу и подбородке остались от колесиков перевернутого журнального столика. Но следующий факт, который он сообщил Бушу, перевернул следствие с ног на голову и направил в прямо противоположном направлении.

– А как насчет укусов? У вас есть соображения, кто мог их оставить?

– Каких еще укусов? – вырвалось у Буша.

Тогда Кэмпбелл рассказал, что на снимках, хоть их качество и оставляет желать лучшего, можно безошибочно различить следы укусов на шее Карлы, причем достаточно глубокие, чтобы отыскать убийцу по слепку челюсти. Один отпечаток выступал совершенно четко, не перекрытый прочими ссадинами и отметинами.

В отличие от того скудного материала, который полиции удалось собрать до сих пор, следы зубов представляли собой надежные, неопровержимые улики, сравнимые с отпечатками пальцев. Так, в свое время полиции удалось доказать вину Теда Банди, просто сравнив слепок его челюсти с отпечатками зубов на ягодицах жертвы – члена женского клуба «Хи-Омега» при университете Флориды. На слушаниях по делу Банди свидетелем обвинения выступал и Кэмпбелл. (После продолжительных обсуждений, в которых участвовал и мой коллега Билл Хагмайер, утром 24 января 1989 года Теда Банди казнили на электрическом стуле. Боюсь, никому не суждено узнать, сколько юных жизней на самом деле оборвалось по его вине.)

Заполучив от доктора Кэмпбелла фотографии со следами укусов, полиция пересмотрела отброшенные поначалу кандидатуры, а в особенности – соседа убитой Пола Мэна. Однако Кэмпбелл не нашел ничего общего между образцом его прикуса и фотографиями как с места преступления, так и со вскрытия. Затем они попытались отыскать друга Мэна Джона Пранте в надежде, что он сдаст своего товарища перед лицом новой информации, но свидетеля нигде не было.

Раскрыть дело пытались и совсем невероятными способами. Кто-то предложил пригласить именитого медиума из Иллинойса, и тот, ничего не зная о деле, вдруг выдал ни с того ни с сего: «Я слышу, как капает вода». Полиция сочла это указанием на положение, в котором нашли Карлу, но, кроме того, что убийца живет у железной дороги (как почти каждый житель округа Мэдисон), медиум мало чем помог.

Даже с учетом следов от укуса дело никак не хотело двигаться с места. В июле 1981-го, готовясь принять дела у прокурора штата, Дон Уэбер в компании четверых своих подчиненных отправился в Нью-Йорк на семинар по криминалистическому анализу. Прознав об этом, доктор Кэмпбелл предложил Уэберу взять с собой снимки и продемонстрировать их лектору – доктору Лауэллу Левайну, одонтологу из Нью-Йоркского университета. Изучив фото, Левайн подтвердил, что некоторые раны действительно являются следами от укусов, но затруднялся сказать, кому они могут принадлежать. Он предложил эксгумировать тело Карлы. «Гроб – все равно что холодильник для улики», – подчеркнул он. Я не был знаком с Левайном лично, но слава о нем шла далеко впереди него. Он участвовал в расследовании нью-йоркского дела Франсин Элвесон. (Должно быть, доктор постарался на славу, потому что, когда Билл Хагмайер и Розанн Руссо отправились в тюрьму в Клинтоне, чтобы побеседовать с Кармайном Калабро, тот удалил себе все зубы до единого, опасаясь, как бы ему не приписали новые преступления. А сам доктор Левайн впоследствии возглавил отдел медицинской экспертизы полиции штата Нью-Йорк.)

В марте 1982-го Уэбер и двое следователей из полиции штата посетили курсы по повышению квалификации, устраиваемые ежегодно для сотрудников отделения городской полиции Сент-Луиса по расследованию особо важных дел. На тех занятиях перед целой толпой слушателей выступал и я, рассказывая в общих чертах об особенностях личностного профайлинга и анализа места преступления. Сам я не запомнил прокурора, но Уэбер отметил наше знакомство в своей увлекательной книге под названием «Немой свидетель», посвященной тому делу. Он подошел ко мне после презентации и сказал, что мои знания могут быть очень им полезны. Я, конечно же, оставил свои координаты, попросил связаться со мной, как только доберусь до Куантико, и пообещал помочь чем смогу.

Вернувшись в Вуд-Ривер, Уэбер узнал, что Рик Уайт из рядов местной полиции, который был на тех курсах, тоже пришел к заключению о перспективности поведенческого подхода в расследовании дела Браун. Уайт связался со мной, и я пригласил его приехать в Куантико лично и привезти мне фотографии, чтобы я мог сразу их проанализировать и дать свое заключение. Уэбер был слишком занят подготовкой дел к суду, но от себя направил помощника прокурора штата Кита Йенсена, а также Уайта, Алву Буша и Рэнди Рашинга, одного из полицейских, который ездил с ним в Сент-Луис. Четверка отправилась в Куантико за восьмьюсот миль на патрульной машине без опознавательных знаков. Теперь уже бывший шеф полиции Вуд-Ривера Дон Грир сорвался из отпуска во Флориде и тоже полетел в Вашингтон, чтобы не пропустить самое интересное.

Мы заняли просторную переговорную. Большую часть пути четверо следователей собирали в кучку свои мысли и догадки, готовясь

представить их мне; откуда им было знать, что я предпочитаю сперва сделать выводы и только потом позволить чужому мнению проникнуть в мой разум. Впрочем, мы поладили. В отличие от нередких ситуаций, когда нас приглашают к расследованию по политическим причинам или чтобы прикрыть чей-то зад, эти парни приехали исключительно потому, что отказывались сдаваться. Они были искренне рады попасть ко мне и с неподдельным интересом ждали, смогу ли я подтолкнуть их в верном направлении.

Особенно хорошо мы сошлись с Алвой Бушем, разделявшим мои трудности с выстраиванием отношений с начальством. Как и я, он частенько злил окружающих своей прямолинейностью. Дон Уэбер даже пригрозил призвать на помощь весь свой политический ресурс, если Буша не отпустят в командировку в Куантико.

Я попросил снимки с места преступления и пару минут поразмыслил над ними. Потом я задал несколько вопросов, чтобы сориентироваться, и наконец произнес:

– Готовы? Советую вам записывать, – после чего изложил собственные выводы.

Во-первых, мой опыт показывал, что в помещении убийца оставляет тела в воде – например, в ванне, в душе или какой-нибудь емкости – не с целью смыть улики или возможные зацепки, как в Атланте, но чтобы «инсценировать» преступление, то есть придать ему облик, отличный от истинной сути вещей. Во-вторых, полиция – и в том нет ни капли сомнений – уже допрашивала убийцу. Он живет либо в двух шагах от жертвы, либо в том же районе. Преступления подобного рода чаще всего носят бытовой или районный характер. Никто не поедет за тридевять земель, чтобы такое совершить. Запахавшись кровью – а убийца не мог не запахаться, – нападавший был вынужден где-то срочно отмыться и избавиться от окровавленной одежды. Наш клиент чувствовал себя как рыба в воде и не боялся, что его побеспокоят, поскольку либо хорошо знал Карлу, либо достаточно долго наблюдал за домом и был в курсе привычек молодой четы. Коль скоро с ним уже беседовали, он старался проявлять активное участие в расследовании, таким образом обретая чувство контроля над ситуацией.

Тем вечером он шел к Карле не ради убийства. Мысль об этом посетила его уже в гостях. Если бы он изначально планировал нападение, то прихватил бы с собой оружие или некое орудие (читай: «набор для изнасилования»). Мы же наблюдали на теле жертвы следы удушения руками и удара тупым предметом, явно свидетельствующие о спонтанной вспышке агрессии или отчаяния, спровоцированные отказом девушки. Манипуляции, подчинение и власть – это больше про насильников. Наш клиент, скорее всего, зашел с предложением своей помощи в переезде. Поскольку Карла была приветлива, да и к тому же в той или иной степени знала нападавшего, она впустила его в дом. Он

хотел заняться с ней сексом взамен неудавшихся отношений. Когда же она ему отказала и стала сопротивляться, он, подобно убийце Мэри Фрэнсис Стоунер из Южной Каролины, решил, что пути назад нет и единственное спасение состоит в убийстве. В этот момент он наверняка запаниковал, по-прежнему надеясь найти иной выход. Повсюду – на полу и на диване – была разлита вода. Возможно, после попытки задушить Карлу он пытался привести ее в чувства. Но это не сработало. Влагу на лице девушки нужно было как-то оправдать, и тогда он схватил ее, протащил через весь подвал и засунул в бочку, придав убийству вид какого-то странного и извращенного ритуала, иными словами, отвлекая внимание от истинного развития событий. Голова, опущенная в бочку с водой, позволила мне сделать еще один не менее важный вывод. Девушка отказала ему, и таким образом нападавший пытался ее унижить. Как и во многих других случаях, чем больше телодвижений убийца совершает на месте преступления, даже пытаясь сбить полицию со следа, тем больше подсказок и намеков на особенности своего поведения он оставляет.

Я отметил, что нападавшему от двадцати пяти до двадцати девяти лет и он вряд ли обладает богатым криминальным опытом. Декорации у него вышли неправдоподобно, а значит, он никогда раньше подобным не занимался. Тем не менее он обладатель взрывного, агрессивного характера и мог в прошлом совершать мелкие правонарушения. Если он женат, то его брак видал лучшие времена; они с супругой недавно разъехались или даже окончательно развелись. Как и многие из людей, идущих на подобные преступления, преступник является настоящим неудачником с крайне низкой самооценкой. Снаружи он может выглядеть уверенно, но глубоко внутри страдает от сильного чувства неполноценности.

Интеллект и IQ средненькие, дальше университета не пошел. Он связал жертву шнуром, и это свидетельствует о наличии у него соответствующей профессиональной подготовки или подходящего хобби. На первых порах расследования он мог активно менять места жительства или работы, а как только пыль немного улеглась, он уехал из города, не вызывая подозрений. Он сильно налегал на наркотики, спиртное или табак, чтобы сбросить напряжение. Кстати, алкоголь мог как-то фигурировать и в самом преступлении, коль скоро убийство – слишком смелый шаг для такого человека. Нападавший мог немного пригубить заранее в попытке побороть стеснительность, но не был сильно пьян, иначе не смог бы соорудить посмертную «инсталляцию».

Его не удовлетворяет собственная сексуальная жизнь. Он должен испытывать проблемы со сном, так что будет все больше склоняться в сторону ночного образа жизни. Если он трудоустроен на постоянной основе, то был вынужден прогуливать работу, пока расследование набирало обороты. Он мог изменить внешность, например сбрить или, наоборот, отрастить бороду, выбрать другую прическу. Вместе с тем не

следует искать аккуратиста. Нападавший по своей природе неопрятен, имеет вид всклокоченный и неряшливый. Любые попытки привести себя в порядок для него граничат с чрезмерной педантичностью, а кроме того, требуют колоссальных эмоциональных и физических усилий.

Что касается автомобиля, то я предложил традиционный для убийц «фольксваген-жук», старый, лишенный должного ухода, красного или оранжевого цвета.

Убийца старался не отставать от расследования, руководствуясь информацией из СМИ. Скажем, если шеф полиции публично заявил об отсутствии новых зацепок, то убийца мог использовать его слова в качестве эмоционального щита. Он прошел тестирование на полиграфе, впрочем, многие убийцы способны обмануть машину. Следующий этап в расследовании – задать подозреваемому основательную встряску.

Стресс-факторов может быть целое множество. Например, каждый год в июне он наверняка испытывает сильную тревогу, равно как и при приближении дня рождения жертвы. Преступник однозначно наведывался к ней на кладбище Калвари-Хилл; возможно, оставлял цветы или просил у нее прощения.

– Короче говоря, – посоветовал я, – лучше всего объявить о находке новой многообещающей зацепки, так что со стороны сложится впечатление, будто дело снова встало на рельсы и продвигается вперед семимильными шагами. Не стесняйтесь кричать об этом на каждом углу. Заставьте виновного «наложить в штаны». Отметьте, что пригласили к расследованию психоаналитика из ФБР и его мнение прекрасно вписывается в найденные вами улики.

Затем собравшиеся довели до меня рекомендации доктора Левайна эксгумировать тело и спросили мое мнение на этот счет. Я подтвердил, что идея прекрасная, особенно с учетом шумихи, которая поднимется вокруг эксгумации. Я предложил Уэберу заранее выступить на телевидении и объявить о готовящейся операции. Пусть скажет, что в случае достаточной сохранности тела у полиции при повторной экспертизе есть хорошие шансы найти нужные улики, которые приблизят к поимке убийцы. Пусть смысл его речи выглядит так: «Мы воскресим Карлу, и она лично даст показания о своем убийстве».

Выкопанное тело создаст для убийцы стресс-фактор чудовищной силы. Недурственно будет, если Уэбер публично заявит: он-де все равно раскроет дело, даже если для этого ему потребуется еще двадцать лет. Убийца занервничает и выдаст себя, задавая слишком много вопросов. Может, он даже напрямую свяжется с полицией. Надо фотографировать или снимать на видео каждого, кто появится на кладбище; среди них может оказаться и субъект. Ему отчаянно хочется узнать, на что теперь похоже тело его жертвы. Когда же полиция во всеуслышание отметит его удовлетворительное состояние, убийца вообще слетит с катушек. В то же время он еще сильнее замкнется в себе, ограничив контакты даже с

теми немногочисленными друзьями, которые у него есть. Как раз в этот момент можно начинать отслеживать, не изменилось ли кардинально поведение кого-либо из завсегдатаев местных баров и прочих питейных заведений. Чтобы справиться со стрессом, вскоре после начала кампании наш клиент может примкнуть к церкви или вступить в другое религиозное сообщество. И посреди всего этого давления мы опубликуем короткую, чуть ли не сочувствующую заметку от лица какого-нибудь участника расследования – да хоть бы даже меня самого: мол, мы прекрасно понимаем, через какие муки ему пришлось пройти, ведь он не хотел убивать девушку и все это время несет на своих плечах тяжкое бремя.

Далее я вывел основные принципы стратегии допроса, аналогично примененной нами в деле Стоунер. Гвоздь программы заключался в следующем. Вычислив преступника, не следует тут же заковывать его в наручники. Нужно сперва как следует его помариновать недельку-другую, а затем он сам как миленький придет с повинной. Чем большим количеством фактов владеет дознаватель, тем лучше сможет давить на подозреваемого, то и дело отпуская фразочки вроде «Мы знаем, ты тащил ее отсюда и досюда» или «С водой все понятно». Свое дело сделает и любой предмет, участвовавший в преступлении (как тот камень в деле Стоунер), стоит лишь оставить его в комнате для допроса.

Похоже, пятеро визитеров со всей серьезностью отнеслись к моим рекомендациям. Они только спросили, как мне удалось столько всего узнать, выслушав лишь самые банальные подробности дела и посмотрев на фотографии. Я даже не знал, как им ответить. Энн Берджесс считает, что я визуал и потому предпочитаю в первую очередь работать с образами. Она не раз замечала за мной привычку говорить «видимо», вместо «я думаю». Отчасти это вызвано тем, что в большинстве случаев я не бываю на местах преступлений и оттого вынужден воссоздавать картинку в голове. Зачастую я могу с легкостью вспомнить какое-нибудь дело, по которому мне позвонят спустя несколько лет после его закрытия, если на том конце провода просто опишут место преступления.

Ориентируясь на мой анализ, иллинойские следователи выделили двоих подозреваемых: Пола Мэна и его друга Джона Пранте. Оба в тот день находились по соседству, и по крайней мере один из них, а именно Пранте, пил пиво. Их показания противоречили друг другу. Либо память пострадала из-за сильного опьянения, либо один из них лжет (а может, и оба). На полиграфе Пранте показал лучший результат, чем Мэн, и оба прекрасно вписывались в портрет. В сущности, по некоторым критериям Пранте подходил особенно хорошо. Он охотно шел на контакт с полицией, уехал из города, едва шумиха немного поутихла (как я и предсказывал), а затем снова объявился.

Я считал, что мою стратегию можно с одинаковым успехом применить на обоих. Но, кто бы из них двоих ни совершил преступление на самом

деле, я предложил добавить еще немного специй. Периодически просыпающееся у убийцы чувство вины и раскаяния можно усилить, достаточно лишь найти женщину, которая будет названивать им по ночам и горько причитать голосом Карлы: «За что? За что? За что?» Тут же в газетах должны появиться статьи о том, какой «чистокровной американкой» была Карла и как трагично она ушла из жизни в самом расцвете сил. Что поделаться, люблю я выкрутасы.

Спустя неделю или дней десять после начала кампании можно начинать анализировать поведение Мэна и Пранте на предмет нужной нам реакции. Если она появится, в ход пойдут информаторы: друзья, знакомые, коллеги – да кто угодно, лишь бы им удалось вытащить признание или на худой конец полезную информацию.

Эксгумацию тела провели 1 июня 1982 года со всеми должными спецэффектами: выступление доктора Левайна, толпы фоторепортеров и журналистов, достаточно внушительный и оптимистичный комментарий от Уэбера и далее по списку. Для себя я обнаружил, что в небольших городках гораздо проще добиться содействия газетчиков, чем в крупных мегаполисах, где тебя сразу заподозрят в попытке манипулировать свободной прессой. По моему же мнению, подобное сотрудничество подразумевает совместные усилия СМИ и полиции, не нарушая намерений ни одной из сторон. Я никогда не просил репортеров лгать, фабриковать новости или замалчивать факты. Но чаще всего я подаю информацию, предназначенную для самого субъекта. Именно он должен ее прочитать, именно его реакция меня интересует. Пресса помогает мне, а я в ответ помогаю ей. В редких случаях, когда мне оказывали действительно неоценимую поддержку, я позволял себе поделиться с журналистами эксклюзивным материалом, но только если его раскрытие никак не вредило следствию.

К счастью, тело Карлы сохранилось почти в идеальном состоянии. Повторное вскрытие провела доктор Мэри Кейс, помощник судмедэксперта по городу Сент-Луис. В отличие от первоначального заключения, доктор Кейс определила, что смерть наступила от утопления. Она также обнаружила трещину на черепе. Но самое главное, полиция заполучила следы укусов.

Хорошо организованная кампания в СМИ шла полным ходом. Полицейский штата Том О'Коннор и сотрудник управления по борьбе с финансовыми махинациями Уэйн Уотсон отправились к Мэну домой, якобы с целью допросить его на предмет незаконного получения средств из государственного фонда вспомоществования. В процессе допроса они вывели разговор к убийству Карлы Браун. Хотя Мэн отрицал свою причастность к преступлению, он, несомненно, внимательно следил за новостями и владел кое-какой инсайдерской информацией. Так, Уотсон отметил, что Мэн ранее проживал на Эктон-авеню, но тот объяснил переезд попыткой избавиться от плохих воспоминаний. Мол, копы уж

очень сильно наседали на него из-за убийства девушки, жившей по соседству.

Тогда Уотсон уточнил:

– Той, в которую выстрелили, придушили, а потом утопили в пятидесятигаллоновой бочке?

– Нет-нет, в нее не стреляли! – горячо запротестовал Мэн.

Вскоре после эксгумации в полиции Вуд-Ривера объявился мужчина по имени Мартин Хигтон и сообщил, что учился вместе с Карлой в старшей школе. Из-за шумихи в СМИ у него на работе только и разговоров, что об убийстве, и он услышал нечто интересное. По его словам, одна из коллег присутствовала на какой-то вечеринке вскоре после смерти Карлы и там некий мужчина обмолвился, что был дома у жертвы аккурат в день убийства.

Тогда О'Коннор и Рик Уайт поговорили с той женщиной. Ее звали Вики Уайт (чистое совпадение). Она подтвердила историю и рассказала, что была на вечеринке у четы Бондов, Спенсера и Роксаны, и там встретила парня, которого знала еще по местному колледжу им. Кларка. Оказалось, он действительно заходил к Карле в день убийства, а в разговоре с Уайт припомнил и укус на плече жертвы, и где именно нашли ее тело. Он собирался уехать из города, потому что боялся оказаться главным подозреваемым по делу. На этом месте Уайт закончила их разговор, показавшийся ей досужей болтовней.

Парня звали Джон Пранте.

Откуда он мог знать об укусах, если даже полиция узнала о них только спустя два года? – задавались вопросом О'Коннор и Уайт. Затем они допросили организатора вечеринки, Спенсера Бонда, и тот припомнил в целом то же самое, что Вики Уайт. По словам Бонда, Мэн рассказал ему некоторые подробности о том, в каком виде было обнаружено тело Карлы. Вопрос в том, кто из них от кого это узнал: Мэн от Пранте или Пранте от Мэна? Хотя Пранте и показал лучший результат на полиграфе, ни Уэбер, ни полиция не верили, что Мэну хватило смелости пойти на убийство и ума так хитро подставить приятеля.

Не так давно Бонд видел Пранте за рулем его старенького красного «фольксваген-минибуса». Хоть я и угадал с цветом, но ошибся с моделью. Но даже это имело значение, поскольку мы с коллегами стали подмечать перемену криминальной моды в сторону фургонов. Таковой имелся, например, у Биттакера и Норриса и у Стивена Пеннелла. В отличие от седана, в кузове фургона можно делать что душе угодно, и вас не увидят. Короче говоря, мобильное место преступления.

Я ничуть не удивился, узнав, что Джон Пранте уже успел отрастить бороду. Бонд согласился нацепить на себя прослушку и поговорить с ним об убийстве. Хотя Пранте и не признался в содеянном, он приоткрыл некоторые черты своего характера, которые максимально

соответствовали психологическому портрету. В колледже Льюиса и Кларка он получил специальность сварщика. После убийства покинул город. Разведен. С женщинами проблемы. К расследованию проявляет повышенный интерес.

3 июня, в четверг, люди Уэбера получили ордер на снятие слепка челюсти Пранте. Шеф полиции Дон Грир сказал парню, что они лишь хотят подчистить хвосты и, если соответствие челюсти укусам не установят, его тут же исключат из списка подозреваемых.

Как я и ожидал, выйдя от дантиста, Пранте тут же позвонил Уэберу и поинтересовался, как продвигается расследование. Уэберу пришла в голову идея дать своему помощнику, Киту Йенсену, повисеть на линии. Мало ли, наклюнется что-нибудь интересное. Во время телефонного разговора Пранте противоречил собственной истории о визите к Полу Мэну. Он буквально из кожи вон лез, стараясь помочь следствию, и тем лишь подтвердил мою теорию.

После первой попытки полиция вновь предложила Бонду установить прослушку, и на этот раз они получили больше полезной информации, а затем еще больше благодаря записи разговора Бонда с Мэном.

Оказывается, Пранте выкуривал в день несколько пачек сигарет. А Мэн даже предположил, что Пранте сходил с ума из-за отказа Карлы. Мэна тут же повторно допросили. Он считал приятеля виновным в убийстве, хотя отказался бы от своих слов в личной беседе с ним.

В следующий вторник Уэбер, Рашинг и Грир полетели на Лонг-Айленд, чтобы встретиться с доктором Левайном. Они передали ему свежие фотографии со вскрытия и три слепка челюсти – Мэна, Пранте и еще одного человека, уже долгое время находившегося под подозрением. Первого и последнего Левайн тут же отбросил. Он не мог с научной точностью утверждать, что во всем мире только зубы Пранте соответствуют следам укуса, но они тем не менее подходили к ним идеально.

Пола Мэна арестовали за дачу заведомо ложных показаний. Пранте обвинили в убийстве, грабеже и попытке изнасилования. Суд состоялся в июне 1983 года. В июле вина Пранте была доказана, и его приговорили к семидесяти пяти годам тюремного заключения.

На расследование ушло четыре года. Оно потребовало массы усилий целого множества людей, отдавших себя этому делу без остатка, но в конце концов мы победили. Мне особенно приятно было получить копию письма от помощника прокурора штата Кита Йенсена, присланную на имя директора ФБР Уильяма Уэбстера. Он писал: «Местные жители, а главное, родные и близкие Карлы Браун наконец могут спать спокойно. Справедливость восторжествовала. Но ничего этого не было бы без Джона Дугласа. Хотя он чрезвычайно занятой человек, его вклад нельзя не оценить по достоинству. Выражаю ему мою личную благодарность и

надежду, что в мире будет больше джонов дугласов, таких же талантливых, компетентных и готовых помочь».

Меня тронули его теплые слова. К счастью, еще в прошлом январе мне удалось убедить Джима Маккензи, помощника директора академии, что нам действительно нужно больше джонов дугласов, пусть даже за счет других программ. Он, в свою очередь, довел мою позицию до высшего руководства. Именно так после первого выпуска в моем отделе и оказались Билл Хагмайер, Джим Хорн, Блейн Макилуэйн и Рон Уокер. Со вторым набором ко мне пришли Джим Райт и Джад Рэй. Впоследствии все они внесли значительный вклад в нашу работу.

Несмотря на всеобщие усилия, некоторые дела, такие как расследование убийства Карлы Браун, могут зависнуть на несколько лет. Другие же, не менее сложные и запутанные, удастся раскрыть в течение нескольких дней или недель.

Когда Донну Линн Веттер, стенографистку одного из юго-западных отделений ФБР, изнасиловали и убили в ее квартире, Рой Хейзелвуд и Джим Райт тут же получили от руководства недвусмысленный приказ: немедленно отправиться на место и найти убийцу. Тогда мы в отделе поделили страну на два региона, и этот как раз находился в зоне ответственности Джима.

Агенты должны были оставить четкое послание: никому не сойдет с рук убийство сотрудника ФБР, и для этого они сделают все необходимое. На следующий день в два часа пополудни, наскоро собравшись, Рой и Джим покинули Куантико на вертолете, любезно предоставленном группой спасения заложников. Вскоре они оказались на базе ВВС Эндрюс в Мэриленде, где пересели на реактивный самолет Бюро. Приземлившись, агенты немедленно отправились на место преступления, которое полиция оставила нетронутым, дожидаясь их прибытия.

Донна Линн Веттер, двадцатидвухлетняя девушка, выросла на ферме; хотя она работала в Бюро уже более двух лет, но переехала в город лишь месяцев восемь назад. Не ведая об опасностях мегаполиса, она снимала комнату в промышленном районе, населенном преимущественно черными и латиносами. Управляющая зданием владела ситуацией и исходила из соображений безопасности своих жильцов. Так, она повесила у квартир одиноких девушек и женщин лампочки, дающие ярко-белый свет, а не обычный бледно-желтый, чтобы охранники обращали на них особое внимание. Об этом не говорили на каждом углу, но, несмотря на самые добрые намерения управляющей, о нехитрой системе легко мог пронюхать даже самый обычный домушник. Полицию вызвали около 11 часов вечера. Один из жильцов заметил, что оконная решетка квартиры Веттер вырвана с корнем, и позвал охрану. Девушка лежала бездыханная. Из колотых ран на обнаженном теле струилась кровь, а на лице виднелись

множественные ссадины и ушибы. Вскрытие показало, что ее изнасиловали.

Нападавший ворвался в квартиру через окно, сбив по пути большой цветочный горшок. Телефонный шнур выдернули из розетки. Кровь была повсюду: брызги попали на ковер в гостиной и пол на кухне, где убийца ударил жертву ножом; под трупом растеклась алая лужа в форме парящего ангела, раскинувшего крылья; следы крови вели из кухни в гостиную, куда жертву перетащили после нападения. Судя по характеру ран на теле девушки, защищаясь, она пыталась воспользоваться кухонным ножом, но убийца обернул оружие против нее самой.

Врачи скорой нашли окровавленную одежду Веттер в углу кухни, у гарнитура. Шорты и трусики были смяты, то есть нападавшей снял их силой, пока жертва лежала на полу. Когда полиция прибыла на место, свет в квартире не горел. Возможно, преступник специально его выключил, чтобы отсрочить обнаружение трупа.

Коллеги, соседи и родные жертвы в один голос утверждали, что Донна была скромной, честной и набожной девушкой. Она выросла в семье со строгими религиозными убеждениями и с большим пиететом относилась к своей вере. Она мало с кем общалась из мужчин и сотрудников. Работала, по словам коллег, много и на совесть, но была «вещью в себе». Возможно, это напрямую следовало из бесхитростности характера и строгости воспитания. Никто не припоминал у нее склонности к недозволенному, никто ни разу не видел ее в плохой компании. В квартире полиция не обнаружила ни следа наркотиков, алкоголя, сигарет или противозачаточных. Ее родители были совершенно уверены в целомудрии дочери и считали, что Донна хранила девственность всеми правдами и неправдами.

К такому же выводу пришли и Рой с Джимом, изучив место преступления. Хотя кровь была повсюду, но одно пятно рядом с дверью в ванную заинтересовало их особенно сильно. В унитазе стояла несмытая моча.

Агенты тут же догадались, как обстояло дело. Должно быть, жертва находилась в ванной, когда услышала грохот сорванной оконной решетки. Она вскочила, не успев смыть за собой, и выбежала из ванной, но тут убийца с силой ударил ее по лицу в попытке лишить сознания. Орудие убийства – кухонный нож – Джим и Рой нашли под подушкой в гостиной.

Нож тоже кое о чем поведал следствию. Субъект вломился в дом не для того, чтобы убить. Из ценностей ничего не пропало, то есть нажиться грабежом он тоже не собирался. Судя по уликам, нападавший искал лишь сексуальной связи с жертвой. Если бы он планировал убийство, то и телефон отключать не за чем. Простое до безобразия проникновение в дом, простая жертва, простое нападение без предупреждения – все это указывало на агрессивного и не слишком умного «мачо» с неважными навыками коммуникации, который сомневался в том, что сможет

контролировать жертву вербально. Не обрета власть над жертвой с самого начала, он не сумел бы добиться своей цели.

Чего он не ожидал от скромной застенчивой девушки, так это яростного отпора. Все в прошлом Донны говорило о том, что она будет до последнего защищать свою честь, но нападавший об этом не знал. Чем сильнее она сопротивлялась, тем больше он рисковал потерять контроль над ситуацией и тем больше свирепел. В случае с Карлой Браун (тоже изнасилование, закончившееся убийством), ярость нападавшего была вторичной, а первичной – необходимость замести следы после абсолютного провала. А здесь ярость стояла на той же полке, что и желание заткнуть жертве рот, то есть агрессия убийцы носила не мгновенный характер, а возрастала постепенно. Судя по следам, он ударил девушку ножом, а затем перетащил из кухни в гостиную, где и надругался над умирающей жертвой.

Тем же вечером Рой и Джим принялись за разработку психологического портрета. Искать надо было мужчину двадцати – двадцати семи лет. Обычно преступления на сексуальной почве против белых женщин совершает белый же насильник. Однако агенты считали, что, хотя нападение и началось как изнасилование, «правила» изнасилований в данном случае не работали. Подавляющее большинство жильцов комплекса, да и всего района в целом, составляли черные и латиносы. Чернокожие мужчины здесь нередко насиловали белых женщин, а потому вероятность того, что убийца окажется афроамериканцем, была довольно высока.

Вряд ли субъект женат, но может жить с каким-нибудь авторитарным родственником, от которого находится в финансовой зависимости. Он предпочитает девушек молодых, неопытных, легко поддающихся под влияние. Он не стал бы ввязываться в отношения, которые в том или иной виде заставляли бы его напрягаться. Невысокого ума и с неважными успехами в школе (возможно, его выгнали за плохое поведение), он тем не менее хорошо разбирается в жизни и может за себя постоять. Стараясь показаться окружающим «крутым мачо», он носит лучшую одежду, какую только может себе позволить. Кроме того, он занимается спортом и поддерживает хорошую форму.

От места преступления субъект живет в пешей доступности, где-нибудь на съемной квартире с дешевой арендой. Зарплата невысокая, он не в ладах с коллегами и начальством. Из-за буйного характера в армии не служил, а если и служил, то вскоре был демобилизован. Агенты считали, что это его первое убийство, хотя он мог и раньше промышлять насилием и грабежами. Рой Хейзелвуд, наш ведущий эксперт по изнасилованиям и преступлениям против женщин, был твердо уверен в том, что в прошлом убийца не раз избивал и насиловал других девушек.

Как считали агенты, после преступления поведение субъекта будет во многом копировать действия убийцы Карлы Браун: прогулы на работе,

злоупотребление алкоголем, потеря веса и изменение внешности. Но что важнее всего, такой тип обязательно упомянет о содеянном или даже сознается в убийстве своему родственнику или близкому другу. Это и есть ключ к разработке упреждающей стратегии по поимке виновного.

Коль скоро Джим и Рой знали, что убийца будет отслеживать новостные сводки, они решили рассказать о своем портрете местной прессе. Умолчали они лишь об одной ключевой детали: предполагаемой расе. На случай ошибки они не хотели вводить полицию в заблуждение.

А вот что они хотели осветить в новостях как можно ярче: с кем бы убийца ни поделился признанием, этот человек окажется в смертельной опасности, поскольку владеет инкриминирующей информацией. «Если вы оказались в подобной ситуации, – призывала полиция, – немедленно сообщите об этом, пока не стало слишком поздно». Спустя две с половиной недели копам позвонил бывший сообщник убийцы по вооруженному ограблению. Субъекта вскоре задержали и предъявили ему обвинения на основе отпечатков пальцев, найденных на месте преступления.

Пройдясь впоследствии по портрету еще раз, мы отметили, что Джим и Рой били не в бровь, а в глаз. Убийцей оказался холостой чернокожий парень двадцати двух лет, живший в четырех кварталах от жертвы. Он делил квартиру с сестрой и финансово зависел от нее. На момент убийства находился на условно-досрочном за изнасилование. Суд признал его вину и приговорил к смертной казни. Приговор был приведен в исполнение совсем недавно.

Я все время повторяю ребятам, что мы как Одинокий Рейнджер: заходим, вершим правосудие и тихо уходим.

Кто эти в масках? Они обронули серебряную пулю.

Ах, эти? Они из Куантико.

Покончив с расследованием, Джим и Рой тихо убрались из города. Они прибыли с ветерком на частном реактивном самолете Бюро, а уезжали обыкновенными туристами на борту пассажирского лайнера, забитого счастливыми отпускниками и орущими детьми. Но мы знали, в чем заслуга агентов, как знали это и все те, кому они оставили на память «серебряную пулю».

Глава 15. Во вред любимым

Однажды Грег Маккрери сидел в нашем подземном бункере-офисе в Куантико, как вдруг от бумаг его оторвал звонок из полиции, входившей в его зону ответственности. Это было одно из тех жутких дел, о которых мы привыкли слышать на каждом углу.

Молодая мать двухлетнего сына взяла свое чадо, вышла из квартиры в жилом комплексе, расположенном в живописной лесопарковой зоне, и отправилась за покупками. Но едва она дошла до машины, как почувствовала в животе колики, развернулась и поспешила в общий туалет внутри дома, у запасного выхода. Она жила в безопасном дружелюбном районе, где все соседи хорошо знали друг друга, и потому без сомнений оставила сына поиграть в салоне машины, строго-настрого наказав никуда не уходить.

Уверен, вы уже догадались, что произошло дальше. В уборной женщина провела без малого час. Когда она наконец смогла выйти, ребенка и след простыл. Пока еще не беспокоясь, мама вышла наружу и оглянулась в поисках сына, полагая, что он решил подышать воздухом, хотя на улице было свежо и прохладно.

Но тут она наткнулась на вязаную варежку, валявшуюся на парковке. О сыне ни слуху ни духу. И только тогда она запаниковала и помчалась домой звонить 911. Обезумев от страха, женщина заявила оператору, что ее ребенка похитили. Полицейские приехали через считанные минуты и стали обыскивать место в поисках зацепок. К тому моменту мать уже впала в истерику.

СМИ с готовностью подхватили историю. Женщина несколько раз выступала на телевидении, умоляя похитителей вернуть сына. Хотя полицейские ей искренне сочувствовали, им пришлось предложить ей пройти тест на полиграфе. Естественно, мать легко с ним справилась. В полиции знали, что при похищении ребенка каждая минута на вес золота, вот почему они тут же связались с Маккрери.

Он ознакомился с составом преступления и прослушал звонок в 911. Кое-что в нем Грегу не понравилось, но тут дело приняло новый оборот: терзаемая страшными муками мать ребенка получила бандероль без обратного адреса и имени отправителя. В ней лежала вторая варежка, пара к той, что нашлась на парковке. И тогда женщина окончательно слетела с катушек.

Но Грег все понял. Он заявил полиции, что мальчик уже давно мертв, а убила его собственная мать.

– Откуда ты знаешь? – не слишком доверяя его словам, спросили копы. – Детей обычно похищают всякие извращенцы. Откуда тебе знать, что это не тот случай?

Грег пояснил свою логику. Во-первых, сам сценарий. Никто так сильно не дрожит за свое чадо, как его мать. Разве она могла надолго оставить малыша без присмотра? Если ей пришлось провести в уборной столько времени, разве она не взяла бы его с собой или не попросила бы кого-нибудь за ним присмотреть? Возможно, все было ровно так, как она сказала, но здравый смысл говорил об обратном.

Оператору 911 она сообщила, что ребенка «похитили». По опыту Грегa, родители на подсознательном уровне изо всех сил стараются избежать подобных формулировок. Даже в состоянии истерики мать использовала бы другие слова: «пропал», «исчез», «убежал». Говоря же «похитили», она как бы думает наперед, предугадывая еще не случившиеся события.

Слезные мольбы на телевидении сами по себе ей нельзя инкриминировать, но, увидев их, мы невольно вспоминаем, как Сьюзан Смит^[34] из Южной Каролины умоляла вернуть двоих ее сыновей в целостности и сохранности. В общем случае родители, которые делают подобные заявления, говорят искренне. Но проблема состоит в том, что среди массы публичных выступлений попадаются и такие, которые делаются для отвода глаз.

Особенно сильно внимание Грегa привлекла возвращенная варезка. Обычно детей похищают три категории людей: вымогатели ради выкупа; извращенцы ради сексуального насилия; эмоционально неустойчивые одиночки, отчаянно желающие иметь собственного ребенка. Вымогателю так или иначе придется поддерживать связь с родителями, будь то по телефону или письменно, чтобы донести до них свои требования. Второй и третий тип с родителями не взаимодействуют. Но ни один из трех не станет отправлять подобную бандероль в знак того, что ребенок действительно у них, ведь родители и так это знают. Если факт похищения нужно как-то доказать, то доказательство придет вместе с требованиями. В противном случае оно не будет иметь никакого практического значения.

Так Грег определил, что мамаша пыталась инсценировать похищение, руководствуясь своими представлениями о том, как оно должно выглядеть. К несчастью для нее, она плохо ориентировалась в мире криминальных правил и потому выдала себя с головой.

Очевидно, у нее были причины избавиться от сына, и в процессе она убедила себя в том, что не сделала ничего плохого. Именно поэтому ей удалось обмануть детектор лжи. Но Грегу этого было мало. Он пригласил эксперта ФБР по полиграфу, который повторно протестировал женщину, на сей раз принимая во внимание, что она сама могла совершить преступление. И теперь машина показала совсем другой результат. Под нажимом женщина призналась в убийстве и показала полиции, где спрятала тело.

Ее мотив до безобразия банален. Грег подозревал о нем с самого начала. Из-за ребенка разгульная жизнь совсем юной девушки стала скучной. Она познакомилась с мужчиной, который предложил ей съехаться, но вместе с тем четко дал понять, что ребенку в их совместной жизни места нет.

И вот что самое важное в подобных преступлениях: если бы мать-одиночка не заявляла о пропаже мальчика и полиция сама нашла его тело, Грег все равно пришел бы к тем же самым выводам. Труп ребенка,

одетого в зимний комбинезон, мать закопала в лесу, завернув в простыню и надежно упаковав в толстый слой пластиковой пленки. Вымогатель или растлитель не стали бы так напрягаться, чтобы создать телу «комфорт и уют», защитить от внешнего воздействия. В то время как большинство трупов изобилует явными признаками злобы и гнева, а места их захоронений выражают враждебность и презрение убийцы к своей жертве, отличительными чертами данного случая были любовь и чувство вины.

История человечества богата примерами того, как мы поступаем во вред близким и тем, кого должны любить. Когда Алан Берджесс занял пост начальника отдела поведенческого анализа, в первом интервью прессе он сказал: «Насилие не покидает нас с тех давних времен, когда Каин *застрелил* Авеля». К счастью, журналисты не заметили вольной интерпретации первого в мире орудия убийства^[35].

Семейное насилие фигурировало и в одном из самых громких дел Англии девятнадцатого столетия. В 1860 году инспектор Скотленд-Ярда Джонатан Вичер отправился в городок Фром, что в Сомерсете, для расследования сообщения об убийстве ребенка из зажиточного местного семейства Фрэнсиса Кента. Местная полиция считала, что мальчика убили цыгане. Однако, изучив все обстоятельства дела, Вичер пришел к иному выводу: виновницей была шестнадцатилетняя сводная сестра мальчика Констанция. Из-за общественного положения четы Кентов, а также самой идеи о том, что девочка-подросток могла убить своего еще совсем маленького брата, суд отклонил показания Вичера и снял с Констанции все обвинения.

Из-за широкого общественного резонанса Вичер был вынужден покинуть Скотленд-Ярд. Долгие годы он работал частным образом, пытаясь доказать, что убийство совершила именно юная леди. Но в конце концов нехватка средств и проблемы со здоровьем вынудили его прервать скитания в поисках истины. Он оставил свои попытки всего за год до того, как Констанция сама пришла с повинной. Назначили повторные слушания, и Констанцию Кент приговорили к пожизненному тюремному заключению. Спустя три года вышел знаменитый ныне детектив Уилки Коллинза «Лунный камень», где автор позаимствовал из громкого дела многие сюжетные детали.

Ключ к раскрытию любовного или семейного убийства – это его постановочный характер. Близкий жертве человек не может не принять мер, чтобы отвести подозрения от себя. Один из моих первых опытов на этой стезе – убийство Линды Хэйни Довер в Картерсвилле, штат Джорджия, на следующий день после Рождества 1980 года.

Хотя они с мужем Ларри уже давно разъехались, пара по-прежнему поддерживала сравнительно теплые отношения. Линда, двадцати семи лет от роду, ростом 158 сантиметров и весом 54 килограмма – регулярно заходила в некогда уютное семейное гнездышко, чтобы навести там

порядок. Именно этим она занималась и в пятницу 26 декабря. Тем временем Ларри повел их маленького сына на прогулку в парк.

Они вернулись домой во второй половине дня и не застали Линду. Зато вместо вымытого до блеска дома они застали в спальне настоящий разгром. Простыни и подушки раскиданы как попало, ящики комода наполовину выдвинуты, одежда валяется по всей комнате, а весь ковер усеян красными брызгами, похожими на кровь. Ларри тут же бросился к телефону и вызвал полицию, которая, явившись через несколько минут, буквально перевернула весь дом с ног на голову.

Линду нашли в техническом подполе снаружи дома, по шею завернутую в плед из спальни. Развернув плед, полицейские увидели, что рубашка и лифчик задраны вверх, обнажая грудь, джинсы спущены до коленей, а трусики лишь немного стянуты. На лице были следы сильного удара, на теле – множественные колотые раны, которые, судя по всему, убийца нанес уже после того, как задрал на ней одежду. Похоже, орудием убийства стал нож из открытого ящика на кухне, но его нигде не было видно (в итоге его так и не нашли). Судя по следам на месте преступления, девушку изнасиловали в спальне, после чего перетащили в подпол: капли крови на бедрах свидетельствовали о том, что убийца переносил тело.

Если смотреть по ее прошлому, Линда не была высокорисковой жертвой. Хотя они с Ларри и разошлись, она не имела других отношений. Единственные нестандартные стресс-факторы в данном случае – это период Рождества и то время, когда брак распался.

На основе фотографий с места преступления и информации, полученной от полиции Картерсвилля, я предложил два возможных типа субъектов. Во-первых, это мог быть молодой, неопытный и терзаемый чувством неполноценности одиночка, живший неподалеку и совершивший преступление совершенно случайно, без предварительного плана. Услышав это, полиция отметила, что местные жители уже давно жалуются на некоего хулигана, который не дает покоя всей округе.

Однако преступление изобиловало всякого рода сценическим реквизитом, и потому я озвучил второе предположение: убийца хорошо знал жертву и пытался отвлечь от себя внимание. Единственная ситуация, в которой преступник испытывает необходимость спрятать труп неподалеку, – это так называемое «убийство по личным причинам». Удары по лицу и по шее тоже являются его признаками.

Я считал, что субъект достаточно умен, но имеет лишь школьное образование и работает там, где нужна физическая сила. Он очень быстро выходит из себя, проявлял агрессивное поведение и ранее. У него легко меняется настроение, он не умеет проигрывать, а на момент убийства над ним довлела какая-то проблема – возможно, связанная с деньгами.

В «постановке» наблюдались своя логика и свой порядок. Кто бы ни совершил над Линдой такие зверства, он не хотел оставлять ее тело на всеобщее обозрение, где ее увидят близкие, особенно сын. Вот почему преступник не поленился завернуть тело в плед и спрятать в подпол. Он хотел придать преступлению вид изнасилования, отсюда поднятый лифчик и обнаженные гениталии, хотя признаков изнасилования как такового на теле не обнаружено. Он считал необходимым раздеть жертву, но испытывал некую неловкость, что полиция увидит ее голой, а потому завернул тело в плед.

Я считал, что убийца поначалу будет проявлять активность и интерес к следствию, но, когда его алиби поставят под вопрос, тут же станет заносчивым и агрессивным. После преступления он будет налегать на алкоголь или наркотики или даже ударится в религию. Он мог сменить внешность, работу, место жительства. Я велел полиции искать человека, который обнаруживает резкие изменения в поведении и характере.

– Тот, в кого он превратился сегодня, и кем был до убийства, – это два разных человека, – предупредил я.

Но мне не сказали самого главного. Когда полиция Картерсвилля запросила у меня портрет, они уже предъявили Ларри Брюсу Доверу обвинения в убийстве жены и теперь лишь хотели убедиться, что находятся на верном пути. Я разозлился не на шутку, и тому было несколько причин. Во-первых, я и без того физически не справлялся с нескончаемым потоком дел. Во-вторых, что более важно, Бюро рисковало своей репутацией. К счастью, портрет в точности совпал с подозреваемым. Как я потом объяснял директору и САРу в Атланте, если бы профайл не был настолько точным, опытный адвокат получил бы возможность вызвать меня по повестке в суд в качестве свидетеля защиты и заставил показать, что мое «экспертное» заключение по ряду параметров указывает совсем не на его подзащитного. С тех пор я взял за правило всегда спрашивать у полиции, есть ли у них подозреваемый, хотя по-прежнему предпочитал заранее не знать, кто именно.

Как бы то ни было, на этот раз справедливость восторжествовала. 3 сентября 1981 года Ларри Брюса Довера признали виновным в убийстве Линды Хэйни Довер и приговорили к пожизненному заключению.

Еще одна вариация на тему домашнего убийства с постановкой – дело 1986 года об убийстве Элизабет Джейн Вольсиффер, более известной как Бетти.

Около семи утра субботы 30 августа полицию города Уилкс-Барре, штат Пенсильвания, вызвали к дому № 75 по Берч-стрит, где проживал известный стоматолог со своей семьей. Прибыв на место спустя пять минут, офицеры Дейл Минник и Энтони Джордж увидели, что доктор Эдвард Глен Вольсиффер лежит на полу, пытаясь оправиться от удара по голове и попытки удушения. Рядом стоял его брат Нил. Он жил через дорогу и сразу же после звонка Глена прибежал на выручку. Оглушенный

и дезориентированный, хозяин дома сумел вспомнить только номер телефона брата. Последний и вызвал полицию.

Мужчины сказали, что тридцатидвухлетняя жена Глена Бетти и его пятилетняя дочь Даниэль, находятся наверху. Но когда Нил хотел их провести, у Глена снова начинала кружиться голова, он стонал, и Нилу приходилось остаться с братом. Ни один из них пока не поднимался наверх. Глен боялся, что злоумышленник все еще в доме.

Офицеры Минник и Джордж обыскали здание. Злоумышленника они не нашли, зато нашли мертвую Бетти в главной спальне на втором этаже. Женщина лежала на полу, головой у изножья кровати. Судя по кровоподтекам на шее, высыхающей пене у рта и синюшному цвету лица, ее задушили голыми руками. На простынях виднелись следы крови, но лицо как будто вытерли начисто. На жертве была только ночнушка, да и та задрана до пояса.

Даниэль спала в соседней комнате в целости и невредимости. Проснувшись, она сказала, что ничего не слышала – ни вторжения, ни звуков борьбы, ни криков.

Не обмолвившись об увиденном, Минник и Джордж спустились и спросили доктора Вольсиффера, что же случилось. По словам хозяина дома, его разбудил ни свет ни заря какой-то шум, будто кто-то вломился в дом. Он достал из прикроватного столика пистолет и тихонько пошел посмотреть, решив не будить Бетти.

Выглянув из двери спальни, он увидел крупного мужчину на верхней ступеньке лестницы. Похоже, тот его не заметил. Глен проследовал за грабителем вниз, на первый этаж, но потерял его из виду и стал обыскивать дом в поисках злоумышленника.

Вдруг он почувствовал, как вокруг его шеи обвилась удавка – то ли веревка, то ли еще что, – и чудом успел бросить пистолет и схватиться за нее, прежде чем она затянулась слишком туго. Глен лягнул нападавшего ногой, угодив ему в пах, и хватка ослабла. В ту же секунду ему на голову опустилось что-то тяжелое, и он потерял сознание, не успев даже обернуться. Очнувшись, он тут же позвонил брату.

Судя по внешним признакам – легкой контузии из-за удара по затылку, розоватым отметинам на шее и небольшим царапинам слева на ребрах, – доктор Вольсиффер не получил серьезных травм. Но врачи скорой решили не рисковать и отвезли его в больницу. Там также не обнаружили у пострадавшего ничего страшного, но констатировали кратковременную потерю сознания, на которую и жаловался Глен.

С самого начала полиция с некоторым сомнением отнеслась к рассказу Вольсиффера. Какой же взломщик станет проникать в дом через окно на втором этаже, да еще и среди бела дня? Снаружи и правда стояла старенькая лестница, по которой злоумышленник предположительно забрался в спальню. Но она казалась такой хлипкой, что не выдержала

бы и среднестатистического мужчину, к тому же была прислонена к стене ступеньками не в ту сторону. Земля у опор лестницы не просела, как в том случае, если бы кто-то карабкался по ступеням вверх; на алюминиевом стоке, на который опиралась лестница, следов тоже не наблюдалось. Кроме того, ни на ступеньках, ни на крыше дома под окном спальни не нашлось росы или травы. А ведь они неизбежно остались бы, если бы тем утром лестницей воспользовались.

Следы внутри дома тоже противоречили показаниям Глена. Судя по всему, из ценностей ничего не пропало, даже украшения, лежавшие в спальне на самом видном месте. Если нападавший и хотел убивать, то почему он оставил на первом этаже вооруженного мужчину, пусть и без сознания, и ушел на второй этаж разделаться с его женой, причем даже не подумав ее изнасиловать?

Но больше всего смущало другое. Во-первых, если Глена и в самом деле придушили достаточно сильно, чтобы он лишился сознания, то почему спереди на шее не осталось никаких следов? И во-вторых, самое непостижимое: почему ни Глен, ни его брат Нил не поднялись вверх, чтобы убедиться, что с Бетти и Даниэль все в порядке?

Глен все активнее дополнял историю, еще сильнее запутывая следствие. Постепенно он стал припоминать новые подробности образа нападавшего. По словам Вольсиффера, на усатом мужчине были темная водолазка и маска-чулок. Пострадавший путался в показаниях. Сперва он сказал домашним, что у него есть планы на вечер пятницы, а потом якобы говорил со своей женой перед сном. По его словам, супругу он не будил. Он сообщил о пропаже из ящика стола 1300 долларов наличными, но отказался от своих слов, когда полицейские нашли его заначку. Когда офицеры, прибывшие на вызов, пытались с ним поговорить, он будто бы пребывал в полубессознательном состоянии и плохо понимал, что происходит. Однако, когда в больнице ему сообщили о смерти жены, он сразу вспомнил, как офицер вызывал coronera.

По мере расследования Глен Вольсиффер сообщал все новые сведения, все более хитроумно описывая события того утра. В конце концов выяснилось, что нападавших было двое. Он также признался, что имел интрижку со своей бывшей помощницей, но уже год они не общались. Позже он добавил, что за несколько дней до убийства вступал в половую связь с другой женщиной. А вот о нынешних отношениях со своей третьей любовницей рассказывать отказался.

Со слов друзей Бетти Вольсиффер, несмотря на всю свою любовь к мужу и желании сохранить брак, она устала терпеть его выходки, особенно по вечерам пятницы, в последнее время ставшие для него нормой. За пару дней до убийства Бетти рассказала подруге, что собирается «поставить Глену ультиматум», если в грядущую пятницу он снова возьмется за свое.

После самой первой беседы у него дома, а потом и разговора в больнице, по совету своего адвоката Глен отказался сотрудничать с полицией. Тогда копы взялись за его брата Нила. Его рассказ о событиях того утра был не менее странным, чем у Глена. Он отказался проходить тестирование на полиграфе под предлогом того, что якобы наслышан о ненадежности прибора и боится подставиться. Наконец, под непрерывным давлением полиции, родных Бетти и СМИ, призывавших оказать посильную поддержку, Нил согласился дать показания в здании суда. Допрос назначили на октябрь.

Около 10:15 утра, опаздывая на пятнадцать минут к назначенному времени, Нил погиб за рулем своей маленькой «хонды» в лобовом столкновении с грузовиком марки «мэк». Как выяснилось, во время столкновения он ехал *от* здания суда. Судмедэксперт заключил, что инцидент напоминает попытку самоубийства, хотя, возможно, Нил пропустил нужный поворот и отчаянно пытался нагнать время. Этого мы уже никогда не узнаем наверняка.

Более чем год спустя после убийства полиция Уилкс-Барре собрала целую кучу косвенных улик, указывающих на Глена Вольсиффера, хотя прямых улик, а следственно, и доказательств его вины у них не было. На месте преступления, в спальне, обнаружили его отпечатки пальцев и волосы, но это ничего не доказывало: это как-никак его спальня. Полиция предполагала, что он мог избавиться от удавки и одежды со следами крови в ближайшей речке и лишь потом позвонить брату. У полиции оставалась единственная надежда раскрыть дело: подкрепить косвенные улики мнением эксперта, который показал бы, что это постановочное преступление и совершил его человек, хорошо знакомый с жертвой.

В январе 1988-го полиция Уилкс-Барре обратилась ко мне с просьбой проанализировать это убийство. Изучив материалы, которых к тому моменту накопилось уже несколько томов, я весьма быстро пришел к выводу, что Бетти и в самом деле убил ее близкий знакомый, который после обставил место преступления искусными декорациями. Поскольку в подозреваемом полиция не нуждалась, я не стал, как обычно, составлять его психологический портрет или тыкать пальцем в ее мужа, но постарался вооружить следствие доказательной базой, необходимой для ареста.

Проникновение на выходных среди бела дня в дом, расположенный в таком районе, да еще и с двумя машинами на подъездной дорожке, – это преступление с чрезвычайно высоким риском, а жертва – с низким. Вот почему грабеж был крайне маловероятен.

За все годы наших исследований и консультаций, проведенных в самых разных уголках мира, мы ни разу не видели, чтобы грабитель забирался в дом через окно на втором этаже и тут же спускался на первый, не осмотрев комнаты.

Ничто не указывало на то, что преступник был вооружен, то есть версия намеренного убийства также отпадала. В равной степени не рассматривалась и версия «неудачного изнасилования», коль скоро полиция не обнаружила характерных признаков на теле жертвы. И ни одного даже прозрачного намека на попытку ограбления. Все это существенно уменьшало число возможных мотивов.

Метод убийства – удушение руками – указывает на личный характер убийства. Незнакомцы так обычно не поступают, а особенно те, кто составил план и потрудился вломиться в дом.

Полиция продолжала дотошно и методично собирать материалы по делу. Хотя детективы ни минуты не сомневались насчет того, кто на самом деле убил Бетти, они располагали лишь косвенными уликами, которые могли служить доказательством только на суде. Тем временем Глен Вольсиффер переехал из Вашингтона в Фоллз-Черч, штат Вирджиния, и завел там новую стоматологическую практику. К концу 1989-го полиция подготовила письменные показания на основе моих заключений и получила ордер на арест. 3 ноября 1989 года, спустя тридцать девять месяцев после убийства, Вольсиффер был задержан командой из местных копов, полиции округа и штата в своей клинике в штате Вирджиния.

Во время ареста он сказал: «Все случилось слишком быстро. Я даже не успел опомниться. Происходящее было как в тумане». Впрочем, позже он заявил, что имел в виду нападение на него грабителя(ей), а не убийство жены.

Хотя на тот момент в ряде штатов меня уже признали опытным экспертом по криминальному анализу, защита все равно сочла меня фокусником из-за непривычной методики расследования, и судья в конечном итоге отказал мне в даче показаний. Тем не менее обвинение включило мои доводы в свою позицию и, вкуче с достижениями полиции, сумело добиться обвинительного приговора по статье «умышленное убийство».

В организации постановки Вольсиффер допустил слишком много проколов: это и шаткая, неправильно расположенная лестница, и отсутствие на теле жертвы признаков изнасилования, и нелогичность следов удушения на его шее, и явная незаинтересованность состоянием жены и ребенка. Уже один тот факт, что его дочь, Даниэль, ничего не слышала, вызывал разумные сомнения. Но самый большой прокол – полная бессмыслица в действиях и поведении вымышленного налетчика. Любой человек, собираясь вломиться к кому-нибудь в дом, в первую очередь подумает о том, кто представляет для него самую большую опасность: в данном случае о девяностокилограммовом, ростом под метр девяносто вооруженном хозяине – и лишь потом о слабой, беззащитной женщине.

Следователь всегда должен держать уши на макушке и следить за подобного рода противоречиями. Наверное, навидавшись всяких ситуаций, мы привыкли смотреть дальше показаний свидетелей и стараемся понять то, о чем нам рассказывает поведение преступника.

В каком-то смысле нас можно назвать актерами, готовящимися сыграть роль. Актер читает сценарий между строк, стараясь проникнуть в самую суть порученной ему сцены.

Один из ярчайших тому примеров – нашумевшее бостонское дело 1989 года, когда неизвестный убил Кэрол Стюарт и нанес тяжелое ранение ее мужу Чарльзу. Происшествие вызвало широкий резонанс и еще до конца расследования едва не раскололо общественность пополам.

Однажды ночью пара возвращалась с семинара по воспитанию внебрачного ребенка. Проезжая через Роксбери, они остановились на светофоре, как вдруг на них напал крупный чернокожий мужчина. Он на месте застрелил тридцатилетнюю Кэрол, которая была беременна, и серьезно ранил двадцатидевятилетнего Чарльза. Чарльз выжил, но перенес тяжелую шестнадцатичасовую операцию на органах брюшной полости. Хотя доктора женской больницы Бригэма отчаянно сражались за жизнь Кэрол, спасти ее не удалось. Благодаря кесареву сечению на свет появился их сын, Кристофер, но он прожил всего несколько недель. Во время громких, широко освещенных в СМИ похорон своей любимой Чарльз все еще восстанавливался после операции.

Полиция немедленно принялась за работу, допрашивая каждого чернокожего мужчину, подходившего под описание Чарльза. Наконец он опознал нападавшего.

Однако вскоре после этого завеса тайны над убийством стала приоткрываться. Оказывается, Чарльз просил своего брата Мэтью помочь ему с ограблением. Однако Мэтью, помогая Чарльзу выкидывать мешок с якобы краденым добром, усомнился, что ограбление произошло на самом деле. Когда прокурор округа в итоге предъявил Чарльзу Стюарту обвинения в убийстве, тот совершил самоубийство, сбросившись с моста.

Чернокожее население бесновалось из-за обвинений в свой адрес ровно так же, как после заявления Сьюзан Смит, будто афроамериканец похитил двоих ее детей. Однако в деле Смит обстановку разрядил местный шериф в Южной Каролине. При помощи СМИ и федеральных властей он докопался до правды всего за несколько дней.

К сожалению, дело Стюарта не удалось разрешить столь эффективно, хотя все получилось бы, если бы полиция внимательно проанализировала показания самого Стюарта и сравнила их с обстановкой на месте преступления. Никто не станет ехать так далеко ради постановочного убийства – читай: чтобы так серьезно самого себя подстрелить. Вспомним дело Вольсиффера. Если предполагаемый убийца в первую очередь нападает на менее опасную цель – а в

большинстве случаев это женщина, – то тому должна быть некая причина. В любом ограблении преступник в первую очередь попытается обезвредить наиболее опасного противника. Опять же, если он этого не сделал, то и тому должна быть причина. «Сын Сэма» Дэвид Берковиц стрелял сперва в женщин единственно потому, что именно они были его целью, а мужчины просто попадались под горячую руку.

Для нас, как для служителей закона, самая главная проблема в постановочных убийствах состоит в том, что эмоциональная связь с жертвами и выжившими образуется очень быстро. Хочется верить тому, кого явно снедает большое горе. И если так называемая жертва хоть немного владеет актерским мастерством, а место преступления выглядит правдоподобно, то зачастую на этом следствие и останавливается. Мы словно врачи: мы можем сочувствовать нашим пациентам, но легче им от этого не станет.

Что за человек способен на такое?

Сколь бы болезненным ни был порой ответ, нам все равно придется его дать.

Глава 16. «Господь призвал тебя к Шэри Фэй»

Шэри Фэй Смит, очаровательную бойкую старшеклассницу, похитили у почтового ящика прямо напротив дома ее родителей в пригороде Колумбии, штат Южная Каролина. Она возвращалась из торгового центра, прошвырнувшись по магазинам со своим молодым человеком Ричардом. Стоял теплый и солнечный день 31 мая 1985 года. На часах было 15:38. Через два дня Шэри предстояло исполнять национальный гимн на выпускном в старшей школе Лексингтона.

Лишь спустя несколько минут ее отец Роберт заметил машину дочери, стоящую у съезда с длинной подъездной дорожки к дому: дверь открыта, мотор работает, на сиденье – сумочка Шэри. Охваченный паникой, он тут же позвонил в департамент шерифа округа Лексингтон.

Такие происшествия несвойственны Колумбии, мирному городу, который, казалось, был живым воплощением «семейных ценностей» во всех их проявлениях. Как же эта милая, перспективная юная блондинка могла вот так исчезнуть среди бела дня напротив собственного дома? Кому пришло в голову ее похитить? Шериф Джим Меттс не имел ни малейшего понятия. В первую очередь он распорядился организовать самые масштабные поиски в истории Южной Каролины. На помощь местным копам стекались офицеры полиции из различных агентств штата и соседних округов. В поисках участвовало более тысячи неравнодушных добровольцев. Затем Меттс исключил из круга

подозреваемых Роберта Смита, публично умолявшего вернуть ему дочь, – при исчезновении или совершении преступления против столь низкорисковой жертвы всегда следует учитывать ее супруга, родителей и близких.

Убитое горем семейство Смитов ждало хоть какой-то весточки, хоть слова, пусть даже требования о выкупе. Вдруг раздался звонок. В трубке послышался странный, искаженный мужской голос: Шэри у него.

– Чтобы вы поняли, это не розыгрыш, – предупредил незнакомец. – Под майкой и шортиками у Шэри черный с желтым купальник.

Мать Шэри Хильда умоляла звонившего обеспечить Шэри должный уход, воду и лекарства, поскольку девушка болела диабетом.

Похититель ничего не ответил, кроме: «Сегодня вы получите письмо». Семья девушки и полиция еще больше встревожились.

В следующем шаге Меттса отразилось все его прошлое, вся его профессиональная подготовка. И он сам, и его заместитель Льюис Маккарти в свое время окончили Национальную академию ФБР и имели в Бюро хорошие связи. Не медля более ни секунды, Меттс связался с САРом Робертом Айви регионального отделения в Колумбии, штат Южная Каролина, и позвонил ко мне в Ку-антико. Меня он не застал, но поговорил с агентами Джимом Райтом и Роном Уокером. Они тут же с готовностью откликнулись на его просьбу. Проанализировав обстоятельства похищения, фотографии и телефонный звонок, оба сошлись на мнении, что имеют дело с искушенным и чрезвычайно опасным человеком и что жизнь Шэри находится в большой опасности. Они опасались, что Шэри может быть уже мертва, а ее убийца вскоре снова почувствует жажду крови. По их мнению, похититель увидел, как Шэри целует своего парня Ричарда у торгового центра, и проследовал за ней до ее дома. К несчастью, девушка остановилась у почтового ящика. Если бы она стояла чуть дальше или по улице проехала случайная машина, трагедии можно было избежать. Специалисты шерифа установили в доме Смитов прослушивающее оборудование в надежде, что похититель снова выйдет на связь.

А затем чета Смитов получила письмо – критически важную улику и до безумия жуткое послание. Нужно сказать, что за все те годы, что я стоял на страже закона, из всех тех отвратительных и поражающих своей жестокостью вещей, которые мне довелось повидать, то письмо на двух страницах было, пожалуй, самым душераздирающим. Внизу слева крупными буквами было написано: «ГОСПОДЬ ЛЮБИТ ВАС».

Хотя мне и сейчас невыносимо тяжело читать это письмо, в каждой строчке которого сквозят сила духа и храбрость этой девушки, я не могу не привести его целиком:

1.06.1985 3:10 утра Я всех вас люблю

Последняя воля и завещание

Я люблю вас, мамочка, папочка, Роберт, Доун и Ричард, и вообще всех вас, моих друзей и близких. Скоро я уже буду со своим папой, поэтому, пожалуйста, прошу, не горюйте! Просто вспоминайте иногда, какая я дурашка и как хорошо нам было вместе. Пусть ваша жизнь на этом не заканчивается, живите дальше, проживайте каждый новый день во имя Христа. Не все так плохо. Мыслями я всегда буду с вами и в вас! (Когда захлопнется надо мной крышка гроба.) Я чертовски сильно всех вас люблю. Папочка, прости за упрямство! Господь меня простит. Ричард, мой хороший, я всегда любила и буду по-настоящему любить тебя, и я ценю те волшебные моменты, что мы провели вместе. Я прошу только одного. Примите Христа, ибо Он спасет вас. Моя семья – это вся моя жизнь. Извините, что потратила деньги на путешествие. Навестите меня как-нибудь.

Простите, если я в чем-то вас разочаровала. Я лишь хотела, чтобы вы гордились мной, потому что я невероятно вами горжусь. Мам, пап, Роберт и Доун, я хочу сказать вам столько всего, что уже давно должна была сказать. Я люблю вас!

Я знаю, что вы любите меня и вам будет очень меня не хватать, но вы, главное, держитесь друг за друга, как всегда, и тогда как-нибудь справитесь!

Пожалуйста, не горюйте и не тревожьтесь. Господи, спаси и сохрани.

*С вечной любовью,
обожаящая вас от всего сердца
Шэрон (Шэри) Смит*

Р. С. Бабуля, я очень-очень тебя люблю. Мне всегда казалось, что я твоя любимица.

А ты – моя!

Люблю и целую

Шериф Меттс отправил письмо в криминалистическую лабораторию отделения внутренних дел штата Южная Каролина на анализ бумаги и отпечатков пальцев. Прочитав текст, мы в Куантико уже не сомневались, что похищение закончилось убийством. И все же сплоченное горем семейство Смитов, чья религиозность отразилась в письме Шэри, надеялось на лучшее. 3 июня снова раздался звонок, и тот же самый жутковатый голос спросил Хильду, пришло ли письмо.

– Теперь вы мне верите?

– Не совсем. Я так и не услышала голоса Шэри. Мне нужно знать, что с ней все в порядке.

– Вы все узнаете через два-три дня, – загадочно ответил незнакомец.

Тем же вечером человек перезвонил и объявил, что Шэри жива и скоро будет дома. И все же кое-что в словах звонившего звучало сомнительно:

– Вот что я вам скажу. Шэри теперь часть меня. Физически, умственно, эмоционально, духовно. Наши души слились воедино.

Миссис Смит потребовала доказательств, что с дочерью все в порядке. Но похититель лишь повторил:

– Шэри в безопасности и... теперь она часть меня. Господь защитит всех нас.

В конечном итоге звонки удалось отследить до телефона-автомата, расположенного неподалеку, но в те дни технология перехвата была не столь совершенна: требовалось висеть на линии по меньшей мере минут пятнадцать. Так долго поддерживать разговор не сумел бы даже опытный переговорщик. Зато местное отделение потрудились на славу и тут же направило нам записи звонков. Миссис Смит поразила нас с Райтом и Уокером своей силой духа и выдержкой. Понятно теперь, в кого пошла Шэри.

Ожидая и других звонков, Меттс попросил нас подсказать домашним, как вести себя во время телефонного разговора. Джим Райт посоветовал придерживаться тех же принципов, что и переговорщик в ситуации с заложниками, а именно: внимательно слушать, переспрашивать, если похититель говорит нечто важное, чтобы избежать двоякого толкования, попытаться его спровоцировать и выдать какие-нибудь подробности о нем самом и его планах. В таких действиях есть определенный смысл. Во-первых, они позволяют затянуть разговор, чтобы успеть отследить звонок. Во-вторых, на звонящего подобная реакция произведет впечатление положительного отклика, и он может раскрыться, выдав какие-нибудь сведения.

Не стоит и говорить, что выдерживать подобный самоконтроль, терзаясь от горя и страха, невероятно сложно. Но Смитам удавалось не только сохранять хладнокровие, но и вытягивать крупницы важной информации, чем они немало нас удивили.

Следующим вечером похититель снова позвонил, на сей раз пожелав говорить с двадцатиполетней сестрой Шэри Доун. Прошло уже четыре дня с момента похищения. Незнакомец поделился с Доун подробностями похищения сестры. Со слов звонившего, он остановился, увидев Шэри у почтового ящика, поздоровался, попросил разрешения ее сфотографировать, а затем под дулом пистолета затолкал в машину. В каждом разговоре он метался от видимого дружелюбия к явной жестокости и обратно к смутному сожалению, что «ситуация вышла из-под контроля».

Он продолжил свой рассказ:

– Итак, в четыре пятьдесят восемь утра... нет, стоп. Погоди-ка. Она написала вам... м-м... в три десять утра в субботу, первого июня. В четыре пятьдесят восемь в субботу, первого июня, наши души слились воедино.

– Слились воедино? – переспросила Доун.

– Что это значит вообще? – подсказала Хильда.

– Пока никаких вопросов, – отрезал собеседник.

Но мы-то знали, что это значит, несмотря на заверения злодея, что «благословение вот-вот снизойдет» и Шэри вернется домой уже следующим вечером. Он даже посоветовал Доун заранее вызвать карету скорой помощи.

– Вы получите инструкцию, как нас найти, – пообещал незнакомец.

Для нас как специалистов по психоанализу важное значение имела оговорка, когда он сперва сказал «четыре пятьдесят восемь», а потом поправился. Это подтверждалось и мрачным звонком, раздавшимся в доме Смитов в полдень на следующий день. Трубку сняла Хильда.

– Слушай внимательно. Поезжай по триста семьдесят восьмому шоссе на запад до кольцевой развязки. Съезд на Просперити. Через полтора километра свернешь направо у знака «Мус-Лодж номер сто три», а потом налево через четверть километра увидишь белое здание. Отправляйся на задний двор. Мы будем ждать тебя в шести шагах оттуда. Господь избрал нас. – Трубку повесили.

Шериф Меттс прослушал запись еще раз. Она привела его прямо к телу Шэри Смит в восемнадцати километрах от дома, в соседнем округе Салюд. На девушке были все те же желтый топ и белые шорты. Тело уже частично разложилось, из чего шериф и судмедэксперт сделали вывод, что она мертва уже несколько дней, видимо, с 4:58 утра первого июня, в чем мы ни капли не сомневались. Состояние тела не позволяло определить причину смерти и наличие признаков сексуального насилия.

Но мы с Джимом Райтом и Роном Уокером не сомневались, что, вселяя в Смитов надежду, убийца лишь тянул время, чтобы уничтожить важнейшие для следствия улики. На лице и волосах Шэри обнаружили следы клейкой ленты, но саму ленту предусмотрительно сняли – вот вам и еще один признак хорошо организованного и спланированного убийства. Но это слишком высокий уровень для начинающего преступника, а значит, мы имели дело с умным, зрелым субъектом, который возвращался к жертве ради некоего сексуального удовлетворения и оставил тело в покое лишь после заметного разложения, когда оно уже не могло создать иллюзию «отношений».

Само по себе похищение в черте города среди бела дня требовало определенной ловкости и мастерства. Мы задали возрастной коридор от

двадцати семи до тридцати трех лет, но лично я склонялся к более высокой планке. Судя по тому, как легко и жестоко он вел игры разума с семьей Смитов, субъект рано женился и брак был коротким и неудачным. Сейчас проживал либо один, либо с родителями. Возможно, имел криминальное прошлое – изнасилования или, по крайней мере, оскорбительные телефонные звонки. Если и убивал, то детей, особенно девочек. В отличие от большинства серийных убийц, он сторонился проституток, поскольку они слишком его пугали.

Важные заключения мы сделали и из того, как точно он описал маршрут к телу Шэри и как поправился по поводу времени. Маршрут он хорошо продумал и подробно описал, а значит, неоднократно возвращался к телу и имел возможность измерить расстояние. Позвонив Смитам, он читал по бумажке. Он понимал, что ему нужно как можно быстрее донести информацию и повесить трубку. Несколько раз его перебивали, и ему приходилось начинать сначала. Кем бы ни оказался похититель, он был аккуратен, дотошен и одержим порядком. Он испытывал бесконтрольную необходимость все записывать, а если путался в пометках, то терял и ход мысли. Мы знали, что он наверняка проезжал мимо дома Шэри. Человек с таким характером содержал бы машину (не старше трех лет) в идеальной чистоте и порядке. Видимое бахвальство и отвращение к «этому дурацкому миру» в нем непрерывно конфликтовали с глубоко укоренившимся чувством собственной неполноценности и неуверенности в себе.

В деле такого типа место преступления становится неотъемлемой частью убийства с точки зрения психологических факторов. Судя по географическому расположению дома жертвы, преступник был из местных, возможно, уже много лет, если не всю жизнь обитающий в этом районе. Для совершения ритуала над Шэри, а затем над ее телом преступнику требовалось немало времени в уединенном месте, куда не забрел бы случайный прохожий. А такие места известны лишь местным.

Отдел анализа сигналов инженерной секции ФБР сообщил нам, что звонивший искажал голос с помощью устройства под названием «регулятор скорости воспроизведения». Тут же застучал телетайп, и отделения по всей стране получили сообщение с просьбой оказать содействие в поиске производителей и розничных магазинов, где такое устройство могло продаваться. Из заключения наших инженеров мы сделали вывод, что субъект как-то связан с электроникой и, возможно, занимается строительством или капремонтом домов.

На следующий день Боб Смит связался с похоронным бюро и стал готовиться к погребению дочери, как вдруг снова раздался звонок от убийцы. На сей раз преступник звонил за счет абонента и потребовал к телефону Доун. Он сообщил, что следующим утром сдастся в полицию и что уже отправил Смитам фотографии Шэри, которые сделал в день похищения у почтового ящика. Он жалостливо просил простить его и помолиться за его душу. По ходу разговора мужчина намекнул, что вроде

как сдаваться все же не будет, но совершит самоубийство. При этом он причитал, что «все пошло наперекосяк, а я всего-то хотел заняться с Доун любовью, я наблюдал за ней».

– С кем? – перебила его Доун.

– Ой, извини. С Шэри, – поправился он. – И я наблюдал за ней неделю-другую, а потом... мм... все пошло наперекосяк.

Это был первый из нескольких раз, когда он перепутал сестер Смит. Впрочем, его можно понять: симпатичные компанейские блондинки были похожи друг на друга как две капли воды. Доун мелькала в газетах и на телевидении, и какое бы впечатление убийца ни сложил о Шэри, он, без сомнения, переносил его и на ее сестру. Слушая аудиозаписи, нельзя было не испытать отвращение к его садистской самодовольной манере выражаться. Но уже тогда я поймал себя на мысли, сколь бы хладнокровно и расчетливо это ни звучало, что Доун можно использовать как приманку.

В тот же день преступник позвонил ведущему одного из местных телеканалов Чарли Кизу и повторил свое намерение сдать. Он хотел использовать популярное медийное лицо в качестве посредника и обещал эксклюзивный материал. Киз выслушал его, но сохранил нейтральную позицию и ничего звонившему не пообещал.

Мы связались с Льюисом Маккарти, и в первую очередь я сказал ему, что убийца не собирается сдаваться, как не собирается и совершать суицид. Злодей пытался убедить Доун, что он «друг семьи», и ему хватает безумия ждать от Смитов понимания и сочувствия. В его знакомство с семейством Смитов мы не верили. Это лишь часть фантазии, в которой они с Шэри близки и она любит его. Чистый нарцисс, объяснял я Маккарти, и чем дольше продолжается вся эта история, чем больший отклик он получает от близких жертвы, тем комфортнее себя чувствует, воплощая в жизнь свои фантазии. Он убьет снова: жертва будет очень похожа на Шэри, если ему удастся такую найти, а если не удастся, сойдет и любая другая. Фундамент всех его действий соткан из базовых принципов: власть, манипуляция, подчинение и контроль.

Вечером в день похорон Шэри убийца снова говорил с Доун. В очередной раз проявляя свою извращенную натуру, он попросил оператора сказать Доун, что это звонок от Шэри за счет абонента. Снова душегуб грозился сдать, а затем сполз до невероятно банального описания смерти девушки:

– Итак. Примерно с двух часов ночи, когда она уже точно знала, что умрет, и до четырех пятидесяти восьми мы много разговаривали и все такое. А потом она назвала время. Она сказала, что готова отправиться в последний путь, а Господь готов призвать ее к ангелам.

Потом он рассказал, как занимался с ней сексом, после чего предложил ей выбор: пуля, передозировка или удушение. По его словам, она предпочла последнее. И тогда он заклеил ей рот и нос клейкой лентой.

– Зачем было ее убивать? – сквозь слезы спросила Доун.

– Все пошло не так. Я испугался. Ах, на все Промысел Божий, Доун. Я не знаю. Прости, Господи, меня грешного. Но у меня есть вера, и я должен ей следовать, иначе меня отправят в ад, где я буду страдать до скончания времен. Но я ни за что не сяду ни в тюрьму, ни на электрический стул.

И Доун, и ее мать умоляли звонившего обратить свои помыслы к Господу, вместо того чтобы убивать себя. Мы же в отделе ни капли не сомневались, что он и не собирается этого делать.

Спустя две недели после исчезновения Шэри в двадцати четырех километрах от дома Смитов, в округе Ричленд, прямо напротив трейлера родителей похитили Дебру Мэй Хельмик. Ее отец находился в трейлере всего в метрах в шести от дочери. Сосед видел, как неизвестный мужчина заехал в трейлерный парк, вышел из машины, а после непродолжительного разговора затолкал Дебру внутрь и скрылся. Сосед и мистер Хельмик немедленно ринулись в погоню, но упустили похитителя. Как и Шэри, Дебра была симпатичной голубоглазой блондинкой. Вот только, в отличие от Шэри, ей было всего девять.

Шериф Меттс запустил еще одну крупномасштабную поисковую операцию. Тем временем это дело уже начало действовать мне на нервы. Когда занимаешься подобной работой, крайне важно сохранять некоторую дистанцию и беспристрастность, а иначе недолго и с ума сойти. При всех сложностях дела Смит, с которыми мы уже успели столкнуться, после нового похищения сохранять хладнокровие уже никак не получалось. Малышке Дебре Хельмик было всего девять – как и моей собственной дочурке Эрике, тоже голубоглазой блондинке. А моей второй дочери Лорен вообще едва исполнилось пять. Кроме жуткого гнетущего ощущения, что на месте жертвы могла оказаться моя дочь, меня охватило непреодолимое и вполне объяснимое желание пристегнуть своих детей к себе наручниками и не отпускать ни на шаг. Во мне постоянно шла борьба между желанием дать девочкам необходимую свободу и личное пространство и памятью обо всех тех ужасах, с которыми я сталкивался по долгу службы.

Несмотря на различие в возрасте Шэри и Дебры, время похищения, обстоятельства и образ действия указывали на то, что мы, скорее всего, имеем дело с тем же человеком. Я знал, что департамент шерифа и мой отдел единогласно сошлись на этом. И вот Льюис Маккарти, вооруженный кипой бумаг и мрачной решимостью расследовать теперь уже серию похищений, ближайшим рейсом вылетел в Куантико.

Уокер и Райт еще раз пересмотрели умозаключения, на основе которых разработали психологический портрет, и, присовокупив к ним новые материалы по делу, окончательно убедились в своей правоте.

Несмотря на искаженный голос, можно было с уверенностью утверждать, что субъект – белый. Оба преступления имели сексуальный характер, и совершить их мог лишь неуверенный в себе человек с глубоким чувством собственной неполноценности. Обе жертвы – тоже белые. Преступления подобного рода, как мы уже убедились, редко переходят межрасовую границу. Снаружи он наверняка производил впечатление застенчивого и вежливого человека, крайне неудовлетворенного собой, возможно, страдал от ожирения или просто был полным, малопривлекательным для женщин. Мы сказали Маккарти, что теперь ожидаем от преступника еще более выраженного компульсивного поведения. Его знакомые заметят резкое похудение, или он возьмется за бутылку, перестанет регулярно бриться и захочет кому-нибудь выговориться об убийстве. Столь педантичный человек будет внимательно отслеживать новостные сводки и собирать газетные вырезки. Кроме того, у него может оказаться коллекция порнографии со связыванием и садомазо. Теперь он станет вкушать плоды своего успеха, наслаждаясь известностью, чувством власти над жертвами и обществом, способностью манипулировать семейством Смитов, охваченных скорбью. Как я и боялся, не найдя жертву, соответствующую его тайным фантазиям, он схватил первую попавшуюся, наименее защищенную девочку. Возраст Шэри делал ее более-менее доступной для него. Но если он вообще задумывался о возрасте, то похищение Дебры Хельмик, скорее всего, теперь лежало на нем тяжким грузом. Поэтому он вряд ли станет названивать ее родителям.

Домой Маккарти возвращался с объемистым списком заключений и предположений о личности преступника, состоящим аж из двадцати двух пунктов. По приезде в Колумбию он сказал шерифу Меттсу: «Я знаю, кто убийца. Осталось лишь выяснить его имя».

Нам очень польстила вера в профайл, но действительность, как всегда, оказалась сложнее. Объединенные силы полиции штата и отделения ФБР в Колумбии стали прочесывать местность в поисках следов Дебры. Но похититель не оставил свежих улик, не выходил на связь и не озвучивал требований. Тем временем мы в Куантико с нетерпением ожидали новостей, готовые к чему угодно. Тревога за похищенного ребенка и его семью стала невыносимой. По просьбе САРа Айви и шерифа Меттса я быстренько собрал вещи и вылетел в Колумбию, чтобы на месте проконсультировать следствие по столь громкому и многообещающему делу. Со мной отправился Рон Уокер. Это была наша первая совместная поездка с тех пор, как они на пару с Блейном Макилуэйном спасли мне жизнь в Сиэтле.

В аэропорту нас встретил Лью Маккарти, и мы втроем, не медля ни секунды, помчались осматривать место преступления. В Колумбии было

слишком жарко и влажно даже для нас, привыкших к климату Вирджинии. После похищения у домов жертв не осталось никаких явных признаков борьбы. Там, где нашли тело Смит, мы тоже не обнаружили ничего ценного. Очевидно, убили ее не здесь. Теперь я окончательно убедился, что субъект очень хорошо знает местность, пусть он и звонил Смитам с разных телефонов, расположенных довольно далеко от их дома, убийца точно здешний.

Шериф созвал совещание главных действующих лиц расследования. Шериф Меттс занимал просторный и весьма впечатляющий кабинет: около десяти метров длиной и с потолками под четыре метра; стены сплошь увешаны памятными табличками, сертификатами и грамотами. В этих документах была запечатлена вся его жизнь, от благодарностей за раскрытые убийства до отзывов от девочек-скаутов. Меттс опустил за гигантский стол и пригласил сесть нас с Роном, Боба Айви и Лью Маккарти, так что мы образовали полукруг.

– Он больше не звонит Смитам, – пожаловался Меттс.

– Мы его заставим, – пообещал я.

Портрет, конечно, немало помогает следствию, но я считал, что еще надо попытаться выкурить похитителя из норы с помощью кое-каких упреждающих приемов. Вот что я успел прикинуть. В первую очередь я поинтересовался, согласится ли какой-нибудь местный журналист оказать нам поддержку. Я не собирался подвергать его цензуре или же давать прямые указания, что писать. Мне был нужен человек, который сочувствует нашему делу, а не мечтает разорвать нас на части, как большинство репортеров.

На эту роль Меттс предложил Маргарет О'Ши из местной газеты «Колабмия стейт». Журналистка согласилась приехать к нему в кабинет, где мы рассказали ей о криминальном психоанализе и о том, чего ждем от преступника.

Мы пояснили, что он будет внимательно следить за прессой, особенно за теми статьями, где фигурирует Доун. Исследуя психологию убийц, мы обнаружили, что люди с таким типом личности нередко возвращаются к местам преступлений или туда, где спрятали тела. Поэтому с помощью грамотно составленной статьи мы сможем устроить ловушку и выманить его из укрытия. Или он хотя бы снова начнет звонить. Я поделился с Маргарет аналогичным опытом в расследовании дела об отравлении тайленолом. Тогда мы добились активного содействия со стороны прессы, и тактика полностью себя оправдала. Мы собирались изловить похитителя, взяв за основу тот опыт.

О'Ши согласилась осветить дело нужным образом. Затем Маккарти отвез меня к Смитам, и я пояснил, каких действий от них ожидаю. Говоря вкратце, я планировал использовать Доун как приманку. Не передать словами, насколько встревожился Роберт Смит. Он не хотел рисковать жизнью единственной оставшейся у них дочери. Я тоже волновался,

однако считал, что лучшей идеи не найти. Я попытался убедить мистера Смита: похититель труслив и ни за что не решится схватить Доун, когда вокруг поднялась такая шумиха. Кроме того, из записей телефонных разговоров я узнал не только убийцу, но и саму Доун. Она показалась мне достаточно умной и храброй, чтобы выполнить мои указания.

Мы с Доун уединились в комнате Шэри. Обстановку не трогали, она была такой же, какой ее оставила бывшая хозяйка. Это вполне нормально для семьи, неожиданно и трагически потерявшей ребенка. Как только я вошел в комнату, в глаза мне бросилась целая коллекция плюшевых коал всех форм и размеров. Доун сказала, что Шэри очень их любила. Это знали и все ее друзья.

Я провел там немало времени, стараясь почувствовать Шэри такой, какой она была. Я не сомневался, что убийцу мы поймем, нужно лишь подобрать к нему подход. Посидев немного, я взял в руки крохотную коалу с подвижными лапками и описал родителям свой план. Через пару дней, когда СМИ как следует раскочегарятся, мы проведем поминки Шэри на мемориальном кладбище Лексингтона. Доун возложит на могилу букет цветов и плюшевую игрушку. Я считал, что убийца объявится во время поминок, а с еще большей вероятностью – после них, чтобы забрать коалу в качестве трофея.

Маргарет О'Ши в точности поняла, какой материал нам нужен, и организовала фотосъемки на поминках. Поскольку надгробие установить еще не успели, мы воздвигли нечто вроде аналога из светлого дерева с ламинированной фотографией Шэри. Семья Смитов собралась у могилы и принялась дружно возносить молитвы за свою дочь и за Дебру. Затем Доун достала коалу и прикрепила его к одной из роз, возложенных на могилу. Вышло очень трогательно и эмоционально. Пока журналисты брали у Смитов интервью, а фотографы делали снимки для статьи, люди Меттса незаметно записывали номера всех проезжающих мимо машин. Беспокоило меня лишь то, что кладбище находилось почти у самой дороги. Во-первых, похититель мог испугаться столь открытого места, расположенного у всех на виду, а во-вторых, сумел бы следить за развитием событий с дороги, не привлекая внимания. Но выбора у нас не было.

На следующий день в газетах появились свежие фотографии. Несмотря на все наши надежды, ночью убийца не явился за коалой. Думаю, его действительно отпугнула близость дороги. Но зато он снова позвонил. Вскоре после полуночи Доун приняла очередной платный входящий «от Шэри Фэй Смит». Убедившись, что трубку действительно взяла именно Доун, убийца спросил:

– Ты ведь знаешь, что это не фальшивка? – И произнес свою самую жуткую, леденящую кровь речь: – Короче, видишь ли, в чем дело. Господь призвал тебя к Шэри Фэй. Теперь это лишь вопрос времени. Не в этом месяце, так в следующем. Не в этом году, так через год. Тебе не

удастся прятаться вечно. – А дальше он поинтересовался, знает ли она Дебру Мэй Хельмик.

– Мм... нет.

– Ну, ту десятилетку. Х-е-л-ь-м-и-к.

– А, из Ричленда?

– Да.

– Ага, знаю.

– Так вот, слушай внимательно. Поезжай километр на север... а, нет, на запад, свернешь налево у Пич-фестивал-роуд, там еще гриль «У Билла». По Гилберту три с половиной километра, затем направо, по последней грунтовке до знака на Ту-Нотч-роуд. Далее под цепь со знаком «Прохода нет», через пятьдесят метров поверни налево и еще десять метров. Дебра Мэй ждет тебя. Господи, помилуй нас грешных.

Преступник осмелел и действовал все наглее. Он больше не пользовался устройством для искажения голоса. Несмотря на очевидную угрозу, Доун изо всех сил старалась удержать его на линии как можно дольше. Она проявила недюжинную смелость, потребовав обещанные фото, которые так до Смитов и не дошли.

– Очевидно, они у ФБР, – парировал убийца, демонстрируя осведомленность о нашем участии.

– Нет, сэр, – Доун тоже была не лыком шита, – потому что, в отличие от некоторых, они делятся с нами своими материалами. Так вы их пошлете или нет?

– Ну да, – уклончиво ответил звонивший.

– Я думаю, вы мне голову морочите, потому что сначала вы сказали, что уже отправили их, но мы ничего не получили.

Мы подбирались к злодею все ближе, но ответственность за жизнь Доун, подвергавшейся серьезной опасности, лежала на мне тяжелым бременем. Пока мы с Роном помогали местным властям, специалисты в лаборатории отделения внутренних дел штата Южная Каролина под микроскопом рассматривали со всех сторон единственную вещественную улику – завещание Шэри. Оно было написано на простом разлинованном листке бумаги из блокнота, и на основании этого один эксперт предложил интересную идею.

Оказывается, при помощи устройства под названием «Эста» можно различить микроскопические вмятины, которые остаются от ручки на последующих листах. На листе удалось частично восстановить список покупок из продуктового магазина и некую последовательность цифр. Девять из десяти цифр удалось разобрать: 205–837–13–8.

205 – это код штата Алабама, а 837 – АТС в Хантсвилле. Заручившись поддержкой службы безопасности компании «Саузерн Белл»,

специалисты ОВД просмотрели десять возможных номеров в Хантсвилле, а затем вычеркнули не связанные с Колумбией или округом Лексингтон. Оказалось, что за пару недель до похищения Шэри на один из номеров поступило несколько звонков из жилого дома всего в пятнадцати милях от дома Смитов. Это была крупнейшая зацепка за долгое время. Судя по муниципальному реестру, дом принадлежал паре среднего возраста, Эллису и Шэрон Шеппард.

Вооруженный новой информацией, Маккарти взял с собой нескольких людей шерифа и помчался к Шеппардам. Пожилая чета оказала полиции радушный прием, с готовностью отвечая на все вопросы, но, кроме того факта, что пятидесятилетний Эллис работал электриком, он никак не вписывался в портрет. Шеппарды вот уже много лет жили в счастливым браке, и ни один из даже близко не напоминал преступника.

Они действительно звонили в Хантсвилль, где расквартирована войсковая часть, в которой служил их сын, но в момент совершения похищений в городе их не было. Едва успев вдохновиться столь многообещающей находкой, мы столкнулись в очередным разочарованием.

Но Маккарти работал с нами не первый день. Он верил в точность профайла и, описав Шеппардам нашего подозреваемого, спросил, не знают ли они кого-то похожего.

Шеппарды переглянулись, мигом поняв, о ком идет речь: это Ларри Джин Белл.

Помощник шерифа Маккарти продолжил аккуратно задавать наводящие вопросы, и супруги рассказали ему все, что знали о Белле. Ему немного за тридцать, разведен, имеет сына, который, впрочем, живет с матерью. Застенчивый и грузноватый, Ларри несколько раз помогал Эллису с проводкой и брался за любую халтуру. Будучи скрупулезным и аккуратным, за шесть недель отсутствия Шеппардов он отремонтировал их дом, после чего снова вернулся к родителям. Шэрон Шеппард вспомнила, что написала ему в блокноте номер телефона сына для связи, пока их не будет. И только тогда они поймали себя на мысли, что он предложил встретить их в аэропорту только по одной причине: ему хотелось поговорить о похищении и убийстве юной Смит. Супруги были поражены его видом: он сильно похудел, перестал бриться, выглядел взволнованным.

Маккарти спросил мистера Шеппарда, есть ли у него оружие. В качестве меры предосторожности Эллис держал в доме заряженным пистолет 38-го калибра. Но когда хозяин подвел помощника шерифа к тайнику, пистолета и след простыл. Они стали обыскивать дом и в конце концов нашли ствол под матрасом кровати, на которой спал Джин, пока ремонтировал дом. Из пистолета явно стреляли раньше, но теперь он стоял на предохранителе. Кроме того, под матрасом обнаружился журнал «Хастлер» с эффектной блондинкой, связанной в позе распятия.

Затем Маккарти дал Эллису послушать отрывок телефонного звонка, и тот уверенно опознал голос Ларри Джина Белла.

Около двух часов ночи меня разбудил стук в дверь. Это был Рон Уокер. Ему только что звонил Маккарти, рассказал о Ларри Джине Белле и попросил нас без промедления явиться к нему. Мы сопоставили улики и портрет, и Белл вписался в него как влитой. Мы попали в самое яблочко. Люди шерифа запечатлели у кладбища автомобиль, зарегистрированный на имя Белла, но водитель оттуда не выходил.

Меттс планировал задержать Белла утром, как только он отправится на работу, и попросил меня дать несколько рекомендаций относительно тактики ведения допроса. За зданием полиции стоял трейлер, изъятый во время очередного антинаркотического рейда, который теперь использовался в качестве вспомогательного офиса. По моему предложению трейлер тут же превратили в «оперативный штаб»: его увешали фотографиями с мест преступлений и картами, до потолка завалили папками с материалами по делу, а в довершение я посоветовал укомплектовать команду копами самого внушительного вида. Реквизит производил впечатление целой лавины улик, готовой вот-вот обрушиться преступнику на голову.

Но мы заранее предупредили, что добиться чистосердечного признания будет непросто. В Южной Каролине действовала смертная казнь, и в лучшем случае Беллу светил долгий срок в тюрьме, где не очень-то жалуют убийц и растлителей малолетних. В общем, незавидная судьба для человека, ценящего свою жизнь и безопасность. Своей цели мы надеялись достичь посредством сценария, при котором преступнику удастся сохранить лицо, переложив вину на самих жертв, сколь бы оскорбительным это ни показалось дознавателям, или же прикрывшись каким-нибудь психиатрическим расстройством. Загнанные в тупик обвиняемые нередко соглашались признать себя больными, хотя, по правде говоря, присяжные почти никогда не принимают такие обстоятельства в расчет.

Люди шерифа арестовали Ларри Джина Белла рано утром, когда тот собрался на работу. Джим Меттс внимательно следил за преступником, когда того затолкали в «оперативный штаб». «Он мгновенно побелел, – писал в отчете шериф. – Обстановка в трейлере произвела должный психологический эффект». Беллу сообщили о праве хранить молчание, но он им не воспользовался, согласившись отвечать на вопросы следователей.

Офицеры работали с ним почти весь день, периодически информируя нас с Роном об успехах и спрашивая совета. В это время оперативники, вооружившись ордером на обыск, уже осматривали жилище подозреваемого. Как мы и ожидали, он скрупулезно, ровным рядом расставлял обувь под кроватью, держал рабочий стол в идеальном порядке, и даже инструменты были аккуратно разложены в багажнике

его ухоженного трехлетнего авто. На столе полицейские обнаружили листок с маршрутом к дому родителей Белла, оформленный в той же детальной манере, как и путь к телам девочек Смит и Хельмик. Тут же нашлась и целая коллекция БДСМ-порнографии. На кровати эксперты обнаружили волосы, по результатам экспертизы совпавшие с волосами Шэри, а в столе – набор памятных марок, одну из которых он наклеил на письмо с завещанием. Затем по телевидению показали фото Белла, и свидетель похищения Дебры Хельмик тут же его опознал.

Вскоре всплыло прошлое убийцы. С юных лет он неоднократно проходил по различным преступлениям на сексуальной почве, а в двадцать шесть окончательно озверел и, угрожая ножом, попытался затолкать девятнадцатилетнюю замужнюю женщину к себе в машину. Дабы избежать тюрьмы, Белл согласился пройти курс лечения у психиатра, но спустя два посещения перестал туда ходить. Спустя пять месяцев он снова принялся за старое, на сей раз под дулом пистолета попытавшись заставить студентку университета сесть к нему в автомобиль. Тогда он получил пять лет, но через двадцать один месяц был выпущен по условно-досрочному. Вскоре после этого он более восьмидесяти раз названивал десятилетней девочке с весьма однозначными предложениями. Будучи уличен в этом прегрешении, он заработал лишь продление условного срока.

Однако в трейлере Белл был не таким разговорчивым. Он отрицал причастность к похищениям и сознался лишь в том, что интересовался ими. Он сохранял хладнокровие даже тогда, когда ему включили записи его собственного голоса. Примерно через шесть часов интенсивного допроса он выразил желание говорить лично с шерифом Меттсом. Тот пришел и снова зачитал обвиняемому права, но Белл по-прежнему отказывался сознаваться.

День клонился к закату. Мы с Роном все еще сидели в кабинете шерифа, как вдруг дверь отворилась и он зашел в сопровождении окружного прокурора Дона Мейерса (в Южной Каролине эта должность называется «главный юрисконсульт муниципалитета») и самого Белла. Полный и рыхлый, обвиняемый выглядел добродушным, как пряничный человечек. Мы с Роном немало удивились этой незаурядной троице. И тут Мейерс с характерным каролинским акцентом обратился к Беллу:

– Ты знаешь, кто эти парни? Они из ФБР. Они составили твой психологический портрет, и ты вписался в него тюленька в тюленьку! Они хотят немного с тобой поболтать.

Усадив Белла на белый диван у стены, Мейерс и Меттс удалились, оставив нас наедине с подозреваемым.

Я сидел на краешке кофейного столика прямо напротив Белла. Рон встал позади меня. Я все еще был в той одежде, которую успел натянуть, выскочив из своего номера в мотеле задолго до рассвета: в белой рубашке и почти столь же ослепительных брюках. Такой прикид я

называю «Гарри Белафонте»^[36], хотя в этой белой комнате с белым диваном смотрелся я слегка клинически, а то и потусторонне.

Я решил рассказать Беллу немного о нашем исследовании, четко дав ему понять, что научился отлично понимать мотивацию человека, совершающего преступление. Возможно, сам убийца отчаянно пытался убедить себя в том, что никакого преступления вообще не было, тем самым подавляя в себе тревожные мысли, не дающие ему покоя.

Я начал:

– Мы обошли много тюрем и побеседовали с целой уймой заключенных. Одно мы поняли совершенно точно: суть кроется в прошлом. И когда человек решается на подобное, оно воплощает его личный кошмар. На такие действия толкает множество стресс-факторов: проблемы с деньгами, неудачный брак или отношения с девушкой и тому подобное.

Слушая меня, Белл кивал, словно и сам в свое время столкнулся с подобными трудностями.

Затем я пояснил:

– Ларри, наша с тобой проблема в том, что в суде адвокат ни за что не даст тебе слово, и у тебя просто не будет шанса объясниться. Присяжные услышат о тебе только плохое: какой ты хладнокровный и жестокий убийца. Повторюсь: мы повидали многих людей, для которых собственный поступок превратился в кошмар. Им просто не верилось, что они пошли на такое.

Я все говорил, а Белл продолжал кивать как заведенный.

Мне пока не хотелось спрашивать в лоб, действительно ли он убил девочек: если я сейчас поставлю вопрос ребром, Белл уйдет в отказку. Тогда я наклонился к нему поближе и спросил:

– Ларри, а когда ты впервые поймал себя на мысли, что сожалеешь о содеянном?

И он ответил:

– Когда увидел ту фотографию и прочитал в газете, как они справляли поминки.

Я продолжал:

– Ларри, ну вот ты здесь, с нами. Разве это был ты? Разве ты мог такое сделать? – Выстраивая беседу подобным образом, нужно стараться избегать обвиняющих или провокационных формулировок вроде «убийство», «преступление».

Он поднял на меня глаза, блестящие от слез, и заявил:

– Я знаю только одно: Ларри Джин Белл, сидящий здесь, не мог этого сделать. Но плохой Ларри Джин Белл еще как мог.

Я знал, что ближе к чистосердечному признанию мы уже не подойдем. Но Дон Мейерс предложил попробовать еще одну вещь, и я согласился. Дон полагал, что, если Белл окажется лицом к лицу с матерью и сестрой Шэри, он тут же расколется.

Хильда и Доун с готовностью откликнулись, и я стал готовить их к беседе с Беллом, поскольку они должны были говорить определенные вещи и вести себя определенным образом. Мы снова пришли в кабинет Меттса. Шериф сидел за своим столом, а мы с Роном стояли по бокам, образуя треугольник. Белла усадили в центр треугольника, лицом к двери. Затем вошли Хильда и Доун. Они потребовали у Белла хоть каких-то ответов. Он опустил голову, будто она вдруг стала пудовой, будто он не мог смотреть им в глаза.

Как я ее и учил, Доун поймала его взгляд и воскликнула:

– Это вы! Точно вы. Я узнала ваш голос.

Он не отрицал, но и не согласился, а вместо этого стал вываливать на них доводы, которые я сам только что ему говорил, пытаюсь вырвать признание: мол, Ларри Джин Белл, сидящий здесь, не мог этого сделать. Я же по-прежнему надеялся, что он воспользуется возможностью прикинуться чокнутым и выдаст им все как на духу.

Так продолжалось некоторое время. Миссис Смит без устали засыпала его вопросами, пытаюсь вывести на чистую воду. Я был уверен, что в глубине души всем уже надоел этот дешевый спектакль.

И тут в голове промелькнула страшная мысль: а вдруг Хильда или Доун прихватили с собой ствол? Их вообще обыскали на входе? Вроде бы нет. Дальше я сидел как на иголках, готовый сразу же кинуться к женщинам, едва одна из них потянется к сумочке. Как родитель, я прекрасно их понимал. У любого другого на их месте появилась бы такая идея. Идеальная возможность отомстить за убийство родного человека, и ни один суд присяжных в мире тут не указ.

К счастью, ни Доун, ни Хильда не пытались протащить оружие. Они оказались куда сдержаннее меня и куда больше верили в систему. После допроса Рон проверил: их и правда не досматривали.

Суд над Ларри Джином Беллом назначили на конец января следующего года. Из-за широкого общественного внимания слушания перенесли в округ Беркли, близ Чарльстона. Дон Мейерс попросил меня дать показания, рассказать о портрете и его разработке, а также о допросе подозреваемого.

Белл отказался выступать и больше ни разу ни в каком виде не признавал свою вину. Ему хватило и того, что он сказал мне в кабинете Меттса, а ближе тех слов к чистосердечному признанию мы так и не подобрались. На заседаниях он чаще всего что-то активно строчил на разлинованной бумаге, до боли похожей на ту, на которой было

написано завещание Шэри. Тем не менее обвинение выступило весьма убедительно. Спустя почти месяц слушаний присяжным потребовалось всего сорок семь минут на вынесение обвинений в похищении и убийстве, совершенном с особой жестокостью. Еще через четыре дня, после дополнительных совещаний и рекомендаций, суд присяжных приговорил Белла к смертной казни на электрическом стуле. Затем отдельно слушалось дело о похищении и убийстве Дебры Мэй Хельмик. Вновь назначенной коллегии присяжных потребовалось не намного больше времени, чтобы вынести аналогичный приговор и меру наказания.

С моей точки зрения, дело Ларри Джина Белла стало примером превосходной работы правоохранительной системы. Тут и небывалая сплоченность федеральных властей, полиции округа и штата, активное участие местной администрации, искренне сочувствующей делу; тут и две героические семьи, а также впечатляющий симбиоз между профайлингом, криминальным анализом и традиционными техниками полицейской и медицинской экспертизы. Слившись воедино, все эти факторы помогли остановить опасного серийного убийцу в самом начале его «карьеры». Надеюсь, это расследование вдохновит и будущие поколения служителей закона.

Жизнь Доун Смит круто пошла в гору. Спустя год после суда она выиграла титул «Мисс Южная Каролина» и стала призером пышного конкурса за звание мисс Америки. Затем она вышла замуж, занялась музыкой и стала исполнять госпелы и песни в стиле кантри. Время от времени она мелькает по телевидению.

Что до похитителя, то на момент выхода этой книги Ларри Джин Белл все еще сидел в центральной исправительной колонии Южной Каролины в своей камере, которую содержал в идеальной чистоте, и дожидался исполнения приговора. Полиция считает, что он убил нескольких других девочек как в Северной, так и в Южной Каролине. По моему опыту, реабилитировать такого индивида уже невозможно. Стоит лишь выпустить его на свободу, и он снова убьет. Кое-кто мог бы сказать, что столь длительное ожидание смерти уже само по себе служит жестоким и изощренным наказанием. Я согласен с этим только в одном: наказание действительно жестокое – для Смитов и Хельмиков, для всех тех, кто любил этих девочек и жаждет правосудия.

Глава 17. Жертвой может стать каждый

1 июня 1989 года, отдыхая на лодке в заливе Тампа-Бэй, что во Флориде, один рыбак заметил трех утопленников, болтавшихся на поверхности наподобие буйков. Он тут же вызвал береговую охрану и полицию Сент-Питерсберга, и вскоре копы выловили из воды сильно разложившиеся трупы трех девушек, намертво связанные желтой пластиковой лентой и обычной белой веревкой. К шее каждой из жертв

был привязан двадцатикилограммовый шлакоблок с двумя отверстиями, в отличие от его более распространенного собрата с тремя. Рты девушкам залепили серебристой клейкой лентой; судя по остаткам клея, раньше, перед тем как жертв столкнули в воду, она закрывала им еще и глаза. Все три были в футболках и купальниках, правда, без низа, что указывало на определенный сексуальный подтекст. Впрочем, состояние, в котором нашли тела, уже не оставляло медицинской экспертизе никаких шансов обнаружить признаки изнасилования.

Благодаря машине, найденной у берега, в девушках удалось опознать Джоан Роджерс тридцати восьми лет и двух ее дочерей – семнадцатилетнюю Мишель и пятнадцатилетнюю Кристи. Они жили на ферме в Огайо, и это была их первая настоящая поездка на море. Они уже успели съездить в «Мир Диснея» и коротали остаток отпуска в гостинице «Дейз инн» в Сент-Питерсберге. Мистер Роджерс не сумел отлучиться с фермы и потому предоставил жене с детьми отдыхать самостоятельно.

Результаты экспертизы содержимого желудков жертв совпали с показаниями сотрудников ресторана в «Дейз инн» и показали, что все трое скончались около сорока восьми часов назад. В машине жертв полиции удалось найти пока что лишь одну вещественную улику: записку с маршрутом от гостиницы к месту, где стояло авто. На другой стороне листка была схема дороги от Дейл-Мэбри, шумной торговой улицы в центре города, до отеля.

Новость об убийстве тут же широко разлетелась по каналам СМИ. Расследованием занялись объединенные силы полиции Сент-Питерсберга, Тампы, а также департамента шерифа округа Хиллзборо. Народ был охвачен ужасом: если вот так запросто могут убить трех ни в чем не повинных туристок из Огайо, то в следующий миг вообще кто угодно рискует расстаться с жизнью.

В своих поисках полиция попыталась оттолкнуться от найденной записки, сверяя почерки служащих отеля и сотрудников магазинов и контор по Дейл-Мэбри, откуда начинался маршрут жертв, но это лишь завело детективов в тупик. Вместе с тем жестокий и откровенно сексуальный характер тройного убийства наталкивал на некоторые мысли. Департамент шерифа Хиллзборо связался с отделением ФБР в Тампе, намекнув, что речь, возможно, идет о серии. Однако, несмотря на совместные усилия трех полицейских юрисдикций и ФБР, дело совсем не двигалось с места.

На тот момент в отделении в Тампе работала Яна Монро. Перед тем как перейти в Бюро, она трудилась в полиции Калифорнии сначала в должности офицера, а затем следователя по убийствам. В сентябре 1990-го, едва у нас открылась вакансия, мы с Джимом Райтом провели с Яной собеседование и тут же сделали запрос о ее переводе в Куантико. В региональном отделении она занимала должность координатора по

профайлингу. Когда Монро вступила в наши ряды, убийство Роджерс стало ее первым делом на поприще психоанализа.

Полиция Питерсберга направила делегацию в Куантико. По прилету они представили свои материалы Яне, Ларри Энкрому, Стиву Эттеру, Биллу Хагмайеру и Стиву Мардигиану. Мои коллеги принялись за портрет, в котором описали белого мужчину тридцати пяти – сорока пяти лет, разнорабочего, занятого в сфере домоуправления, с неважным образованием. Они считали, что ранее он совершал попытки к сексуальному и физическому насилию, а непосредственно перед убийством пережил мощный стресс-фактор. Он мог уехать из города, как только шумиха чуть-чуть улеглась, но, как и Джон Пранте в деле Карлы Браун, впоследствии должен был вернуться.

Несмотря на уверенность агентов в составленном портрете, ареста не последовало. В сущности, дело продвигалось все так же медленно. Полиция нуждалась в упреждающем маневре, и тогда Яна отправилась в редакцию «Неразгаданных тайн» – национальной телевизионной программы, успешно справлявшейся с поиском и опознанием различных субъектов. Когда Яна описала им дело во всех подробностях, они тут же выдали целый сонм возможных зацепок, но, к сожалению, ни одна из них не привела следствие к убийце.

Я всегда учу подчиненных: когда не получается, попробуйте зайти с другой стороны, даже если никто такого еще не делал. Яна последовала моему совету. Казалось, лишь исчерканный листок бумаги связывает жертв с убийцей, но до сих пор от него было мало толку. Учитывая, что весть об убийстве быстро разнеслась по всей округе от Тампы до Питерсберга, Яна предложила напечатать фотографию записки на рекламных билбордах – а вдруг кто-нибудь узнает почерк? Вообще в правоохранительных кругах считается, что люди неспособны узнать почерк даже своих родных и близких, но Яна надеялась, что кто-нибудь обязательно откликнется, особенно если это супруга убийцы, уставшая от жестокости мужа и ждущая возможности его сдать.

Несколько местных бизнесменов выделили под акцию свои билборды, и вскоре злополучную записку мог прочитать даже ленивый. В ближайшие дни трое незнакомых друг с другом человек позвонили в полицию, узнав почерк Обы Чендлера, белого мужчины немного за сорок. Оказалось, что Чендлер без лицензии подрабатывал кровельщиком, и все трое звонивших подавали на него в суд, когда после первого же сильного дождя алюминиевый сайдинг, который он поставил, начал сильно протекать. Откуда же такая уверенность в том, что почерк принадлежал именно Чендлеру? Все очень просто: он ответил всем на претензии в письменном виде.

Кроме возраста и профессии, подозреваемый вписался в портрет и по ряду других ключевых признаков. Ранее он проходил по ограблениям, избиениям, физическому и сексуальному насилию. Когда шумиха

поутихла, он сменил место жительства, хотя уезжать из города необходимости не видел. А вот вам и стрессовая предпосылка: незадолго до убийства его нынешняя супруга родила Обе нежеланного ребенка.

И вдруг, как нередко случается, когда дело уже почти можно считать закрытым, появилась очередная жертва. Одна девушка и ее подруга познакомились с мужчиной, по описанию похожим на Чендлера, который пригласил их покататься с ним на лодке в заливе Тампа-Бэй. Почуввав неладное, подруга отказалась, так что первая девушка отправилась одна.

На середине залива новый знакомый попытался ее изнасиловать. Она, конечно, стала сопротивляться, и тогда он пригрозил: «Не кричи, а иначе я заклею тебе рот скотчем, привяжу кирпич и утоплю!»

Обу Чендлера арестовали, осудили, признали виновным в тройном убийстве Джоан, Мишель и Кристи Роджерс, совершенном с особой жестокостью, и приговорили к смертной казни.

Чендлер убивал самых обычных доверчивых людей, которых выбирал почти наугад, подтверждая страшную мысль, что жертвой может стать буквально каждый. Вот почему в таких ситуациях, как дело Роджерсов, упреждающий маневр приобретает первоочередную важность.

В конце 1982 года Чикаго захлестнула волна таинственных и неожиданных смертей. В скором времени полиции удалось обнаружить связь между ними: все жертвы принимали капсулы анальгетика тайленола, напичканные цианистым калием. Стоило такой капсуле попасть в желудок, и гибель наступала почти мгновенно.

САР в Чикаго Эд Хагартти попросил меня помочь следствию. Хотя раньше мне не случалось заниматься делами об отравлении поддельными таблетками, я подумал, что все те принципы и основы, которые я освоил за несколько лет тюремных интервью, должны в равной степени применяться и к ним. В ФБР дело шло под кодовым названием «Тайтрав».

Основная проблема, с которой столкнулось следствие, – это произвольный характер отравлений. Поскольку убийца не выбирал конкретных жертв и не появлялся лично на месте преступления, наш анализ в традиционном виде не дал бы нужного результата.

С виду убийства не имели объективного мотива, то есть преступником не двигали обычные, узнаваемые чувства – любовь, зависть, жадность, месть. Отравитель мог выступать против производителя, компании «Джон-сон и Джонсон», какой-либо аптеки, где продавался препарат, одного или нескольких людей или же против общества в целом.

Череда отравлений сродни хаотичным взрывам или забрасыванием камнями с моста проезжающие внизу машины. Совершая подобное,

преступник не видит лица жертвы. Я живо представил себе субъекта – похожего на Дэвида Берковица, который расстреливал затененные окна машин; стремящегося скорее выплеснуть злобу, чем разделаться с кем-то конкретным. Если субъект такого типа увидит в лицо хотя бы одну из жертв, он начнет раскаиваться и впредь дважды подумает, прежде чем снова пойти на дело.

Имея под рукой живой пример других случайных «трусливых» убийств, я начал понемногу складывать в голове образ преступника. Хотя само по себе массовое отравление было для нас в новинку, психотипом нынешний клиент мало чем отличался от коллег по цеху. Наше исследование показало, что в основе действий субъектов, которые убивают без разбору, не стремясь предать огласке свои деяния, лежит мотив ненависти. Я считал, что перед нами человек глубоко неполноценный, безнадёжный и время от времени скатывающийся в депрессию. Всю жизнь его преследовали неудачи – в школе, на работе, в отношениях.

С точки зрения статистики субъект представлялся вылитым фанатиком: белый мужчина далеко за двадцать, а то и все тридцать, одиночка, предпочитающий ночной образ жизни. Он мог навещать домой к своим жертвам или навещать их на кладбище, возможно, оставляя там улики. Я считал, что его работа должна давать ему хотя бы минимальное ощущение власти: например, он мог быть водителем скорой, охранником в магазине. Скорее всего, у него есть опыт военной службы – в сухопутных частях либо в морской пехоте.

Я также считал, что в прошлом субъект проходил курс психиатрического лечения и принимал рецептурные лекарства. Он водил машину по меньшей мере пятилетней давности, не очень за ней следил, но черпал из нее силу и власть – скажем, какой-нибудь «форд» полицейской модели. Незадолго до первого отравления, то есть 28–29 сентября, он испытал спровоцировавший его стресс-фактор, в котором винил общество, тем самым подогревая свою злость. Как только об убийстве стало известно, ему хотелось обсуждать его с каждым встречным-поперечным – в барах, аптеках, с полицией. Власть, выраженная посредством подобного преступления, подпитывала его эго, а значит, он мог вести дневник или хранить газетные вырезки.

Еще я предупредил следователей, что отравитель, скорее всего, отправлял письма сильным мира сего – президенту, директору ФБР, губернатору или мэру, – жалуясь на неправильное отношение, причем поначалу подписывался своим настоящим именем. Со временем, не получив желанного ответа, субъект понемногу закипал от полного безразличия к своей персоне, и случайные убийства стали для него способом расквитаться с теми, кто не воспринял его всерьез.

Наконец, я предостерег следствие насчет тайленола в качестве средства отравления. Не стоит слишком сильно цепляться за марку: вряд ли

убийца действовал настолько в лоб. Тайленол широко распространен, а капсулы легко открываются, поэтому можно в равной степени утверждать, что преступнику просто понравилась упаковка или что он точит зуб на фирму «Джонсон и Джонсон».

Как и в делах с серийными подрывниками, поджигателями и прочими безадресными убийцами, не так-то просто выбрать среди множества жителей крупного города уровня Чикаго единственного подозреваемого, подходящего под наш портрет: слишком много кандидатов. Поэтому, как и в деле Роджерсов, стоило сосредоточиться на упреждающей тактике. Полиции следовало оказывать на субъект непрерывное психологическое давление, не давая ему передышки. Так, среди прочего, помогли бы регулярные заявления для прессы о новых успехах следствия. В то же время я советовал не называть субъекта безумцем, но репортеры, к несчастью, уже поторопились с такими определениями.

Однако важнее всего мне казалось побудить прессу печатать статьи с акцентом на личности жертв, поскольку в самой природе преступления просматривалось желание убийцы их обезличить. Например, он мог испытать сильное чувство вины, увидев в газете фотографию убитой им двенадцатилетней девочки, и тогда у нас появился бы шанс к нему подобраться.

Повторение – мать учения. Мы решили повторить наш опыт в Атланте и в деле Шэри Смит, организовав «ночное бдение» у могил некоторых жертв, которые он мог навестить. Принимая во внимание, что субъект будет сожалеть о содеянном, я также предложил активнее нажимать на даты, связанные с убийствами.

Я надеялся, что удастся заманить убийцу в нужную нам аптеку, как мы в свое время заманили грабителей в банки Милуоки и Детройта. Например, можно организовать «утечку» сведений из полиции, будто определенная аптека усиливает меры по защите покупателей. Тогда наш клиент самолично туда явится, чтобы лицезреть плоды своего успеха. Той же цели послужит и статья о гордом хозяине торговой точки, который на сто процентов уверен в системе безопасности своей аптеки, не оставляющей преступнику ни одного шанса подделать товар. Или, скажем, рассказать на камеру, как агенты ФБР выезжают «по вызову», и одновременно заявить, что преступник, боясь суперэффективной полицейской разведки, перестал отравлять тайленол. Таким образом, мы косвенно бросим субъекту вызов, который выведет его из равновесия.

Пусть на телевидении какой-нибудь психолог брызжет слюной, оправдывая преступника и называя его жертвой общества, тем самым предлагая возможность сохранить лицо. Естественно, когда наш отравитель решится позвонить этому самому психологу или даже наведаться к нему в клинику, мы будем его поджидать.

Я также считал, что властям имеет смысл организовать отряд волонтеров из числа гражданских, чтобы помогать полиции с «вызовами», и субъект наверняка вызовется в него вступить. Уэйн Уильямс наверняка бы тоже не упустил такой возможности, если бы тогда, в Атланте, мы сделали нечто похожее. А вот Тед Банди в свое время действительно состоял в центре помощи жертвам изнасилований в Сиэтле.

Полиция вообще довольно брезглива в том, что касается взаимодействия со СМИ. В своей карьере я не раз сталкивался с проявлениями осторожного отношения копов к прессе. Еще в начале 1980-х, когда программа профайлинга была всем в новинку, меня пригласили в штаб, чтобы я объяснил сотрудникам следственного управления и нашему юрисконсульту особенности упреждающей тактики, и с беспокойством спросили: «Джон, ты ведь не врешь прессе?»

В ответ я привел свежий пример того, как отлично сработал упреждающий маневр с привлечением СМИ. В горах Сан-Диего обнаружили тело изнасилованной и задушенной девушки с собачьим поводком на шее. Ее машина стояла неподалеку у шоссе. Очевидно, у жертвы закончился бензин, убийца ее подобрал – силой или по доброй воле – и отвез туда, где нашли ее труп.

Тогда я предложил полиции публиковать информацию в прессе в определенном порядке. Во-первых, они должны были описать само преступление и рассказать о нашем криминальном анализе. Во-вторых, следовало максимально ярко подчеркнуть активное участие ФБР наряду с властями штата и местной полицией, отметив, что, даже если на поиски потребуется двадцать лет, мы все равно найдем виновника. И в-третьих, на дороге с таким оживленным движением, как та, где нашли машину девушки, кто-нибудь обязательно что-нибудь да видел. Поэтому в газетных статьях должно промелькнуть, что полиция нашла свидетелей, заметивших кое-что подозрительное, и власти призывают всех сотрудничать со следствием.

Я рассуждал следующим образом. Если убийца подумает, что его кто-то видел (а такие обязательно найдутся), ему захочется обелить себя перед полицией, оправдать свое присутствие на месте преступления. Например, он может заявить: «Я проезжал мимо и увидел заглохшую машину. Я остановился и спросил, нужна ли владелице помощь, но она вроде сама справлялась, так что я поехал дальше».

Кроме того, полиция действительно частенько обращается к широкой общественности через каналы СМИ, однако не считает подобные заявления упреждающим приемом. Интересно, сколько преступников вот так проскользнули у сыщиков прямо под носом просто потому, что они не знали, кого искать? Я не хочу сказать, что по-настоящему ценным свидетелям следует бояться давать показания. Честные люди не только

не подпадут под подозрение, но еще и помогут найти настоящего преступника.

В Сан-Диего такой прием сработал на ура. Субъект решил поучаствовать в расследовании и тут же был пойман.

– Ладно, Дуглас, все ясно, – нехотя ответило руководство Бюро. – Только держи нас в курсе, если снова соберешься провернуть такой фокус.

Бюрократы до жути боятся всего нового и инновационного.

Я надеялся, что так или иначе пресса поможет нам отыскать тайленолового отравителя. Для этого полиция и ФБР пригласили Боба Грина, именитого журналиста из «Чикаго трибьюн», который сотрудничал с несколькими изданиями. Он написал статью о двенадцатилетней Мэри Келлерман, самой юной жертве преступника и единственному ребенку у родителей, которые больше не могли иметь детей. Едва статья увидела свет, полиция и ФБР сделали стойку (а точнее, установили наблюдение) на дом и могилу девочки. Думаю, большинство участников операции считали мою задумку полной чушью: по их мнению, как угнетенные чувством вины, так и с улыбкой вспоминаящие свои проделки убийцы ни за что не станут навещать могилы жертв. И все же мне удалось убедить детективов подождать хотя бы неделю.

Когда полиция установила наблюдение за кладбищем, я все еще был в Чикаго. Я знал, что мне не миновать всеобщего гнева, если на удочку никто не попадется. Еще бы: даже в самых комфортных условиях слежка представляет собой весьма скучное и утомительное занятие, что уж говорить о дежурстве по ночам на кладбище.

Поначалу все было тихо. Тихо и мирно. Вдруг на вторую ночь наблюдателям почудился какой-то шум. Они незаметно подкрались к могиле и услышали слова мужчины, по возрасту как раз подходящего к профайлу.

Голос у него дрожал, едва не срываясь на плач.

– Мне так жаль! – причитал он. – Я не хотел. Это вышло случайно! – Он умолял мертвую девочку простить его.

Черт подери, подумали копы, похоже, Дуглас прав. И повязали мужчину. Увы! Он обращался не к Мэри.

Парня напугали до чертиков, а когда начали разбираться, оказалось, что он стоял у могилы, *соседней* с местом захоронения Мэри!

Выяснилось, что рядом с Мэри Келлерман в земле покоилась жертва ДТП, виновник которого скрылся с места аварии. Сам того не ведая, он явился прямо в лапы полиции с чистосердечным признанием.

Четыре или пять лет спустя полиция Чикаго вновь использовала тот же прием, расследуя очередное зависшее дело. Вооруженные советом координатора-инструктора ФБР Боба Саговски, они стали активно

делиться информацией с газетами накануне очередной годовщины убийства. Полиция, как и ожидалось, застала у могилы преступника, который лишь сказал: «Что-то вы долго».

Но тайленолового отравителя на эту удочку нам поймать не удалось. В сущности, убийцу вообще так и не поймали. Задержали и осудили одного подозреваемого, проходившего по обвинению в вымогательстве, связанном с убийствами, но улик, необходимых для возбуждения дела о самом убийстве, оказалось недостаточно. Он подходил под психологический портрет, но во время «ночного бдения» уезжал из Чикаго. Впрочем, после того, как он оказался за решеткой, больше ни одного случая отравления тайленолом выявлено не было.

Естественно, за отсутствием судебного решения мы не могли с законной уверенностью утверждать, что поймали того самого отравителя. Ясно другое: сами того не ведая, следователи и полицейские иногда сажают по другим обвинениям преступников, виновных в совершении еще не раскрытых дел. Если действующий убийца вдруг останавливается, тому есть три главные причины – помимо простого желания отойти от дел. Во-первых, он мог совершить суицид, что вполне резонно в отношении определенного типа личности. Во-вторых, он куда-то переехал и продолжил свой промысел уже в другом месте. Кстати, благодаря компьютерной базе данных ФБР СППЛ (системе поиска преступников, совершивших преступление против личности), мы все успешнее пресекаем подобные проявления, предоставив возможность тысячам полицейских юрисдикций по всей стране обмениваться информацией в реальном времени. Ну и в-третьих, убийцу могли просто задержать за какое-то другое преступление – обычно за грабеж или попытку изнасилования, – так что он отбывает куда меньший срок, а власти при этом остаются слепы в отношении его самых жестоких деяний.

После дела о тайленоле мы еще не раз сталкивались со схожими инцидентами с участием поддельных лекарств, хотя в основе многих из них лежали куда более типичные стимулы. Например, попадалось обычное бытовое убийство, обставленное таким образом, будто супруг отравился некачественными медикаментами. Расследуя подобные случаи, полиция должна обращать внимание на то, сколько всего зафиксировано случаев отравления, разрознена или сконцентрирована их география, употреблялся ли препарат в относительной близости от предполагаемого места подделки, в каких отношениях находились жертва и тот, кто сообщил о ее смерти. Как и во всех других убийствах, где предположительно задействован личный мотив, нужно обязательно изучить историю конфликта и собрать всю возможную информацию о поведении подозреваемого до и после расправы.

Если на первый взгляд убийство не преследовало цель расправиться с конкретным человеком, это еще не означает, что жертва была выбрана случайно. Равным образом преступление, которое с виду основано на безадресной злобе, на проверку может иметь самый банальный мотив:

желание под шумок освободиться от надоевшего брака, получить страховую выплату или наследство. Так, например, когда всем стало известно об отравлениях тайленолом, одна женщина угробила своего супруга тем же препаратом в надежде, что убийство спишут на серийного преступника. К несчастью для нее, она плохо подготовила «сценический» реквизит, да и в деталях это убийство сильно отличалось от остальных, так что ее быстро раскусили. Связать схожие случаи позволяет также и заключение следственной экспертизы. Так, в лабораторных условиях можно без труда выявить источник происхождения того же цианистого калия или другого отравляющего вещества.

Лабораторный анализ также позволяет следствию относительно легко понять, не был ли испорчен ли тот или иной продукт преднамеренно, с целью получения компенсации по судебному иску. Это чтобы всякие умельцы не подсовывали в банку с соусом или в бутылку с содовойдохлую мышь или не сыпали иголок в пачку с чипсами. Зачастую компании стараются поскорее закрыть вопрос, чтобы избежать пересудов, которые неизбежно отразятся на репутации. Однако сегодня лабораторная экспертиза достигла невиданных высот, так что, если какая-нибудь фирма действительно заподозрит неладное, откажется полюбовно разойтись с истцом и не поленится обратиться в ФБР, у нее достаточно большие шансы выиграть дело и наказать вымогателя. Точно так же хороший следователь с легкостью распознает «постановочный» героизм в заранее подготовленных представлениях, которые устраивают некоторые индивиды ради общественного признания и славы.

Несмотря на всю свою уродливую природу, дело об отравлении тайленолом все-таки было своего рода аномалией. Вряд ли преступник ставил своей целью вымогательство. Чтобы преуспеть, вымогателю нужно убедить жертву в том, что он в самом деле готов сдержать свое слово. Вымогатели, угрожающие с помощью отравленных лекарств, обычно, заменив содержимое склянки или упаковки, как-то ее помечают, а затем отправляют письмо с угрозой или звонят жертве по телефону. А вот тайленоловый отравитель не предварял свои действия угрозами: он сразу начал убивать.

По меркам вымогателей, он был не таким уж искушенным. Принимая по внимание грубую природу преступления (кстати, после того дела компания «Джонсон и Джонсон» потратила целое состояние на разработку противовандальной упаковки), я сделал вывод о невысоком уровне самоорганизации отравителя. Но в отношении тех, кто все-таки идет на угрозы, можно применять те же принципы, что и при анализе политических угроз, то есть определять, действительно ли субъект опасен и способен ли он сдержать свое обещание.

Этот же принцип работает и в отношении подрывников. К угрозам взорвать бомбу всегда относятся серьезно. Но власти должны очень быстро определить осуществимость угрозы, чтобы успокоить простых

обывателей. Зачастую подрывники и вымогатели говорят о себе «мы», чтобы создать иллюзию целой группы заговорщиков, незримо следящей за населением. На самом же деле большинство из них – это подозрительные, не доверяющие никому одиночки.

Подрывники делятся на три основные категории. Есть те, кто стремится к власти посредством разрушений. Есть индивиды, которые больше возбуждаются от процесса изготовления, разработки и размещения взрывных устройств, чем от самого результата. И есть технари: они получают удовлетворение от осознания собственного гения и технического совершенства своего детища. Что касается мотивов, то они варьируются от вымогательства до конфликта с работодателем, жажды мести или даже стремления к суициду.

В части исследования, посвященного подрывникам, мы часто обнаруживаем общие черты, характерные для психотипов таких людей. Обычно это белые мужчины, возраст которых определяется выбором жертвы или цели подрыва. Все они обладают по меньшей мере средним уровнем интеллекта, а часто и выше среднего, хотя в жизни особых высот не добились. Они опрятны, аккуратны и дотошны, склонны все тщательно планировать, конфликтов избегают. Телосложение у них обычно не слишком атлетичное, они трусливы и мучаются от чувства неполноценности. Детали их портрета начинают проступать после оценки жертвы или цели, а также самого насильственного акта (например, взрыва или поджога) – точно так же, как мы анализируем убийцу по месту преступления. Мы изучаем факторы риска жертвы и преступника, проверяем, случайно ли выбрана жертва и легко ли она доступна, фиксируем время суток, метод доставки устройства (например, по почте), его уникальные свойства, своеобразие сборки и компонентов.

Еще на заре своей карьеры я разработал свой первый портрет известного и по сей день Унабомбера (кличка к нему пристала от кодового названия дела – «УНАБОМ»), нацелившегося на университеты и их преподавателей.

Подрывников обычно знают по их публичным сообщениям. Унабомбер впервые осмелился выступить открыто только спустя семнадцать лет после своей криминальной карьеры, да и то выдержав некоторую дистанцию с помощью писем в газеты, а затем и посредством многостраничного манифеста. Помимо прочих неприятностей, его угрозы отправить бомбу из международного аэропорта Лос-Анджелеса привели к значительным задержкам целой ветки коммерческих авиаперевозок.

Как и большинство его коллег, он говорил от лица группы («КС», или «Клуб свободы»), возлагая на нее ответственность за теракты. И все же не было сомнений, что субъект – всего лишь одиночка примерно того типа, как я описал выше.

К тому моменту его портрет разошелся уже по всей стране, и причин корректировать его я не видел. К сожалению, несмотря на прорыв

доктора Бруссела в деле «маньяка-подрывника» Метески, когда Унабомбер нанес первый удар, правоохранительная система еще не была готова принять на вооружение новый вид аналитического инструментария. Большинство таких преступников можно поймать сразу после их выхода на тропу войны. Первый и второй эпизоды серии наиболее показательны с точки зрения поведения, выбора места и цели. Лишь потом подрывник начинает оттачивать свое мастерство и перемещаться по стране. С течением времени мышление «мстителей» тоже меняется: они уходят от банального желания свести счеты с «прогнившим обществом» в сторону более глубокой и проработанной идеологии. Думаю, если бы тогда, в 1979-м, профайлинг достиг сегодняшнего уровня развития, Унабомбера поймали бы годами раньше. Обычно же угрозы взрыва служат лишь инструментом вымогательства и направлены против отдельного человека или группы лиц.

Так, в середине 1970-х бомбой угрожали директору одного тexasского банка. Звонивший долго и занудно распинался, рассказывая, что несколько дней назад его люди приходили в банк под видом технической бригады из «Саутвест белл». Они заложили бомбу, приводимую в действие микроволновым переключателем, и он с удовольствием его нажмет, если господин директор откажется выполнять требования.

И тут началось самое страшное. Вымогатель заявил, что у него в руках находится жена президента, Луиза. В подтверждение своих слов он описал и ее ежедневный маршрут, и «кадиллак», который она водит. Запаниковав, директор позвонил помощнице по второй линии и попросил набрать номер телефона дома, ведь Луиза должна быть там. Но трубку никто не взял. И тогда банкир поверил, что с ним не шутят.

Затем звонящий озвучил требование: «Старые банкноты от десятки до сотни. К копам не суйся; их машины мы узнаем даже без опознавательных знаков. Скажешь секретарю, что уехал в банк минут на сорок пять. Никому не звони. Перед уходом включи и выключи свет в кабинете три раза. Мои люди будут ждать сигнала. Деньги оставишь в машине, а машину – у оживленной дороги. Мотор не глушить, фары не выключать».

На самом деле не было никакой бомбы и никакого похищения, а лишь умный и прозорливый мошенник, выбравший самую уязвимую жертву. Каждое его действие служило своей цели. Он знал, когда в банк приезжали телефонисты, так что мог выдать их за своих поделщиков. Всем известно, что они занимаются такой технической работой, в которой никто толком ничего не смыслит, а потому и не обращает на них особого внимания. Так что ложь о переодетых бандитах звучала вполне правдоподобно.

Понимая, что директор обязательно позвонит домой проверить жену, вымогатель сам заранее связался с ней. Представившись сотрудником «Саутвест белл», он заявил, что в округе зарегистрированы

неоднократные случаи телефонного хулиганства и они пытаются выследить виновника. Под этим предлогом хитрец попросил не брать трубку между двенадцатью и без четверти часа, якобы будет работать отслеживающее оборудование.

Но самая гениальная часть плана – это, пожалуй, приказ не глушить мотор и оставить включенными фары. Банкир мог подумать, что фары – это очередной сигнал, но на самом деле они служили лишь средством безопасного побега. Несмотря на предупреждение не соваться в полицию, вымогатель, конечно, понимал, что жертва все равно обратится к властям. Для него самый опасный этап наступал в момент передачи денег, когда полиция будет уже на месте. Но если преступнику не посчастливится и его схватят в машине, он всегда может отмазаться тем, что шел по улице, увидел машину с зажженными фарами и работающим мотором и решил, как добрый самаритянин, его заглушить. И тогда полиция окажется ни с чем. Даже если его застанут с деньгами, он все равно сможет прикрыться той же самой более-менее правдоподобной причиной, добавив лишь, что как раз собирался сообщить о находке в полицию.

С точки зрения вымогателя, это игра с вероятностным исходом. Он хорошо продумал сценарий, и ему оставалось лишь вписать недостающие детали. Если сегодня одна жертва на него не купится – что ж, завтра он попытает счастья с другой. В конечном итоге кто-нибудь проглотит наживку, и тогда мошеннику воздастся за труды круглой суммой наличными без всякой возни с похищением и взрывом. В делах подобного плана сценарий – это весомая улика, поскольку преступник обязательно его сохранит, ведь он может пригодиться и в будущем. А все потому, что вымогатель знает: стоит лишь чуть-чуть подготовиться – и жертвой может стать кто угодно.

Едва власти разгадали хитрый план, вымогателя тут же задержали, судили и признали виновным. На деле он оказался бывшим диск-жокеем, который, позарившись на легкие деньги, решил направить свое умение болтать в криминальное русло.

В чем же разница между такими индивидами и теми, кто в самом деле похищает ради выкупа? Все они стремятся только к материальным благам, не желая взаимодействовать с жертвой более необходимого, коль скоро убийство не является частью их плана. Основное различие состоит в том, что настоящему похитителю обычно нужен подельник, который поможет претворить план в жизнь. Таким образом, если вымогатель – это просто умелый мошенник, то похититель – чистый социопат. Он может и не планировать убийство, но ради достижения цели пойдет и на это.

Стив Мардигиан участвовал в расследовании дела вице-президента корпорации «Эксон», которого похитили прямо напротив его дома в Нью-Джерси ради выкупа. Вице-президент оказал сопротивление и по

неосторожности был ранен в руку. Похитители – бывший охранник корпорации и его супруга – не стали давать задний ход и осуществили задуманное, удерживая заложника (со слабым сердцем, кстати) в тесной коробке, где он в итоге и скончался. Зачем же запикивать жертву в коробку? Чтобы предельно ограничить с ней контакт и обезличить ее. В данном случае преступники сожалели о случившемся и находились в отчаянном положении, которое и толкнуло их на преступление. Но все же они решились идти до конца и планомерно, шаг за шагом, претворили свой план в жизнь. Их не остановило, что другой человек погибнет во имя их своекорыстия и эгоизма, а это и считается одним из проявлений социопатии.

В отличие от других тяжких преступлений, похищение само по себе редко сходит преступнику с рук. Но следователь просто обязан внимательно рассмотреть дело, изучить его с должным скепсисом, проанализировать выбор жертвы и поведение преступника перед совершением задуманного. Принимая во внимание, что жертвой может стать каждый, следователь обязан найти ответ на вопрос: почему именно она?

Пару лет назад посреди ночи меня разбудил срочный звонок. Детектив из Орегона рассказал мне о девушке, которая ходила на занятия в колледж по соседству. За ней постоянно следили, но ни она сама, ни ее близкие не могли опознать навязчиво идущего за ней по пятам мужчину. Однажды девушка засекла его в лесу, но, когда ее отец, а затем и молодой человек прибежали разобраться с ним, его уже и след простыл. Преследователь также звонил ей домой, когда никого, кроме самой жертвы, не было. Девушка начала медленно сходить с ума. Спустя несколько недель она пошла в ресторан со своим молодым человеком, а когда отлучилась в дамскую комнату, ее неожиданно схватили и вытащили на парковку. Нападавший обращался с ней просто варварски, воткнув дуло пистолета в вагинальное отверстие и пригрозив убить ее, если она пожалуется полиции. А затем просто отпустил. Получив глубокую эмоциональную травму, девушка даже не смогла толком его описать.

А затем однажды вечером, когда она выходила из библиотеки, ее похитили по-настоящему, бросив машину на парковке. Нападавший не оставил никаких следов. Дела были плохи.

Я попросил следователя рассказать мне о жертве. Красивая, еще совсем юная девушка, отлично училась в школе. Но в том году у нее родился ребенок, из-за чего начались проблемы в семье: отец девушки не желал помогать ей материально. В последнее время она стала учиться хуже, а когда начались преследования, совсем забросила уроки.

История очень походила на фальшивку, но я все же попросил пока ни о чем не сообщать отцу на тот случай, если я ошибся и девушка уже мертва. Кому могло понадобиться ее преследовать? У нее хорошие

отношения с молодым человеком, в последнее время она ни с кем не ссорилась. Если речь не идет о какой-нибудь знаменитости, обычных людей, как правило, преследует тот, кто в той или иной степени с ними знаком. Преследователи не такие уж профессионалы в своем деле и далеко не такие осторожные, как другие преступники. Если жертва действительно его видела, то отец или парень девушки должны были рано или поздно его прижать. Никому из ее окружения больше не названивали, а когда полиция установила прослушку, звонки резко прекратились. Кроме того, похищение произошло прямо перед выпускными экзаменами, что вряд ли является совпадением.

Тогда я предложил упреждающий маневр: пусть отец, давая интервью, подчеркнет, какие хорошие отношения у них с дочерью, как он ее любит и как скучает по ней, и обратится к похитителю с просьбой ее отпустить. Если я прав, то она объявится через пару дней, грязная и всклокоченная, и начнет вешать всем на уши лапшу о том, как ее похитили, надругались над ней, а затем выкинули из машины на обочине.

Так и произошло. «Жертва» явилась вся в грязи, зато с готовой выдумкой о похищении. Я считал, что допрос – а вернее, опрос – в данном случае следует сосредоточить на нашем представлении о том, как на самом деле развивались события. Надо не давить на девушку, а упомянуть проблемы с родителями, стресс, душевную боль и страх перед экзаменом, после чего дать ей возможность сохранить лицо. Пусть она увидит, что наказывать ее никто не собирается, потому что на самом деле ей нужны поддержка и добрый совет, и она их получит. Вот так девушка и созналась в обмане.

Это одна из тех ситуаций, решение которых дается нелегко. Цена ошибки велика: допусти ее, и последствия могут быть ужасными, потому что настоящее преследование представляет серьезную угрозу и нередко заканчивается для жертвы плачевно.

Чаще всего, вне зависимости от того, идет речь о слежке за знаменитостью или обычным человеком, все начинается с любви, обожания. Так Джон Хинкли «любил» Джоди Фостер и жаждал ответных чувств. Но она красавица, звезда кино и выпускница Йельского университета, а он лишь ущербный неудачник. Хинкли счел, что нужно как-то выровнять планку и впечатлить предмет своей страсти. А что произведет большее впечатление, чем историческое убийство президента США? Возможно, в редкие моменты просветления он понимал, что его мечте не суждено сбыться и им с Джоди не быть вместе. Однако он кое-чего все же добился своими действиями. Хинкли прославился на весь мир и, пусть в весьма извращенном виде, все же соединился с Джоди Фостер в общественном сознании.

Как и в большинстве подобных дел, Хинкли испытал мощный стресс-фактор. Незадолго до того, как он стрелял в президента Рейгана, отец

категорически потребовал, чтобы Джон нашел работу и содержал себя сам.

Агент президентской службы охраны Кен Бейкер побеседовал с отбывающим тюремный срок убийцей Джона Леннона Марком Дэвидом Чепменом. Чепмен считал, что связан с покойным битлом на уровне тонких материй, и пытался его имитировать. Он собрал полную коллекцию песен Леннона и даже прошелся по всем азиатским подружкам певца, чтобы воссоздать его женитьбу на Йоко Оно. Но, как неизбежно происходит в таких случаях, в какой-то момент Чепмен достиг точки невозврата, и в нем возобладало чувство собственной неполноценности. Он не мог более выносить явных различий между собой и своим кумиром и потому решился на убийство. Самое ужасное, что, среди прочего, именно пример Чепмена вдохновил Хинкли на убийство ради славы (а вернее, бесславия).

Я допрашивал Артура Бремера, сперва преследовавшего, а затем и попытавшегося убить губернатора штата Алабама Джорджа Уоллеса. В момент покушения Уоллес находился в Мэриленде в рамках предвыборной кампании, но вместо президентского кресла получил инвалидное, да еще с параличом на всю жизнь в придачу. Бремер не испытывал к Уоллесу никакой ненависти. До покушения преступник несколько недель следил за президентом Никсоном, но так и не смог достаточно близко подобраться к нему. В отчаянии он хотел любой ценой показать миру, на что способен, а Уоллес как раз оказался доступной жертвой, подвернувшейся под руку.

Ужасает число преследований, которые заканчиваются убийством. Говоря о политических покушениях, всегда можно найти причинно-следственную конструкцию, хотя чаще всего она является только прикрытием для глубоко ущербного неудачника, жаждущего признания. А в случае со звездами кино и другими всеобщими кумирами наподобие Джона Леннона даже такое оправдание не имеет смысла. Среди преступлений подобного плана одним из самых трагичных является пример двадцатиоднолетней Ребекки Шеффер, убитой прямо в дверях собственной квартиры в Лос-Анджелесе в 1989-м. Красивая и талантливая молодая актриса, прославившаяся благодаря роли Патти Рассел в телесериале «Моя сестра Сэм», получила пулю, едва открыв дверь. Стрелял Роберт Джон Бардо, безработный девятнадцатилетний паренек родом из Тусона, ранее работавший уборщиком в забегаловке «Джек ин зе бокс». Как и Чепмен, поначалу юноша был лишь очередным восторженным поклонником. Затем восторг перерос в одержимость: Бардо хотел обладать предметом своей страсти во что бы то ни стало, и если не по доброй воле, то силой.

Всем известно, что от преследования страдают не только знаменитости. Нередко супруги или любовники начинают изводить свою бывшую пассию. Но в смертельно опасную стадию одержимость вступает лишь тогда, когда приходит мысль: «Если она / он не достанется мне, то не

достанется никому». Джим Райт, самый опытный специалист по преследованиям в нашем отделе и один из ведущих экспертов по данной теме во всей правоохранительной отрасли, считает, что наиболее уязвимы именно женщины, особенно те, кто по долгу службы часто общается с людьми. Другими словами, объект воздыханий для преследователя не обязательно должен мелькать по телевидению или на киноэкране. Это может быть и официантка в местной закусочной, и кассир в банке, и даже продавщица из магазина напротив.

Жертвой преследования стала и Крис Уэллс, молодая женщина, работавшая в мебельном магазине «Конлэнс ферничер» в Миссуле, штат Монтана. Крис была трудолюбива и пользовалась уважением среди коллег. Она бодро шагала по карьерной лестнице и доросла сначала до менеджера по продажам, а затем, в 1985-м, и до управляющего.

И в то время как Крис работала в удобном кабинете, мужчина по имени Уэйн Нэнс имел в своем распоряжении лишь склад. Он мало с кем общался, но, похоже, Крис ему нравилась, да и она сама всегда была с ним добра и приветлива. Однако Уэйн отличался неуравновешенностью, и его темперамент, скрывавшийся под личиной замкнутости, немало пугал Крис. Впрочем, на работе на него никто не жаловался. День за днем Нэнс без передышки трудился на складе в поте лица.

Ни Крис, ни ее муж Даг, работавший в местной оружейной лавке, даже не подозревали, насколько сильно Уэйн увлекся молодой начальницей. Он все время за ней следил, собирая в картонную коробку нехитрые сувениры, напоминавшие о его страсти: мгновенные снимки, записки, оставленные в кабинете, – словом, все, что было с ней связано.

А еще ни Уэллсы, ни полиция Миссулы не догадывались, что Уэйн Нэнс – убийца. Еще в 1974-м он изнасиловал и заколол пятилетнюю девочку. Позже выяснилось, что он также застрелил нескольких женщин, связав их и воткнув им в рот кляп, в том числе мать своего лучшего друга. Но страшно было другое: всех их он убил в соседних округах. И тем не менее даже в таком малонаселенном штате, как Монтана, полиция одного округа не имела ни малейшего понятия о том, что происходит в другом.

Крис Уэллс тоже не знала об этом до той ночи, когда Нэнс вломился к ним в дом, расположенный за чертой города. Их питомец, золотистый ретривер, даже не залаял. Вооруженный пистолетом Нэнс выстрелил в Дага, связал его и бросил в подвал, а затем отвел Крис на второй этаж, где привязал к кровати, собираясь изнасиловать. Очевидно, жертва хорошо его знала, и он даже не пытался скрыть свою личность.

Тем временем Дагу удалось освободиться от веревки. Ослабевший, в полубессознательном состоянии от нестерпимой боли, потеряв много крови, он неверной походкой направился к столику, где лежало зарядное устройство для винтовок из его лавки. Ему удалось дослать один патрон в патронник, после чего он собрал всю волю в кулак и на последнем

издыхании заставил себя медленно, прорываясь через туман агонии, подняться вверх. Стараясь не шуметь, муж добрался до второго этажа и, стоя в коридоре, усилием воли разогнал наползавший на глаза мрак. У Дага был только один шанс: он должен выстрелить раньше, чем Нэнс заметит его и потянется за пистолетом. Нападавший не ранен, патронов у него больше. Даг не мог с ним тягаться.

Даг нажал на спусковой крючок. Нэнс было дернулся и упал навзничь, но потом поднялся и стал угрожающе надвигаться на мужа жертвы. Выстрел его не убил. Нэнс подходил все ближе и ближе. Дагу было некуда бежать, но и Крис он оставить не мог. Он сделал единственно возможную вещь – кинулся к Нэнсу, замахнувшись разряженной винтовкой, как дубинкой, и продолжал дубасить обидчика что есть мочи, пока Крис не удалось освободиться от веревок и прийти к мужу на выручку.

До сих пор дело Уэллсов остается одним из немногих случаев, когда жертвам серийного убийцы каким-то чудом удалось отбиться и нейтрализовать нападавшего, защищая свой дом. Их история настолько уникальна, что мы даже несколько раз приглашали супругов выступить на наших занятиях в Куантико. Эта скромная пара предоставила нам редкий шанс взглянуть на преступление глазами жертвы, давшей налетчику героический отпор. Пережив той ночью настоящий ад, они остались на удивление теплыми, внимательными и душевными людьми.

Как-то раз, в завершение их очередного выступления в Куантико, один полицейский спросил:

– Если бы не было смертной казни и Уэйн Нэнс все так же ходил по одной с вами земле, вы бы все равно могли жить спокойно?

Супруги переглянулись, поняв друг друга без слов.

– Едва ли, – ответил Даг Уэллс.

Глава 18. Вся психотерапевтическая рать

Что за человек способен на такое?

Исследуя психологию серийных убийц, мы с Бобом Ресслером отправились в городок Джолиет, штат Иллинойс, чтобы поговорить с заключенным Ричардом Спеком. Вернувшись в гостиницу вечером того же дня, я включил вечерний выпуск «Си-би-эс ньюс». Ведущий Дэн Рейзер брал интервью у другого убийцы – Томаса Ванды, который также отбывал срок в тюрьме города Джолиет. Ванду осудили за убийство женщины, которой он нанес множественные ножевые ранения. Всю жизнь он кочевал по разнообразным психиатрическим лечебницам: как только он «поправлялся» и врачи отпускали его домой, Ванда снова

брался за старое. Сейчас он отбывал срок за убийство, но оно было далеко не первым на его счету.

Я позвонил Ресслеру и предложил, пока мы здесь, побеседовать с Томасом. Судя по телевизионному интервью, он был идеальным образчиком закомплексованного психопата. С такой же легкостью Ванда мог стать и поджигателем, а при должной подготовке вполне – заняться бомбами.

На следующий день мы снова отправились в тюрьму, и Ванда согласился пообщаться с нами. Его заинтриговала цель нашего визита, ведь посетители к нему заходили не слишком часто. Перед беседой мы подробно изучили содержание его дела.

Преступник – белый мужчина чуть за двадцать, ростом около ста восьмидесяти сантиметров – выглядел странновато и много улыбался. Но за улыбкой он не мог спрятать свои глаза, беспокойно мечущиеся из стороны в сторону. Он все время нервно вздрагивал и потирал руки. К такому человеку не захочется поворачиваться спиной. Первое, о чем он спросил: как, по моему мнению, он смотрелся на телеэкране? Когда я сказал, что довольно неплохо, Ванда рассмеялся и немного расслабился. Среди прочего он рассказал, что в тюрьме посещает занятия по Библии и они ему очень помогают. Готов поверить, однако я много раз сталкивался с тем, что с приближением условно-досрочного освобождения заключенные для вида ударяются в религию, чтобы создать иллюзию образцового поведения и поскорее выйти.

Можно возразить, что тюрьма строгого режима куда безопаснее даже хорошо охраняемой психбольницы, но после нашей беседы я тут же отправился к лечащему психиатру Ванды и спросил о его успехах.

Психиатр, мужчина около пятидесяти лет, заявил:

– Медикаментозное и терапевтическое лечение оказывает на пациента крайне положительный эффект.

Он также упомянул и группу по изучению Библии, отметил, что при сохранении положительной тенденции Ванда может претендовать на условно-досрочное освобождение.

Я поинтересовался, знает ли доктор о том, почему Ванда оказался за решеткой.

– Нет, и не хочу знать, – ответил врач. – Мне некогда вдаваться в подробности дел каждого подопечного.

Также он добавил, что не позволит информации негативно повлиять на его отношение к пациенту.

– Знаете, доктор, давайте-ка я вам все же расскажу, что натворил Томас Ванда, – не унимался я.

Прежде чем психиатр успел возразить, я засыпал его подробностями того, как еще на свободе этот асоциальный одиночка примкнул к

религиозной группе, а после собрания, когда все разошлись, стал настойчиво предлагать интим девушке, которая вела встречу. Та, конечно, отказалась от его любезного предложения, но Ванда воспринял ее нежелание весьма болезненно. Такие люди, как он, всегда реагируют неадекватно, если что-то идет не так, как им хочется. Ванда вырубил ее, затем отправился на кухню, взял нож и, вернувшись, нанес жертве множество колотых ран. Затем он вставил половой член в открытую рану на животе несчастной, истекающей кровью, и эякулировал.

Должен признать, случай удивительный. Девушка в этот момент лежала словно тряпичная кукла. Тело было еще теплым, из ран фонтаном лилась кровь, и убийца не мог не испачкаться. Однако, даже не обезличив жертву, он смог испытать эрекцию и оргазм. Думаю, теперь понятно, почему я так настаиваю, что преступление Ванда совершил на почве ненависти, а не сексуального желания. В тот момент им двигала вовсе не похоть, а злоба и ярость.

Кстати, именно поэтому нет особого смысла в том, чтобы принудительно кастрировать патологических насильников, сколь бы эффективной и правильной эта мера ни казалась многим из нас. Проблема в том, что это не остановит преступника ни физически, ни эмоционально. Изнасилование – это акт, порожденный злобой. Даже если отрезать насильнику яйца, разъяренный мужчина останется.

Я закончил свой рассказ о Ванде, и тут психиатр не выдержал.

– Вы просто омерзительны, Дуглас! – выпалил он. – Убирайтесь вон из моего кабинета!

– Это я-то омерзителен? – парировал я. – Вы собираетесь написать рекомендацию Томасу Ванде, ссылаясь на положительные результаты лечения, и при этом ни черта не знаете о пациенте. Как вы вообще можете говорить о том, что понимаете его, если даже не удосужились ознакомиться с фотографиями и отчетами с мест преступления и протоколами вскрытия? Вы знаете, как было совершено преступление? Можете точно сказать, действовал Ванда по плану или спонтанно? Понимаете ли вы его поведенческие предпосылки? В курсе ли вы, как он покинул место преступления? Пытался ли скрыться и создать себе алиби? Так по какому же праву вы беретесь судить о том, опасен Ванда или нет?

На это психиатру было нечего возразить. Вряд ли я сумел его убедить в чем-то, но в душе очень надеюсь, что мои слова заставили доктора пересмотреть свой подход к работе с пациентами. Это самая основа того, чем занимается наш отдел. Дилемма психотерапии, как я уже неоднократно отмечал, состоит в том, что лечение основано на личной оценке пациентом своего состояния. Больной, пришедший к психотерапевту по собственному желанию, старается максимально подробно и точно довести до врача свои мысли и переживания. А заключенный желает лишь поскорее выйти на волю и потому

заинтересован в том, чтобы рассказывать психотерапевту только то, что тот хочет услышать. Все зависит от самого врача. Если он принимает подобные показания за чистую монету, не сопоставляя их с фактами биографии субъекта, судебно-психиатрическая система терпит провал. Вот Эд Кемпер и Монте Риссел, к примеру (и таких примеров немало), проходя курс психотерапии, параллельно совершали убийства и успешно это скрывали, а лечащие врачи, напротив, отмечали у пациентов «положительную динамику».

На мой взгляд, проблема в том, что университеты ежегодно выпускают толпы идеалистов – молодых психотерапевтов, психологов и социальных работников, – убежденных в собственной способности изменить мир к лучшему и добиться исключительных результатов. Устроившись в тюрьму, они, конечно, страстно хотят верить, что в самом деле помогают уголовникам меняться. Зачастую они не отдают себе отчета, что пытаются проанализировать разум того, кто сам является экспертом по части человеческой психологии. Преступник быстро понимает, насколько качественно новоиспеченный психотерапевт справился с домашним заданием. И если вдруг окажется, что попался нерадивый студент, то заключенному не составит труда перевернуть истинную сущность совершенного им преступления с ног на голову. Немногие убийцы готовы выворачивать душу перед теми, кто не знает об их «подвигах». Вот почему к беседам с уголовниками следует готовиться с особой тщательностью.

Психиатр Томаса Ванды, как и многие люди подобных профессий, опасается предвзятости по отношению к подопечным и старается оградить себя от излишних подробностей совершенных ими деяний. Но я всегда учу молодых специалистов: чтобы понять Пикассо, нужно посмотреть на его картины; чтобы понять преступника, нужно посмотреть на его преступления.

Разница состоит в том, что профессиональные психиатры и психологи отталкиваются от личности человека и на ее основе анализируют поведение, мы же, напротив, анализируем личность, отталкиваясь от особенностей ее поведения.

Разумеется, существуют различные взгляды на уголовную ответственность. Психолог Стэнтон Сэймнау и ныне покойный доктор Сэмюэл Йохельсон из госпиталя Святой Елизаветы, что в Вашингтоне, округ Колумбия, стали первопроходцами в деле изучения природы поведения преступников. После нескольких лет исследований, постепенно отсеяв ряд распространенных предубеждений, Сэймнау издал книгу под названием «В голове преступника», ставшую настоящим прорывом в криминологии и пролившую свет на многие вопросы. Автор писал: «Преступник склонен мыслить иначе, нежели добропорядочный гражданин». По мнению Сэймнау, преступное поведение – вопрос не столько психического заболевания, сколько дефектов характера.

Доктор Парк Дитц, часто работавший с нами, утверждал: «Ни один из серийных убийц, которых мне довелось изучать, юридически не считался умалишенным, но при этом не был и нормальным. У каждого наблюдались психические патологии. Однако, несмотря на наличие психических отклонений, которые зачастую тесно связаны с особенностями характера и сексуальными желаниями, убийцы делали осознанный выбор, хоть и знали, что поступают неправильно».

Здесь важно иметь в виду, что невменяемость – это правовая концепция, а не медицинский или психиатрический термин. Невменяемость не подразумевает наличие определенного расстройства, но используется исключительно для того, чтобы определить, понесет ли лицо, совершившее преступление, ответственность за свои деяния.

Сочтете вы Томаса Ванду невменяемым – это ваше дело. Такая точка зрения тоже имеет право на существование. Однако, подробно изучив статистику, мы пришли к выводу, что излечить таких людей вряд ли удастся. Если мы примем этот факт, то убийцы не будут снова и снова выходить на свободу, чтобы опять терроризировать невинных людей. Напомню, Ванда убивал не в первый раз.

Феномен невменяемости занимает ученые умы уже долгое время, и рассуждения о нем далеко не новы. В англо-американской юриспруденции эта тема поднималась несколько сотен лет назад, а точнее, в труде Уильяма Ламбарда под названием «Иринарх, или О долге мировых судей», написанном еще в XVI веке.

Впервые о невменяемости как о смягчающем обстоятельстве в уголовном деле упоминает Правило Макнотена 1843 года. Дэниел Макнотен попытался совершить покушение на британского премьер-министра сэра Роберта Пиля, но ему удалось лишь ранить выстрелом его личного секретаря. Кстати, Пиль отвечал за организацию полиции Лондона, и в его честь английских полицейских и по сей день называют «бобби».

Суд оправдал Макнотена, тем самым вызвав волну общественного резонанса. В какой-то момент возмущение настолько выросло, что палата лордов призвала главного судью безотлагательно явиться и объяснить подобное решение. Правило гласит: обвиняемый признается невиновным в том случае, если его психическое состояние не позволяет ему отдавать себе отчет в своих действиях, осознавать их неправомерность, природу или степень тяжести, проще говоря, он не понимает, что такое хорошо, а что такое плохо.

Доктрина о невменяемости развивалась на протяжении многих лет, в итоге трансформировавшись в понятие «состояние аффекта», согласно которому обвиняемый признается невиновным, если из-за психического расстройства не может контролировать свои действия или не соотносит их с буквой закона.

В 1954 году термин был кардинально пересмотрен судьей Апелляционного суда США Дэвидом Базелоном. В постановлении «Дарем против США» он определил, что обвиняемый не несет уголовной ответственности, если его преступление признано следствием психического заболевания или умственного дефекта и если бы он не совершил преступления без оно́го.

Правило Дарема не было сформулировано достаточно конкретно, оставляя широкое поле для правового маневра. В нем не пояснялась разница между правомерным и неправомерным, и, как следствие, оно не снискало особой популярности среди сотрудников правоохранительных органов, судей и прокуроров. В 1972 году по другому постановлению Апелляционного суда, получившему известность под названием «США против Броунера», от него отказались в пользу Правила Американского института права (АИП) на основе предложенного этой организацией в 1962 году Примерного уголовного кодекса. Правило АИП взяло за основу определение невменяемости, заложенное еще Правилем Макнотена, когда умственный дефект не позволяет обвиняемому адекватно оценивать правомерность своих действий или приводить их в соответствие с законом. С течением времени Правило АИП стало пользоваться все большей популярностью.

Такого рода обсуждения в конечном итоге неизбежно скатываются в бесплодные дискуссии о том, может ли Всемогущий Господь создать камень, который не сможет поднять. Поэтому я считаю, что обратить внимание следует на более простую и понятную категорию: «опасность для общества».

Одним из классических примеров извечного спора мозгоправов является дело серийного убийцы Артура Дж. Шоукросса 1990 года, промышлявшего в Рочестере, штат Нью-Йорк. Шоукроссу вменялось убийство местных проституток и бездомных, чьи тела нашли в лесу рядом с ущельем реки Дженеси. Череда смертей продолжалась почти год, а более поздние жертвы были сильно обезображены.

Составив подробный и, как оказалось, довольно точный психологический портрет убийцы, Грег Маккрери стал наблюдать за его поведением. Когда полиция нашла первое изуродованное тело, Грег понял, что маньяк возвращается к местам, где оставил тела, чтобы еще раз насладиться плодами своих трудов. Маккрери предложил полиции прочесать лес в поисках трупа все еще считавшейся пропавшей без вести девушки. Если удастся ее найти и незаметно установить наблюдение, то убийца рано или поздно попадет в ловушку.

Спустя несколько дней поисков с воздуха полиция штата Нью-Йорк обнаружила тело в Салмон-Крике, на обочине тридцать первой магистрали. Там же инспектор Джон Маккэффри заметил мужчину в автомобиле, припаркованном на приземистом мостике, перекинутом

через реку. Совместные силы полиции штата и города тут же отправились в погоню. Задержанного звали Артур Шоукросс.

Во время допроса, которым руководили Деннис Блайт из полиции штата и Леонард Борьелло из отделения в Рочестере, подозреваемый сознался в нескольких убийствах. Но главный вопрос этого громкого дела с десятью жертвами по-прежнему оставался открытым: был ли Шоукросс на самом деле невменяемым?

Сторона защиты пригласила доктора Дороти Льюис – известного психиатра, работавшего в нью-йоркской больнице Бельвью и в свое время проделавшего огромную работу, исследуя влияние насилия на детскую психику. Льюис пришла к выводу, что чаще всего (если не всегда) проявления насилия в зрелом возрасте вызваны сочетанием полученной в детстве травмы и физическим или органическим дефектом, таким как эпилепсия, инвалидность, повреждение тканей, киста или опухоль. Вот вам ярчайший тому пример: в 1966 году двадцатипятилетний студент-инженер по имени Чарльз Уитмен забрался на самый верх часовой башни Техасского университета в Остине и начал без разбора палить по прохожим. Уитмен успел убить шестнадцать мужчин и женщин, а также ранить еще тридцать, прежде чем полиция спустя целых полтора часа наконец оцепила башню и ликвидировала стрелка. Ранее Уитмен жаловался на периодически возникающие вспышки ярости и желание убивать. Вскрытие обнаружило у него опухоль в височной доле мозга.

Была ли опухоль следствием агрессивного поведения Уитмена? Мы не можем знать наверняка. Но этим примером Льюис хотела показать присяжным, что из-за небольшой доброкачественной кисты в височной доле, обнаруженной на МРТ Шоукросса, легкой формы эпилепсии, описанной ею как «периодические припадки», посттравматического расстройства, заработанного во Вьетнаме, а также (если верить показаниям самого Шоу-красса) из-за физического и сексуального насилия в детстве со стороны матери, подсудимый не мог контролировать себя в момент вспышек гнева – иначе говоря, находился в состоянии аффекта. Психиатр пояснила присяжным, что во время убийства у него проявляется нечто похожее на диссоциативное расстройство личности. Всякий раз, когда разговор заходил об убийстве, Шоукросс не мог толком ничего вспомнить: эти эпизоды либо совсем забылись, либо сохранились в крайне урезанном виде.

Но кое-чего Льюис не учла. Спустя недели и даже месяцы после убийств Шоукросс смог во всех подробностях описать их Борьелло и Блайту. В ходе нескольких следственных экспериментов Шоукросс даже привел полицейских к точному месту на свалке, где прятал трупы. Вероятнее всего, он хорошо ориентировался на местности, поскольку часто возвращался мыслями к жертвам, за счет чего подробности убийств хорошо отпечатались в его памяти.

Убийца также предпринял некоторые шаги, чтобы уничтожить улики и запутать полицию. После ареста он написал довольно длинное письмо любовнице (кстати, он был женат), в котором выражал надежду, что его признают невменяемым. Еще бы, в психиатрической лечебнице отбывать срок куда комфортнее, чем в колонии.

Шоукросс знал, о чем говорит. Проблемы с законом у него начались еще в далеком 1969-м, когда его уперли в тюрьму за кражу со взломом и поджог в Уотертауне, что на север от Сиракьюз. Менее чем через год он опять оказался за решеткой. На сей раз он задушил мальчика и девочку, ко всему прочему надругавшись над последней. За эти два преступления Шоукросс был приговорен в двадцати пяти годам тюрьмы. Он вышел по УДО спустя пятнадцать лет. Вот почему Грег Маккрери в своем профайле промахнулся именно с возрастом субъекта: пятнадцать лет за решеткой лишь отсрочили неизбежное.

Теперь давайте разберемся. Во-первых, спросите кого угодно – меня или любого из несчетного множества копов, прокуроров и федеральных агентов, с которыми я работал все эти годы, – и каждый скажет, что двадцать пять лет тюрьмы за убийство двоих детей это позорно мало. А во-вторых, давая такому убийце шанс на условно-досрочное, можно ожидать только одно из двух.

Вариант номер один: несмотря на темное прошлое, неблагополучную семью, предположительные страдания в детстве, отсутствие достойного образования, склонность к насилию и прочие детали, жизнь Шоукросса в тюрьме окажется настолько неопределимо прекрасной, духовно возвышающей и поучительной, что он прозреет, пересмотрит свои взгляды на жизнь и, осознав страшные ошибки прошлого, встанет на путь истинный. Иными словами, тут же заделается порядочным и законопослушным гражданином.

Звучит не слишком правдоподобно? Тогда рассмотрим вариант номер два: жизнь за решеткой будет настолько отвратительной, жуткой и мучительной, над Шоукроссом станут так жестоко глумиться изо дня в день, что он, несмотря на свое прошлое и еще не угасшее желание насильничать и убивать детей, ни за что не захочет снова оказаться в тюрьме и сделает все, чтобы туда не вернуться.

Пожалуй, и это маловероятно. Но если вы не согласны ни с одним из вышеуказанных вариантов развития событий, то какого черта позволяете таким, как Шоукросс, выйти на свободу и не задумываетесь над тем, что вероятность новых преступлений крайне велика?

Совершенно очевидно, что некоторые типы убийц более склонны к рецидиву, чем другие. Но что касается сексуальных маньяков, тут я солидарен с высказыванием доктора Парка Дитца: «Трудно представить себе такие обстоятельства, при которых подобного человека можно выпустить на свободу». Эд Кемпер – один из самых умных преступников

из тех, с кем я беседовал, – абсолютно искренне признал, что ему не место на свободе.

Мы знаем слишком много страшных историй. Ричард Маркетт, с которым я также беседовал в тюрьме и который к двадцати с небольшим годам мог похвастать впечатляющим списком правонарушений в штате Орегон, включая попытку изнасилования и рукоприкладство, на достигнутом не остановился: после неудачной попытки склонить к интиму одну девушку в баре Портленда, он изнасиловал ее, убил, а затем зверски изуродовал ее тело. Маркетт попал в список самых разыскиваемых преступников ФБР. Он бежал, но в конечном итоге был арестован в Калифорнии. Его осудили за убийство, совершенное с особой жестокостью, и приговорили к пожизненному заключению. Однако после двенадцати лет тюрьмы он вышел на свободу по УДО и вскоре убил и расчленил еще двух женщин, после чего снова оказался за решеткой. Во имя всего святого, кто мне объяснит, почему комиссия по условно-досрочному освобождению посчитала, что он больше не опасен?

Я не уполномочен говорить от лица ФБР, Департамента юстиции или других организаций. Но от своего имени скажу: моя совесть будет чиста только в том случае, если убийца останется сидеть в тюрьме, а ни в чем не повинные мужчины, женщины и дети не станут жертвами досрочно освобожденного психопата.

Такой уж он, американский народ: свято верит, что все будет хорошо и любой грех можно искупить. Но чем дольше я работаю, тем с бóльшим скепсисом отношусь к возможности реабилитации некоторых типов преступников. Да, детство у них обычно ужасное, но это совершенно не значит, что спустя годы их психика восстановится. И в противовес тому, во что хотят верить судьи, адвокаты и психиатры, я должен сказать: хорошее поведение в тюрьме не означает, что оно останется таковым на свободе.

Шоукросс вел себя образцово практически во всех отношениях. Жил тихо и мирно, выполнял приказы, ни с кем не ссорился. Но мы с коллегами пришли к пониманию, которое теперь отчаянно пытаемся донести до сотрудников тюрем и судебных психологов: *опасность преступника зависит от ситуации*. Если поместить его в среду, где искусственно поддерживается порядок и ничего не остается, кроме как четко следовать правилам, что ж, он будет им следовать. Но как только убийца снова окажется в своей стихии, где бесчинствовал раньше, попомните мои слова: вскоре он вернется к бесчинствам.

Возьмем, к примеру, случай с осужденным убийцей Джеком Генри Эбботом, который написал «Во чреве зверя» – трогательные и глубокие мемуары о жизни за решеткой. Обратив внимание на его исключительный талант, многие светочи литературного мира, в том числе небезызвестный Норман Мейлер, посчитали, что автор такого шедевра может и должен быть реабилитирован. Мейлер возглавил

кампанию по освобождению Эббота, и вскоре о «страдальце» узнал весь Нью-Йорк. Спустя всего несколько месяцев после освобождения Эббот в квартале Гринвич-Виллидж поругался с официантом и убил его.

Как говорил на одной из своих лекций в Национальной академии Эл Брентли, бывший инструктор поведенческого отдела, а ныне сотрудник отдела по расследованию серийных убийств, «легче всего предсказать факт насилия в будущем, если помнить, что любое насилие уходит корнями в прошлое».

Вряд ли в Артуре Шоукроссе можно заподозрить наличие такого таланта, как у Джека Генри Эббота. Однако и ему удалось убедить комиссию по УДО, что он больше не представляет угрозы для общества. После выхода из тюрьмы Шоукросс осел в Бингемтоне, но местные жители решительно выступили против такого соседства, и спустя два месяца он был вынужден уехать. Шоукросс затерялся в городе покрупнее, неподалеку от Рочестера, где устроился на работу в продовольственную компанию и стал фасовать салаты. Спустя год после переезда он снова начал убивать – на этот раз выбирая других, но не менее уязвимых жертв.

Дороти Льюис снова обследовала Шоукросса. Во время сеансов гипноза она расспрашивала его о детстве, когда он подвергался жестокому обращению со стороны матери. Среди прочего выяснилось, что Артур пережил анальное изнасилование рукояткой от метлы. Во время тщательно задокументированных сеансов Шоукроссом словно по очереди овладевали разные личности, в том числе родная мать, что уж слишком смахивает на фильм «Психо». (Кстати, мать Шоукросса отрицала факты насилия над сыном и назвала его лжецом.)

В госпитале Бельвью Льюис уже приходилось сталкиваться с диссоциативным расстройством личности у детей, подвергшихся насилию. Сложно представить, чтобы юные пациенты могли убедительно симулировать весьма сложное психическое состояние. Льюис пришла к выводу, что диссоциативное расстройство личности начинается в раннем возрасте, еще в довербальной фазе. А вот о диссоциативном расстройстве у взрослых почему-то можно услышать только на суде. Непонятным образом оно никогда не проявляется раньше. Так, раздвоение личности у Кеннета Бьянки, «хиллсайдского душителя» и одного из двух братьев-убийц, орудовавших в Лос-Анджелесе в 1970-е, обнаружилось только после ареста. На ту же уловку попытался пойти и Джон Уэйн Гейси.

(Моя любимая шутка: если у преступника несколько личностей, то невиновных можно запросто отпустить, пусть только виновная останется за решеткой.)

На судебном слушании по делу Шоукросса главный прокурор Чарльз Сирагуса, отлично подготовивший обвинение, попросил доктора Парка Дитца выступить на стороне обвинения. Дитц подверг подсудимого не

менее тщательному анализу, чем Льюис, и Шоукросс разродился новыми подробностями о своем тяжелом детстве. Не ручаясь за достоверность информации, психиатр отметил, что показания звучат вполне правдоподобно. И все же Дитц не считал обвиняемого помешанным: Шоукросс не страдал от обмороков, провалов в памяти или органических неврологических патологий. На основании этого доктор Дитц заключил: несмотря на возможные психические или эмоциональные проблемы, Артур Шоукросс понимал разницу между «хорошо» и «плохо» и мог осознанно решать, убивать жертву или нет. И по крайней мере в десяти случаях (если не больше) он выбрал убийство.

Когда же Лен Борьелло спросил у подсудимого, почему он убивал жертв, ответ был прост: «Я делал свое дело».

Люди, по-настоящему страдающие психозом, – то есть те, кто окончательно потерял связь с реальностью, – крайне редко совершают серьезные преступления. Если они и задумали недоброе, то в силу крайней неорганизованности даже не предпринимают особых попыток скрыться, так что их довольно быстро находят. Убийца Ричард Трентон Чейз, который считал, что кровь жертв необходима ему для жизни, действительно страдал психозом. Когда не удавалось достать человеческой крови, он довольствовался подручными средствами: в психиатрической лечебнице, куда поместили Чейза после суда, он ловить кроликов, пускал им кровь и вводил ее себе внутривенно. Иногда он переключался на птиц и пил их кровь, откусывая им головы. Вот это я понимаю, настоящий псих. Но если убийца способен замести следы и остаться непойманным после десятка убийств, он неплохо поднаторел в своем ремесле. Не путайте психопатию и психоз.

В зале заседания Шоукросс стоял неподвижно, словно истукан, убедительно изображая перед присяжными кататонический ступор. С виду казалось, что он в трансе и плохо понимает, что творится вокруг. Однако полицейские и охранники, стоявшие рядом, отметили: как только подсудимый выпадал из поля зрения присяжных, он мигом расслаблялся, становился более разговорчивым и даже шутил. Он знал, что на кону признание его невменяемости.

Гэри Трапнелл – один из самых умных, находчивых (и, должен признать, обаятельных) преступников, с которым я когда-либо имел дело, – всю жизнь менял тюрьмы как перчатки, а однажды даже сумел подговорить девушку организовать ему побег, приземлившись на вертолете прямо на тюремный двор. Не могу не вспомнить одно из его самых знаменитых преступлений – угона самолета в начале 1970-х. Гэри сидел в кабине еще не взлетевшего судна и вел переговоры с полицией в попытке выторговать себе удачные условия, и вдруг поднял кулак вверх и прокричал на виду у десятков телекамер: «Свободу Анджеле Дэвис!»

Свободу Анджеле Дэвис? При чем тут вообще Анджела Дэвис? Его выкрик поставил в тупик практически всех сотрудников

правоохранительных органов, которые впоследствии работали над этим делом. В прошлом Трапнелла ничто не говорило о его эмоциональной привязанности к молодой чернокожей женщине, профессору Калифорнийского университета и ярой стороннице радикального движения за права черных. Не было ни намека, что Гэри захватил самолет по политическим причинам, и тут как гром среди ясного неба: свободу Анджеле Дэвис! Не иначе, парень полный псих.

Позже, когда Трапнелл сдался властям и был осужден, я приехал к нему в исправительную колонию города Мэрион, штат Иллинойс, чтобы спросить о том необычном требовании.

Он пояснил: «Когда мой изначальный план провалился, я понял, что ничего хорошего мне не светит. Ну я и прикинул, что если чернокожие здоровяки в тюрьме подумают, что я весь такой за них, то, может, и не будут приставать ко мне в душевой».

Трапнелл не только не был сумасшедшим, но являлся полной тому противоположностью. Он тоже написал мемуары под названием «И лисы сходят с ума». Для нас это настоящая находка, целый ворох пищи для ума, а вернее, для понимания особенностей процесса переговоров с преступником. Если из уст злоумышленника звучит нечто совершенно из ряда вон выходящее, то это означает, что он уже мысленно готов к задержанию, и переговорщик должен реагировать соответственно.

Трапнелл поведал мне еще одну довольно интересную вещь. Он заверил, что, если я дам ему последний выпуск справочника «Диагностико-статистического руководства по психическим расстройствам» (ДСР) и выберу оттуда абсолютно любое заболевание, на следующий день он с легкостью сможет убедить любого психиатра, что действительно им страдает. Опять-таки Трапнелл, в отличие от Шоукросса, был крепким орешком. Впрочем, не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы выторговать УДО, убедив психиатра в отсутствии интереса к маленьким мальчикам, симуляция диссоциативного расстройства наверняка покажется присяжным куда убедительнее, если они увидят подсудимого в некоем подобии транса.

Долгое время правоохранительные органы полагались исключительно на ДСР в вопросе о том, какое психическое расстройство можно считать тяжелым, а какое нет. Но большинство из нас со временем осознали, что справочник не особенно помогает в расследовании. Это и послужило одним из толчков к созданию «Руководства по классификации преступлений» (РКП), изданному в 1992 году, в основу которого легла моя докторская диссертация. Хотя соавторами числились только Боб Ресслер, Энн Берджесс и ее муж Аллен, профессор факультета менеджмента Бостонского университета, но писать книгу мне помогали и другие сотрудники отделов следственного сопровождения и поведенческого анализа: Грег Купер, Рой Хейзелвуд, Кен Лэннинг, Грег Маккрери, Джад Рэй, Пит Смерик и Джим Райт.

В РКП мы постарались уйти от строго подхода к психологии, характерного для ДСР, собрав и классифицировав серийные убийства согласно поведенческим характеристикам. К примеру, в ДСР вы не найдете тип убийства, совершенного О. Джей Симпсоном, зато таковой есть в РКП. Иными словами, мы попытались отделить зерна от плевел в науке о поведении, чтобы не только следователи, но и все правовое сообщество в целом могло руководствоваться нашим трудом в психолого-аналитической работе.

Безусловно, подсудимые с помощью адвокатов будут из всех сил стараться избежать причитающейся ответственности. Во внушительном списке доводов, которыми защита Шоукросса пыталась доказать его невменяемость, наиболее эффективным оказалось апеллирование к посттравматическому стрессовому расстройству (ПТСР), заработанному во Вьетнаме. Однако в ходе разбирательства выяснилось, что на самом деле Шоукросс не участвовал в боевых действиях. Впрочем, его адвокаты были далеко не первыми, кто пытался воспользоваться подобным приемом. К примеру, Дуэйн Сэмплз, который 9 декабря 1975 года буквально распотрошил двух девушек в Силвертоне, штат Орегон, на суде настаивал на том, что страдает «вьетнамским синдромом». Хотя от полученных травм скончалась только одна из жертв, фотографии с места преступления Сэмплза говорят красноречивее любых слов: обе девушки вскрыты, словно консервные банки. Роберт Ресслер выяснил, что Сэмплз тоже не участвовал в боевых действиях, несмотря на все его заявления. За день до нападения Сэмплз признался в письме, что уже давно мечтает вспороть живот какой-нибудь юной обнаженной красотке.

В 1981-м Ресслер отправился в Орегон, чтобы помочь прокурору объяснить губернатору, почему не следует выпускать Сэмплза по УДО. Несмотря на всю силу доводов моего коллеги, через десять лет заключения Сэмплз все равно оказался на свободе.

Был ли он сумасшедшим на самом деле? Находился ли в состоянии временного аффекта, когда напал на девушек? Узнав о столь вопиющем проявлении извращенной фантазии, любой нормальный человек тут же счел бы Сэмплза больным на всю голову. Спорить не стану. Но знал ли убийца о том, что поступает плохо? Был ли его выбор осознанным? На мой взгляд, важнее всего правильно ответить именно на эти вопросы.

Судебное заседание по делу Артура Шоукросса, проходившее в городском суде Рочестера, продолжалось более пяти недель, в течение которых прокурор Сирагуса демонстрировал куда более глубокое и комплексное понимание судебной психиатрии, чем многие из именитых докторов. Под неусыпным взором десятков направленных на него телекамер он заслужил титул местного супергероя. Получив материалы после окончательных прений, присяжные вынесли вердикт менее чем через сутки: Шоукросса признали виновным в совершении преступления второй степени тяжести по всем заявленным статьям. Судья не оставил убийце ни единого шанса вновь переступить грань дозволенного,

приговорив его к двумстам пятидесяти годам лишения свободы с отбыванием срока в колонии штата.

Прикрыться невменяемостью редко удастся и еще по другой причине, на которую мало кто обращает внимание: присяжные не доверяют такому маневру и нечасто принимают подобную аргументацию.

На мой взгляд, тут есть два соображения. Во-первых, тогда придется признать, что практически все убийцы совершают свои преступления в состоянии аффекта и просто не могут ничего с собой поделаться. Но вот парадокс: что-то не припомню ни одного серийного убийцы, который не смог справиться с искушением в присутствии полицейского.

Вторая причина, по которой присяжные избегают оправдания по невменяемости, куда прозаичнее. Когда после заключения юристов и психиатров наступает момент решить дальнейшую судьбу подсудимого, присяжные подсознательно понимают, что он попросту опасен для общества. Даже если добропорядочные граждане Милуоки на рациональном уровне сочли бы Джеффери Дамера невменяемым, как-то не верится, что они доверили бы его (и свое) будущее психиатрическому учреждению, чья надежность вызывает понятный скепсис. А вот в тюрьме Дамер уж точно не будет представлять для общества такую опасность.

Я не хочу сказать, что большинство психиатров и их коллег направо и налево ратуют за освобождение опасных преступников и их возвращение в ту среду, где они смогут зверствовать и дальше. Смысл в другом: по моему опыту, они попросту не владеют достаточной информацией, чтобы принимать взвешенные решения. И даже обладая опытом работы в судебной медицине, психиатры, как правило, не могут оценить ситуацию во всей полноте ее проявлений.

Одним из первых дел, которым я занимался уже в качестве профайлера, стало убийство Анны Берлинер, пожилой женщины из штата Орегон, в собственном доме. Чтобы поподробнее узнать о возможном субъекте, местные полицейские обратились за помощью к психологу одной из местных клиник. Среди прочих увечий на теле жертвы присутствовало четыре глубокие раны в области груди, нанесенные заточенным карандашом. В свое время тот психолог в научных целях побеседовал более чем с полусотней мужчин (в основном в тюрьмах), обвиненных в убийстве. На основе этого опыта он предположил, что убийца Берлинер имеет за спиной солидный тюремный срок, возможно, за торговлю наркотиками, поскольку карандаш в качестве оружия пользуется популярностью в основном у завсегдатаев исправительных учреждений. Ясное дело: человеку, ни разу не сидевшему за решеткой, даже в голову не придет воспользоваться невинным предметом столь нестандартным образом.

Затем полиция связалась со мной, и я высказал диаметрально противоположное мнение. Я предположил, что возраст и уязвимость

жертвы, чрезмерная агрессивность нападения, совершенного среди бела дня, а также отсутствие признаков грабежа указывает на неопытного убийцу, желторотого юнца. Как-то не верилось, что карандаш он выбрал нарочно, тщательно взвесив все «за» и «против». Он просто схватил первое, что попало под руку. Убийцей оказался шестнадцатилетний подросток, который постучался к Берлинер под предлогом сбора средств на пеший марш, в котором сам даже не участвовал.

Ключевой поведенческой особенностью этого случая стала явная неуверенность убийцы в себе. Об этом кричала чуть ли не каждая улика, оставленная на месте преступления. Бывший уголовник, нападающий на беззащитную старушку, был бы на сто процентов уверен в своих силах. Нельзя ориентироваться на одну-единственную улику (к примеру, вроде того волоса с головы афроамериканца в деле Франсин Элвесон), она не дает всей полноты картины. Подобный подход мог бы завести расследование дела Анны Берлинер совершенно не туда.

Самый сложный вопрос в нашем и без того непростом деле таков: опасен ли сейчас и может ли стать опасным в будущем рассматриваемый индивид? Говоря языком психиатров, представляет ли он угрозу для самого себя и окружающих.

В далеком 1986 году в фотолабораторию ФБР из штата Колорадо поступила пленка для проявки. На снимках позировал мужчина возрастом около тридцати лет в камуфляжной форме. Он стоял в кузове пикапа наперевес с винтовкой, сжимая в руке куклу Барби, над которой успел основательно поиздеваться. Законом это не запрещено, и я предположил, что судимостей у субъекта нет. Однако предупредил, что в таком возрасте подобное развлечение быстро наскучит и может перерасти в нечто большее. Конечно, только по фото я не мог однозначно сказать, какое значение для субъекта имеют пытки, но раз уж он не поленился потратить время на постановочные снимки, то явно небезразличен к жестоким играм. От мужчины так и пахло проблемами. Я дал указание не сводить с него глаз и по возможности допросить. Правда, в психиатрических кругах вряд ли со мной согласились бы.

Сколь бы странным ни показался вам этот эпизод, у меня есть еще несколько историй о куклах Барби и взрослых мужчинах. Один из них, житель Среднего Запада, любил сплошь истыкать куклу булавками и оставить ее где-нибудь на территории очередной психиатрической лечебницы. Время от времени в комплекте с подобными играми идут разнообразные сатанинские культы, ритуалы вуду или всякого рода колдовство, но это был не тот случай. Да и саму куклу тот мужчина никак не называл, то есть не стремился направить свою злобу на конкретного человека. Это был обычный акт садизма, характерный для мужчины, совсем отчаявшегося в отношениях с женщинами.

Что еще можно о нем сказать? Например, он, скорее всего, регулярно мучил мелких животных, с трудом находил общий язык со сверстниками

обоих полов, а в школьные годы был хулиганом и часто задира́л младших. Вскоре он достигнет той стадии, когда его фантазии станут мало кукол. Можно долго рассуждать о том, болен такой человек или нет, но я могу вас заверить только в одном: он безусловно опасен.

Когда эта «опасность» проявится? Трудно сказать. Мы имеем дело с ущербным неудачником. Он считает, что каждый встречный точит на него зуб, что общество не хочет признавать его таланты. Если стресс-факторы достигнут критической массы, субъект пойдет еще дальше в своих фантазиях. Следующим шагом для кукольного садиста может стать реальное насилие, причем обращенное не на сверстников, а на тех, кто гораздо моложе и слабее его: он трус и боится тягаться с равным противником.

Но это вовсе не означает, что он станет охотиться именно на детей. Барби символизирует взрослую женщину, а не девочку-подростка. Вне зависимости от того, к каким извращениям склоняется субъект, в его фантазиях будет фигурировать именно зрелая женщина. Иначе он выбрал бы для своих игр куклу-ребенка.

Тем не менее человек, который втыкает иголки в куклу и подбрасывает ее к психлечебнице, совершенно точно страдает от чувства собственной неполноценности, не имеет водительских прав, да и вообще выделяется своим странным поведением. Куда бóльшую опасность может представлять тот парень в камуфляже. Раз ему хватило денег на винтовку, автомобиль и фотоаппарат, значит, он трудоустроен. Он вполне нормально вписывается в общество, не вызывая подозрений. Но в любой момент в голове у него может что-то щелкнуть – и тогда жди беды. Доверяю ли я способности психиатров и прочих мозгоправов отличить одного от другого? Нет. У них просто нет того опыта, того видения, которое позволило бы разглядеть червоточину в пограничной личности. Они ведь не проверяют свои выводы на практике.

Одна из ключевых особенностей нашего исследования психологии серийных убийц состоит в том, что мы верифицировали свои умозаключения, проверяли истинность слов наших информаторов на фактическом материале. Психологи же руководствуются сведениями, полученными от самих пациентов. Такой подход в лучшем случае даст неполные данные, а в худшем – вообще не имеет научной ценности.

Оценка опасности для общества той или иной личности имеет множество применений. В пятницу 16 апреля 1982 года агенты Секретной службы США попросили меня изучить письма с угрозами, явно написанные одной и той же рукой. Первое из них, датированное февралем 1979-го, касалось президента Джимми Картера, а все последующие – Рональда Рейгана и других известных политиков.

Первое послание автор, подписавшийся как «одинокий пессимист», отправил в нью-йоркское отделение Секретной службы, исписав два

листка из блокнота угрозами «застрелить президента Картера или еще кого-нибудь из власть имущих».

В период с июля 1981-го по февраль 1982-го последовало еще восемь писем. Три пришли в Секретную службу в Нью-Йорке, одно – в отделение ФБР там же, еще одно – в отделение ФБР в Вашингтоне, одно письмо получила редакция газеты «Филадельфия дейли ньюс» и последние два – Белый дом. Почерк явно принадлежал «одинокому пессимисту», но на сей раз стояла подпись «К.О.Т.». Послания отправляли из Нью-Йорка, Филадельфии и Вашингтона. В письмах К.О.Т. недвусмысленно выражал намерение убить президента Рейгана, которого называл то «злом Божьим», то «Сатаной». Он также грозился убить и других политиков, поддерживающих курс Рейгана. Автор писем неоднократно упоминал Джона Хинкли и обещал завершить его дело.

К.О.Т. продолжал отправлять письма, пополнив список адресатов конгрессменом Джеком Кемпом и сенатором Альфонсом Д'Амато. Больше всего Секретную службу беспокоили вложенные в конверт фотографии сенатора Д'Амато и конгрессмена от города Нью-Йорк Рэймонда Макграфа, сделанные с довольно близкого расстояния: К.О.Т. как бы намекал, что вплотную подобрался к жертвам и ничто не помешает ему совершить задуманное.

Наконец 14 июня 1982 года редактор газеты «Нью-Йорк пост» получил четырнадцатое по счету и последнее письмо. В нем автор обещал в скором времени расправиться с «президентом-сатаной», и тогда все узнают, кто он на самом деле. К.О.Т. жаловался, что его никто не воспринимает всерьез, чему я ни капли не удивился.

В письме он «разрешал» газете взять у него интервью после завершения его исторической миссии. Этого мы как раз ждали. Стало ясно, что К.О.Т. не просто хочет, но отчаянно жаждет встречи с редактором. Что же, тут мы ему поможем.

Судя по особенностям изъясняться, наш клиент был родом из Нью-Йорка. Я разработал портрет одинокого белого мужчины в возрасте от двадцати пяти до тридцати лет, коренного ньюйоркца, проживающего (возможно, в одиночестве) на окраине города. Уровень интеллекта средний, субъект имеет диплом об окончании вуза и, возможно, посещал курсы политологии и литературы, младший или единственный ребенок в семье. Я также подозревал, что в прошлом он был наркозависим и / или употреблял алкоголь в больших количествах, но теперь баловался этим лишь изредка. Он считал себя неудачником, неспособным оправдать ожидания родителей и знакомых. Его жизнь представляла собой печальную коллекцию так и не сбывшихся мечтаний. В возрасте примерно от двадцати до двадцати пяти он находился в постоянном неконтролируемом стрессе, связанном, вероятно, с военной службой, разводом, болезнью или кончиной близкого родственника.

Немало в свое время было выдвинуто предположений о том, что же означает аббревиатура К.О.Т. Я посоветовал Секретной службе не заикливаться на ней, поскольку она, вполне вероятно, и вовсе не имеет смысла. Не стоит уделять подобным деталям слишком много внимания. Быть может, ему просто нравится, как звучит или смотрится его прозвище.

Более всего Секретную службу интересовало, представляет ли злоумышленник реальную опасность, ведь многие ему подобные не заходят дальше почтового спама. Я предупредил, что такие личности находятся в постоянном поиске, который нередко заводит их в группировки, отстаивающие определенные политические или религиозные взгляды. Иной раз подобного субъекта считают просто странным, не воспринимают всерьез, в силу чего с течением времени его озлобленность будет только усиливаться. Он заикнется на какой-нибудь высшей миссии в попытке придать жизни смысл. Сейчас он в первый раз почувствовал власть и уже не сможет устоять перед искушением, все чаще и все отчаяннее стремясь к ней. А отчаянные люди, как известно, очень опасны.

Скорее всего, наш клиент с оружием на «ты», но предпочитает ближний бой, хоть в этом случае и лишается возможности сбежать, если что-то пойдет не по плану. Он осознает, что рискует погибнуть, выполняя свой «священный долг», и потому, как я считал, ведет дневник, в надежде обрести славу хотя бы посмертно. В отличие от «тайленолового отравителя», К.О.Т. хотел, чтобы о нем услышали. Когда страх жизни становится сильнее страха смерти, рождается насилие.

Непосредственно перед нападением он наденет маску абсолютного спокойствия, смешается с толпой и не будет ничем выделяться. Он заговорит с полицейским или агентом Секретной службы и покажется им самым обычным добропорядочным гражданином.

В каком-то смысле субъект напоминал Джона Хинкли, суд над которым крутили по всем каналам. Возможно, наш клиент даже пытался ему подражать. А о Хинкли мы знали довольно много. И тогда мне пришло в голову, что К.О.Т. захочет присутствовать на вынесении приговора своему кумиру, и я рекомендовал агентам Секретной службы в нужное время оказаться в Театре Форда в Вашингтоне, где стреляли в Авраама Линкольна и куда Хинкли наведалься перед нападением на Рейгана. Я также предложил им проверить отель, в котором останавливался Хинкли: возможно, К.О.Т. специально попросит его номер.

В отеле действительно была бронь на тот самый номер. Вломившись в комнату, агенты Секретной службы обнаружили на месте лишь пожилую супружескую пару, которая когда-то провела здесь первую брачную ночь и с тех пор время от времени заглядывала в отель.

В августе Секретная служба получила еще два письма за подписью «К.О.Т.», адресованные в Канцелярию президента, Вашингтон, округ

Колумбия. Оба были отправлены из Бейкерсфилда, штат Калифорния. Поскольку убийцы нередко преследуют жертву по всей стране, возникло подозрение, что наш клиент тоже не сидит на месте. Он писал: «Будучи в здравом уме и твердой памяти [я] обязуюсь призвать под свой флаг как можно больше граждан США и с оружием в руках истребить врага моей родины, который точит ее изнутри».

Свой длинный параноидально-шизофренический опус он посвятил «пыткам и геенне огненной», через которые ему пришлось пройти. Автор признавал, что его попытки «привести к ответу червей, что сидят наверху», могут закончиться для него плачевно (читай: смертью).

Тщательно изучив письма, я пришел к выводу, что на сей раз мы имеем дело лишь с подражателем. Во-первых, текст был написан обычными буквами, а не заглавными, как все предыдущие. Во-вторых, Рейгана называли «Рон», а не «сатана» или «старик», как раньше. Из всего этого я заключил, что письмо, скорее всего, вышло из-под пера женщины, и автор, несмотря на обилие угроз, вряд ли перейдет от слов к делу.

Настоящий К.О.Т. – это уже совсем другая история. По моему мнению, наиболее эффективно в данном случае себя показала бы выжидающая тактика, параллельно с которой необходимо медленно, но верно втягивать злоумышленника в диалог, пока не удастся вычислить его местонахождение. На роль «редактора» мы назначили одного из агентов Секретной службы, проинструктировав его, как себя вести и что говорить. Я подчеркнул, что необходимо заставить субъекта раскрыться и выложить подробности о себе. Установив с ним достаточно доверительные отношения, «редактор» предложит ему встретиться лично, но обязательно под покровом ночи и где-нибудь в укромном месте, ведь он не меньше автора писем заинтересован в конфиденциальности.

Мы разместили тщательно проработанное зашифрованное объявление в «Нью-Йорк пост». К.О.Т. проглотил наживку и стал периодически выходить на связь с нашим агентом. Я думал, что звонит он из какого-нибудь людного места вроде Центрального или Пенсильванского вокзалов, из библиотеки или музея.

Примерно в то же время в ФБР пришел отчет от доктора Мюррея Майрона, известного психолингвиста из Сиракюзского университета. В свое время мы с Мюрреем написали ряд статей по оценке угроз и даже провели целое исследование по этой теме. Я считаю его одним из лучших специалистов в своей области. С началом телефонных переговоров Мюррей по просьбе ФБР проанализировал поведение субъекта и сделал вывод, что он больше не представляет опасности для общества и является не более чем провокатором, старающимся привлечь к себе внимание, срывая злобу на высокопоставленных чиновниках. Разумеется, Мюррей несколько не отрицал необходимость его поймать, хотя, в отличие от меня, не видел в нем особой угрозы.

Со временем К.О.Т. оставался на телефонной линии все дольше, и наконец мы засекли сигнал. 21 октября 1982 года группа захвата, состоявшая из агентов Секретной службы и ФБР, схватила злоумышленника в телефонной будке на Пенн-стейшн, пока тот, ни о чем не догадываясь, беседовал с «редактором». Звонившим оказался Альфонс Амодио-младший, парень двадцати семи лет, белый, коренной житель Нью-Йорка с высшим образованием.

Сотрудники ФБР и Секретной службы обыскали его тесную, оккупированную тараканами хибарку во Флорал-парке. Семья задержанного не производила впечатление особенно благополучной. На допросе миссис Амодио описала сына в полном соответствии с нашим профайлом: «Он ненавидит его [мир] и чувствует, что тот ненавидит его в ответ». Мать рассказала и о резких перепадах настроения, и о том, что Альфонс уже много лет вырезает газетные статьи и бережно раскладывает их по папкам с именами политиков, которых у него набралось уже целых два ящика. В детстве он так сильно заикался, что отказывался ходить в школу, в юности недолго прослужил в армии, уйдя в самоволку сразу после курса начальной подготовки. В своем дневнике Альфонс пару раз называл себя «бродячим котом»; другого объяснения его прозвищу агенты так и не нашли.

Амодио поместили в психиатрическую лечебницу Бельвью. Перед заседанием окружной судья Дэвид Эдельштейн запросил психиатрический отчет, в котором значилось, что подсудимый страдает от тяжелого эмоционального расстройства и представляет большую опасность для президента и других официальных лиц.

Амодио признался, что рассылал письма под псевдонимом К.О.Т. Дознаватели не обнаружили в его образе мышления никакого политического мотива. Обвиняемым руководила лишь жажда власти, подстегиваемая болезненным желанием привлечь к себе внимание.

Ныне Амодио уже вышел на свободу. Опасен ли он? Не думаю. Здесь и сейчас угрозы для общества он не представляет, но если он не найдет в себе силы справляться со стресс-факторами и они снова достигнут критической отметки, Амодио наверняка опять доставит властям неприятности.

На что я в первую очередь обращаю внимание в своих умозаключениях? Одним из главных элементов является тон. Если на какого-нибудь политика, кинозвезду, спортсмена или другую знаменитость вдруг посыпались письма с угрозами, тон которых со временем становится все более требовательным («Ты не отвечаешь на мои письма!»), то их стоит воспринять всерьез. Обсессивно-компульсивный синдром постепенно истощает человека физически и умственно, и однажды субъект просто слетает с катушек. Вы, конечно, скажете, что это лишь форма психического расстройства. Но для меня важнее всего понять не природу и характер самого расстройства, а потенциальную опасность его

последствий.

Хотя мы беседовали и с Линетт «Писклей» Фромм, и с Сарой Джейн Мур, членами «Семьи» Мэнсона, обвиненными в покушении на убийство, опубликованная версия нашего тюремного исследования посвящена исключительно мужчинам. Конечно, изредка встречаются и женщины-убийцы (обычно фанатики), вы наверняка уже заметили, что все без исключений серийные убийства и акты насилия на сексуальной почве, описанные на страницах этой книги, совершены мужчинами. Наше исследование показало, что практически все серийные убийцы вышли из неблагополучного детства, омраченного сексуальным или физическим насилием, наркотиками, алкоголем и прочими факторами. Среди жертв тяжелого детства, конечно, есть и женщины. По правде говоря, девочки даже чаще подвергаются домашнему насилию и домогательствам, чем мальчики. Но почему же столь немногие из них вырастают маньяками? Ведь женщины вроде Эйлин Уорнос, обвиненной в убийстве нескольких мужчин во Флориде, попадают настолько редко, что заслуживают упоминания одним лишь фактом своего существования.

Здесь мы ступаем на зыбкую почву, так как на сегодня попросту не существует научной базы, способной ответить на данный вопрос. Бытует мнение, что маниакальные состояния напрямую связаны с тестостероном и другими гормонами – словом, с человеческой биохимией. С научной достоверностью мы можем утверждать лишь одно: женщины склонны поглощать факторы стресса, направляя их в свой адрес. Вместо того чтобы вымещать злобу на окружающих, они наказывают себя, ударяясь в алкоголизм и наркоманию, доходят до проституции и суицида. Некоторые могут воспроизводить психологическое или физическое насилие в собственных семьях, как, судя по всему, поступала мать Эда Кемпера. Это крайне опасно для их психического здоровья. Но факт остается фактом: женщины убивают по другим соображениям и гораздо реже мужчин.

Как же нивелировать опасность потенциальных маньяков для общества? Как распознать психические отклонения или иной личностный дефект, пока не стало слишком поздно? К сожалению, ответить на этот вопрос не так-то просто. Так уж вышло, что в авангарде порядка и дисциплины чаще всего стоят правоохранительные органы, а не семья. Для общества в этом нет ничего хорошего, ибо, когда в дело вмешиваются полицейские, помочь человеку уже нельзя. Лучшее, что стражи порядка могут сделать в такой ситуации, – не допустить ее усугубления.

На школу в этом вопросе тоже не стоит возлагать слишком больших надежд. Если всего на семь часов в день вверять перевоспитание ребенка и без того перегруженным преподавателям, особого толка не выйдет. Ведь есть и остальные семнадцать часов.

Люди часто спрашивают, можем ли мы, опираясь на свой практический и научный опыт, определить, переступит ли в будущем черту закона тот или иной ребенок. Рой Хейзелвуд обычно отвечает: «И не только мы, но и любой хороший учитель начальных классов». Если взяться за ребенка как можно раньше и как можно активнее, он, скорее всего, исправится. А хороший пример для подражания в период взросления вообще способен изменить его до неузнаваемости.

Билл Тафоя, спецагент и по совместительству наш местный «футуролог» в Куантико, настаивает на полномасштабной реновации проекта «С чистого листа» – одной из самых эффективных долгосрочных программ по борьбе с преступностью за всю историю человечества. Тафоя считает жизненно необходимым вложить в перевоспитание не меньший объем сил и средств, чем те, что потрачены на страны Персидского залива лет за десять. Он считает, что простое увеличение полицейского штата проблему преступности не решит. Здесь нужна целая армия соцработников, которые, среди прочего, будут оказывать посильную помощь женщинам, подвергшимся насилию, находить бездомным семьям с детьми жилье, а сиротам – хороших приемных родителей. В основу финансирования этой программы должна лечь система налоговых льгот.

Я не уверен, что подобные меры полностью искоренят преступность, но это безусловный шаг вперед. Правда, пусть и прискорбная, такова: мозгоправы могут до бесконечности «лечить» преступников, а мы с ребятами – помогать их ловить, вооружившись опытом в психоанализе и поведенческих науках, но невинных жертв этим уже не вернуть.

Глава 19. Порой дракон берет верх

Когда в июле 1982 года в Сиэтле на берегу Грин-Ривер нашли тело шестнадцатилетней девушки, никто не придавал этому особого значения. Река, протянувшаяся от горы Рейнир до залива Пьюджет-Саунд, служила нерадивым предпринимателям излюбленным местом для сброса промышленных отходов, а жертва была очередной малолетней проституткой. Полиция не отдавала себе отчет в важности своей находки до тех пор, пока тем же летом, 12 августа, в той же реке не обнаружили труп еще одной девушки, а затем, в течение последующих трех дней, еще трех. Хотя жертвы различались по возрасту и расе, все они были задушены. К ногам некоторых был привязан груз, очевидно, в попытке утопить труп. Все были раздеты, а у двух в вагинальном отверстии обнаружили небольшие камни.

Отрицать серийную природу преступления не было смысла. Оно вновь всколыхнуло жуткие воспоминания о давних зверствах в Сиэтле, когда в 1974 году субъект, известный поначалу лишь по имени Тед, похитил и

убил по крайней мере восемь женщин. Преступление оставалось нераскрытым до тех пор, пока полиция не арестовала привлекательного, эффектного молодого человека по имени Теодор Роберт Банди за совершение серии жестоких убийств в женском общежитии во Флориде. К тому времени он прошелся чуть ли не по всей стране, убив по меньшей мере двадцать три девушки и заработав себе почетное место в зале славы (читай: страха) общественного сознания.

Нынешним расследованием руководил Ричард Краск, майор следственного управления округа Кинг. Он обратился к ФБР за помощью в разработке психологического портрета «убийцы с Грин-Ривер» и теперь хотел применить на практике полученные сведения. Хотя во вновь образованной оперативной группе, состоявшей из представителей разных юрисдикций, не наблюдалось единства мнений относительно того, действительно ли связаны все эти убийства, в одном не сомневался никто: все убитые работали проститутками на полосе Си-Так – участке автострады, протянувшейся вдоль Тихоокеанского побережья близ международного аэропорта Сиэтл-Такома. Со временем количество пропавших девушек неуклонно возрастало.

В сентябре САР отделения в Сиэтле Аллен Уитакер лично приехал в Куантико и привез нам исчерпывающие материалы по первым пяти убийствам. Чтобы не отвлекаться на телефонные звонки и вопросы коллег, я по привычке спрятался на верхнем этаже библиотеки. Там я мог побыть наедине с самим собой, увидеть из окна белый свет (большая и приятная редкость для сотрудников отдела, вынужденных работать глубоко под землей) и без помех погрузиться в сознание преступника и его жертвы. Почти целый день я просматривал материалы по делу – отчеты с мест преступлений, фотографии, протоколы вскрытия, описания жертв. Несмотря на разительные отличия девушек по возрасту, расе и причине смерти, убийства имели достаточно много общего, чтобы их совершил один и тот же человек.

Я составил психологический портрет физически развитого, страдающего чувством неполноценности безработного белого мужчины, хорошо знакомого с местностью у реки. Он нисколько не сожалел о своих действиях, напротив: субъект и ранее проявлял агрессию по отношению к женщинам, а теперь и вовсе поставил себе задачу покарать как можно больше тех из них, кого он считал падшими и низкими. В то же время я предупредил полицию, что из-за природы преступлений и характера жертв под описание подпадут многие мужчины. Скажем, в отличие от Эда Кемпера, наш субъект не мог похвастать незаурядным интеллектом: преступления были незатейливыми и отличались весьма высоким риском. Следовало сосредоточить усилия на некоем упреждающем маневре, который позволил бы выманить убийцу из укрытия и спровоцировать его на контакт с полицией. В Сиэтл Уитакер вернулся, вооруженный моим портретом.

Позже в том же месяце среди заброшенных домов у аэропорта нашли порядком разложившееся тело еще одной девушки, раздетой, с парой мужских носков, обвязанных вокруг шеи. Медицинская экспертиза показала, что ее убили примерно в то же время, что и девушек у Грин-Ривер. Вероятно, субъект решил изменить своему *modus operandi*, прослышав, что за рекой установлено наблюдение.

Как пишут Карлтон Смит и Томас Гиллен в своей весьма точной хронике тех событий «В поисках убийцы с Грин-Ривер», главным подозреваемым по делу проходил сорокачетырехлетний таксист, чуть ли не идеально вписывавшийся в портрет. Еще в самом начале расследования он проявлял активное участие, регулярно сообщал полиции новости и призывал обратить внимание на некоторых его коллег. Он много времени проводил в компании проституток и других завсегдатаев автострады, вел ночной образ жизни, бессистемно колесил по округе, пил, курил и выражал озабоченность по поводу безопасности «ночных бабочек» – как и предполагал профайл. За спиной у мужчины было пять неудачных браков, он вырос у реки, жил со вдовым отцом, водил видавшую виды старенькую машину и внимательно следил за ходом расследования.

Полиция запланировала допрос на сентябрь, попросив меня помочь с выработкой действенной стратегии. В то время я метался по стране, меняя гостиницы чуть ли не каждую неделю в отчаянной попытке справиться с нескончаемым потоком дел. Звонок не застал меня в городе. Трубку снял Роджер Делью, начальник отдела, который сообщил, что я вернусь через пару дней, и настоятельно рекомендовал повременить с допросом до моего приезда. К счастью, пока что субъект все так же активно помогал следствию и даже не думал скрываться.

Несмотря на все увещевания Роджера, в полиции поступили по-своему. Допрос длился весь день и перерос в агрессивное столкновение. Разумеется, я бы провел беседу совсем по-другому. Полиграф тоже не дал однозначного результата, и хотя теперь полиция не спускала с подозреваемого глаз, продолжая собирать косвенные улики, оснований задержать его так и не нашлось.

Поскольку я не участвовал лично в этой части расследования, не могу точно сказать, насколько многообещающим был тот кандидат. Зато плохо скоординированные действия и вопиющая безалаберность полиции затормозили процесс в самом начале, когда виновника еще можно взять «тепленьким»: он встревожен, не знает, чего ожидать, и готов «наложить в штаны». Но время идет, субъект понимает, что ему все сходит с рук, и понемногу начинает вести себя увереннее. Теперь он взвешивает свои действия и доводит их до совершенства.

В те годы у местной полиции не было даже компьютеров, и чем дальше шло расследование, тем больше разрастался вал накопленных материалов и улик. Теми темпами, которыми детективы их

обрабатывали, потребовалось бы не меньше пятидесяти лет, чтобы добраться до финиша. Если бы расследование, подобное делу Грин-Ривер, велось в наши дни, без сомнения, его ранний этап был бы гораздо эффективнее, а стратегия – более определенной. Впрочем, сложность поставленной задачи не поменялась бы. Проститутки ведут кочевую жизнь. Зачастую, когда их сутенер или молодой человек заявляют об исчезновении, выясняется, что девушки сбежали по своей воле или просто переместились дальше вдоль побережья. Многие работают под вымышленными именами, из-за чего поиск тел и их опознание превращается в сущий кошмар. По этой же причине идентифицировать жертв по записям посещения врачей и стоматологов представляется весьма затруднительным. Ну и в довершение всего отношения между полицией и «ночными бабочками» даже в лучшие времена остаются по меньшей мере натянутыми.

В мае 1983-го нашли полностью одетое тело проститутки. Место преступления было обставлено с большой выдумкой: на шее и левой груди у жертвы лежало по рыбе, между ног – бутылка вина. Девушку задушили тонким шнуром или веревкой. Полиция тут же приписала эпизод «убийце с Грин-Ривер». Хотя предыдущую жертву, обнаруженную совсем не у реки, я отнес к нему же, данный случай производил впечатление нападения, мотивированного скорее личным фактором. Не похоже на случайное убийство: слишком много злобы. Преступник хорошо знал жертву.

Ближе к концу 1983-го количество убитых выросло до двенадцати, а еще семь женщин числились пропавшими без вести. Одна из жертв была на восьмом месяце беременности. Оперативники попросили меня проконсультировать их на месте. Как я уже упоминал, в тот момент я пытался одновременно угнаться за Уэйном Уильямсом в Атланте, «22-м калибром» в Буффало, «убийцей из чащи» в Сан-Франциско, Робертом Хансеном в Анкоридже, серийным поджигателем-антисемитом из Хартфорда и субъектами более чем сотни других нераскрытых дел. Я заставлял себя думать о них перед сном и во сне, хотя подозревал, что такими темпами скоро дойду до ручки. Правда, я еще не понимал, насколько близко подобрался к опасной черте. Когда ко мне обратились оперативники по делу Грин-Ривер, пришлось впихнуть в свой график еще и их.

Я не сомневался, что мой портрет точно описывает убийцу, как, впрочем, не сомневался и в том, что кандидатов найдется множество. К тому же теперь преступник мог быть уже не один. В долгих делах очень велики шансы, что к серии присоединятся и другие исполнители, будь то подражатели или же типичные представители неблагополучного района. Си-Так – настоящее раздолье для маньяков. Если вас вдруг одолеет жажда убивать, обязательно отправляйтесь туда. Проституток там хоть пруд пруди, а коль скоро они заполонили чуть ли не все Западное

побережье от Ванкувера до самого Сан-Диего, никто не станет особенно переживать из-за одной пропавшей.

Я считал, что в данном случае как никогда важно выработать грамотный упреждающий маневр. Например, можно организовать в местных школах публичные обсуждения убийств, раздавать листовки, одновременно записывая номера автомобилей равнодушных посетителей; можно объявить по каналам СМИ о «суперполицейском», который намерен поймать убийцу, и тем самым спровоцировать последнего выйти с ним на связь; запустить статьи о беременной жертве, чтобы вызвать у виновника чувство сожаления и вынудить его объявиться на месте убийства или у ее могилы; установить наблюдение за теми местами преступления, о которых еще не успели раструбить направо и налево; использовать подставных копов, да и много чего еще.

Я отправился в Сиэтл в декабре, прихватив с собой двоих наших новобранцев, Блейна Макилуэйна и Рона Уоке-ра, чтобы дать им возможность попрактиковаться. Это было правильное решение. Не иначе как меня направляло само Провидение, ведь в итоге они спасли мне жизнь.

Когда ребята вышибли запертую на замок и цепочку дверь в мой номер, я был при смерти, в бессознательном состоянии корчась на полу от спазмов, выворачивающих мозг наизнанку.

Я восстановился и вернулся в строй в мае 1984-го. «Убийца с Грин-Ривер» все еще разгуливал на свободе, и я продолжил консультировать следователей. Операция стала одной из самых крупных в истории Америки. Чем дальше продвигалось дело, тем больше я убеждался в том, что в Грин-Ривер орудовало несколько маньяков, в чем-то схожих, но действовавших порознь. Полицейские из Спокана и Портленда принесли мне пакет материалов о еще нескольких убитых и пропавших проститутках, но я не нашел в них явной связи с преступлениями в Сиэтле. А вот в Сан-Диего считали, что аналогичные события в их городе имеют прямое отношение к делу Грин-Ривер. Всего опергруппа расследовала более пятидесяти эпизодов. Круг из более чем тысячи двухсот подозреваемых удалось сузить до восьмидесяти, куда вошли самые разные представители общества. В списке были и бойфренды девушек, и сутенеры, и безымянный проходимец из Портленда, от которого сбежала напуганная его жестокостью проститутка, и даже лесничий из пригорода Сиэтла. Иногда подозрение падало даже на полицейских, и все равно отыскать убийцу по-прежнему не удавалось. К тому моменту я уже не сомневался, что преступников не меньше трех, если не больше.

Нажимая на упреждающую тактику, последний мощный рывок мы сделали в декабре 1988-го. Звезда сериала «Даллас» Патрик Даффи провел двухчасовое телешоу под названием «Облава. Прямой эфир», в общих чертах рассказав о наших поисках. На экранах телевизоров

высветились номера, по которым зрители могли бесплатно позвонить, если у них была какая-то информация об убийце, любые зацепки или наводки. Я вылетел в Сиэтл, чтобы принять участие в шоу, а также рассказать полицейским, как оценивать звонки и задавать нужные вопросы.

На неделе после эфира телефонная компания зафиксировала более сотни тысяч звонков телезрителей, однако пробиться смогли менее десяти тысяч. Еще через три недели ни финансовых ресурсов, ни волонтеров уже не хватало, чтобы справляться с разрывающейся горячей линией. Весьма характерно для дела Грин-Ривер: множество равнодушных людей прикладывали отчаянные усилия по его раскрытию, но помощь пришла слишком поздно.

Долгие годы на стенде в кабинете Грегга Маккрери висела вырезка из комикса. На картинке огнедышащий дракон злобно склонялся над поверженным рыцарем. А ниже – простая до боли подпись: «Порой дракон берет верх».

От реальности никуда не денешься. Всех преступников не переловить. А те, кого наконец удастся поймать, уже успели убить, изнасиловать, замучить, взорвать, сжечь или искалечить невинных. Ни разу преступника не ловили до того, как он совершит задуманное. Это правило и по сей день сохраняет свою актуальность с тех самых пор, когда Джек-потрошитель проник в общественное сознание как первый в мире серийный убийца.

По иронии судьбы, хотя телешоу «Облава» и не помогло раскрыть дело об убийствах в районе Грин-Ривер, в том же году я снова выступил на национальном телевидении, где с помощью инструментария психоанализа определил возможную личность самого известного убийцы всех времен. Так совпало, что передача вышла в день столетней годовщины убийств в Уайтчепеле, совершенных Джеком-потрошителем. Жаль только, что его профайл я составил на сто лет позже.

Жестокие убийства происходили на улицах викторианского Лондона, в мрачном, многолюдном, залитом светом газовых фонарей районе Ист-Энд, между 31 августа и 9 ноября 1888 года. С каждым разом злодей все больше зверствовал и все сильнее уродовал тела жертв после смерти. Ранним утром 30 сентября он всего в течение часа-другого убил двух женщин – неслыханное по тем временам дело. Полиция изучала письма-издевки, напечатанные в местных газетах; ужасы стали достоянием общественности. Несмотря на рвение Скотленд-Ярда, Потрошителя так и не нашли. С тех пор вопрос о его личности вызывает разгоряченные споры, однако, как и в случае с «настоящим» Уильямом Шекспиром, выбор подозреваемых зачастую раскрывает особенности личностей выбирающих, а не самого преступника.

За годы расследования подозреваемыми по делу проходили самые разные люди. Среди них двумя самыми необычными были принц

Альберт Виктор, герцог Кларенский и старший внук королевы Виктории, а также названный в честь отца Эдуард, принц Уэльский (ставший Эдуардом VII в 1901 году после смерти королевы Виктории), тогдашний первый претендент на трон. Считается, что герцог Кларенский умер от эпидемии гриппа в 1892-м, но многие теоретики по делу Потрошителя уверены, что на самом деле он скончался от сифилиса либо был отравлен королевским врачом, таким образом смывшим пятно позора с семьи. Согласитесь, сюжет интригует.

Среди других кандидатур рассматривались: Монтегю Джон Друитт, учитель из школы для мальчиков, подходивший под описания свидетелей; доктор Уильям Галл, главный королевский врач; Аарон Косминский, бедный польский иммигрант, с завидной регулярностью лежавший в местных психиатрических лечебницах; доктор Рослин Д'Онстон Стивенсон, журналист, якобы практиковавший черную магию.

Когда Потрошитель вдруг перестал убивать, версий стало еще больше. Одни считали, что злодей покончил жизнь самоубийством или погиб; другие предполагали, что герцога Кларенского насильно отправили в путешествие. С высоты сегодняшнего опыта лично мне кажется, что убийцу, скорее всего, схватили за какое-то мелкое правонарушение, как и многих других преступников, поэтому зверства и прекратились. Другое тело – сам феномен «потрошения». Характер расчленения жертв в более поздних убийствах указывал, что искать следует человека с опытом в медицине.

В октябре 1988 года в эфир вышло телешоу «Тайная личность Джека-потрошителя». Цель состояла в том, чтобы представить все имевшиеся материалы по делу и улики, а затем предложить экспертам различного профиля проанализировать истинную сущность Джека-потрошителя и разгадать загадку века раз и навсегда. Поучаствовать пригласили и нас с Роем Хейзелвудом. В ФБР считали, что это отличная возможность продемонстрировать нашу работу, при этом не раскрывая содержания дел и судебных заседаний. Передачу, шедшую в прямом эфире целых два часа, вел британский актер, писатель и режиссер Питер Устинов, по ходу дела искренне проникшийся этой темой.

Пусть задача была умозрительной, для нее сохранялись те же правила и запреты, что и в обычном следствии, и наш портрет должен был строго вписываться в имеющиеся улики и другие сведения по делу. По современным стандартам сто лет назад детективы работали весьма примитивно. Я считал, что сегодня Потрошителя нашли бы без особого труда, даже на основании той скудной информации, которой мы располагали. Короче, стоило попробовать. К тому же, если мы рискуем всего лишь насмешить всю страну, а не получить еще одну невинную жертву, можно взяться даже из сугубо спортивного интереса.

Перед эфиром я подготовил портрет, как для любого современного дела, и расписал данные уже привычным мне образом:

Субъект: известен как Джек-потрошитель

Серия убийств

Лондон, Англия

1888

НЦАПЛ – убийство (следственно-криминальный анализ)

За аббревиатурой в последней строчке скрывается Национальный центр по анализу преступлений против личности – комплексная программа, запущенная в Куантико в 1985 году и вобравшая в себя ресурсы поведенческого отдела и отдела следственного сопровождения, СППЛ (компьютерной базы данных по поиску преступников), а также другие группы и команды быстрого реагирования.

По обыкновению, я сначала составил портрет и только потом обратился к возможным подозреваемым. Сколь бы привлекательной с драматической точки зрения ни казалась кандидатура герцога Кларенского, проанализировав все имевшиеся улики, мы с Роем независимо друг друга признали наиболее вероятным убийцей Аарона Косминского.

Как и в деле «йоркширского потрошителя» почти девяносто лет спустя, мы были убеждены в том, что письма с издевкой писал некий мошенник, а не настоящий Джек. Убийца не обладал тем типом личности, который характерен для людей, открыто бросающих вызов полиции. Увечья на телах жертв указывали на психически нездорового, сексуально неполноценного человека, испытывающего ненависть к женщинам в целом. Кроме того, судя по быстрым нападениям исподтишка, наш клиент также страдал от личностной и социальной неполноценности. Он не мог контролировать жертву вербально, уговорить ее следовать за ним. Да и физические обстоятельства преступлений доказывали, что Потрошитель сливался с окружением и не вызывал у проституток подозрений или страха. Скорее всего, это был тихий одиночка, блуждавший по ночам и возвращавшийся на места убийств, а не какой-нибудь верзила-мачо. Без сомнений, полиция уже допрашивала его по ходу расследования. Таким образом, Косминский куда лучше остальных вписывался во все пункты. Что же касается медицинских навыков, якобы необходимых для столь искушенного расчленения и издевательств над трупом, то на самом деле опыт тут не нужен, хватило бы и жажды крови. А мы уже давно выяснили, что убийце достаточно только желания, чтобы совершить над телом жертвы любые зверства, какие ни придут ему в голову. Эда Гейна, Эда Кемпера, Джефффри Дамера и Ричарда Маркетта

не остановило отсутствие медицинского образования, и таких примеров можно привести еще много.

А теперь, пояснив свои умозаключения, мне придется дать задний ход и отступить от своих слов о том, что по прошествии ста лет я могу с уверенностью указать на Аарона Косминского. В конце концов, он лишь один из тех кандидатов, которых нам представили. Но я почти наверняка знаю, что Джеком-потрошителем был человек *того же типа*, что и Косминский. Если бы мы работали над этим делом сегодня, то наш портрет, без сомнения, помог бы Скотленд-Ярду сузить круг подозреваемых и в конечном итоге схватить настоящего убийцу. Вот почему я считаю, что в современных условиях знаменитое преступление мы раскрыли бы без особого труда.

Хотя зачастую мы можем точно указать на конкретного преступника, в некоторых делах следствию порой не хватает улики для ареста и предъявления обвинения. Один из таких случаев – дело «душителя СПУ» из Уичи-то, штат Канзас, промышлявшего в середине 1970-х.

Все началось 15 января 1974 года с убийства семейства Отеро. Тридцативосьмилетнего Джозефа Отеро и его жену Джулию связали и задушили шнуром от оконных жалюзи. Их девятилетнего сына Джозефа-второго нашли в его комнате связанным и с полиэтиленовым пакетом на голове. Одиннадцатилетнюю дочь Джозефину примотали за шею к трубе в подвале. На девочке не было никакой одежды, кроме толстовки и носков. Судя по всему, Отеро убили далеко не спонтанно: телефонный провод был перерезан, его нашли на месте преступления.

Спустя десять месяцев в кабинете редактора местной газеты раздался звонок, и анонимный абонент направил журналистов к некой книге в общественной библиотеке. Записка внутри книги гласила, что субъект берет на себя ответственность за убийство Отеро, пообещав убивать и дальше. Его узнают по кодовой фразе: «Свяжи. Пытай. Убей».

В последующие три года погибли еще три девушки, после чего преступник, так старательно выдумывавший себе прозвище, написал письмо местному телеканалу, приоткрыв немало интересных сведений о себе. «Сколько еще мне нужно убить, чтобы на меня обратили внимание и напечатали мое имя в газетах?» – вопрошал он.

В одном из аналогичных публичных обращений он сравнил себя с Джеком-потрошителем, «сыном Сэма» и «хиллсайдскими душителями» – словом, с жалкими личностями, которые прославились благодаря совершенным преступлениям. Свои действия «СПУ» списывал на «одержимость» и «икс-фактор», из-за чего газеты бурно принялись рассуждать на тему психологической стороны его преступлений.

Он также прикладывал к письмам зарисовки обнаженных женщин, связанных в различных позах для пыток и изнасилования. Хотя эти мерзкие рисунки в газетах не публиковали, мне они дали четкое

представление о личности искомого преступника. Теперь его поимка была лишь вопросом времени и сужения круга подозреваемых.

Как и его кумир Джек-потрошитель, в какой-то момент «СПУ» вдруг перестал убивать. Впрочем, я уверен, что в данном случае дело обстояло иначе: после допроса в полиции преступник занервничал, решив, что ему сели на хвост, и благоразумно решил остановиться, пока у полиции не накопилось достаточно улик, чтобы упечь его за решетку. Хотелось бы верить, что мы его обезвредили, но порой дракон все же берет верх.

Порой дракон берет верх и в наших с вами жизнях. Жертвой становится не только сам погибший – вместе с ним убийство затрагивает и многих других людей. Я далеко не единственный в нашем отделе, кто терял работу из-за проблем со здоровьем и постоянного стресса. Стоит ли говорить о бесчисленных семейных ссорах и пренебрежении родительским долгом?

В 1993-м, спустя двадцать два года совместной жизни, мы с Пэм оказались на грани развода. Скорее всего, мы дали бы разную оценку случившемуся, но кое-что отрицать просто бессмысленно. Я редко, слишком редко бывал дома, а наши дочери Эрика и Лорен, которые нуждались в отцовской поддержке, росли без меня. Даже находясь в Куантико, а не в командировке, я с головой уходил в работу, и Пэм, должно быть, чувствовала себя матерью-одиночкой. Она хлопотала по дому, оплачивала счета, возила детей в школу, встречалась с их учителями, помогала девочкам с домашней работой и вдобавок успевала еще и сама преподавать. Когда в 1987-м у нас родился сын Джед, в отдел приняли новых профайлеров и я уже не так часто разъезжал по командировкам. Должен признать, я счастлив иметь троих умных, любящих, чудесных детей, но у меня не было возможности как следует узнать их, пока я не вышел на пенсию. Куда больше времени я посвящал мертвым детям, совершенно несправедливо обделяя вниманием собственных малышей, родных и живых.

А сколько раз Пэм обращалась ко мне с какой-нибудь мелочью, вроде очередной царапины или ушиба, которые наши отпрыски зарабатывали, грохнувшись с велосипеда! Но я, пребывая в постоянном стрессе, слишком часто огрызался в ответ, пускаясь описывать во всех подробностях изуродованные тела мертвых детей того же возраста, что и наши, и требуя не приставать ко мне со всякой ерундой.

Конечно, надо сохранять умение сочувствовать. Но со временем, как ни старайся, неизбежно вырабатывается иммунитет к менее ужасным событиям, чем те, которые видишь на работе. Как-то раз я сидел за столом с детьми, а Пэм пошла на кухню открыть упаковку продуктов. Нож выскользнул из рук, и жена сильно порезалась, громко вскрикнув. Мы дружно побежали к ней. Но как только я убедился, что ничто не угрожает ни жизни Пэм, ни даже сохранности ее пальца, я стал с интересом

изучать следы крови, мысленно сопоставляя их с теми, что видел на местах убийств. Намереваясь разрядить обстановку, я пошутил: «Смотрите, двигая рукой, мама каждый раз оставляет новый след. Вот так и определяют, что произошло между нападавшим и жертвой». Вряд ли домашним понравилась моя шутка.

Все мы стараемся выработать защитный механизм, чтобы справляться с ужасами, которые видим по долгу службы. Но у защиты есть и обратная сторона. Однаждыловишь себя на мысли, что стал хладнокровным и бессердечным сукиным сыном. Если дома все в порядке, а брак крепок, то и служба дается легче. Но если отношения в семье не ладятся, то любой, даже незначительный стресс-фактор многократно усиливается, обостряя и остальные проблемы. Так случается и у тех, кого мы отслеживаем.

У нас с Пэм был разный круг общения. С ее друзьями я не мог поговорить о том, чем занимаюсь, так что общался только со своими. Я нередко замечал, как скучаю в компании людей, далеких от правоохранительной службы. Меня не интересовали их незатейливые заботы. Когда днями напролет влезаешь в голову то одного убийцы, то другого, уже совершенно безразлично, где у соседа стоит мусорная корзина или в какой цвет он выкрасил забор.

Впрочем, я рад тому, что мы с Пэм сумели остаться добрыми друзьями, пройдя через все невзгоды. Дети живут со мной (кроме Эрики – она теперь в колледже), а с Пэм мы почти все время проводим вместе. Функции родителей мы делим по-честному, то есть пополам. Я счастлив, что не пропустил хотя бы взросление Лорен и Джеда.

Одинокие 1980-е, когда я поначалу был единственным профайлером ФБР на полной ставке – пусть мне и помогали по мере возможности Рой Хейзелвуд, Билл Хагмайер и другие ребята, – остались далеко позади. Теперь в нашем отделе более десяти человек. Этого по-прежнему недостаточно, чтобы справляться со всем объемом работы, но зато позволяет сохранять достаточно близкие отношения как внутри коллектива, так и с местными отделениями полиции, что и стало визитной карточкой нашего *modus operandi*. Со многими шефами полиции и рядовыми следователями мы познакомились еще во время их обучения в Национальной академии. Так, шериф Джим Меттс, которому я помогал в поисках убийцы Шэри Фэй и Дебры Хельмик, и капитан Линда Джонстон, работавшая с Греггом Маккрери по делу об убийстве проституток в Рочестере, были выпускниками Национальной академии.

К середине 1980-х поведенческий отдел разделился на две части. Теперь он состоял из отдела инструктора и поведенческого анализа и отдела следственного сопровождения, в котором я стал руководителем программы криминального психоанализа. Помимо моей программы, в отдел следственного сопровождения входили СППЛ, шефство над

которой после Боба Ресслера взял Джим Райт, и группа инженерного обеспечения. Роджер Дебью возглавил инструктаж, а следственная поддержка досталась Алану Берджессу по кличке Красавчик. (Он никак не связан с Энн Берджесс, но зато ее муж Аллен Берджесс был нашим соавтором в «Руководстве по классификации преступлений». Вот такое совпадение.).

Сколь бы сложной и обременительной во многих отношениях ни представлялась моя работа, мне все же удалось построить весьма успешную карьеру, которой я был вполне доволен. К счастью, мне удалось избегать деятельности, которая неизбежно настигает любого удачливого сотрудника, – административной. Но все изменилось весной 1990-го. На очередном собрании отдела Красавчик Берджесс объявил, что покидает пост начальника отдела и уходит на пенсию. Позже новый заместитель директора Дейв Коль, командир отряда спецназа в Милуоки и мой хороший товарищ, пригласил меня к себе в кабинет и спросил, каковы мои планы.

Я признался, что выгорел до предела и мечтаю о простенькой бумажной работе в отделении где-нибудь на отшибе, где и надеюсь завершить карьеру.

– Не выдумывай, – ответил Коль. – Ты там просто загнешься. Думаю, куда больше пользы ты принесешь на посту начальника отдела.

– Не уверен, что хочу быть начотдела, – возразил я.

В сущности, я уже выполнял часть функций начальника отдела и служил для коллег ходячей энциклопедией, потому что много лет работал на этой стезе. Но на нынешнем этапе карьеры мне совсем не улыбалось утонуть в болоте административной работы. Берджесс был прекрасным начальником и легко справлялся с любыми препятствиями. Под его крылом отдел работал как часы.

– А я хочу, чтобы отделом руководил ты, – заявил Коль. В этом он весь, негибачаемый и напористый.

Но я стремился и дальше помогать следствию, разрабатывать стратегии для суда, добиваться признательных показаний и придумывать кампании по взаимодействию с общественностью. Мне казалось, в этом я неплохо поднаторел. Однако Коль заверил, что у меня получится совмещать обе ипостаси, и назначил на новую должность.

Как я уже не раз упоминал на страницах этой книги, став начальником отдела, я в первую очередь избавился от науки о поведении, заменив название отдела поведенческого анализа на следственное сопровождение. Я хотел дать нашим клиентам, местной полиции, да и всему Бюро четкое представление, что входит – и не входит – в наши приоритеты.

Благодаря помощи и неиссякаемой поддержке Роберты Бидл, нашего начальника отдела кадров, мне удалось увеличить штатное расписание

СППЛ от четырех до шестнадцати человек. Да и в целом отдел рос. Вскоре у нас работали около сорока сотрудников. Чтобы справиться со сложностями руководства, неизбежно возникающими при увеличении личного состава, я ввел систему регионального управления. Теперь каждый агент отвечал за работу с отдельным районом страны.

Я считал, что все наши ребята заслуживают должности старшего сотрудника, но руководство выделило на отдел всего четыре-пять таких ставок. Тогда мы с ребятами договорились, что каждый из них пройдет двухлетнюю программу повышения квалификации, по результатам которой их приравняют к экспертам, то есть к старшим спецагентам с соответствующей зарплатой. Программа включала все курсы Национальной академии по профилю поведенческого анализа, два курса Института патологий ВВС США, курсы по психиатрии и праву в университете Вирджинии (там как раз работал Парк Дитц), а также методику допроса с Джоном Ридом, медицинскую экспертизу в Балтиморе, практику в отделе расследования убийств полиции Нью-Йорка и разработку психологических портретов под шефством одного из региональных кураторов.

С каждым годом мы все активнее выбирались на международный уровень. Например, перед самым выходом на пенсию Грег Маккрери расследовал крупные серии убийств в Канаде и Австрии.

Снаружи казалось, что отдел справляется на ура. Но я, будучи руководителем, знал, что управляю хрупким суденышком, состояние которого целиком зависит от меня. Если кто-то из моих подчиненных уже не справлялся, начинал выгорать, я в нарушение всех правил давал ему небольшой отпуск или вообще освобождал от обязанностей. Отдохнув, они с новыми силами возвращались к труду и показывали куда лучший результат, чем если бы я строго придерживался распорядка. Когда руководишь лучшими из лучших и не можешь вознаградить их материально, надо найти другие способы поощрения.

У меня складывались хорошие отношения и с рядовыми сотрудниками. Когда я увольнялся, они больше всех не хотели меня отпускать. Видимо, тут сказался мой опыт службы в ВВС в качестве вербовщика. Кстати, многие руководители Бюро служили в войсках (и немало мундиров украшают ордена и медали, как, например, у моего последнего САРа Робина Монтгомери), а потому смотрят на вещи глазами военного. Тут нет ничего плохого. Более того, крупные организации не работали бы так эффективно без твердой военной руки. Но я-то начинал с самых низов и потому чувствовал с рядовым персоналом особую связь. Зато и рассчитывать на их помощь я мог куда больше, чем другие руководители.

Многие ошибочно думают, что ФБР похожа на Ай-би-эм: огромная бюрократическая структура, где работает толпа умных, успешных, но взаимозаменяемых мужчин и женщин, напроць лишенных чувства

юмора. Мне же повезло попасть в небольшую команду по-своему уникальных, выдающихся людей. Со временем поведенческий анализ обретал все больший авторитет в правоохранительной службе, и сейчас каждый из нас нашел в общем деле свою нишу, став в ней настоящим специалистом.

На заре нашего исследования Боб Ресслер занимался научными основами, тогда как я был скорее практиком. Рой Хейзелвуд дорос до эксперта по изнасилованиям и убийствам, совершенным на сексуальной почве; Кен Лэннинг считается ведущим специалистом по преступлениям против детей. Джим Риз тоже начинал с профайлинга, но нашел себя в области стресс-менеджмента, внося в нее огромный вклад и помогая офицерам полиции и федеральным агентам справляться с нагрузками. Он даже получил степень доктора наук, написав немало серьезных работ по своей теме, и сегодня его умения пользуются большим спросом во всем правоохранительном сообществе. Джим Райт, придя к нам в отдел, не только взвалил себе на плечи подготовку новых профайлеров, но и стал ведущим экспертом по преследованию – одному из наиболее динамично развивающихся типов межличностных преступлений. Каждый из нас выстроил хорошие отношения с сотрудниками региональных отделений, местной полицией, департаментами шерифов по всей стране. Сегодня, кто бы ни обратился к нам за помощью, он точно знает, с кем имеет дело, и всецело нам доверяет.

Порой новичкам в нашем отделе бывает непросто вписаться в такой «звездный» коллектив, особенно после выхода фильма «Молчание ягнят», привлечшего к нам столько внимания. Мы пытаемся заверить новобранцев, что их бы не пригласили, не будь у них нужных качеств и навыков. Все новые сотрудники имеют богатый опыт следственной работы, а уже на месте, в отделе, проходят двухгодичный курс практической подготовки. Ко всему прочему каждый из них обладает недюжинным умом, интуицией, усердием, внутренней целостностью и уверенностью в себе, наряду с умением слушать и принимать иную точку зрения. Мне кажется, что одна из причин, по которой Академия ФБР лидирует в своей области, – это люди: яркие личности, каждая из которых преследует собственные мечты, отдавая свои таланты на общую цель. И каждая из этих личностей, в свою очередь, своими качествами вдохновляет других. Я искренне верю, что коллегиальность и взаимовыручка, заложенные нами в фундамент отдела, сохранятся и после того, как первое поколение профайлеров отойдет от дел.

На торжественном ужине в честь моего выхода на пенсию в 1995 году в мой адрес было сказано немало добрых слов, тронувших меня до глубины души. Честно говоря, я уже готовился к тому, что мне припомнят все старые грехи, что коллеги воспользуются последним шансом и вывалят на меня ворох претензий, накопившихся у них за долгое время. Позже в туалете мы столкнулись с Джадом Рэем, и он выразил сожаление, что не воспользовался такой прекрасной возможностью.

Впрочем, теперь настал мой черед говорить, и я не упустил шанс произнести все те остроты, которыми вооружился, готовясь отразить так и не посыпавшиеся в мой адрес проклятия. Тем вечером мне не хотелось грузить ребят мудрыми советами, но я надеюсь, что своей речью задел чувствительную струну в их сердцах.

Выйдя на пенсию, я продолжал наведываться в Куантико, время от времени давая консультации и проводя занятия. Коллеги и теперь могут рассчитывать на мою помощь. Я все так же читаю лекции, делюсь солидным двадцатипятилетним опытом, и все так же учу новые поколения проникать в разум убийцы. Пусть я и уволился из ФБР, но вряд ли когда-нибудь смогу совсем бросить работу, которой занимался всю свою жизнь. Увы, дел только прибавляется, и от клиентов по-прежнему нет отбоя.

Меня часто спрашивают, как снизить ужасающую статистику насильственных преступлений. Хотя у нас на вооружении есть целый ряд практических мер, которые можно и нужно применять, я глубоко убежден, что решить проблему преступности удастся только всем миром. Больше полицейских, судов, тюрем, более совершенная техника расследования – все это, конечно, хорошо, но остановить преступность можно только в том случае, если каждый из нас начнет искоренять ее в собственных семьях, среди друзей и коллег. Этот урок мы усвоили на примере других стран, где население куда меньше, чем у нас. Преступность надо рубить на корню. Только такой подход, по моему мнению, и будет эффективным. Преступление – это проблема морали. И разобраться с ней можно только на моральном уровне.

За все годы исследований и практической работы с жесточайшими убийцами мне ни разу не попадался маньяк со счастливым детством в полноценной, здоровой семье. При этом я уверен, что подавляющее большинство преступников осознает свои поступки: они сами делают выбор и должны нести ответственность за него. Глупо утверждать, что человек не отдает себе отчета в серьезности собственных действий просто потому, что он лишь подросток. Даже мой восьмилетний сын Джед давно научился отличать хорошее от плохого.

Однако двадцать пять лет наблюдений также показали мне, что преступниками не рождаются, а становятся. Это означает, что в определенный момент жизни кто-то оказал на человека глубоко негативное влияние, хотя с таким же успехом мог оказать и позитивное. Так что я ни капли не сомневаюсь, что, помимо денег, полицейских и тюрем, больше всего мы нуждаемся в любви. И это отнюдь не банальность, а самый корень проблемы преступности.

Не так давно меня пригласили выступить перед нью-йоркским собранием Американской ассоциации писателей в жанре детектива. Там собралось немало людей, которые устроили мне теплый и радушный прием. Все

эти мужчины и женщины, сделавшие состояние на книгах об убийствах и беспределе, страстно желали выслушать человека, через руки которого прошли тысячи настоящих дел. В сущности, с тех самых пор, как Томас Харрис опубликовал «Молчание ягнят», к нам стали регулярно заходить писатели, журналисты и сценаристы с просьбами поделиться «реальной историей».

Живописуя самые интересные и познавательные дела из своей практики, я вдруг заметил, что аудитория меня не слушает. Писателей слишком сильно задевали детали, с которыми мы с коллегами сталкиваемся каждый день. Я видел, что им уже не хочется знать подробности, да и писать о реальных делах не хочется. Что ж, их можно понять. У нас разная клиентура.

Дракон не всегда берет верх. И мы изо всех сил стараемся сделать так, чтобы это случалось как можно реже. Но зло, воплощением которого он является и с которым я боролся на протяжении всей своей карьеры, просто так не победить. Сначала надо обнажить его истинную сущность. Именно это я и постарался сделать. Я показал зло таким, каким видел его сам.

От авторов

Эта книга – результат усилий целой команды выдающихся специалистов, благодаря талантам и самоотдаче каждого из которых она наконец увидела свет. Общее руководство осуществляла наш редактор Лиза Дрю, а координатором проекта и его «исполнительным продюсером» (и по совместительству женой Марка) выступила Кэролин Олшейкер. С самого начала они были с нами заодно, наделяя нас силами, уверенностью, любовью и добрыми советами, с помощью которых нам удалось довести дело до конца. В равной степени мы глубоко признательны Энн Хенниган, талантливому исследователю, Мэриью Руччи, неутомимой и бесконечно позитивной помощнице Лизы, и нашему агенту Джею Эктону, который первым разглядел потенциал нашей идеи и помог претворить ее в жизнь.

Особенно хочется поблагодарить отца Джона, Джека Дугласа, за его воспоминания и скрупулезность в описании карьерного пути сына, существенно облегчившие организацию работы; отца Марка, Беннетта Олшейкера, доктора медицинских наук, за его советы и наставления по вопросам судебной медицины, психиатрии и права. Нам невероятно повезло с родственниками, любовь и щедрость которых сопровождают нас на протяжении всего жизненного пути.

И наконец, мы хотели бы выразить искреннее восхищение и глубокую признательность уважаемым коллегам Джона по Академии ФБР в Куантико. Создать хронику, изложенную на этих страницах, стало возможным только благодаря их вкладу и личным качествам, поэтому мы

и посвятили им нашу книгу.

Джон Дуглас и Марк Олшейкер Июль 1995